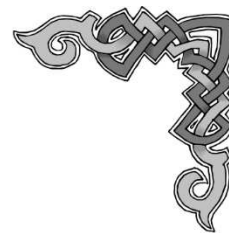

ООО «Наука и образование»

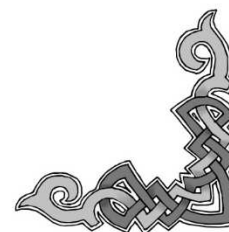
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 3
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 3

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28
тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

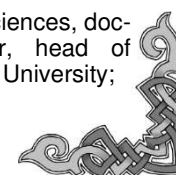
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, член-корреспондент РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, corresponding member REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Демографическая структура населения сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации	15
Артамонова Я.В., Шкуропий О.И., Васильева К.Ш. Тенденции трансформации семьи в современном российском обществе	20
Быченко Ю.Г., Чашкин П.А. Формирование информационной культуры курсантов военного института	25
Вакула И.М., Гафиатулина Н.Х. Пандемия COVID-19: социологический взгляд на трансформацию сфер общественной жизнедеятельности	30
Ветрова Е.А., Кабанова Е.Е. Система управления жилищным фондом: практика города Москвы	35
Гришай В.Н., Шепелин Е.А., Зенин К.А., Корсаков А.Н., Гребенюк Д.В. СМИ как общественный институт и органы власти государства: вопросы взаимоотношений	43
Зенин К.А. Дихотомия разделения властного влияния в пространстве города и деревни: концептуальный анализ взаимоотношений	46
Зотов Е.Д. Форматы организации делового туризма	50
Капустина Н.Н. Консолидация сельского муниципального сообщества: ценностный аспект	53
Каспаров А.Р., Акчурин И.С. Профессиональная этика полицейских как объект социологического анализа	57
Кохан Ж.С., Рыболова Е.А., Толстиков В.А. Историческая память как важнейший компонент общественного сознания	61
Крамчанинова Н.В. Молодёжь в условиях социальных изменений	65
Магаррамов М.Д. Безопасность России сквозь призму современных реалий	69
Охременко И.В. Социальные функции семейного бизнеса в современном обществе	72
Попов М.Ю., Говердовская Е.В., Григорьева Н.В. Советские и российские социологические исследования, посвященные проблемам российских малых городов	76
Попова Т.В. Осмысление системы взаимодействия «телевидение-общество» (на основании концептуализации результатов авторского исследования)	81
Рябцев С.В., Кириллов П.Е., Шимон (Кутепова) Н.В. Перспективы развития дистанционного обучения. Социологический анализ	87
Самыгин П.С., Самыгин С.И., Каспаров А.Р., Тутова Л.Н. Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности в современном российском обществе	92
Тужба Э.Н., Балян Е.В. Мотивация родительского труда в социальных реалиях: восприятие и оценка	99
Тужба Э.Н. Сексуальность Средневековья и Нового времени в концепции М. Фуко: часть 1	102

Шагинян И.А., Медведева Н.П. Особенности влияния Интернет-ресурсов и дистанционных образовательных технологий на процесс вторичной социализации личности студента в период пандемии	106
Шепелин Е.А., Зенин К.А., Ишунин В.А., Тищенко А.В. Двойственный характер взаимоотношений между СМИ и институтами государственной власти	110
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Авакян А.М. Договор страхования в России и Германии	117
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Яланский А.П., Стельмах С.А. Правовое обеспечение информационной безопасности детей и подростков в Интернете	120
Апкаев Д.М., Зыков Д.А., Семенов С.А. Понятие «аффект» в уголовном праве	125
Асланян Р.Г. Структура уголовно-правовой нормы, предписания особенной части и статьи особенной части уголовного закона	129
Вишневецкий К.В. Социальный аспект криминальной виктимологии	136
Габолаев Г.В. Правовые основания законного владения в гражданском законодательстве РФ	141
Гачава М.Л., Мазалева Л.В., Рябчиков В.В. Гуманизация отбывания наказания как одно из условий обеспечения правового положения осужденных в местах лишения свободы	144
Дзукаева Н.Г. Особенности зарубежного уголовного законодательства о соучастии в преступлениях со специальным субъектом	149
Игнатов А.Н. Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 2: индустриальный период	153
Каменский М.А. Особенности гражданско-правового регулирования рекламных договоров	158
Михайлов Д.О. Потерпевший от преступления и судебный штраф	161
Охотников И.С. Особенности возмещения вреда, нанесенного при оказании медицинских услуг в российской гражданско-правовой практике	167
Пачулия Н.А. Особенности квалификации и отграничения хулиганства от смежных составов преступлений	170
Потокин Ю.Н. Влияние римского права на становление института договорного права в романо-германской правовой семье	174
Савин А.А., Мешков Д.Н. Механизм реализации принципа вины в уголовном праве	177
Смирнов А.М. Вопросы уголовно-правового противодействия криминальному обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и обороту фальсифицированных биологически активных добавок	180
Смирнов А.М. Характеристика уголовно-правового противодействия обращению фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и обороту фальсифицированных биологически активных добавок	183

Смирнов А.М. К вопросу об актуальности криминализации обращения на территории Российской Федерации лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок	186
Соловяненко Н.И. Юридические стратегии цифровой трансформации аграрного бизнеса	189
Сумачев А.В., Пузыревский Р.В. Детерминанты суицидального поведения в условиях глобальных ограничений	194
Улитин И.Н. Факультативные признаки субъективной стороны в составе убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга	198
Чимаров С.Ю. Особенности регламентации служебной дисциплины полиции Республики Кабо-Верде в контексте национального права	201
Шаназарова Е.В., Головина Е.Н., Лапшина Н.А. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанными с психическим расстройством	205
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Яланский А.П. Уровень и структура денежных доходов населения в Южном федеральном округе	211
Кирпань Ю.В. Управление инновационными предприятиями с позиций современной экономической мысли	215
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Миронова М.П. Менеджмент безопасности движения как один из критериев качества транспортных услуг	219
Кочербаева А.А., Кошоев Ч.М. Влияние пандемии коронавируса на мигрантов и экономику Кыргызстана	223
Мухоморова И.В. Сверхтуризм и методы снижения туристской нагрузки на дестинации	229
Осипова Е.Ю. Современные методы оценки эффективности управления инновационными компаниями	232
Посаднева Е.М. Оценка имущества некоммерческих организаций	236
Сахбиева А.И. Особенности поведения потребителей в условиях цифровой экономики	238
Червова Н.В., Ивашкин М.В. Российский бизнес и проблема фальсификации товаров: современное состояние и способы решения проблемы	241

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmax, Igor V. Omelchenko Demographic structure of the population of the land areas of the Arctic zone of the Russian Federation	15
Yana V. Artamonova, Olga I. Shkuropy, Christina Sh. Vasilyeva The main trends of family transformation in modern Russian Society	20
Yuri G. Bychenko, Pavel A. Chashkin Formation of information culture of cadets of a military institute	25
Ivan M. Vakula, Natalya Kh. Gafiatulina The COVID-19 pandemic: a sociological look at the transformation of public life	30
Ekaterina A. Vetrova, Elena E. Kabanova Housing stock management system: the practice of the City of Moscow	35
Vladimir N. Grishai, Yevgeny A. Shepelin, Konstantin A. Zenin, Alexander N. Korsakov, Diana V. Grebenyuk Mass media as a public institution and state authorities: relationship issues	43
Konstantin A. Zenin The dichotomy of separation of power influence in the space of the city and the countryside: a conceptual analysis of relationships	46
Evgeniy D. Zotov Formats of business tourism organization	50
Nadezhda N. Kapustina Consolidation of the rural municipal community: value aspect	53
Asker R. Kasparov, Ildar S. Akchurin Professional ethics of police officers as an object of sociological analysis	57
Zhanna S. Kohan, Elena A. Rybolova, Victor A. Tolstikov Historical memory as the most important component of public consciousness	61
Natalia V. Kramchaninova Youth in the context of social change	65
Magarram D. Magarramov Russia's security through the prism of modern realities	69
Irina V. Okhremenko Social functions of family business in modern society	72
Mikhail Yu. Popov, Elena V. Goverdovskaya, Natalia V. Grigorieva Soviet and russian sociological studies on the problems of russian small towns	76
Tatyana V. Popova Understanding of the system of interaction «television-society» (based on the conceptualization of the results of the author's research)	81
Sergey V. Ryabtsev, Pavel E. Kirillov, Natalia V. Shimon (Kutepova) Prospects for the development of distance learning. Sociological analysis	87
Peter S. Samygin, Sergey I. Samygin, Asker R. Kasparov, Larisa N. Tutova Life planning of young people in the conditions of social uncertainty of the modern Russian society	92
Emir N. Tuzhba, Evgeniya V. Balyan Motivation of parental work in social realities: perception and assessment	99
Emir N. Tuzhba Sexuality of the Middle, Ages and Modern Times in the Concept of M. Foucault: part 1	102

Irina A. Shaginyan, Natalia P. Medvedeva Features of the influence of internet resources and remote educational technologies on the process of secondary socialization of the student's personality during the pandemic	106
Yevgeny A. Shepelin, Konstantin A. Zenin, Vladimir A. Ishunin, Alexander V. Tishchenko The dual nature of the relationship between the media and government institutions	110
JURISPRUDENCE	
Alesia M. Avakian Insurance contract in Russia and Germany	117
Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Alexander P. Yalanskiy, Sergey A. Stelmax Internet information security for children and adolescents	120
Damir M. Apkaev, Daniil A. Zykov, Sergey A. Semenov The concept of affect in criminal law	125
Ruslan G. Aslanyan Structure of the criminal law norm, special part prescriptions and articles of the special part of the criminal law	129
Kirill V. Vishnevetskiy The social aspect of criminal victimology	136
Georgy V. Gabolaev Legal grounds for legal possession in the civil law of the Russian Federation	141
Maria L. Gachava, Lyudmila V. Masaleva, Vadim V. Ryabchikov Humanization of serving a sentence as one of the conditions for ensuring the legal status of convicts in places of deprivation of liberty	144
Natalia G. Dzukaeva Features of foreign criminal legislation on complicity in crimes with a special subject	149
Aleksandr N. Ignatov Violence as a fundamental trend in the civilizational development of humankind. Part 2: industrial period	153
Maksim A. Kamenskiy Peculiarities of civil law regulation of advertising contracts	158
Dmitry O. Mikhailov Victim of a crime and a court fine	161
Igor S. Okhotnikov Peculiarities of compensation for damage caused in the provision of medical services in russian civil law practice	167
Nestor A. Pachulia Features of qualification and separation of hooliganism from related offences	170
Yuri N. Potokin The influence of Roman Law on the Formation of the institution of Contract Law in the Romano-Germanic Legal Family	174
Andrei A. Savin, Denis N. Meshkov Mechanism of implementation of the principle of guilt in criminal law	177
Alexander M. Smirnov Issues of criminal legal countering to the criminal treatment of false, sub-quality and unrecorated drugs, medical devices and the turnover of falsified additional activities	180
Alexander M. Smirnov Characteristic of the criminal legal countering to the admission of false, sub-quality and unregistered drugs, medical devices and the turnover of falsified active biological	183
Alexander M. Smirnov To the question of the relevance of the criminalization of treatment in the territory of the Russian Federation of drugs, medical devices and circulation of falsified biologically active supplements	186
Nina I. Solovyanenko Legal strategies for digital transformation of agricultural business	189

Alexey V. Sumachev, Roman V. Puzyrevsky Determinants of suicidal behavior in the context of global constraints	194
Ilya N. Ulitin Optional features of the subjective party in the composition of the murder of a person or his familiars in connection with the performance of the person's office activities or public duties	198
Sergey Yu. Chimarov Features of the regulation of the service discipline of the police of the Republic of Cape Verde: in the context of national law	201
Elena V. Shanazarova, Elena N. Golovina, Nadezhda A. Lapshina Problems of criminal liability of minors with signs of mental retardation not related to a mental disorder	205
ECONOMIC SCIENCES	
Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmax, Alexander P. Yalanskiy The level and structure of the population's cash income in the Southern Federal District	211
Yurii V. Kirpan Management of innovative enterprises from the perspective of modern economic thought	215
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan, Maria P. Mironova Traffic safety management as one of the criteria for the quality of transport services	219
Ainura A. Kocherbaeva, Genghiz M. Koshoev Impact of the coronavirus pandemic on migrants and the economy of Kyrgyzstan	223
Irina V. Mukhomorova Overtourism and methods of reducing the tourist load on destinations	229
Elena Yu. Osipova Modern methods of assessing the effectiveness of management of innovative companies	232
Elena M. Posadneva Valuation of property of non-profit organizations	236
Amina I. Sakhbieva Features of consumer behavior in the digital economy	238
Natalya V. Chervova, Mikhail V. Ivashkin Russian business and the problem of falsification of goods: the current state and ways to solve the problem	241

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
sergej.stelmax@mail.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
igorom111@yandex.ru

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ СУХОПУТНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Население сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации сокращается. В нормативных правовых документах отмечается, что сокращение численности населения является основной угрозой национальной безопасности в Арктике [1]. Основными показателями, характеризующими эффективность реализации государственной политики в Арктике, являются ожидаемая продолжительность жизни при рождении и коэффициент миграционного прироста населения Арктической

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law
and National Security
Russian Academy
of the National Economy
and of the Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmax

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian
Academy of National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
igorom111@yandex.ru

**DEMOGRAPHIC STRUCTURE
OF THE POPULATION OF THE LAND
AREAS OF THE ARCTIC ZONE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The population of the land areas of the Arctic zone of the Russian Federation is decreasing. Regulatory legal documents note that population decline is a major threat to national security in the Arctic. The main indicators of the effectiveness of public policy implementation in the Arctic are life expectancy at birth and the migration rate of the Arctic zone population. The targets for the implementation of the Russian Federation's Arctic Development And National Security Strategy for 2035 are: life expectancy at birth in 2024 is

зоны. В качестве целевых показателей реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года определены: ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2024 году – 78 лет, 2030-м – 80, 2035-м – 82, коэффициент миграционного прироста соответственно – убыль 2,5; 0; прирост 2 [2]. К сухопутным территориям относятся полностью территории Мурманской области, Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономных округов, части территорий Карелии, Коми, Саха (Якутии), Красноярского края, Архангельской области. В статье с использованием опубликованных статистических данных рассматривается демографическая структура населения сухопутных территорий, которые полностью относятся к Арктической зоне.

Ключевые слова: возрастная структура, демографическая нагрузка, коэффициент, миграция, ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость, смертность.

78 years, 2030 – 80, 2035 – 82, migration growth rate, respectively – 2.5; 0; 2. The land territories include the entire territory of the Murmansk region, Nenets, Chukchi, Yamalo-Nenets autonomous districts, parts of the territories of Karelia, Komi, Sakha (Yakutia), Krasnoyarsk region, Arkhangelsk region. The article using published statistics examines the demographic structure of the population of the land areas, which are completely part of the Arctic zone.

Keywords: age structure, demographic load, coefficient, migration, life expectancy, fertility, mortality.

Проведенные ранее исследования указывают на необходимость продолжения реализуемой в Российской Федерации миграционной политики, что, в свою очередь, требует более четкого представления о структуре населения важнейших регионов страны, к которым, безусловно, относятся и регионы Арктической зоны [6].

Численность постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны на 01 января 2020 года составила 2 млн 431 тыс. 518 человек, 1,65 % численности населения страны, 26,66 % численности населения районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним [3]. Это, преимущественно, городское население (2 млн 138 тыс. 852 чел.). Сельских жителей насчитывалось 292 666 человек. Сельское население (41355 чел.) преобладало в Саха (Якутии), горожан было 26297 чел., всего 67652 чел. В городских и сельских населенных пунктах проживало, соответственно, в Карелии 27424 и 13104 чел.; всего 40528 чел., Коми – 72681 и 442 чел.; 73123 чел., в Красноярском крае – 208148 и 21263 чел.; 229411 чел., в Архангельской области – 595304 и 45263 чел.; 684688 чел., в Мурманской области – 683407 и 57997 чел.; 741404 чел., в Ненецком автономном округе – 32538 и 11573 чел.; 44111 чел., в Чукотском – 35974 и 14314 чел.; 50288 чел., в Ямало-Ненецком – 457079 и 87365 чел.; 544444 чел.

Существует очень низкая плотность населения. В Мурманской области на площади 144,9 тыс. кв. км. плотность населения составила 5,1 человека на 1 кв. км., ранг плотности населения по отношению к плотности населения всех регионов равен 64 чел., регионов, входящих в федеральный округ – 7 чел., в автономных округах соответственно: в Ненецком – 176,8 тыс. чел.; 0,2 чел.; 84 чел.; 11 чел., в Ямало-Ненецком – 769,3 тыс. чел.; 0,7 чел.; 80 чел.; 6 чел., в Чукотском – 721,5 тыс. чел.; 0,1 чел.; 85 чел.; 11 чел.

На изменение численности населения оказывают существенное влияние показатели естественного движения и миграции населения. В 2019 году в Мурманской области население сократилось в результате естественной убыли и миграционного оттока. Население увеличилось в Ненецком и Чукотском автономных округах в результате естественного и миграционного прироста, в Ямало-Ненецком – превышения естественного прироста над миграционным оттоком. В Мурманской области убыль населения составила 6652 человека, в том числе за счет естественной (1789 чел.) и миграционной (4853 чел.) убыли. Общий прирост населения в автономных округах был равен соответственно: в Ненецком – 282 чел.; 205 чел.; 77 чел., в Ямало-Ненецком – 2965 чел.; 4283 чел.; миграционная убыль составила 1318 чел., в Чукотском – 625 чел.; 71 чел.; 554 чел.

Доля городского и сельского населения в общей численности населения, число сельских жителей на 1 тыс. горожан были равны соответственно: Мурманская область – 92,18 %; 7,82 %; 85 чел., Ненецкий автономный округ – 73,76 %; 26,24 %; 356 чел., Ямало-Ненецкий – 83,95 %; 16,05 %; 191 чел., Чукотский – 71,54 %; 26,46 %; 398 чел. Прирост или убыль городского и сельского населения характеризуется следующими данными: Мурманская область – убыль 6561 чел. и 91 чел., автономные округа: Ненецкий – прирост 43 чел. и убыль 148 чел., Ямало-Ненецкий – прирост 2825 чел. и 240 чел., Чукотский – прирост 781 чел. и убыль 156 чел.

Ранги показателя численности населения, городского и сельского населения среди регионов федерального округа были следующие: Мурманская область – 7; 6; 9, Ненецкий автономный округ – 11; 11; 10, Ямало-Ненецкий – по всем показателям 6, Чукотский – 11; 11; 10.

Коэффициенты общего прироста на 1 тыс. человек для всего населения, городского и сельского

равны в Мурманской области – убыль 8,9; 9,6; 1,6, в автономных округах: в Ненецком – прирост 6,4; 13,3; убыль 12,7, в Ямало-Ненецком – прирост 5,5; 6,2; 1,6, в Чукотском – прирост 12,5; 21,9; убыль 10,8.

Коэффициенты естественного прироста на 1 тыс. человек и ранги среди регионов федерального округа составили в Мурманской области – убыль 2,4 и 4, в Ненецком автономном округе – прирост 4,7 и 1, в Ямало-Ненецком – прирост 7,9 и 1, в Чукотском – прирост 1,4 и 3. Коэффициенты миграционного прироста на 1 тыс. человек и ранги среди регионов федерального округа равны в Мурманской области – убыль 6,5 и 10, автономных округах: в Ненецком – прирост 1,8 и 5, в Ямало-Ненецком – убыль 2,4 и 5, в Чукотском – прирост 11,1 и 1.

В регионах, за исключением Чукотского автономного округа, мужчин было больше, чем женщин. В Мурманской области на 1 тыс. мужчин приходилось 1079 женщин, в Ненецком автономном округе – 1052, в Ямало-Ненецком – 1016, в Чукотском – 962 [4]. По возрастному составу населения выделяются три категории: моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном и старше трудоспособного. В Мурманской области люди моложе трудоспособного возраста составили 18,6 % от общей численности населения, в трудоспособном – 59,6 %, старше трудоспособного – 21,8 %, в Ненецком автономном округе – 24,5 %; 57 %; 18,5 %, в Ямало-Ненецком – 23,9 %; 64,3 %; 11,8 %, в Чукотском – 22,4 %; 63,1 %; 14,5 %. Коэффициент демографической нагрузки, который показывает количество людей нетрудоспособного возраста на 1 тыс. человек трудоспособного возраста, был равен в Мурманской области 679 чел., в том числе, моложе трудоспособного – 314 чел. и старше трудоспособного возраста – 365 чел., в автономных округах: в Ненецком – 754 чел.; 429 чел.; 325 чел., в Ямало-Ненецком – 555 чел.; 371 чел.; 184 чел., в Чукотском – 585 чел.; 355 чел.; 230 чел.

Естественное движение населения представляет собой совокупность рождений и смертей, изменяющих численность населения естественным путем. В Мурманской области естественная убыль населения составила 1789 человек: родились 6673 и умерли 8462 чел., естественный прирост в Ненецком автономном округе – 205 чел.; 585 чел. и 380 чел., в Ямало-Ненецком – 4283 чел.; 6836 чел. и 2553 чел., в Чукотском – 71 чел.; 525 чел. и 454 чел. [5]. Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного движения населения на 1 тыс. человек населения равны соответственно: в Мурманской области – 9; 11,4; убыль 2,4, в Ненецком автономном округе – 13,3; 8,6; 4,7, в Ямало-Ненецком – 12,6; 4,7; 7,9, в Чукотском – 10,5; 9,1; 1,4. По общим коэффициентам рождаемости и смертности Мурманская область занимала 58 и 24 места, Ненецкий автономный округ – 6 и 9 места, Ямало-Ненецкий – 9 и 3 места, Чукотский – 28 и 11 места [4]. Суммарный коэффициент рождаемости в Мурманской области был равен 1,436, в автономных округах: в Ненецком – 2,176, в Ямало-Ненецком – 1,825, в Чукотском – 1,679. В Мурманской области было

заключено 5063 брака (общий коэффициент брачности – 6,8 на 1 тыс. населения), состоялось 4020 разводов (общий коэффициент разводимости 5,4 на 1 тыс. населения), 794 развода на 1 тыс. браков, в Ненецком автономном округе – 227 (5,2); 176 (4); 775, в Ямало-Ненецком – 3829 (7,1); 2857 (5,3); 746, в Чукотском – 360 (7,2); 247 (4,9); 686 [5]. В Мурманской области 1,2 тыс. детей (18 % к общему числу родившихся) родили не состоявшие в браке женщины, автономных округах: в Ненецком – 221 (37,8 %), в Ямало-Ненецком – 1502 (22 %), в Чукотском – 222 (42,3 %). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении означает число лет, которое, в среднем, предстояло бы прожить одному человеку из гипотетического поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Мурманской области – 71,75 лет, мужчин и женщин – 66,49 и 76,57 лет, в Ненецком автономном округе – 73,19; 67,68 и 78,40 лет; в Ямало-Ненецком – 74,18; 69,39 и 78,61 лет, в Чукотском – 68,09; 64,37 и 72,77 лет. По ожидаемой продолжительности жизни для всего населения, мужчин и женщин Мурманская область занимала 63; 60; 68 места, Ненецкий автономный округ – 32; 34; 29 места, Ямало-Ненецкий – 14; 12; 23 места, Чукотский – 85; 80; 85 места [4].

На 100 тыс. населения смертность в трудоспособном возрасте составила в Мурманской области 556,2 чел., в Ненецком автономном округе – 578,3 чел., Ямало-Ненецком – 336 чел., Чукотском – 801,3 чел. За исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, она оказалась выше среднероссийского показателя (470 чел.). Во всех регионах преобладают умершие люди от болезней системы кровообращения. От внешних причин смерти умерли в Мурманской области 836 человек, автономных округах: Ненецком – 54 чел., в Ямало-Ненецком – 439 чел., в Чукотском – 93 чел. В Ненецком автономном округе преобладало самоубийство, в других регионах – причины смерти, обусловленные алкоголизмом [5]. Коэффициент младенческой смертности на 1 тыс. родившихся живыми в Мурманской области – 5 (51 место), автономных округах: в Ненецком – 1,7 (2), в Ямало-Ненецком – 5,5 (60), в Чукотском – 10,5 (84) [4].

Значительное место в демографической структуре принадлежит миграции населения. В Мурманскую область прибыли 35299 мигрантов, из них, 31186 чел. во внутрисредней миграции: 9858 чел. внутри области и 21328 чел. из других регионов, 4113 чел. в международной миграции, в том числе, 4008 чел. из стран СНГ и 105 чел. из других зарубежных стран [3]. Выбыли 40162 человека: 37272 чел. в пределах страны, из них 9858 чел. внутри области и 27414 чел. в другие регионы, 2890 чел. – в зарубежные страны: 2778 чел. в страны СНГ и 112 чел. в другие страны. Миграционная убыль за счет передвижений равна 4803 чел., в том числе, 6086 чел. в пределах страны с другими регионами, миграционный прирост – 1223 чел. за счет международных передвижений, из них, 1230 чел. со странами СНГ и убыль 7 чел. с другими странами. В Ненецкий автономный

округ прибыли 2477 человек: 2192 чел. во внутри-российской миграции, в том числе, 1201 чел. внутри округа и 991 чел. из других регионов, 285 чел. в международной миграции: 282 чел. из стран СНГ и 3 чел. из других стран. Выбыли 2,4 тыс. чел.: 2269 чел. в пределах страны, из них 1242 чел. внутри округа и 1027 чел. в другие регионы, 131 чел. – в зарубежные страны: 128 чел. в страны СНГ и 3 в другие страны. Миграционный прирост равен 77 чел., в том числе, миграционная убыль – 77 чел. в пределах страны: в округе – 41 чел., с другими регионами – 36 чел., миграционный прирост – 154 чел. за счет международных передвижений со странами СНГ. В Ямало-Ненецкий автономный округ прибыли 32016 мигрантов, из них 27 192 чел. в пределах страны: 6957 чел. внутри округа и 20235 чел. из других регионов, 5824 чел. в международной миграции, в том числе, 5776 чел. из стран СНГ и 48 чел. из других стран. Выбыли 34344 человека: 30456 чел. в пределах страны, из них, 8992 чел. внутри округа и 21464 чел. в другие регионы, 3878 чел. – в зарубежные страны: 3845 чел. в страны СНГ и 33 чел. в другие страны. Миграционная убыль за счет передвижений равна 1318 чел., в том числе, 3264 чел. в пределах страны: 2035 чел. внутри региона и 1229 чел. с другими регионами, миграционный прирост – 1946 чел. за счет международных передвижений, из них, 1931 чел. со странами СНГ и 15 чел. с другими странами. В Чукотский автономный округ прибыли 6029 человек: 5116 чел. во внутрироссийской миграции, в том числе. 1119 чел. внутри округа и 3997 чел. из других регионов, 913 чел. в международной миграции, из них 901 чел. из стран СНГ и 12 чел. из других стран. Выбыли 5475 мигрантов: 5326 чел. в пределах страны, из них 1119 чел. внутри округа и 4027 чел.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 года № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10. Ст. 1317.
2. Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 44. Ст. 6970.
3. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019 году. Статистический бюллетень. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm
5. Естественное движение населения Российской Федерации. 2019. Статистический бюллетень. URL : [tps://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269](https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269).

в другие регионы, 149 чел. – в зарубежные страны: 144 чел. в страны СНГ и 5 чел. в другие страны. Миграционный прирост равен 554 чел., в том числе, была убыль – 210 чел. с другими регионами, миграционный прирост – 764 чел. за счет международных передвижений, из них, 757 чел. со странами СНГ и 7 чел. с другими странами. Общая миграционная убыль по возрастному составу в Мурманской области составила: люди моложе трудоспособного возраста – 529 чел., в трудоспособном – 2207 чел., старше трудоспособного – 2127 чел., в Ненецком автономном округе миграционный прирост – 9 и 91 чел.; убыль 23 чел., в Ямало-Ненецком – прирост 332 чел.; убыль 54 и 1596 чел., в Чукотском – прирост 5 и 618 чел.; убыль – 69 чел. Миграционную убыль в Мурманской области в наибольшей степени обеспечили люди с высшим (2269 чел.) и средним профессиональным (2085 чел.) образованием, в Ненецком автономном округе - средним общим (полным) (60 чел.), в Ямало-Ненецком – с высшим (2106 чел.) и средним профессиональным (2499 чел.), Чукотском – прирост со средним профессиональным (294 чел.).

В международной миграции в регионах Арктической зоны преобладают страны СНГ, из которых большинство мигрантов – из Украины и Таджикистана.

Подводя итоги, следует отметить, что постоянного населения сухопутных территорий Арктической зоны недостаточно для их эффективного освоения. Здесь проживают 19 коренных малочисленных народов, которые нуждаются в поддержке и развитии демографической структуры, сохранении и увеличении их численности.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2020 № 164 «On the Basics of State Policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2035» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2020. № 10. Art. 1317.
2. Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 № 645 «On the Strategy for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national security for the period up to 2035» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2020. № 44. Art. 6970.
3. The number and migration of the population of the Russian Federation in 2019. Statistical bulletin. URL : https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm
4. Regions of Russia. Social and economic indicators. 2020. Statistical compilation. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm
5. The natural movement of the population of the Russian Federation. 2019. Statistical Bulletin. URL : [tps://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269](https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269)

6. *Понеделков А.В.* Современная российская демографическая политика в фокусе общественного мнения (региональный аспект) / А.В. Понеделков, А.М. Старостин, А.В. Карпова // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Ростов-н/Д. : Донское книжное издательство, 2014. С. 13–17.

6. *Ponedelkov A.V.* Modern Russian demographic policy in the focus of public opinion (regional aspect) / A.V. Ponedelkov A.M. Starostin, A.V. Karpova // Socio-political aspects of demographic processes in modern Russia. Materials of the scientific and practical conference with international participation. Rostov-on/D. : Don Book Publishing House, 2014. P. 13–17.

Артамонова Яна Викторовна
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
janaserduchenko@mail.ru

Шкуропий Ольга Ивановна
старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин,
Армавирский механико-технологический
институт (филиал)
Кубанского государственного
технологического университета
olgaskr17@yandex.ru

Васильева Кристина Шамилевна
студентка факультета
информационных технологий
и анализа больших данных,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
kristina.kriste@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Актуальность исследований социального института семьи подчеркивается во многих работах отечественных ученых. В связи с трансформационными процессами, которые происходят в современном обществе, трансформируется и семья. В рамках данной работы авторы статьи обращаются к основным тенденциям трансформации семьи в современном российском обществе. В ходе проведенного анализа авторы работы выявили следующие тенденции: преобладание интимности над репродукцией; принятие сожительства как равноценной формы брака наравне с официальной регистрацией; признание неполной семьи аналогом полной; смена установок на однодетность и чайлдфри; оценка процедуры развода как нормативной.

Ключевые слова: семья, трансформация, трансформационные процессы, ценности, российское общество.

Семья является тем социальным институтом, который влияет не только на воспроизводство населения, но и закладывает фундамент для благоприятных социальных отношений между членами общества.

В связи с этим, для многих ученых социальный институт семьи и тема семейных ценностей

Yana V. Artamonova
Candidate of Sociological Sciences,
Lecturer of the Department
Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
janaserduchenko@mail.ru

Olga I. Shkuropy
Senior Lecturer
of the Departments of Humanities,
Armavir Mechanical
and Technological Institute (branch)
Kuban State
University of Technology
olgaskr17@yandex.ru

Christina Sh. Vasilyeva
Student of the Faculty
Information Technology
and Big Data Analysis,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
kristina.kriste@yandex.ru

THE MAIN TRENDS OF FAMILY TRANSFORMATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Annotation. The relevance of research on the social institution of the family is emphasized in many works of Russian scientists. In connection with the transformation processes that are taking place in modern society, the family is also being transformed. Within the framework of this work, the authors of the article refers to the main trends in the transformation of the family in modern Russian society. In the course of the analysis, the authors of the work revealed the following tendencies: prevalence of intimacy over reproduction; acceptance of cohabitation as an equivalent form of marriage on a par with official registration; recognition of an incomplete family as an analogue of a complete one; changing attitudes to one-child and childfree; assessment of the divorce procedure as normative.

Keywords: family, transformation, transformational processes, values, Russian society.

являются весьма интересными. Значимость социального института семьи состоит в том, что она – это один из важных механизмов социальной самозащиты, передачи опыта и наследования базисных моральных ценностей.

В настоящее время в обществе происходит огромное количество трансформаций, которые

влекут за собой изменения и в социальном институте семьи; мы становимся свидетелями трансформации ценностей и поведения в институте семьи, а также - формирования новых моделей семьи. Например, сегодня молодежь относит семью в разряд инструментальных ценностей [1] и легко относится к незарегистрированным бракам [2]; при формировании семьи люди ориентированы на однодетную модель семьи [3].

Если обратиться к парадигмальным основаниям исследования семьи, то можно отметить, что отечественные социологи активно исследуют семью в рамках двух основных направлений: кризисного [4; 5] и эволюционного [6–8]. По мнению исследователей, которые работают в рамках кризисного подхода, кризис семьи выражен в дисфункциях социального института семьи. Ученые, которые работают в эволюционной парадигме, полагают, что трансформации форм семейных отношений не являются кризисом, а позволяют семье развиваться по-другому.

Проведенный анализ научной литературы по теме данного исследования показывает многоплановость научных направлений: факторы мотивации вступления в брак, функции семьи, образ жизни семьи, жизненные стратегии семьи. В рамках данной статьи мы касаемся вопроса, связанного с трансформационными тенденциями института семьи.

Если рассматривать семью с точки зрения институциональной парадигмы, то формирование семьи – это долгий процесс, в течение которого члены семьи усваивают социальные нормы и правила. В рамках данной парадигмы исследователи изучают семью как систему институционального типа и акцентируют внимание не только на правила и социальные нормы данного института, но и те факторы, которые влияют на формирование семейных отношений.

Очень долгое время в социальном институте семьи не происходили трансформационные процессы или же они были незначительные и протекали медленно. Эта особенность и составляет одну из основных черт традиционной семьи. Но в настоящее время в обществе происходят постоянные изменения, и они отражаются на институте семьи: возникают новые модели семейно-брачных отношений, изменяется сама ценность семьи.

Для того, чтобы описать основные тенденции трансформации семьи в современном российском обществе, обратимся к понятию термина «трансформация». Данная дефиниция стала активно использоваться в научных исследованиях в начале 90-х годов XX века. На наш взгляд, это связано с тем, что именно в этот период времени российское общество стало подвергаться активным изменениям, что обусловило применение трансформационного подхода в научных исследованиях [9].

До начала 1990-х годов термин «трансформация» активно использовался при исследованиях в таких науках, как биология, лингвистика,

архитектура. Как мы уже отметили, с начала 1990-х гг. он стал необходим и для исследований в области социологии [10]. Обращаясь к работам В.В. Локосова, отметим, что трансформация представляет собой процесс изменения социальной системы, в рамках которого происходят кардинальные изменения основных элементов системы под влиянием субъективных факторов [10]. По мнению В.В. Локосова, трансформация – это качественные изменения, что и является основным отличительным признаком трансформации от реформирования. Качественные изменения социальной системы приводят к тому, что система приобретает новые свойства.

Обращаясь к трансформации института семьи, мы должны понять, какой методологический подход будет более удобным для описания основных тенденций трансформации? Трансформацию в своих трудах рассматривал и М.Н. Руткевич, используя при этом диалектический метод. С точки зрения данного метода, трансформация института семьи отражает диалектический характер развития, так как изменения в институте семьи, с одной стороны, это инструмент, при помощи которого сохраняются и передаются ценности и социальные нормы семьи последующим поколениям, а с другой стороны – трансформация демонстрирует ценности и модели поведения, влияющие на разрушение стандартных семейно-брачных отношений.

Помимо диалектического метода, при рассмотрении трансформации семьи стоит обратить внимание на социокультурный подход, поскольку именно он дает возможность более глубоко исследовать изменения норм и ценностей членов семьи в условиях социокультурной трансформации [11; 12].

Исходя из данных подходов, трансформация семьи представляет собой изменение структуры и функций семьи. Ученые-фамилисты считают, что изменения, происходящие в ценностно-нормативном пространстве российского общества, влияют на появление новых типов семей и функции семьи приобретают другие черты [13].

Прежде чем перейти к тенденциям трансформации семьи, необходимо понять, что из себя представляет традиционная семья? Традиционная семья – это семья, которая соответствует традиционным представлениям людей о семье, ее структуре и ценностях [14].

Конечно, в разных культурах и обществах представления о традиционной семье будут отличаться (Э. Гидденс), но, все-таки, существуют и схожие черты в представлениях людей о традиционной семье из разных культур.

Исследователи, которые рассматривают традиционную семью, чаще всего, подразумевают экономическую ячейку, где между мужчиной и женщиной существуют неравные права [15].

В российском обществе под традиционной семьей подразумевается классическая модель советской семьи с такими чертами, как:

- воспроизводство духовно-идеологической системы государства;
- материнская семья;
- воспитательные функции разделены с государством;
- доминирующая роль мужчины.

Можно отметить, что традиционную семью с выше перечисленными чертами можно встретить на Северном Кавказе, так как именно этот регион имеет более сильные традиции в рамках семейно-бытовых отношений. Но и в этом регионе взгляды на семейно-брачные отношения трансформируются [16].

Анализ научно-исследовательской литературы по теме исследования показывает, что в настоящее время в российском обществе происходят трансформации, которые отражаются на семейно-брачных отношениях. Данные изменения – это сочетание традиционного и инновационного.

Существуют следующие тенденции изменений в семье:

- брак превращается в индивидуализированный, что влечет за собой появление множества моделей семьи, так как понимание семьи для каждого человека – это приватное дело;
- одной из ценностей в семейных отношениях является любовь;
- важность эмоционально-чувственной составляющей семейных отношений;
- экономическая самостоятельность женщины;
- важность сексуальных взаимоотношений между супругами не только как функции, связанной с деторождением.

Изменения, происходящие в семье, объясняются учеными с точки зрения «перехода к современному типу семьи на основе разрушения традиционных основ функционирования семьи, сформированных на протяжении исторического, по своей

Литература:

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики) : в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. Т. 1. 416 с.
2. Рощина Я.М. Неформальный брак в России в 2000–2014 гг. / Я.М. Рощина, М.А. Мальцева // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2016. Вып. 6.
3. Демографический прогноз до 2030 года. Федеральная служба государственной статистики URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_1272539112

сути, авторитарного развития российского общества, представляется совершенно закономерным и позитивным явлениям в условиях демократизации всей общественной жизни» [17].

Нельзя не согласиться с позицией А.В. Верещагиной и М.М. Шахбановой, которые утверждают, что возврат к традиционной семье, в принципе, невозможен, так как наблюдается необратимость процессов, которые происходят в институциональном пространстве российской семьи [17].

Таким образом, современные социальные условия диктуют для современной семьи следующие правила: поиск форм и типов семьи, которые будут наиболее эффективными для современных социальных условий. Исходя из этого, современной семье присущи элементы самоорганизации и саморегуляции, и можно наблюдать следующие тенденции в институте семьи [18, 19, 20]:

- преобладание интимности над репродукцией;
- принятие сожителства как равноценной формы брака наравне с официальной регистрацией;
- признание неполной семьи аналогом полной;
- смена установок на однодетность и чайлдфри;
- оценка процедуры развода как нормативной.

Таким образом, трансформация общественной системы способствует появлению новых типов семьи, которые не вытесняют традиционную форму семейных отношений, а сосуществуют с ней. Одной из приоритетных ценностей супружеских отношений становится их качество. Ценность детей и их воспитания тоже трансформируется. Также, происходят изменения в численности семьи – ориентация на нуклеарную семью, уход от расширенной семьи, но сама семья остается для современного россиянина одной из основных ценностей, просто человек выбирает наиболее комфортные для него семейные отношения, которые могут быть отличны от традиционных.

Literature:

1. Gorshkov M.K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics) : in 2 t. Ed. 2nd, rev. and add. M. : New Chronograph, 2016. Vol. 1. 416 p.
2. Roshchina Ya.M. Informal marriage in Russia in 2000–2014 / Ya.M. Roshchina, M.A. Maltseva // Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the Higher School of Economics. 2016. Iss. 6.
3. Demographic forecast until 2030. Federal State Statistics Service URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/doc_1272539112

4. Антонов А.И. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции / А.И. Антонов, С.А. Сорокин. М., 2000. С. 82.
5. Синельников А.Б. Трансформация типа семьи и проблема свободы личности / А.Б. Синельников // Социальная и демографическая политика. 2006. № 2. С. 18–29.
6. Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм / С.И. Голод // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 2. С. 20–38.
7. Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т.А. Гурко. М. : Изд-во Институт социологии РАН, 2013. 210 с.
8. Вишневецкий А.Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? / А.Г. Вишневецкий // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 112–129.
9. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно / В.А. Ядов; Под редакцией В.А. Ядова // Россия трансформирующееся общество. М. : Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. С. 12.
10. Локосов В.В. Трансформация российского общества: социологические аспекты. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2002. С. 41.
11. Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства / А.Л. Андреев // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38–44.
12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. С. 798–800.
13. Верещагина А.В. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. 2014. № 3.
14. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России : монография / А.В. Верещагина. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009. С. 80.
15. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; Пер. с англ. М. : Изд-во «Весь мир», 2004. С. 7–72.
16. Клименко Л.В. Трансформация внутрисемейных отношений в традиционных культурах народов Северного Кавказа / Л.В. Клименко // Семья и брак в условиях модернизации российского общества. Майкоп – Ростов-н/Д: Ред.-изд. отдел АГУ, 2010. С. 96.
17. Верещагина А.В. Формирование новых семейных ценностей и отношений в современном российском обществе / А.В. Верещагина, М.М. Шакбанова // Вестник ДНЦ. 2013. № 50. С. 66.
4. Antonov A.I. The fate of the family in Russia in the XXI century. Reflections on family politics, on the possibility of counteracting the decline of the family and depopulation / A.I. Antonov, S.A. Sorokin. M., 2000. P. 82.
5. Sinelnikov A.B. Transformation of the family type and the problem of individual freedom / A.B. Sinelnikov // Social and demographic policy. 2006. № 2. P. 18–29.
6. Hunger S.I. Family: procreation, hedonism, homosexuality / S.I. Hunger // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2012. Vol. 15. № 2. P. 20–38.
7. Actual problems of parenting in Russia / editor-in-chief T.A. Gurko. M. : Institute of Sociology RAS, 2013. 210 p.
8. Vishnevsky A.G. After the demographic transition: divergence, convergence or diversity? / A.G. Vishnevsky // Social sciences and modernity. 2015. № 2. P. 112–129.
9. Poisons V.A. Yet Russia can be understood with the mind / V.A. Poisons // Russia a transforming society / Edited by V.A. Poison. M. : Publishing house «KANON-press-Ts», 2001. P. 12.
10. Lokosov V.V. Transformation of Russian society: sociological aspects. M. : RITs ISPI RAN, 2002. P. 41.
11. Andreev A.L. Value and worldview aspects of social inequality / A.L. Andreev // Sociological research. 2007. № 9. P. 38–44.
12. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. M. : Astrel, 2006. P. 798–800.
13. Vereshchagina A.V., Samygin S.I. The crisis of the traditional family and alternatives to the development of the institution of the family in Russia: theoretical analysis from the standpoint of a synergetic paradigm // Engineering Bulletin of the Don. 2014. No. 3.
14. Transformation of the institution of family and demographic processes in modern Russia: monograph / A.V. Vereshchagin. Rostov-on/D. : SFedU Publishing House, 2009. P. 80.
15. Giddens E. The Elusive World: How Globalization Changes Our Lives / Trans. from English M. : Publishing house «Ves mir», 2004. P. 7–72.
16. Klimenko L.V. Transformation of intrafamily relations in the traditional cultures of the peoples of the North Caucasus / L.V. Klimenko // Family and marriage in the context of the modernization of Russian society. Maykop – Rostov-on/D. : Ed.ed. Department of ASU, 2010. P. 96.
17. Vereshchagina A.V. Formation of new family values and relationships in modern Russian society / A.V. Vereshchagina, M.M. Shakhbanova // Bulletin of the DNTs. 2013. № 50. P. 66.

18. Карцева Л.В. Какую семью мы можем и должны сохранить (по материалам социологических исследований) / Л.В. Карцева // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1. С. 74–79.

19. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2017. № 8–9. С. 21–25.

20. Zakharova T.Y. Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova, N.H. Gafiatulina, Y.V. Artamonova // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 230–235.

18. Kartseva L.V. What kind of family we can and should keep (based on the materials of sociological research) / L.V. Kartseva // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2017. № 1. P. 74–79.

19. Gafiatulina N.Kh. Social health of a young family: indicators and assessment levels / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social sciences, 2017. № 8–9. P. 21–25.

20. Zakharova T.Y. Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova // State and municipal administration. Scholarly notes. 2019. № 4. P. 230–235.

Быченко Юрий Григорьевич

доктор социологических наук,
профессор,
кафедра гуманитарных и социальных наук,
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск
национальной гвардии
Российской Федерации
bychenkoug@gmail.com

Yuri G. Bychenko

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Department of Humanities
and Social Sciences,
Saratov Military Order of Zhukov
Red Banner Institute
of Troops National Guard
of the Russian Federation
bychenkoug@gmail.com

Чашкин Павел Алексеевич

адъюнкт кафедры
гуманитарных и социальных наук,
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт войск
национальной гвардии
Российской Федерации
p.chashkin@mail.ru

Pavel A. Chashkin

Adjunct of the Department
of Humanities and Social Sciences,
Saratov Military Order of Zhukov
Red Banner Institute
of Troops National Guard
of the Russian Federation
p.chashkin@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА**

**FORMATION
OF INFORMATION CULTURE
OF CADETS OF A MILITARY INSTITUTE**

Аннотация. В данной статье представляется исследование процессов формирования информационной культуры курсантов современного военного института. Обосновывается, что информационная культура курсанта в военном вузе естественным образом коррелирует с социальными процессами в обществе и проявляется в виде информационных ценностей, принципов, норм, традиций, обретаемых курсантами в процессе образовательного развития формальных, а также неформальных информационных практик. Раскрывается содержательная база процесса информационного социокультурного развития курсанта в контексте процессов потребления, систематизации и переработки обучающимися информации.

Annotation. The article presents a study of the processes of formation of information culture of cadets of a modern military institute. It is substantiated that the information culture of a cadet in a military university naturally correlates with social processes in society and manifests itself in the form of professional group information values, principles, norms, traditions acquired by cadets in the process of educational development of formal and informal information practices. The content base of the process of information socio-cultural development of the cadet in the context of the processes of consumption, systematization and processing of information by students is justified.

Ключевые слова: военнослужащие, курсанты, информационная культура, военный институт.

Keywords: military personnel, cadets, information culture, military institute.

Введение. Одной из главных социальных ценностей, объединяющих человечество, является информация. В то время, когда её роль становится решающим фактором развития современного общества, существенным образом меняя образ жизни людей, правомерно ожидать внимание социологии к проблеме овладения социумом информационной культурой как к неотъемлемому атрибуту прогресса. Без её научного анализа невозможно найти решение вопросов развития информационной культуры нынешнего поколения россиян, в том числе, и курсантов военного вуза.

Важность теоретического осмысления и необходимость методологической разработки новых подходов в рефлексии информационной культуры курсантов продиктована тем, что в условиях информатизации общества важнейшей задачей в системе высшего военного образования является подготовка военных кадров, отвечающая современным мировым вызовам. Всё это требует развития у курсантов соответствующей культуры, которая позволит им в ходе обучения опираться на новые информационные технологии, связанные с их будущей профессиональной деятельностью.

Современные социально-экономические условия предъявляют новые требования к подготовке военных профессиональных кадров, к их социальной компетентности, способности в атмосфере нарастания информационных потоков самостоятельно принимать грамотные решения. Между тем, методологические проблемы разработки новых информационных технологий, способных обеспечить эффективное формирование информационной культуры военных кадров и способствующих достижению целевых социальных установок военной организации, функционирующей в общей структуре обороноспособности страны, остаются не изученными. Требуют социологического осмысления межкультурные практики социально-образовательного пространства военного вуза в силу его закрытости, унификации и консерватизма.

Теоретическое обоснование исследуемой проблемы. Понятие «информационная культура» находится в стадии становления и представлено различными трактовками, основой которых выступает её рассмотрение в свете использования новых информационных технологий и связь с такими понятиями, как «компьютерная грамотность», «информационная грамотность», «информационная культура», «сетевая культура». Информационная культура представляет собой комплексный элемент культуры общества. Она проявляется в виде специфических ценностей, принципов, норм, традиций, приобретаемых курсантами в процессе образовательного развития формальных, а также неформальных информационных практик, образовательных отношений обучаемых и обучающихся в военном институте, а также в процессе социокультурной адаптации к требованиям и изменениям внутренней и внешней среды военной организации [1]. Поэтому мы будем понимать информационную культуру курсантов как интегрированность в информационное пространство военного вуза, предполагающую освоение инструментария продуцирования, обработки, поиска, использования информационных данных. Такое освоение не может оставаться лишь характеристикой профессиональных навыков и умений, оно преобразует личность, придает ей новые социокультурные свойства [2]. Именно изменения, связанные с освоением информационной культуры, представляются нам одними из важнейших в процессах модернизации всех структур и институтов российского общества, включая и армию. Информационная культура курсантов военного вуза тесно связана с информационной культурой общества. Существует прямая зависимость информационной культуры курсанта и информационной культуры общества. К настоящему времени стало очевидно, что информационная культура является составной частью жизни современного общества. Она приобрела важное общественно-политическое значение, так как обеспечивает формирование информационных потребностей и оказывает воздействие практически на всю жизнедеятельность человека, на обстановку в различных регионах, на организационные структуры, в том числе, и военные. Исследуя особенности информационных потребностей человека, академик А.И. Берг отмечал: «Прямым опытом доказано, что человек может

нормально мыслить длительное время только при условии непрекращающегося информационного общения с окружающим миром. Полная информационная изоляция от окружающего мира – это начало безумия» [3]. В современных условиях лавинных потоков информации качественный уровень военного образования достигается не количеством знаний, а способностью отыскивать и находить нужную информацию, степенью вовлеченности в информационную деятельность, культурой управления информацией [4]. В этой связи, актуализируется проблема формирования информационной культуры обучающегося как к обязательной составляющей учебного процесса в военном вузе [5]. Данная проблема становится общей для высшей военной школы.

Таким образом, информационная культура курсанта – это интегральное, динамичное, относительно самостоятельное явление, отражающее уровень развития общей культуры и личностных качеств, связанных с нормами и традициями армейского менталитета: секретностью, дисциплинированностью, иерархической системой подчиненности и стереотипом поведения. Она обеспечивает успешное решение служебно-боевых задач и является важным фактором военно-профессиональной деятельности и социальной защиты личности в информационном обществе.

Современное образовательное пространство военного вуза выступает социальным механизмом для преобразования накопленных информационных ресурсов в значимые для курсантов общекультурные и профессиональные компетенции. Здесь информационная культура курсанта проявляется в следующем перечне показателей:

- 1) базового уровня (ценности, нормы, мотивы осуществления информационной деятельности) [6];
- 2) дополнительного уровня. Он состоит из трех комплексов: информационного образования (уровня формального информационного образования, показателей информационной переподготовки), социокультурного (совершенствование информационных потребностей, способностей, норм, поведенческих принципов) [7];
- 3) практически-трудового уровня (карьера, трансформация эффективности военно-информационной служебно-трудоовой деятельности).

Особое значение отводится информационной культуре курсантов как социальному феномену, обладающему достаточным иммунитетом, позволяющим сохранять консервативные традиции военного образования. Инструментами обеспечения такого иммунитета служат бюрократические структуры, армейские стереотипы поведения, языковые нормы и стандарты, существование профессиональных групп (прежде всего, в низшем начальствующем составе), для которых консерватизм представляется как условие их выживания.

Существуют отличия между развитием системы гражданского образования и военного. Данное

различие проявляется в различных темпах ввода инноваций, использования компьютерных технологий в образовательном процессе, в приоритете воспитательно-патриотических процессов над учебными. Закрытость системы военного образования и, присущий ей консерватизм, не позволяет оперативно реагировать на меняющееся информационное поле коррекцией содержания военного образования. Курсанты поставлены в более жесткие социокультурные рамки, чем их сверстники – студенты гражданских вузов. У них меньше свободного времени на самообразование, поскольку их жизнедеятельность регламентируется общевоинскими уставами и подчинена строгому выполнению распорядка дня военного вуза. Курсанты как образованная социально-культурная группа особенно остро ощущают происходящие перемены, связанные с проведением реформы в системе высшего военного образования. Это приводит к ревизии прежних традиций и ценностей профессионального становления будущего офицера, к изменению инструментов их реализации, приоритету стратегии развития общекультурных и информационно-профессиональных компетенций.

Таким образом, информационная культура курсантов в военном вузе естественным образом коррелирует с социальными процессами в обществе и проявляется в виде информационных ценностей, принципов, норм, традиций, обретаемых курсантами в процессе образовательного развития формальных, а также, неформальных информационных практик. Она динамична, постоянно видоизменяется в зависимости от происходящих событий, реакции образовательной системы на эти события. Социальная среда развития информационной культуры курсантов обусловлена трансформацией системы базовых ценностей, которые под влиянием комплекса факторов (глобализационного, интеграционного, социально-экономического) характеризуются противоречивым сочетанием традиционных, присущих только военным, и стихийно формирующихся социально-индивидуалистических ценностей. Курсанты являются носителями информационной культуры, принятой в современном обществе, но и имеют свою специфику, выраженную в особенностях военной профессии, основанной на закрытости, режиме секретности, в системе оценок поведения военнослужащего на службе (дисциплинированность, исполнительность, профессиональная компетентность, коммуникационная культура).

Эмпирическая база исследования включает в себя эмпирическое исследование «Современные средства массовой коммуникации и компьютерная грамотность», проведенное в 2016–2017 годах среди курсантов первого и пятого курсов Саратовского военного института внутренних войск МВД России (СВИ). При формировании выборки применялась случайная стратифицированная выборочная совокупность. Размер выборочной совокупности $N = 556$.

3. Социологическая диагностика информационной культуры курсанта.

Сегодня компьютерные технологии и Интернет широко внедряются в систему высшего военного образования, увеличивая степень информационной активности и изменчивости субъекта обучения. Информационный потенциал сегодня понимается как потенциальная способность личности курсанта к осуществлению качественного преобразования самосознания, ведущего за собой развитие информационной культуры. Всемирная сеть Интернет как глобальная информационно-коммуникационная социотехническая система оказывает воздействие на развитие информационной культуры курсантов, прежде всего, трансляцией культурных образцов через чаты, социальные сети, специализированные форумы. При этом пользователи Интернет в поиске информации стали активно переходить от традиционных каналов СМИ к Интернет-каналам. Наиболее популярным занятием среди курсантов является поиск информации об армии – 46,2 %. Среди других популярных активностей: спорт (17,5 %), достижения науки и военная техника (22,7 %), блоги и форумы (31,2 %). Анализ данных эмпирического исследования показал, что для 46,2 % курсантов 5-го курса и 28,6 % курсантов 1-го курса Интернет стал основной информационной средой, понизив значимость традиционных каналов массовой коммуникации, таких как: печать, радио, телевидение.

Можно констатировать, что информационная культура курсантов внешне проявляется не только в ценностях, нормах осуществления информационной деятельности, но и в мотивах её реализации. Сама ценность информационного ресурса определяет, с одной стороны, потребности обучаемых в результативном получении необходимых знаний, с другой стороны, потребности реализации компьютерных технологий, как в научном, так и в учебном процессе. В этой связи, мотивы использования информационных технологий в учебных практиках можно условно объединить в три относительно независимые группы.

Первая – группа курсантов определяет мотив применения компьютерных технологий как фактор, обеспечивающий рост эффективности учебной деятельности. К данной группе относится 37 % представителей выпускного (пятого) курса и 28 % первокурсников.

Вторая – группа курсантов определяет мотив применения компьютерных технологий как привлекательный вид деятельности. Данных курсантов необходимо отнести к потребителям, ориентирующимся на развлечение и получение удовольствия от работы с информацией. К данной группе относится 23 % представителей выпускного (пятого) курса, 39 % первокурсников.

Третья – группа курсантов определяет мотив применения компьютерных технологий как престижного вида деятельности. Важным фактором здесь является «престижность» модели компьютера, мода, новизна работы. К данной группе относится 39 % представителей выпускного (пятого) курса, 33 % первокурсников. Для данной группы важным

является современная образовательная доктрина, реализация профессиональных новаций, участие в процессах модернизации военной организации России.

В системе военного образования внедряется опыт инновационной научной деятельности, обновляются методы и формы обучения, а также – воспитания. Повседневное применение систем информатизации в научно-образовательных процессах современного военного института представляет собой не только фактор развития информационной культуры курсантов, но и механизм технического инновационного прогресса военной организации, условие реализации научно-творческого и духовного потенциала курсанта.

4. Заключение: выводы, обобщения, рекомендации. В процессе обучения в военном вузе у будущих офицеров целенаправленно развивается информационная культура. Это обуславливает связь между динамикой информационной культуры курсантов и условиями образовательного процесса. Развитие информационной культуры курсантов определяется социальными изменениями, институциональным и технологическим обновлением сети Интернет, а также, процессами внутренней самоорганизации курсантов в условиях военного вуза. Можно констатировать, что использование в образовательном процессе компьютерных технологий является атрибутом развития курсантской информационной культуры. В результате внедрения компьютерных технологий значительно увеличивается объём и многообразие информации, что в обстановке усложнения социальной структуры, разнообразия стилей жизни и потребления оказывает прямое влияние на культурное развитие курсантской аудитории.

Литература:

1. *Баландина Т.М.* Современные социальные технологии обновления организационной культуры / Т.М. Баландина // Экономические, институциональные и технологические проблемы повышения конкурентоспособности национальной экономики в условиях внешних вызовов. Саратов : ССЭИ, 2015. С. 22–23.
2. *Баландина Т.М.* Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия / Т.М. Баландина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 166–169.
3. *Берг А.И.* Кибернетика и общественные науки. Методологические проблемы науки. М.; Л. : Энергия, 1964. 64 с.
4. *Немоляев В.В.* Многофакторная социологическая оценка профессиональной культуры / В.В. Немоляев // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1(52). С. 86–93.
5. *Грибакина Н.А.* Формирование социального института военного образования в России / Н.А. Грибакина // Социология образования. 2008. № 4. С. 22–33.

В результате исследования было установлено, что 46,4 % курсантов 1-го курса желают осваивать новые информационные технологии. На пятом курсе таких было уже 65,2 %. Сравнив обе возрастные группы, можно сделать вывод о том, что к пятому курсу процент курсантов, понимающих и приоритетно разделяющих ценность освоения информационных технологий, растёт. Последнее представляет собой социально-культурную и профессиональную адаптивность курсантов к изменяющимся условиям внешней среды.

На основе выше представленного анализа можно сделать ряд выводов:

1. Социальные механизмы развития и воспроизводства информационной культуры в системе высшего военного образования способствуют социальному изменению уровня информационной культуры курсантов.
2. Под воздействием процессов глобализации и усиливающейся роли всемирной сети Интернет происходят изменения в социальном портрете современного поколения курсантов. Это обстоятельство закономерно приводит к появлению новых компетенций для выпускников военных вузов и повышению требований к высшему военному образованию.

Первостепенной задачей современного военного вуза наряду с профессиональным обучением и воспитанием в новых условиях должно стать – становление потенциала информационной культуры будущих офицерских кадров. Ведь никакие информационные технологии, сами по себе, не смогут полностью заменить офицера в его военно-профессиональной деятельности.

Literature:

1. *Balandina T.M.* Modern social technologies for updating organizational culture / T.M. Balandina // Economic, institutional and technological problems of increasing the competitiveness of the national economy in the face of external challenges. Saratov : SSEI, 2015. P. 22–23.
2. *Balandina T.M.* Social communications in the system of organizational culture of the enterprise // T.M. Balandina // Izvestia of the Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science. 2017. Vol. 17. № 2. P. 166–169.
3. *Berg A.I.* Cybernetics and Social Sciences. Methodological problems of science. M.; L. : Energy, 1964. 64 p.
4. *Nemolyaev V.V.* Multifactorial sociological assessment of professional culture / V.V. Nemolyaev // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2016. № 1(52). P. 86–93.
5. *Gribakina N.A.* Formation of the social institution of military education in Russia / N.A. Gribakina // Sociology of education. 2008. № 4. P. 22–33.

6. *Немоляев В.В.* Профессиональная культура как социальный феномен / В.В. Немоляев // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2(47). С. 81–86.

7. *Быченко Ю.Г.* Развитие профессионального потенциала военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту / Ю.Г. Быченко, Т.М. Баландина // Вестник ННГУ. Серия. Социальные науки. 2019. № 4(12). С. 116–122.

6. *Nemolyaev V.V.* Professional culture as a social phenomenon / V.V. Nemolyaev // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2015. № 2(47). P. 81–86.

7. *Bychenko Yu.G.* Development of the professional potential of military personnel who entered military service under a contract / Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // Vestnik NNSU. Series. Social sciences. 2019. № 4(12). P. 116–122.

Вакула Иван Михайлович

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
mvarula@gmail.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

**ПАНДЕМИЯ COVID-19:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СФЕР
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. Пандемия COVID-19, охватившая все мировое сообщество и ставшая одним из серьезных экзистенциальных глобальных рисков, повлекла за собой кардинальные изменения всех сторон жизненного уклада общественности: от функционирования государств и социальных институтов в нем, до изменения жизни каждого индивида. Статья посвящена социологическому осмыслению трансформационного влияния пандемии COVID-19 на основные сферы общественной жизнедеятельности. Глобальными трендами пандемического кризиса становятся телемедицина, образование онлайн, формат удаленной работы, социально-экономическая трансформация общества. Делается вывод о необходимости действенных мер по снижению трансформационных изменений основных сфер общественной жизнедеятельности.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, общественная жизнедеятельность, трансформация, российское население, общество, система здравоохранения, сфера образования, формат удаленной работы, социально-экономические трансформации.

Пандемия COVID-19, охватившая все мировое сообщество и ставшая одним из серьезных экзистенциальных глобальных рисков, повлекла за собой кардинальные изменения всех сторон жизненного уклада общественности: от функционирования государств и социальных

Ivan M. Vakula

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and socio-economic disciplines,
Rostov Law Institute
Ministry of the Interior
of the Russian Federation
mvarula@gmail.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student of the Department
Regional Sociology
and Modeling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

**THE COVID-19 PANDEMIC:
A SOCIOLOGICAL LOOK
AT THE TRANSFORMATION
OF PUBLIC LIFE**

Annotation. The COVID-19 pandemic, which has engulfed the entire world community and has become one of the greatest existential global risks, has brought about dramatic changes in all aspects of the public life, from the functioning of states and social institutions in it to the change in the lives of every individual. The article is devoted to the sociological understanding of the transformational impact of the COVID-19 pandemic on the main spheres of public life. Telemedicine, online education, the format of remote work, and the socio-economic transformation of society are becoming global trends in the pandemic crisis. The conclusion is made about the need for effective measures to reduce transformational changes in the main spheres of public life.

Keywords: COVID-19 pandemic, public life, transformation, Russian population, society, health care system, education, remote work format, socio-economic transformations.

институтов в нем, до изменения жизни каждого индивида [1].

Сегодня появляется все больше публикаций, посвященных теме пандемии COVID-19, в которых отражается картина смысложизненных транс-

формаций и изменений сфер общественной жизнедеятельности [2; 3]. Пандемический кризис, по мнению А.А. Озерова, «внес и продолжает вносить дестабилизирующий вклад в российское общество, оставляя отпечаток на мировоззрении населения, изменяя общепринятые воззрения общества на мир и смысл существования» [3, с. 68].

Пандемия COVID-19 привела к ускоренной и масштабной модернизации технологий дистанционной коммуникации одновременно по многим направлениям, связанным с изменениями глобальных трендов в рамках различных сфер общественной жизнедеятельности. Как подчеркивают В.А. Зернов, А.Ю. Манюшис и др., пандемия COVID-19 осуществила тройной удар по функционированию здравоохранения, образования, а также по социально-экономическому развитию – по доходам населения [4].

Таким образом, происходит трансформация жизненно важных сфер общественной жизнедеятельности, в рамках которой глобальными трендами (ранее неприоритетными) становятся телемедицина, образование онлайн, формат удаленной работы.

Какие же изменения сфер общественной жизнедеятельности повлекла за собой пандемия COVID-19? Какие новые вызовы она бросила обществу?

Начнем, пожалуй, с такой жизненно важной сферы социальной жизнедеятельности, как система здравоохранения.

Актуальная для XX в. концепция здравоохранения, трактовавшая здоровье в качестве отсутствия болезни, и налагавшая ответственность за эффективное предотвращение болезни или восстановление здоровья специалистам в рамках медико-защитной сферы [5], в социальных реалиях, связанных с пандемией COVID-19, утратила свой смысл и трансформировалась.

Концепция нового понимания здоровья, активизирующаяся в период пандемии, провозглашает идею личной ответственности индивидуума за формирование, сохранение и поддержание уровня своего здоровья и ратует за продвижение телемедицины. Как подчеркивает А.С. Захарова, благополучное состояние здоровья индивида представляется целью, которая достигается за счет его осознанного и активного формирования «правильных» привычек. «Оптимизация внешней среды, превенция болезни, постоянное совершенствование показателей здоровья становятся возможными с помощью селф-трекинга – самостоятельного отслеживания биометрических показателей человека, которое становится все более точным и эффективным благодаря цифровым технологиям» [6, с. 51]. Радикально меняется работа системы здравоохранения, обнаруживается переход к телемедицине, которая определяется как «предоставление медицинских услуг на расстоянии», что включает в себя медицинские консультации посредством видеоконференции, введение электронных историй болезни и дистанционной передачи медицинских данных [7].

Однако именно здесь и кроется очевидная опасность и угроза общественной жизнедеятельности. В числе общепризнанных проблем телемедицины следует выделить:

– отсутствие фундаментальных исследований и испытаний электронных медицинских инструментов;

– отсутствие знаний и уверенности в решениях электронной системы здравоохранения;

– региональные различия в доступе к услугам телемедицины;

– «отсутствие образовательных стандартов и самого образования для врачей по вопросам телемедицины» [7, с. 107].

По мнению Е.Г. Нима [8], различные мобильные приложения предоставляют только количественные показатели здоровья населения, которые сегодня, к сожалению, воспринимаются как более надежные и объективные по сравнению с телесно-чувственным опытом, по совершенно справедливому замечанию Д.В. Михеля, превращаясь в неотъемлемую часть общественной жизнедеятельности человека вследствие процессов «медицилизации повседневности» [9], устройства для селф-трекинга представляют собой инструменты поощрения всестороннего социального надзора и тотального контроля.

Другой важной социальной сферой жизнедеятельности общества, которую потрясли трансформационные изменения, связанные с введением ограничительных мер в период пандемии COVID-19, – это сфера образования, оказавшаяся в принципиально новой, стрессогенной ситуации, связанной с запуском трансформации образовательного процесса, когда вся образовательная деятельность стала переводиться в удаленный формат, предполагающий организацию обучения с использованием дистанционных образовательных технологий.

Пандемия COVID-19 стала глобальным вызовом, повлекшим за собой переход образовательных учреждений на принципиально инновационную – организацию своей деятельности, включающую «обеспечение качественного образовательного процесса на основе дистанционных образовательных технологий; обеспечение удаленного функционирования самой образовательной организации как объекта управления» [4, с. 307].

С точки зрения А.В. Плотникова, в условиях пандемии резко произошла глубокая трансформация сферы образования в результате снижения академической мобильности студентов, ослабления партнерства между высшими учебными заведениями, обнаружился «серьезный разрыв в технической грамотности и оснащенности преподавателей и студентов» [10, с. 41]. Новые вызовы не просто осложнили, но и трансформировали функционирование всей системы образования.

И.Р. Гафуров и его коллеги подчеркивают, что в условиях перевода обучения в онлайн-формат существенно ограничились возможности

реализации воспитывающей и развивающей функции обучения; возможности непосредственного взаимодействия всех участников образовательного процесса [11].

Следующей сферой жизнедеятельности, реально ощутившей влияние пандемии и трансформировавшей формат трудовой деятельности, стала удаленная (дистанционная) работа как тренд пандемийного времени.

Удаленная (дистанционная) работа сегодня определяется как особая форма организации трудового процесса, при котором штатные сотрудники той или иной организации исполняют свои профессиональные обязанности за пределами привычного рабочего пространства, а главные коммуникации в рамках профессионально-трудовой деятельности осуществляются с помощью цифровых технологий, ранее не имевших повсеместного распространения [12, с. 129].

С момента объявления пандемии были проведены исследования, со всей очевидностью вскрывшие проблемы, с которыми столкнулось население в формате удаленной работы:

– недостатки организации рабочего места и самого трудового процесса на дистанции, отсутствие оперативной обратной связи и непосредственной профессиональной коммуникации в процессе решения рабочих вопросов;

– трудности самоорганизации в связи со сложностями совмещения личной и профессиональной жизнедеятельности;

– присутствие различных отвлекающих и мешающих плодотворной работе факторов (неподобающее оснащение рабочего места, плохое качество связи, трудности концентрации внимания на работе в домашней атмосфере, присутствие детей, других членов семьи, увеличение психоэмоциональной нагрузки и пр.) [12, с. 134].

Что же касается преимуществ работы в удаленном формате, то большинство исследователей подчеркивают буквально два-три: отсутствие финансовых затрат на дорогу и питание в офисе, высвобождение времени на дорогу и гибкий график работы.

Еще одним проблемным моментом для успешной адаптации к удаленному формату работы является уровень владения сотрудниками цифровыми технологиями и эффективность деятельности в удаленном формате. Согласно исследованиям И.М. Гуровой, порядка 50 % работодателей отметили снижение качества работы. Кроме того, обнаружены изменения, происшедшие в продолжительности трудового дня в удаленном формате: оно значительно увеличилось по сравнению со стандартным временем. При этом вопросы организации рабочего процесса самими руководителями были отнесены к недостаткам удаленного режима работы [12].

Влияние пандемии COVID-19 сказалось и на российской экономической сфере, причем по прогнозам специалистов, ожидаются существенные затруднения: уменьшение инвестиций, рост инфляции, падение мировых цен на определенную часть товаров, «прогнозируемое падение экспорта и импорта в результате рецессии мировой экономики составит 12,5 %». По мнению А.Н. Шеремет, бедность – это важный экономический аспект современной пандемии COVID-19, произошел «вирусный» скачкообразный рост социально-экономического неравенства. «Социальные группы, находящиеся у основания пирамиды, вирус поражает гораздо сильнее», «реальные располагаемые доходы населения России упали на 8 % в годовом выражении» [13, с. 140].

Отвечая на вопрос: Какие социально-экономические трансформации ожидают общество? исследователи полагают, что трансформации коснутся будущей строгой экономики на затратах и уменьшении количества работников; речь идет о безработице как социальном вызове и угрозе; о торговле без аренды и рост объемов услуг по доставке товаров [14]; «о перезагрузке государства; о новой медицине и морали; расцвете университетов – глобальных распределенных, университетов-интеграторов» [13, с. 140]; об углублении социального неравенства в связи с введением цифровых технологий и цифровизации ведущих сфер социальной жизнедеятельности [15; 16].

В целом, для понимания и прогнозирования влияния пандемии на сферы социальной жизнедеятельности и общество, в целом, необходимо принять во внимание тот факт, что не только Россия, но и подавляющее большинство стран вошли в эпоху COVID-19 с низким уровнем институционального доверия [17]. Как российские, так и международные исследования свидетельствуют о том, что большинство населения уже не верит в то, что жизнь станет лучше [16; 17; 18; 20].

Таким образом, глобальная ситуация, связанная с пандемией, указала на трансформационные изменения, происшедшие в различных сферах общественной жизни: экономической, здравоохранительной, образовательной, социальной. Отсутствие действенных мер по снижению трансформационных изменений основных сфер общественной жизнедеятельности, отсутствие эффективных мер по борьбе с избыточным социальным неравенством, способно повлечь за собой не только социальную нестабильность и протестные настроения, но и ограничить возможности человеческого развития, что, в целом, угрожает национальной безопасности [19].

В связи с этим, новую актуальность обретает интеграция усилий научного сообщества и общественности для поиска путей преодоления трансформационного влияния пандемии на все сферы социальной жизни.

Литература:

1. Волков Ю.Г. Социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды посткоронавирусного мира / Ю.Г. Волков, В.И. Курбатов // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42). № 2. С. 17–32.
2. Гафиатулина Н.Х. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Н.Х. Гафиатулина [и др]. М., 2020.
3. Озеров А.А. Смыслжизненный компонент российского социума в условиях пандемии COVID-19 / А.А. Озеров // Власть. 2020. № 6. С. 67–72.
4. Зернов В.А. Образовательное пространство России после пандемии: вызовы, уроки, тренды, возможности / В.А. Зернов [и др]. // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. С. 304–321.
5. Кляйнеберг М. Болезнь и здоровье в эпоху велнеса, селф-трекинга и самооптимизации на пути к обществу здоровья? / М. Кляйнеберг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. №1. С. 21–22.
6. Захарова А.С. Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития / А.С. Захарова; Отв. ред.: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков // Материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения. СПб., 2020. С. 51–52.
7. Максимов И.Б. История, анализ состояния и перспективы развития телемедицины / И.Б. Максимов [и др.]. // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2018. С. 103–110.
8. Ним Е.Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры / Е.Г. Ним // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 172–192.
9. Михель Д.В. Персонализированные лекарства: идеология, маркетинг и социальные последствия распространения / Д.В. Михель // Философско-антропологические основания персонализированной медицины (междисциплинарный анализ). 2017. С. 7–25.
10. Плотников А.В. Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 4(46). С. 40–44.
11. Гафуров И.Р. Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки / И.Р. Гафуров [и др]. // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 101–112.
12. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта / Гурова И.М. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 2. С. 128–147.

Literature:

1. Volkov Yu.G. Sociology of a pandemic: domestic and foreign scenarios and trends in the post-coronavirus world / Yu.G. Volkov, V.I. Kurbatov // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9 (42). № 2. P. 17–32.
2. Gafiatulina N.Kh. Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic : monograph / N.Kh. Gafiatulina [et al.]. M., 2020.
3. Ozerov A.A. The life-meaning component of Russian society in the context of the COVID-19 pandemic // Power. 2020. № 6. P. 67–72.
4. Zernov V.A. Educational space of Russia after the pandemic: challenges, lessons, trends, opportunities / V.A. Zernov [et al.] // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. 2020. Vol. 223. P. 304–321.
5. Kleineberg M. Disease and Health in the Age of Wellness, Self-Tracking and Self-Optimization Towards a Health Society? / M.Kleineberg // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2018.Vol. 34. № 1. P. 21–22.
6. Zakharova A.S. Digital society – a new format of social reality: structures, processes and development trends / A.S. Zakharova; editor-in-chief: N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov // Materials of the All-Russian Scientific Conference XIV Kovalev Readings. SPb., 2020. P. 51–52.
7. Maksimov I.B. History, analysis of the state and prospects of development of telemedicine / I.B. Maksimov [et al.] // Journal of telemedicine and e-health. 2018. P. 103–110.
8. Nim E.G. Self-tracking as the practice of quantification of corporeality: conceptual contours / E.G. Nim // Anthropological forum. 2018. № 38. P. 172–192.
9. Mikhel D.V. Personalized medicines: ideology, marketing and social consequences of distribution / D.V. Mikhel // Philosophical and anthropological foundations of personalized medicine (interdisciplinary analysis). 2017. P. 7–25.
10. Plotnikov A.V. Service theory and practice: economics, social sphere, technology. 2020. № 4(46). P. 40–44.
11. Gafurov I.R. Transformation of education in higher education during a pandemic: pain points / I.R. Gafurov [et al.] // Higher education in Russia. 2020.Vol. 29. № 10. P. 101–112.
12. Gurova I.M. Distance work as a trend of time: the results of mass experience / I.M. Gurova // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2020. Vol. 11. № 2. P. 128–147.

13. *Шеремет А.Н.* Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 / А.Н. Шеремет // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 4. С. 136–141.
14. *Максимов С.В.* Последствия пандемии COVID-19 для конкуренции – главные выводы впереди / С.В. Максимов // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 2(22). С. 4–5.
15. *Касьянов В.В.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. № 2. С. 51–63.
16. *Касьянов В.В.* Пандемия и система ограничительных мер как фактор травматизации социального здоровья населения / В.В. Касьянов, Н.Х. Гафиатулина, И.М. Вакула // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1.
17. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии covid-19 на общество: социально-психологический анализ / Т.А. Нестик // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. № 2. С. 47–83.
18. *Shakhbanova M.M.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova [et al.] // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. P. 296–305.
19. *Вакула И.М.* Современные вызовы социализации молодежи в контексте национальной безопасности / И.М. Вакула, Д.С. Загутин. М. : Русайнс, 2018.
20. *Попов М.Ю.* Пандемия коронавируса: риски, угрозы и перспективы выхода из кризиса / М.Ю. Попов, С.Н. Есауленко // Национальное здоровье. 2020. № 3.
13. *Sheremet A.N.* Pandemic of inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19 / A.N. Sheremet // Medicine. Sociology. Applied research. 2020. № 4. P. 136–141.
14. *Maksimov S.V.* Competition Implications of the COVID-19 Pandemic – Key Findings Ahead / S.V. Maksimov // Russian Competition Law and Economics. 2020. № 2(22). P. 4–5.
15. *Kasyanov V.V.* Features and problems of social behavior in the conditions of the regime of self-isolation of the Russian population / V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. № 2. P. 51–63.
16. *Kasyanov V.V.* Pandemic and the system of restrictive measures as a factor of traumatizing social health of the population / V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, I.M. Vakula // State and municipal management. Scholarly notes. 2021. № 1.
17. *Nestik T.A.* The impact of the covid-19 pandemic on society: a socio-psychological analysis / T.A. Nestik // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. 2020. № 2. P. 47–83.
18. *Shakhbanova M.M.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova [et al.] // Revista Inclusiones. 2019. T. 6. № 2. P. 296–305.
19. *Vakula I.M.* Modern challenges of youth socialization in the context of national security / I.M. Vakula, D.S. Zagutin. M. : Rusines, 2018.
20. *Popov M.Y.* Pandemic Coronavirus: Risks, Threats and Prospects of a Crisis / M.Y. Popov, S.N. Yesaulenko // National Health. 2020. № 3.

Ветрова Екатерина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент факультета управления,
Российский государственный
социальный университет
eavetrova@yandex.ru

Кабанова Елена Евгеньевна

кандидат социологических наук,
доцент факультета управления,
Российский государственный
социальный университет
cool90@list.ru

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ
ЖИЛИЩНЫМ ФОНДОМ:
ПРАКТИКА ГОРОДА МОСКВЫ**

Аннотация. Качество состояния жилищного фонда городского или сельского поселения, муниципального района, муниципального и городского округа – важнейший показатель, определяющий его благосостояние и уровень социально-экономического развития. В связи с этим, осуществление безаварийного функционирования и бесперебойного обслуживания жилищного фонда - это важнейшая задача, стоящая перед органами управления. Только совместными усилиями собственников жилья, управляющих организаций, муниципальных властей может быть создана продуктивная система управления жилищным фондом.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, жилищный фонд, социальная поддержка, недвижимость, аренда.

Реформа в жилищно-коммунальной сфере началась в 1992 году, в дальнейшем издавались нормативно правовые акты, вносящие исправления в концепцию реформы. Но осуществляющиеся преобразования не дали ожидаемых результатов, на которые рассчитывали население и государство. Реформа продолжается по настоящий момент, связано это со сложность и динамикой развития экономики жилищно-коммунальной сферы. Сейчас основной целью реформирования становится достижение норм стандартов качества жилищных условий, изменение механизмов независимости путем привлечения собственников жилья к вопросам обслуживания и управления, включая с помощью различного рода их объединения, сокращение затрат предприятий и тарифов на услуги ЖКХ, но при этом сохранить качество предоставляемых услуг.

В жилищном фонде Российской Федерации на территории многих муниципальных образований

Ekaterina A. Vetrova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor Faculty of Management,
Russian State Social University, Moscow
eavetrova@yandex.ru

Elena E. Kabanova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor Faculty of Management,
Russian State Social University, Moscow
cool90@list.ru

**HOUSING STOCK MANAGEMENT
SYSTEM: THE PRACTICE
OF THE CITY OF MOSCOW**

Annotation. The quality of the state of the housing stock of an urban or rural settlement, municipal district, municipal and urban district is the most important indicator that determines its well-being and the level of socio-economic development. In this regard, the implementation of trouble-free functioning and uninterrupted maintenance of the housing stock is the most important task facing the governing bodies. Only through the joint efforts of homeowners, management organizations, and municipal authorities can a productive system of housing stock management be created.

Keywords: housing and communal services, housing stock, social support, realty, rent.

прослеживается большой уровень износа, и обобщается это в реальную угрозу для общественного и экономического роста страны. Семьи с детьми, пожилые люди живут в трущобах с ужасными условиями проживания. На устранение проблем ветхих домов должны выделяться средства в достаточном размере, а урегулирование аварийного жилищного фонда, в идеале, должно стать долгосрочной программой. Большая часть жилых домов в Российской Федерации нуждаются в срочном ремонте.

Жилищный фонд России на сегодняшний день, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, являет собой весьма разнородную структуру. Всё из-за того, что в разных регионах страны отмечается неравномерный уровень благоустроенности и социальной помощи в данной сфере. Жилищный фонд не содержит нежилые помещения, находящиеся в жилых домах и предназначенные для нужд

коммерческого характера. На конец 2019 года общая площадь жилищного фонда Российской Федерации составляет 3856 млн кв.м. (табл. 1) и, как видно из таблицы, динамика фонда с 2017 года

является положительной. С 2017 по 2019 года общая площадь жилищного фонда РФ увеличилась на 148334,90 кв.м., что является почти на 4 % прироста [6].

Таблица 1

Общая площадь жилых помещений на конец года, тыс. м²

		2017	2018	2019	
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	Всего	Всего, тыс. м ²	3708486,00	3779701,80	3856820,90
		Города и поселки городского типа	2708727,50	2775518,20	2840577,52
		Сельский населенный пункт	999758,50	1004183,60	1016243,42
	Государственный жилищный фонд	Всего, тыс. м ²	102617,80	105958,20	102639,06
		Города и поселки городского типа	92813,70	96237,60	93580,07
		Сельский населенный пункт	9804,10	9747,60	9058,99
	Государственный жилищный фонд, принадлежащий на правах собственности субъектам Российской Федерации	Всего, тыс. м ²		46373,40	46738,80
		Города и поселки городского типа		45466,30	45763,99
		Сельский населенный пункт		907,10	974,81
	Жилищный фонд в собственности граждан	Всего, тыс. м ²	3286058,60	3363007,70	3472771,44
		Города и поселки городского типа	2363744,20	2431732,50	2524558,07
		Сельский населенный пункт	922314,40	931275,20	948213,37
	Жилищный фонд в собственности юридических лиц	Всего, тыс. м ²	92535,10	93602,00	92189,52
		Города и поселки городского типа	76579,60	77954,70	78099,03
		Сельский населенный пункт	15955,50	15647,30	14090,9
	Иное	Всего, тыс. м ²	13774,20		
		Города и поселки городского типа	11293,60		
		Сельский населенный пункт	2480,60		
	Муниципальный жилищный фонд	Всего, тыс. м ²	181649,40	176233,80	170528,78
		Города и поселки городского типа	134100,90	130711,50	126912,73
Сельский населенный пункт		47548,50	45522,30	43616,05	
Частный жилищный фонд	Всего, тыс. м ²	3394743,30	3469207,40	3564960,96	
	Города и поселки городского типа	2454818,00	2522284,90	2602657,10	
	Сельский населенный пункт	939925,30	946922,50	962303,86	

Одновременно с увеличением нового жилья выбывают из оборота жилые помещения, относящиеся к ветхому и аварийному фонду. Тем временем, общее количество таких помещений государством учитывается в виде отдельных реестров посредством организации инвентаризации.

Опираясь на данные Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства на 01 августа 2018 года, около 88 тысяч многоквартирных домов были признаны аварийными, где проживает более 1,8 миллиона людей. Однако масштабы проблемы старения жилья шире официальных показателей.

Из всех видов недвижимости жилищный фонд выделяется по большей части своей социальной значимостью. Поэтому более жесткие критерии

требований предъявлены к состоянию подобных объектов, к качеству и срокам предоставления различных услуг, к обеспечению безопасности проживания, к надлежащему содержанию жилищно-коммунальных услуг.

Управление жилищным фондом включает в себя много особенностей, которые отличают её от других объектов недвижимости. Основываясь на данные Госстроя, около 55 % жилищного фонда Российской Федерации находится во владении частных лиц, муниципальные образования владеют 24,7 % и во владении государственного аппарата находится 10,1 % от всего жилищного фонда. Все многоквартирные дома находятся в совместном владении, то есть, собственников может быть несколько. Физические лица являются собственниками многоквартирных домов, получив жилые помещения в собственность путем

приватизации или на иных основаниях. Юридические лица так же являются собственниками многоквартирных домов, они сдают помещения по найму или же используют их в личных целях.

Организация управления жилым фондом производится такими видами, как управление многоквартирными домами и управление индивидуально-определенными жилыми зданиями.

В настоящее время в Очаково-Матвеевском проживает около 130 тыс. человек. На территории расположено 316 жилых строений, 7 общежитий,

общей жилой площадью 2754 тыс. кв. м. С учетом имеющихся данных, по нашим расчетам, основной объем жилищного фонда в Очаково-Матвеевском введен в действие до 1985 г. и таким образом является сильно возрастным (рис. 1).

В то же время, начиная с 2016 г., благодаря своевременному проведению капитального ремонта, сносу отдельных построек, жилые помещения в ветхих и аварийных жилых домах района отсутствуют. При этом процент износа жилых помещений по Москве находится на уровне ниже общероссийских показателей (рис. 2).

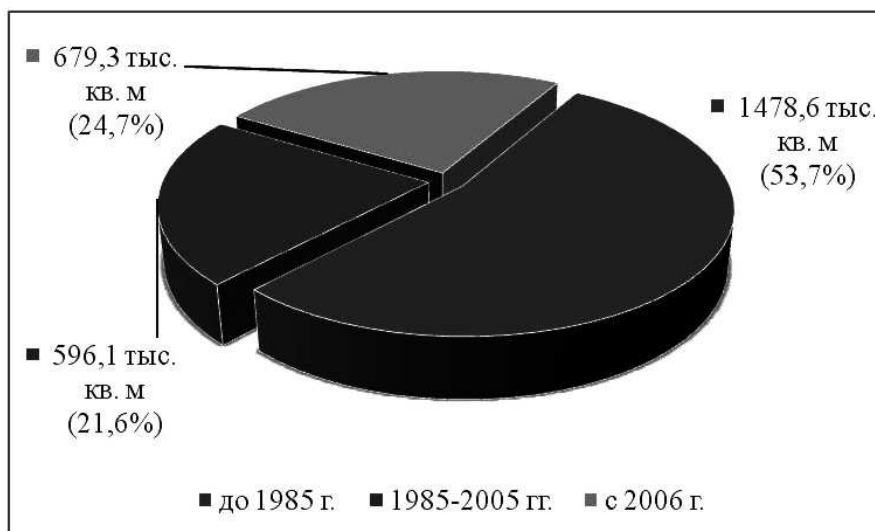

Рисунок 1 – Распределение жилищного фонда района Очаково-Матвеевское по годам застройки, 2019 г.

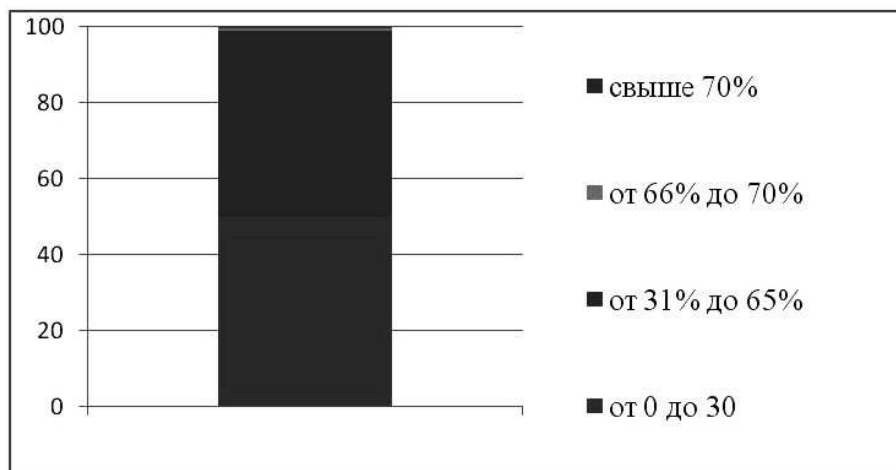

Рисунок 2 – Распределение жилищного фонда Москвы по уровню износа в 2018 г., %

Наибольшая доля жилищного фонда в районе Очаков-Матвеевское, как и, в целом, по России, находится в частной собственности (рис. 3).

Анализ данных Росстата за 2015–2019 гг. указывает на негативную тенденцию: численность населения района в этот период увеличивалась, в то же время объем ежегодно вводимых в

действие жилых домов уменьшался (табл. 4). Показатель общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя Очаково-Матвеевского района, составляет 18,21 кв. м, что ниже общего по г. Москве (19,4 кв. м) на 6,3 %, а по России (25,8 кв. м) – почти на 30 %, и за последние пять лет он вырос, незначительно.

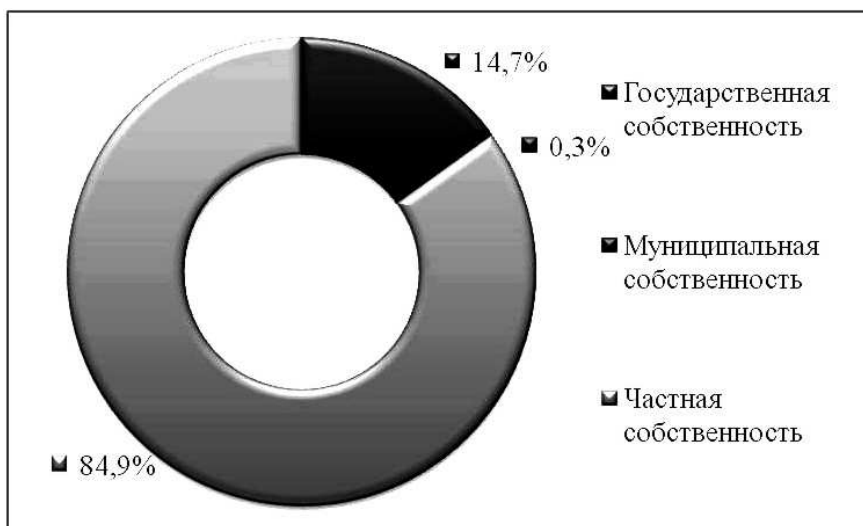

Рисунок 3 – Распределение жилищного фонда района Очаково-Матвеевское по формам собственности

Таблица 2

Обеспеченность жилищным фондом района Очаково-Матвеевское

Показатели	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. / 2015 г., %
Численность населения района, тыс. чел.	124,6	126,4	127,9	129,9	130,7	+4,9
Общая площадь жилых помещений, тыс. кв.м	2653,0	2693,5	2731,8	2754,0	2754,0	+3,8
Количество многоквартирных домов	н/д	320	311	315	316	–
Введено в действие жилых домов, тыс. кв.м	109,9	40,5	67,1	22,4	0	–
Общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, кв.м	18	18,1	18,1	18,1	18,21	+1,2

По состоянию на 2019 г. управление жилыми домами в районе обеспечивали 12 управляющих компаний, 16 товариществ собственников жилья (ТСЖ), 10 жилищно-строительных кооперативов на самоуправлении (ЖСК). Один жилой объект находился в непосредственном управлении собственников.

Исследование показывает, что значительная доля жителей района Очаково-Матвеевское (36 тыс. из 130 тыс., 28 %) относится категории малоимущих или имеющих иные льготы (многодетные

семьи, инвалиды и т.д.). В связи с этим, им предоставляется социальная поддержка (субсидии) из бюджета города по оплате жилого помещения и коммунальных услуг на сумму 180 млн руб. ежегодно (табл. 3). Таким образом, в содержании жилищного фонда района принимает участие государство.

Кроме того, в период 2016–2019 гг. порядка 200 семей состояли на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Таблица 3

Социальная поддержка населения в сфере жилищных отношений в Очаково-Матвеевское

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число семей, получивших субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг	7060	6804	7105	6753
Численность граждан, пользующихся социальной поддержкой по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, тыс.	33,6	33,0	34,2	36,2
Сумма начисленных субсидий населению на оплату жилого помещения и коммунальных услуг за отчетный период, млн руб.	170,8	190,9	180,9	183,9
Объем средств, предусмотренных на предоставление социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, млн руб.	816,7	939,5	959,9	987,8
Число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях	249	228	202	171
Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году	1	8	9	9
Доля семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия в отчетном году, %	0,4	3,5	4,5	5,3

Как следует из таблиц 2–3, несмотря на то, что доля семей, улучшивших жилищные условия в районе Очаково-Матвеевское, растет, она все еще не превышает 5 %.

Одним из направлений развития жилищного фонда района, одновременно способствующего улучшению жилищных условий населения, является Программа реновации жилищного фонда города Москвы.

Программа действует до 2032 года. Она распространяется на многоквартирные дома так называемого первого периода индустриального домостроения, аналогичные им по характеристикам конструктивных элементов многоквартирные дома, в которых собственники жилых помещений

и граждане, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, поддержали включение данных многоквартирных домов в Программу реновации.

На территории района Очаково-Матвеевское находится 82 многоквартирных жилых дома, попадающих под действие Программы реновации жилищного фонда города Москвы: серия I-515 – 40 домов, серия 1605 – 2 дома, индивидуальная серия – 40 домов.

По итогам проведения голосования жильцов, по их выбору включены в программу реновации 67 домов (табл. 4)¹.

Таблица 4

Сроки реализации Программы реновации жилищного фонда в районе Очаково-Матвеевское [8]

Дата сноса/ переселения	Количество переселяемых жилых домов
2020–2024 гг.	15
2025–2028 гг.	38
2029–2032 гг.	14
Всего:	67

В настоящее время определены пять стартовых площадок для новостроек: на Большой Очаковской ул., Веерной ул., Матвеевской ул. Первый жилой дом на Матвеевской улице введен в эксплуатацию в 2018 г., в 2019 г. в него заселились 53 семьи, два дома находятся в стадии строительства.

Анализ современного состояния жилищного фонда в районе Очаково-Матвеевское показал, что в значительной степени жилые дома являются старыми и морально устаревшими. В то же время, позитивным фактом является отсутствие на протяжении нескольких лет ветхих и аварийных жилых помещений, что указывает на удовлетворительную работу со стороны собственников жилья и управляющих структур по его ремонту и содержанию. Обновить жилищный фонд и вывести его уровень, соответствующий требованиям безопасности и энергоэффективности, позволит реализация программы реновации.

За период 2015–2019 гг. население района Очаково-Матвеевское выросло на 4,8 %, жилищный фонд – только на 3,9 %. Средний объем жилищного фонда, приходящийся на одного жителя (18,21 кв. м), как уже отмечалось, существенно ниже среднего уровня по городу Москве и России в целом. В сравнении с мерками уровня обеспеченности жилой площадью в западных странах, который рассчитывается по среднему количеству комнат на одного человека, отставание еще более выражено: 0,8 против 1,6 комнат в Европе. Таким образом, первой проблемой организации управления жилищным фондом в районе Очаково-Матвеевское является низкий уровень обеспеченности населения жильем.

Второй, не менее актуальной проблемой, является вопрос доступности жилья. Коэффициент доступности жилья (КДЖ), используемый в зарубежной статистике, отражает количество лет, за которое семья из трех человек сможет условно накопить на квартиру при условии сбережения всех своих доходов. В целом по России, КДЖ снизился за период 1998–2017 гг. на 4,1 года – с 7,4 до 3,3 года, а доля семей, имеющих возможность приобрести жилье при помощи собственных и заемных средств, увеличилась за период 2006–2017 гг. на 24 пункта – с 18,6 до 42,6 % [4].

Однако, во-первых, замер ведется по небольшой доступной жилой единице (квартире): в Москве – это 54 кв. м. Соответственно, КДЖ возрастет пропорционально увеличению потребности в жилой площади и количеству членов семьи. Во-вторых, ситуация существенно изменилась в 2020 г., когда на фоне пандемии в условиях падения доходов населения и стимулирующих низких ставок по ипотеке рынок недвижимости отреагировал резким ростом цен на жилые помещения. Наконец, учитывая, что треть населения района Очаково-Матвеевское относится к малоимущим или иным уязвимым категориям граждан, и что ежегодно только 5 % семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, могут реализовать эту возможность, становится очевидным, что проблемы низкой доступности жилья усилились.

Следует заметить, что общая тенденция снижения реальных располагаемых доходов населения России в сочетании с тем, что 12,6 % граждан имеют доходы ниже величины прожиточного минимума, не дают оснований строить благоприятные прогнозы об улучшении жилищных условий граждан за счет ипотечного и иного жилищного кредитования (табл. 5).

¹ URL : <https://www.mos.ru/news/item/77630073>

Таблица 5

Динамика доходов населения России, в % к предыдущему году [5]

Доходы	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020 ¹
Номинальные	6,7	10,4	2,0	3,3	4,0	6,1	-0,3
Реальные располагаемые	-1,2	-2,4	-4,5	-0,5	0,1	0,8	-3,8

Следующая важная проблема организации управления жилищным фондом в России имеет исторические корни. Необходимо отметить, что приватизация жилищного фонда в 90-х годах прошлого века, направленная на ускоренное развитие структур частной собственности, схем управления в жилищном секторе и рыночного регулирования деятельности его субъектов, в том числе процессов ценообразования, позволила государству снять с себя ответственность (и финансовое бремя) за его техническое обслуживание и эксплуатацию. Однако в случае многоквартирных, ранее арендуемых у государства домов, это привело к тому, что новые владельцы жилья в большинстве своем оказались не в состоянии решать управленческие задачи. В их собственности оказались здания и помещения с неэффективными системами энергоснабжения и отопления, после длительных задержек в техническом обслуживании, что влекло за собой непредвиденные расходы в связи с ухудшением их состояния. В связи с этим уровень доступности и комфортности для населения рынка «вторичного» жилья дополнительно снижается за счет существенной доли «возрастного» жилья.

Неэффективная система управления многоквартирными домами (МКД) представляет собой проблему и в случае новостроек. В 2020 г. исполнилось 15 лет с момента принятия Жилищного кодекса РФ, целью которого было перемещение ответственности и функции по управлению жилыми зданиями в руки их собственников или представителей конкурентного рынка профессиональных услуг управляющих компаний, как наиболее заинтересованных и компетентных участников жилищных отношений. В реальности этого не произошло. Во-первых, до сих пор отсутствует правовое регулирование вопросов, связанных с общим домовым имуществом, ответственности за неучастие в общих расходах.

Во-вторых, полномочия собственников жилья ограничены. Процедура принятия ключевых

решений осложнена, в том числе завышенными требованиями к количеству голосов. При этом выбор (смена) управляющей компании зависит от решения надзорной (лицензирующей) инстанции и подменяет собой регулирование деятельности на договорной основе, что минимизирует возможность влияния на деятельность управляющей компании. Фактически, управление МКД со стороны собственников жилых помещений сводится к уплате взносов без контроля, надлежащим ли образом они расходуются.

В свою очередь, к деятельности управляющих компаний со стороны органов власти предъявляется все больше требований, и дополнительная нагрузка не уравнивается должной компенсацией со стороны собственников жилья. В условиях отсутствия у потребителей информации о реальной стоимости услуг и работ по управлению и содержанию МКД, ориентации на «социальный» тариф, несмотря на потенциально большие размеры рынка предложения данных услуг, привлекательность сферы управления МКД неуклонно снижается. Так, согласно данным Росстата, удельный вес убыточных управляющих организаций составляет порядка 30 % [3].

В результате, начиная с 2017 года, наметилась тенденция к замещению частных управляющих компаний муниципальными организациями и укрупнению бизнеса по управлению МКД, что еще более снижает конкуренцию в этой сфере и ухудшает условия договоров для собственников жилья [1].

Отсутствие специальных обучающих программ передачи знаний, обмена опытом в сфере управления и содержания жилищного фонда не позволили стать эффективным инструментом управления и товариществам собственников жилья (ТСЖ). Несмотря на рост объемов коммерческого жилья, их количество сокращается (табл. 6).

Таблица 6

Структура управления МКД в р. Очаково-Матвеевское

Годы	Количество многоквартирных домов (МКД), находящихся в управлении		Всего МКД	Доля МКД в управлении частного сектора, %
	ГБУ «Жилищник района Очаково-Матвеевское»	Частные управляющие компании, ТСЖ и ЖСК на самоуправлении		
2017	206	105	311	33,8
2018	207	108	315	34,3
2019	208	102	316	32,9

Решению указанных ранее проблемы способствовало бы использование инструмента некоммерческой аренды квартир. Некоммерческая аренда квартир (или аренда жилья фонда социального использования) предполагает обеспе-

чение жильем на льготных условиях и на временной основе людьми с уровнем доходов, не позволяющим им купить квартиру самостоятельно. Верхнюю планку такого дохода должны определять региональные власти. Данный вид аренды

¹ Прогнозные значения.

был включен в Жилищный кодекс в 2014 г., но на практике практически не используется.

Не меньше половины квартир в социальном доходном доме должно быть отдано под некоммерческую аренду. В зарубежной практике предполагается, что если такой дом строит инвестор, то он может получить поддержку от государства. В законодательстве России предусмотрено, что меры поддержки определяют региональные власти, но в большинстве регионов России еще не принята нормативная правовая база, регулирующая этот вопрос.

Ставки аренды в таких домах устанавливаются государством. Некоммерческая аренда отличается от жилья по социальному найму тем, что квартиры нельзя приватизировать, а договор аренды заключается на срок от одного года до десяти лет. Квартиры по соцнайму предоставляются малоимущим гражданам бесплатно, но, в большинстве случаев, средний срок ожидания такого жилья двадцать лет, соответственно, у арендаторов фонда социального пользования в этом вопросе возникает преимущество.

Для застройщиков намного более выгодным представляется продажа объектов, а не долгосрочный наем – «длинные деньги». К тому же, учитывая недостаток свободных земель под строительство жилья в столичном регионе, данные проекты целесообразно было бы ориентировать на «Новую» Москва, но, в этом случае, ожидается низкий спрос на такое жилье до тех пор, пока не будут выполнены запланированные проекты по развитию инфраструктуры транспорта.

Принимая во внимание данные риелторских компаний о том, что в «Новой Москве» клиенты приобретают квартиры, в основном, в ипотеку, а также - необходимость дополнительных затрат на частичную меблировку наемных домов, вопрос рентабельности и окупаемости таких проектов усложняется, значительно повышая риск невыплаты расходов по кредиту самим застройщиком (ставка составляет 13–15 %).

Таким образом, основные проблемы организации управления жилищным фондом района Очаково-Матвеевское связаны с необходимостью повысить уровень доступности жилья и обеспеченности им населения, большая часть которого имеют доходы ниже среднего уровня, в условиях отсутствия в настоящее время у государства достаточных материальных и нематериальных рычагов влияния на эти процессы.

При построении совершенно новой модели управления жилым фондом необходимо выделить следующие направления:

1. *Изменение склада ума российских владельцев квартир*, которые относятся к содержанию собственного жилого фонда как затрат, тогда как в большинстве зарубежных стран жители оценивают покупку квартир в собственность как вложение средств и воспринимают содержание дома как деятельность, направленная на сохранение надлежащего состояния имущества.

2. *Переход к узкоспециализированному обслуживанию жилья в многоквартирных домах.*

Опыт Западных стран и Соединенных Штатов Америки показывает эффективность, когда деятельность компаний, которые работают в сфере содержания и ремонта жилья является узкоспециализированной. К примеру, техническое обслуживание труб производит одна организация, вторая компания осуществляет обслуживание устройств учета тепловой энергии, обслуживание насосных станций водоснабжения третья организация, обслуживание систем водонагревателя четвертая.

3. *Отработать систему государственных дотаций предоставляя людям льготы, субсидии, кредиты на оплату коммунальных платежей.*

Считаем не справедливым тот факт, что за москвичей государство платит 50% от ежемесячной суммы по квитанции коммунальных услуг, при том, что в регионах пенсия составляет 9 000,00 рублей и зарплаты на порядок ниже, чем в Москве, но у них нет таких привилегий. Между тем, на получение субсидий в регионах могут рассчитывать те, кто отдает более 22 % семейного бюджета, для столицы же эта планка снижена более чем в два раза. Считаю целесообразным значительно снизить данный процент для семей, у которых доход является ниже средний по стране.

4. *Профессиональная подготовка специалистов по управлению жильем.* За рубежом существуют разные образовательные курсы, дающие базовые знания или по повышению квалификации. В России, к сожалению, о таком подходе еще даже не задумываются.

В Германии занимать должность управляющего в жилищной сфере может кандидат только с высшим образованием, со специальностью экономиста, юриста, инженера или же социального работника.

В Венгрии, согласно законодательству, управлять кондоминиумом могут только те лица, кто прошёл специальную профессиональную подготовку.

5. *Методом законодательного регулирования ликвидировать коррупционные отношения между пользователями коммунальных услуг, управляющей организацией и организацией снабжающей ресурсами.*

По борьбе с коррупцией в жилищном секторе пример можно брать с Сингапура, который занимает одно из лидирующих мест в рейтинге стран по отсутствию коррупции. По борьбе с коррупцией в этой стране было сформировано бюро по расследованию коррупции с широким спектром полномочий, куда жители имели право обращаться с жалобами на чиновников и настоятельно просить возмещения убытков.

Еще одной менее коррумпированной страной является Швеция; её опыт в этом вопросе тоже довольно интересен. В данном государстве в работе государственного служащего во главу угла ставятся высочайшие моральные стандарты, а

общество с настороженностью относятся к предпринимателям, которым удалось за непродолжительный промежуток времени получить довольно высокий заработок, или же к государственному служащему, прибыль которого значительно ниже проводимых им затрат. Общественное осуждение превратит такого предпринимателя в неприкасаемого, а государственного служащего вынудит покинуть должность.

Литература:

1. *Генцлер И.В.* Управление многоквартирными домами: возможное будущее / И.В. Генцлер // Имущественные отношения в РФ. 2020. № 5(224). С. 20–24.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации.
3. Жилищное хозяйство в России // Сборник статей. М. : Росстат, 2019.
4. *Косарева Н.Б.* Доступность жилья в России и за рубежом / Н.Б. Косарева, Т.Д. Полиди // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 29–51; С. 32.
5. Официальный сайт. Аналитический центр при Правительстве РФ. Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2020. № 58. URL : https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf
6. Официальный сайт. ЕМИСС государственная статистика.
7. URL : <https://www.fedstat.ru/indicator/40454>
8. Официальный сайт. Росстат Федеральная служба государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13706>
9. Приказ Правительства Москвы от 12.08.2020 № 45/182/ПР-335/20 «Об этапах реализации Программы реновации жилищного фонда в городе Москве».

6. *Прозрачность и информационная открытость деятельности управляющих организаций.* Основные претензии людей к деятельности управляющих организаций заключается в том, что они не понимают, из чего формируются тарифы на жилищно-коммунальные услуги и как вычисляется издержки данных составляющих.

Literature:

1. *Gentsler I.V.* Management of apartment buildings: a possible future / I.V. Gentsler // Property relations in the Russian Federation. 2020. № 5(224). P. 20–24.
2. Housing Code of the Russian Federation.
3. Housing in Russia // Collection of articles. M. : Rosstat, 2019
4. *Kosareva N.B.* Accessibility of housing in Russia and abroad / N.B. Kosareva, T.D. Polidi // Voprosy ekonomiki. 2019. № 7. P. 29–51; P. 32.
5. Official website. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Dynamics of income of the population // Bulletin on current trends of the Russian economy. 2020. № 58. URL : https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf
6. Official website. EMISS State statistics. URL : <https://www.fedstat.ru/indicator/40454>
7. URL : <https://www.fedstat.ru/indicator/40454>
8. Official website. Rosstat, the Federal state statistics service. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13706>
9. Order of the Government of Moscow of 12.08.2020 № 45/182 / PR-335/20 «On the stages of implementation of the Housing Renovation Program in the city of Moscow».

Гришай Владимир Николаевич

доктор социологических наук,
профессор,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Шепелин Евгений Александрович

председатель,
Смоленский областной суд
milena.555@mail.ru

Зенин Константин Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Корсаков Александр Николаевич

соискатель,
Ессентукский институт
управления, бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Гребенюк Диана Валерьевна

соискатель кафедры
философии и социологии,
Адыгейский государственный университет
milena.555@mail.ru

**СМИ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
И ОРГАНЫ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА:
ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

Аннотация. В данной статье авторы анализируют сущность СМИ как общественного института, удовлетворяющего потребность человека или социальной группы в информации и желании быть активным участником информационного потока. Основное внимание в своём исследовании авторы уделяют вопросу взаимоотношений средств массовой информации и органов государственной власти в вопросах осуществления взаимодействия между ними в целях достижения желаемого обеими сторонами результата, а также специфику правового регулирования СМИ в условиях демократического политического режима власти.

Ключевые слова: СМИ, общество, орган власти, государство, общественный институт.

«Пресса, Ватсон, ценнейший общественный институт, надо только уметь им пользоваться» - Артур Конандойл. Человек как социальное существо

Vladimir N. Grishai

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Yessentuki Institute of Management,
Business and Law
milena.555@mail.ru

Yevgeny A. Shepelin

Chairman,
Smolensk Regional Court
milena.555@mail.ru

Konstantin A. Zenin

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student,
Nevinnomyssk State Humanitarian
and Technical Institute
milena.555@mail.ru

Alexander N. Korsakov

Applicant,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
milena.555@mail.ru

Diana V. Grebenyuk

Candidate of the Department
of Philosophy and Sociology,
Adyghe State University
milena.555@mail.ru

**MASS MEDIA AS A PUBLIC
INSTITUTION AND STATE AUTHORITIES:
RELATIONSHIP ISSUES**

Annotation. In this article, the author analyzes the essence of the media as a social institution that satisfies the need of a person or social group for information and the desire to be an active participant in the information flow. In his research, the author pays the main attention to the issue of the relationship between the media and public authorities in the implementation of interaction between them in order to achieve the desired result by both parties, as well as the specifics of legal regulation of the media in the context of a democratic political regime of power.

Keywords: mass media, society, authority, state, public institution.

не может существовать без оптимального объёма информации, которая сочетала бы в себе два аспекта: социальную значимость и социальную

ориентацию, чем давала бы возможность индивиду не только ориентироваться в общественных процессах, но и выстраивать собственную мировоззренческую картину и управлять ею, конструировать собственное мнение касательно тех или иных событий, явлений или процессов, затрагивающих его жизнь. В данном случае, самым активным агентом информации выступают СМИ, основой деятельности которых является информирование общества о событиях в мире и в границах государства, политике и экономике, науке и культуре, о достижениях и проигрышах, об открытиях – обо всех неисчерпаемых и многообразных процессах жизни человека.

СМИ на сегодняшний день представляют собой совершенно особенное образование, имеющее многообразный характер: политического инструмента влияния на формирование мнения общества; общественного института; сегмента общего товарного рынка. Таким образом, средства массовой информации представляют собой обширный предмет для изучения его различными науками. Важное место здесь занимает не только его многоаспектность, но и значение деятельности СМИ для общества.

С точки зрения рынка, средства массовой информации можно считать активным поставщиком специфического товара – информации – пользующегося высоким спросом среди потребителей.

Средства массовой информации являются достаточно сложно структурированным общественным институтом, удовлетворяющим одну из основных «высших» потребностей индивида – потребности получить наиболее актуальную информацию о событиях и явлениях, происходящими в мире. Желание быть активным участником современного информационного потока и пользоваться современными средствами распространения и получения информации относительно недавно вошло в повседневную жизнь общества, однако достаточно быстро укрепилось среди основных нужд человека, связанных, в первую очередь, с социальным взаимодействием.

При этом СМИ, благодаря своим функциональным возможностям, позволяют удовлетворять косвенным образом и другие потребности индивида и общества. Государство в лице своих представительных органов власти также является участником информационного потока, выступая и как создатель инфо-поводов, и как их потребитель. СМИ используется органами власти с разными целями, основная из которых – пропаганда государственной идеологии.

Как и любой общественный институт, СМИ испытывают влияние на своей деятельности действующих нормативно-правовых актов и норм законодательства. В нашем государстве СМИ в осуществлении своих функций и целевых установок ограничены Законом РФ «О средствах массовой информации», закрепляющим основные положения об осуществлении их деятельности, организационно-правовых формах существования и т. д. При этом Конституция РФ гарантирует защиту свободы слова, мнения, а также гласность, без

которых существование СМИ в демократическом государстве не представляется реальным. Законодательство России также гарантирует журналистам и редакциям профессиональную самостоятельность, свободу в получении и освещении информации, средствах удержания внимания аудитории.

Как было отмечено выше, СМИ представляет собой социальный институт, более конкретно – коммуникативную систему, внутри которой действуют организации и институты, осуществляющие сбор, анализ и оценку информации, её обработку и распространение среди зрителей/слушателей/читателей. Основу коммуникативной системы представляет пресса, функционирующая в различных формах и видах, но преследующая, независимо от них, единые цели, разрешающая одинаковые задачи и имеющая инструментарием примерно идентичный набор функций и средств. Характеризуя СМИ с точки зрения их общественной сущности, мы можем смело назвать средство массовой информации частью общественного процесса коммуникации, который позволяет ей функционировать в соответствии не только с установленными законом правилами, но и руководствуясь собственными нормами, которые выстраиваются учредителями и журналистами (редакторами) с оглядкой на собственные интересы. СМИ удовлетворяют не только общественные потребности, реализует государственные (или оппозиционные) установки, но и собственные желания, которые зачастую концентрируются вокруг привлечения к себе наиболее широкой аудитории, что позволяет оказывать влияние на наибольшее количество людей и, тем самым, формировать общественное мнение. Данный факт заставляет органы власти и другие общественные организации считаться с журналистами и мнением известных и популярных издательств.

Являясь организацией, деятельность СМИ невозможна без источника финансирования. Данный факт справедлив для всех форм реализации прессы: как в печатном виде, так и в форме теле- и радиожурналистики, а также – в Интернет-издательствах. Зачастую, источник финансирования в качестве частного лица, экономической корпорации или органа государственной власти имеет влияние на работу СМИ в самой их сущности. То есть, содержа средство массовой информации или оказывая ему финансовую поддержку, субъект таких отношений может напрямую оказывать влияние на сам материал, подаваемый аудитории, на его форму, эмоциональную окраску и т. д. Косвенное влияние источник финансирования, таким образом, может оказывать влияние на формирование общественного мнения по поводу того или иного события. Не сложно провести параллель с политикой любого государства и государственных каналов распространения информации или оппозиционного лидера и его частного издательства.

СМИ испытывают на себе влияние не только специализированных для них актов законодательной практики. Любая журналистская организация представляет собой определённый набор рабочих мест и является налогоплательщиком,

осуществляет свою деятельность на территории конкретного государства, охватывает аудиторию определённой национальности или действует в пределах многонациональной культуры. Следовательно, СМИ в своей деятельности обязаны руководствоваться существующими нормами уголовного, административного, трудового, налогового и других отраслей права, а также – существующими нормами поведения, культурными обычаями и традициями, что уже превращает СМИ в активных участников взаимоотношений с органами государственной власти.

С точки зрения демократического режима осуществления власти в стране, информационный агент не испытывает на себе тотального контроля со стороны представителей власти. Демократия гарантирует для СМИ режим гласности, свободу слова, печати, а также, возможность существовать не одну, а множеству каналов по сбору, обработке, распространению и получению информации. Отсутствует цензура как инструмент управления (она существует лишь как средство ограничения определённых материалов, которые могут оказать негативное влияние на психику читателей, но, опять же, в специализированных изданиях цензура может отсутствовать в принципе), а также, монопольное право государства на учреждение и регуляцию деятельности СМИ.

Как отмечает Дж. Кинн, отмена государственного регулирования, навязчивая идея, преследующая сторонников свободного рынка. «Организованные и защищенные государством средства массовой информации, особенно в области радиовещания и телекоммуникаций, с ходу отвергаются как антидемократические. Про них говорят, что они дорого обходятся и страдают от ограничений и запретов».

«Политика невмешательства» означает поддержку «сильных» на рынке прессы. Роль трибуны всех социальных сил, форума всех слоев общественности должны играть средства массовой информации, учредителями которых являются институты государственной власти. Однако следует отметить, что их может подстергать опасность выступать в качестве проводника линии той или иной управленческой структуры. Государственные средства массовой информации, существующие на деньги налогоплательщиков, обязаны действовать в интересах народа. Например, газета, издаваемая парламентом, где представлены разнообразные силы, может ли формироваться как «орган»? Чьи мнения она тогда будет выражать? Большинство? Группы фракций?

Литература:

1. *Кинн Дж.* Демократия и средства массовой информации / Дж. Кинн // Международный журнал социальных наук. Новый взгляд на демократию. М., 1991. № 2.
2. *Сидоров В.А.* Политическая культура средств массовой информации. М., 1994.

Задача государственной прессы – не в отстаивании точки зрения интересов одной из партий и не в выступлении с «надпартийной» позиции, а в представительстве максимального количества социальных групп, слоев, общественно-политических союзов, ассоциаций и т.д. Их роль заключается в том, чтобы быть «межпартийной» трибуной.

СМИ выполняют ряд социальных функций, основная из которых – консолидация общества в целях поиска и осуществления решения по наиболее актуальным для него вопросам: экономическим, социальным, политическим или культурным. Данные вопросы в условиях демократии представляют собой основу государственной деятельности и её политические задачи. В данном контексте государство выступает как гарант равного и полного доступа граждан к источникам информации, а со стороны СМИ – к информационному потоку и инфо-поводам, как мирового масштаба, так и касающихся внутренней политики рассматриваемой страны.

Издаваемые законы должны быть не только регуляторами доступа государственных структур к инструментам влияния на СМИ, но и, скорее, как ограничитель данного влияния. В идеальной картине мира СМИ не зависят от каких-либо финансовых, коммерческих или общественных структур, не боятся силовых структур государства. В своей деятельности они руководствуются существующим законодательством в части, касающейся своих функций. Таким образом, может быть, в будущем окажется достигнутым один из основных критериев СМИ, который, к сожалению, достаточно сложно найти среди существующих редакций и информационных агентств – объективности.

В условиях демократии, к которой стремится и наше государство, СМИ выражают волю народа, а не государственных структур или политических деятелей.

Средства массовой информации, взятые как целое, являясь важной составной частью массовой коммуникации общества, играют различные социально-политические роли, те или иные из которых – в зависимости от социально-политической ситуации – приобретают особую общественную значимость. Это могут быть роли объединителя, консолидатора общества, его просветителя, организатора. В кризисные периоды исторического развития особую значимость средства массовой информации приобретают в качестве посредника в диалоге между различными силами, между властью и народом.

Literature:

1. *Kinn J.* Democracy and the media / J. Kinn // International Journal of Social Sciences. A new look at democracy. M., 1991. № 2.
2. *Sidorov V.A.* Political culture of the media. M., 1994.

Зенин Константин Анатольевич
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

ДИХОТОМИЯ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТНОГО ВЛИЯНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Процесс урбанизации – роста городов и городского населения – исторически развивался в несколько этапов в направлении точечной урбанизации, субурбанизации, урбанизации, реурбанизации. Каждый из этапов представляет отдельный интерес с точки зрения исследования в силу определённого ряда специфических черт. На сегодняшний день социальные науки наиболее заинтересованы в изучении актуальных процессов урбанизации, имеющих наиболее заметное влияние на общество.

В статье рассматривается процесс властного взаимодействия города и деревни через различные концепции, подробно анализируется социальная составляющая взаимовлияния и слияния городской и сельской среды. Город и деревня представлены как социальное, информационное и контролирующее пространство со своей ментальной структурой и средой.

Ключевые слова: урбанизация, город, сельская местность, урбанизация, взаимодействие, взаимовлияние, пространство власти.

Процесс урбанизации – рост городов и городского населения – исторически развивался в несколько этапов: точечная урбанизация, субурбанизация, урбанизация, реурбанизация. Каждый из этапов представляет отдельный интерес с точки зрения исследования в силу определённого ряда специфических черт. На сегодняшний день, социальные науки наиболее заинтересованы в изучении актуальных процессов урбанизации, имеющих наиболее заметное влияние на общество.

Яркими чертами современного процесса урбанизации является расширение значимости сферы услуг и её влияние на современную экономику, модернизации производственных сфер экономики, а также ростом агломерация и развитием мегаполисов. Важным элементом в процессе роста городов является характер их взаимоотношений с сельской местностью, рассмотрению чего

Konstantin A. Zenin
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student,
Nevinnomyssk State Humanitarian
and Technical Institute
milena.555@mail.ru

THE DICHO TOMY OF SEPARATION OF POWER INFLUENCE IN THE SPACE OF THE CITY AND THE COUNTRYSIDE: A CONCEPTUAL ANALYSIS OF RELATIONSHIPS

Annotation. The process of urbanization – the growth of cities and urban population – has historically developed in several stages in the direction of point urbanization, sub-urbanization, urbanization, reurbanization. Each of the stages is of different interest from the point of view of the study due to a certain number of specific traits. Today, social sciences are most interested in studying the current processes of urbanization, which have the most visible impact on society. The article examines the process of power interaction between the city and the countryside through various concepts, analyzes in detail the socio-philosophical component of the mutual influence and fusion of the urban and rural environment. The city and the countryside are presented as a social, informational and controlling space with their own mental structure and environment.

Keywords: urbanization, city, countryside, urbanization, interaction, mutual influence, power space.

посвящена данная статья. Городское пространство всё больше поглощает территорию вокруг себя, куда нередко входят и деревенские поселения, вследствие чего происходит изменение их взаимоотношений, которые приобретают новые черты. Крупные города также по-особенному взаимодействуют с деревней, особенно в случае их близкого расположения.

Социальная наука располагает несколькими концепциями изучения города в его взаимодействии с деревней:

1. Концепция дихотомии, предложенная Р. Редфилдом. В основе его теории лежит рассмотрение города и деревни как двух противоположных полюсов, что обуславливается культурными, социальными и экономическими различиями в образе жизни представителей поселений. Р. Редфилд считал, что город имеет доминирующую позицию

в данных взаимоотношениях и имеет огромное влияние на изменение сельской структуры жизни, приближая её к городской среде. Данной концепции также придерживались К. Маркс, В.И. Ленин. В их понимании дихотомия происходила на уровне экономического развития и разделения труда: город – индустрия, промышленность; деревня – сельское хозяйство.

2. Концепция Н. Лонга. Её сторонники уходят от антагонистического взгляда город-село и все больше внимания уделяют сущности их взаимодействия. Лонг один из первых, кто ушёл от социокультурного и пространственного понимания этих отношений, и обосновал понимание специфики современных деревень. Изучая их, он пользовался традиционными характеристиками деревенского образа жизни, среди которых выделял: низкую плотность населения, специфика трудовой и культурной деятельности, характер взаимоотношения между членами деревенского общества. Основной идеей его теории стала трансформация современного сельского образа жизни в сторону приближения её к городской по формам и типам развития и установлению социальных связей при сохранении специфической формы труда.

3. Ещё одну интересную теорию в вопросе взаимоотношения города и деревни выдвинул Ванденберг. Урбанизация как процесс расширения городского пространства происходит за счёт слияния городских окраин и близлежащих населённых пунктов, которыми являются деревни и более малые города. Данный процесс происходит по схеме: слияние города и деревни, рост городского населения за счёт его оттока из сельской местности – изменение концентрации населения за счёт расширения городских окраин – снижение численности городского населения посредством активного развития новых районов – заселение сельской местности путём облагораживания её инфраструктуры и строительства элитного жилья в экологически чистых зонах.

Исходя из положений описанной концепции, нельзя однозначно охарактеризовать отношения города и деревни, так как, в конечном счёте, они станут единым пространством жизнедеятельности человека.

Однако, несмотря на существенные различия в вопросах определения взаимоотношений между городом и деревней, а также, подходов к их изучению, приведённые выше концепции сводятся к противопоставлению двух видов поселений человека и определяются с лидирующим положением города в процессе трансформации сельского образа жизни.

Важным моментом в изучении взаимодействия между городом и деревней является определение различия между «слиянием» их пространств и процессом «взаимовлияния». Рассмотрим их. Процесс «слияния» обозначает соединение и проникновения одной системы в другую (в нашем случае, городского и сельского пространства), во время чего происходит или поглощение одного другим или объединение их элементов в единую

среду. «Взаимовлияние» значит проникновение в системы отдельных признаков друг друга без существенного изменения сущности исходного явления. Взаимовлияние, как и слияние, может носить как положительный, так и отрицательный характер. При этом слияние можно назвать материальным процессом, влияющим на реальную сущность явления, а взаимовлияние в большей степени выражается в духовной сущности.

В современном мире мы можем наблюдать, с точки зрения рассмотрения города и деревни, оба процесса. Самый простой пример слияния: поглощение мегаполисом небольших деревень и превращение их в часть городской окраины; взаимовлияния – проведение в городе сельской ярмарки или стремление деревенских подростков соответствовать трендам городской жизни.

Сельские территории являются достаточно сложным по своей специфике явлением, имеют свою собственную характеристику, которая была подробно рассмотрена в работах Г. Бартоломе. Базисом его теории стало изучение того, как деревня взаимодействует с городом. На основе полученных данных были обоснованы две методики, взаимодополняющие пробелы друг друга. Данные методики были также зафиксированы Организацией экономического сотрудничества и развития и Европейским союзом.

Первая типология, поддерживаемая Европейским союзом, выделяла три типа деревни в зависимости от пространственного положения по отношению к городу:

- 1) близкие к городу;
- 2) периферийные;
- 3) отдаленные.

Организация экономического сотрудничества и развития придерживалась характеристике районов как более сельских и менее сельских, основываясь на показателе плотности населения (если в районе этот показатель составлял менее 150 человек на гектар, то он является сельским). Это определение позволяет выделить зоны в пространстве, где уровень урбанизации преобладает в большей степени.

Но мы не считаем данные подходы исчерпывающими, так как они характеризуют город с определения лишь одного из его элементов, хотя и являются полезными с точки зрения анализа урбанизационного пространства в современном мире. Классификация городов должна быть представлена в более обширной форме, затрагивающей все стороны городского феномена, однако в данный момент современная наука ещё не в полной мере обладает пониманием, что такое город как социальное явление эволюции человека.

Наиболее популярной в современной науке является теория Ж. Стейнберга, который рассматривал процесс роста городского пространства как переурбанизацию. Основой его исследования стал эмпирический материал, собранных в ряде мегаполисов. Исследователь предложил рас-

смагивать город сквозь призму его исторической организации, то есть, расширением городского пространства от ядра к периферии по окружности. При этом наиболее близкие к центру территории соответственно испытывают на себе большее влияние и изменения, происходящие с ними, становятся более заметными. В данной теории такие территории названы «ложными городами», так как, по своей сути, они не являлись частью города, а испытали на себе его влияние, вследствие чего изменился образ жизни проживающего там населения. Следующий круг представлял собой массовую застройку дешёвого жилья, целью которой было привлечение рабочей силы и создание нормальных условий труда. И третий круг, выделенный в концепции Стейнберга, представляет собой территории, за счёт которых город будет развиваться в дальнейшем. Здесь и происходит его взаимодействие с сельским образом жизни, проникновение их друг в друга посредством: ускорением роста населения, миграции, изменения расположения центра города, смещения его от исторического центра, развитие дорог и рекреационных ресурсов, вынесение производства за пределы жилой зоны и т.д.

Одним из специфических подходов в вопросе рассмотрения города и деревни является концепция рурбанизации – один из этапов процесса урбанизации, переходная стадия между деревней и городом. Несмотря на наличие научных трудов, посвящённых этому этапу, среди ученых вопрос о терминологической согласованности и едином понимании термина остаётся не только открытым, но и дискуссионным. Связано это с тем, что явление рурбанизации является относительно новым не только для развивающихся, но и для развитых стран, и в объёме научных знаний недостаточно эмпирического материала, чтобы делать окончательные выводы.

Однако мы всё же можем рассматривать рурбанизацию как специфическую форму взаимодействия между деревней и городом, во время которого происходит преобразовательный процесс и проникновение городского образа жизни в сельский традиционный уклад.

Жаднова Е.В. так говорит о процессе рурбанизации: «Рурбанизация может являться как неосознанной стихийной инициативой граждан, так и специально разработанным направлением общегосударственной политики или же их совокупностью. Эти различия влияют на качественные характеристики переезжающей в деревню группы населения и дальнейшее ее пребывание в селе. Если рассмотреть пример государственно регулируемой рурбанизации, то программы будут ориентированы на представителей среднего класса или несколько ниже среднего. Для этого будут реализованы концепции развития транспортной сети, электронных коммуникаций, инфраструктурно-бытовых условий и т.д. [1]».

Литература:

1. Жаднова Е.В. Методологические подходы к изучению взаимодействия города и деревни / Е.В. Жаднова // ISOM. 2014. № 1.

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что отличительная черта рурбанизации – распространение и популяризация городского образа жизни в деревне и, соответственно, развитие в ней технологий, новых систем ценностей, проникновение менталитета города в сельскую местность. В науке выделяют две модели рурбанизации: «добровольная простота» и «побег из города».

«Побег из города» достаточно говорящее название, отражающая суть данного процесса. Уставшие от негативных факторов городской жизни горожане «сбегают» в тишину деревни, образ жизни которой диаметрально отличается от привычного им темпа.

«Добровольная простота» более сложное для понимания определение. Это сочетание внешне простого, но внутреннего богатого уклада жизни, заключающегося в максимальном упрощении материальной стороны повседневности, но обогащение духовного мира человека, добровольно отказавшегося от благ городского пространства. Зачастую, люди, придерживающиеся этой концепции, стремятся к обеспечению своих потребностей дарами природы и собственным трудом

Концепция рурбанизации является, по нашему мнению, наиболее интересной с точки зрения анализа взаимодействия города и деревни, проявляющегося с различных сторон. Рурбанизация позволяет взглянуть на этот процесс под другим углом. Можно сказать, что если другие концепции всё же отдают лидирующее положение городу, то здесь деревня и городское пространство находятся примерно на равных позициях. Городской уклад смешивается с деревенским образом жизни посредством проникновения современных технологий и популяризации потребительства, которое в полной мере раскрывается непосредственно в городе в силу определённых особенностей городской среды. Но и деревня, в свою очередь, влияет на город, особенно на его жителей, устающих от бесконечной суеты городского пространства. Таким образом, процесс взаимовлияния и взаимодействия города и деревни остаётся актуальным не только с точки зрения эмпирического материала, но и как отдельное социальное явление, требующее комплексной разработки.

Подводя итог, можно отметить неоднозначность процесса урбанизации, ее несводимость лишь к поглощению сельских территорий. Если раньше в большинстве работ речь шла об «умирании» деревни или ее подчиненном положении относительно города, то в последние десятилетия получили распространение идеи взаимовлияния города и деревни, выраженного в концепции урбанизации.

Literature:

1. Zhadnova E.V. Methodological approaches to the study of interaction between the city and the village / E.V. Zhadnova // ISOM. 2014. № 1.

2. *Балаш О.С.* Пространственный анализ темпов роста городов России / О.С. Балаш // Известия Саратовского ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. Вып. 2.

3. *Бреславский А.С.* Что мы знаем о современных российских пригородах? / А.С. Бреславский // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 4.

4. *Манаева И.В.* Город в территориальном пространстве: обзор зарубежных исследований / И.В. Манаева // Вопросы территориального развития. 2016. Вып. 3 (33).

5. *Миронова М.Д.* Анализ особенностей развития региональной системы городов / М.Д. Миронова // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 21 (156).

2. *Balash O.S.* Spatial analysis of the growth rates of cities in Russia / O.S. Balash // Izvestiya Saratov University. Ser. Economy. Control. Right. 2013. Vol. 13. № 2.

3. *Breslavsky A.S.* What do we know about modern Russian suburbs? / A.S. Breslavsky // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2015. № 4.

4. *Manaeva I.V.* City in the territorial space: a review of foreign studies / I.V. Manaeva // Questions of territorial development. 2016. № 3 (33).

5. *Mironova M.D.* Analysis of the development features of the regional system of cities / M.D. Mironova // Regional economy: theory and practice. 2010. № 21 (156).

Зотов Евгений Денисович
аспирант кафедры управления
в международном бизнесе
и индустрии туризма,
Государственный
университет управления
zotovevgeniy@yandex.ru

ФОРМАТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются формы проведения деловых встреч и конференций в рамках организации мероприятий делового туризма. Анализируется трансформация методов проведения деловых встреч в рамках мероприятий инсентив-туров. Рассматриваются перспективы развития делового туризма в России при использовании информационных и интеллектуальных систем. Проводится оценка эффективности встреч различного уровня с использованием виртуальных и цифровых технологий.

Ключевые слова: деловой туризм, event-мероприятия, бизнес-форумы, онлайн конференции, виртуальные экскурсии, онлайн лекции, виртуальное пространство.

Деловой туризм является наиболее быстро развивающимся сегментом туристической индустрии. На его формирование оказали большое влияние, как внешние, так и внутренние факторы, к числу которых можно отнести трансформацию экономики, активное развитие сферы услуг и изменения основной парадигмы туристической индустрии в целом. Благодаря повышению мобильности подавляющего большинства категорий граждан, этот вид туризма завоевывает все больше общественное признание. Наряду с активным ростом и развитием системы делового туризма, организационная составляющая подобного рода мероприятий еще недостаточно проработана, так как нет разработанной системы правил и стандартов проведения деловых встреч и мероприятий [1]. Поэтому на первое место выходит организация event-мероприятий для целевой аудитории различных категорий туристов.

Существует 8 ключевых видов деловых мероприятий, которые можно разделить, как на традиционные, так и на не традиционные. К традиционным мероприятиям можно отнести круглые столы, отраслевые выставки, деловые приемы и тренинги. К новым формам проведения деловых мероприятий прежде всего относятся бизнес-форумы проводимые в онлайн формате, телемосты и онлайн конференции с участием нескольких сот представителей.

Evgeniy D. Zotov
Postgraduate Student
of the Department of Management
in International Business
and the Tourism Industry,
State Management University
zotovevgeniy@yandex.ru

FORMATS OF BUSINESS TOURISM ORGANIZATION

Annotation. The article discusses the forms of holding business meetings and conferences within the framework of organizing business tourism events. The transformation of methods of holding business meetings within the framework of incentive tours is analyzed. The prospects for the development of business tourism in Russia using information and intelligent systems are considered. Evaluation of the effectiveness of meetings of various levels using virtual and digital technologies is being carried out.

Keywords: business tourism, event-events, business-forums, online conferences, virtual excursions, online lectures, virtual space.

Каждый из видов этих мероприятий имеет свои особенности, специфику и свою целевую аудиторию. Выставки проводятся с целью демонстрации инноваций, развития системы продаж, а также укрепления имиджа компаний во внешней среде. Для проведения выставок, как правило, подбирают подходящее помещение, обеспечивают необходимым оборудованием и стендами. В процессе проведения выставки устраиваются семинары, мастер-классы и онлайн демонстрации возможностей продукта или услуги [4]. Выставка является базовым мероприятием для проведения форумов или конференций. Выставки могут работать как на постоянной основе, так и проводится периодически, либо носить разовый характер. Особое значение для выставки играет ее позиционирование во внешней среде. Сюда относятся факторы такие как состав участников, насыщенность деловой и развлекательной программы, наличие потенциальных инвесторов и партнеров, заинтересованных в заключении контракта. В этих условиях, система делового туризма должна стимулировать креативную идею, на которую будут ориентироваться основные участники выставки и конференции. Активными форматами общения являются деловые завтраки или ланчи. На данные мероприятия приглашаются потенциальные клиенты, партнеры или инвесторы. Сам деловой завтрак может быть организован в виде шведского стола или континентального завтрака,

который учитывает предпочтения приглашенных гостей. Деловой завтрак – это важная часть деловых переговоров, на которой закладываются основы подписания контрактов и деловых предложений. Решения вопросов о подписании контрактов проводят после завтрака, когда начинается основная часть деловой встречи. В процессе проведения деловой встречи, организуются фуршеты и кофе-брейки, в течение которых проводятся мероприятия, направленные на расширение культурной и познавательной программы деловых встреч [5].

Наряду с культурно-развлекательными мероприятиями, важное значение имеет деловая часть, которая является центральным звеном взаимодействия с контрагентами [2]. Деловые мероприятия направлены на обмен профессиональным опытом и для формирования делового имиджа компании или организации. Форма проведения мероприятия зависит от его значимости и уровня организации. Все деловые мероприятия можно разделить на международные, национальные, региональные и локальные (внутрифирменные). Все мероприятия можно подразделить на две группы: деловые и научные. Научные мероприятия преследуют цели обучения, нетворкинг и мотивацию. А деловые подразумевают тренинги, передачу опыта в виде ноу-хау, а также, организацию инсентив-туров с целью передачи практического опыта. Деловая конференция, как правило, проводится с целью передачи передового опыта, от профессионалов добившихся успеха в той или иной сфере бизнеса. Данный вид конференции проходит в формате деловых встреч, в течении которых происходит обмен опытом. Эти мероприятия проводятся на платной основе и в ней принимают участие только заинтересованные лица.

Наряду с традиционными подходами к организации event-мероприятий, за прошедший год широкое распространение получили онлайн конференции и виртуальные вебинары. Подобного рода мероприятия являются отличной альтернативой очным встречам и организациям выставок. Использование видео связи существенно экономит как время, так и ресурсы, затрачиваемые компанией на обсуждение деловых предложений. Онлайн мероприятия – это возможность прямого общения с деловыми контрагентами и партнерами, как внутри России, так и за рубежом. Существуют различные форматы организации видео связи; здесь можно выделить онлайн лекции, видео конференции и групповые обсуждения [3]. Для организации подобного рода встреч, различные цифровые платформы в виде прикладных программ, обеспечивающих как телеконференцию, так и трансляцию презентаций и видеороликов, поясняющих текст докладчика. Основным преимуществом онлайн мероприятий является обеспечение высокой мобильности контрагентов, позволяющей организовать встречу практически из любой точки земного шара, при этом количество участвующих в видео конференции практически не ограничено. Обеспечение эффекта присутствия дает возможность не только обсудить текущие проблемы, но и вернуться к отдельным вопросам, которые возникают по мере реализации

проекта. Подобный подход позволяет экономить время на внутренние коммуникации и продуктивной использовать рабочее время поскольку организатор конференции может наглядно продемонстрировать те или иные аспекты, проблемы или вопросы, представленные на обсуждениях. Формой проведения видео конференций могут быть вебинары, видеоконференции или лекции. Каждая из форм имеет свои преимущества и недостатки. Вебинары позволяют докладчику не только выступать перед аудиторией, но и содержит набор специальных инструментов, предназначенный для демонстрации презентаций и видеоконтента, а в отдельных случаях – и развернутых графических изображений, поясняющих текст выступления. Для вебинара характерно активное использование обратной связи в виде чатов и прямого общения по видеосвязи. Вебинары проводятся с целью группового обучения и позволяют охватить широкий круг аудитории в разных местах.

Вторым видом организации видеоконференций является непосредственно конференция, в которой есть главный организатор и участники. Конференция позволяет передавать аудио и видео материалы ее участникам, осуществлять обратную связь в виде видеоконференции.

Третьей формой проведения групповых встреч является лекция. Организаторы и докладчики имеют одинаковые права, что позволяет им использовать весь функционал видеосвязи, т.е. участники конференции могут передавать сообщения в чате и демонстрировать экран в процессе своего выступления.

Использование онлайн встреч и онлайн конференций, кардинально меняет подход к формам и методам организации деловых встреч и делового общения при заключении договоров и бизнес-предложений, поэтому возникают вопросы, связанные с переориентацией бизнеса на новые формы делового общения. В частности, на первый план выходит вопрос в каких формах будет представлен деловой туризм в будущем, поскольку использование виртуальных приемов позволяет не только более гибко подходить к организации встречи, но и многократно увеличивает период делового общения. Поэтому форма делового туризма и организация культурной программы заставляет организаторов прибегать к виртуальным экскурсиям и виртуальным путешествиям по заданной тематике. В этих условиях снижается общая подвижность, и задача организаторов заключается в предоставлении как можно более детальной информации о достопримечательностях или культурных объектах. Организация виртуальных экскурсий в настоящий момент является приоритетной задачей для компаний, организующих деловые экскурсии и деловые встречи. Для этого используются как обычные средства видеосвязи, так и специальное оборудование, позволяющее с помощью 3-D графики промоделировать экскурсию по музею или картиной галереи. Подобного рода экскурсии направлены не расширение использования информационных и интеллектуальных систем и позволяет максимально достоверно представить предмет искусства и культурного наследия во всех деталях для

деловых путешественников и простых туристов. В ближайшем будущем возможно моделирование не просто картин и предметов искусства, а воссоздание исторической эпохи, соответствующей тому или иному историческому периоду. В итоге, использование виртуальных технологий позволяет конечному пользователю представить историческую и культурную обстановку экскурсии или виртуального путешествия.

Подводя итоги, следует отметить, что трансформация форм проведения делового туризма ведет к изменению, как в организации мероприятий, так и в способах представления культурных и деловых встреч. Наблюдается активный переход от очных форм деловых встреч и конференций к виртуальным видеоконференциям и вебинарам.

Литература:

1. *Ваннесте М.* Архитектура делового мероприятия: Манифест / М. Ваннесте. М. : ЛитагентРидеро, 2016. С. 56–57.
2. *Жукова М.А.* Менеджмент в туристском бизнесе / М.А. Жукова. М. : Кнорус, 2020. С. 109–110.
3. *Фролова Е.В.* Культурно-познавательный туризм в России: потенциал и оценка качества / Е.В. Фролова, О.В. Рогач // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 4. С. 187–188.
4. *Чудновский А.Д.* Управление индустрией туризма России в современных условиях : монография / А.Д. Чудновский, М.А. Жукова. М. : КноРус, 2017. С. 213–214.
5. *Юркова А.* Конференц-анатомия : Как найти себя в мире индустрии встреч / А. Юркова. М. : ЛитагентРидеро, 2015. С. 74.

В этих условиях центральное звено играет эффективное использование интеллектуальных технологий, позволяющих объединить в единое целое зачастую территориально разобщенные объекты. Особую актуальность это носит для деловых встреч, организуемых в регионах и небольших городах центральной России. Как правило, такие мероприятия проводятся в начале лета и осенью, когда наблюдается спад туристической активности. Помимо этого, деловой туризм сможет активно использовать интеллектуальную составляющую для организации информационного обмена и обмена опытом, связанного не только с проведением деловых встреч, но и с организацией культурной программы имеющих свою целевую аудиторию.

Literature:

1. *Vanneste M.* Architecture of a business event: Manifesto / M. Vanneste. M. : LitagentRidero, 2016. P. 56–57.
2. *Zhukova M.A.* Management in the tourism business / M.A. Zhukova. M. : Knorus, 2020. P. 109–110.
3. *Frolova E.V.* Cultural and educational tourism in Russia: potential and quality assessment / E.V. Frolova, O.V. Rogach // Social Policy and Sociology. 2017. Vol.16. № 4. P. 187–188.
4. *Chudnovsky A.D.* Management of the tourism industry in Russia in modern conditions: monograph / A.D. Chudnovsky, M.A. Zhukov. M. : KnoRus, 2017. P. 213–214.
5. *Yurkova A.* Conference anatomy: How to find yourself in the world of the meeting industry / A. Yurkova. M. : LitagentRidero, 2015. P. 74.

Капустина Надежда Николаевна
ассистент кафедры
социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
kapustinavanya@yandex.ru

Nadezhda N. Kapustina
Assistant of the Department
Social Technologies
and Public Service,
Belgorod State National
Research University
kapustinavanya@yandex.ru

Консолидация сельского муниципального сообщества: ценностный аспект

CONSOLIDATION OF THE RURAL MUNICIPAL COMMUNITY: VALUE ASPECT

Аннотация. В статье уделено внимание ценностям, которые составляют основу для формирования консолидационного потенциала местного сообщества. Автором была предпринята попытка обозначить конкретные ценности общества, выявленные в результате социологического исследования на предмет формирования консолидированного сельского сообщества. Основной акцент автор делает на позицию сельского населения, выявляя понимание значимости процесса консолидации в месте их проживания.

Ключевые слова: ценности, консолидация, солидарность, взаимопомощь, социальная справедливость, местное сообщество, ресурсы консолидации, консолидационный потенциал.

Annotation. The article focuses on the values that form the basis for the formation of the consolidation potential of the local community. An attempt was made to identify the specific values of society, identified as a result of sociological research for the formation of a consolidated rural community. The author makes the main emphasis on the position of the rural population, revealing an understanding of the importance of the consolidation process in their place of residence.

Keywords: values, consolidation, solidarity, mutual assistance, social justice, local community, resources of consolidation, consolidation potential.

Современное общество, в силу своей многогранности и разнородности, идет по пути постоянных изменений. Ежедневно в жизнь человека проникают различные технологии, новые продукты, появляется желание к новой деятельности и т.д. Зачастую, человек стремится преобразовывать и образовывать себя ежедневно: у кого-то получается это спонтанно, а кто-то напротив, сознательно к этому стремится. Но как, в суте быстро сменяющихся друг друга дней, обращать внимание не только на самого себя, но и на окружающих тебя людей, и находить с ними общую точку развития, которое будет способствовать общественной солидарности и консолидации? Создание солидарного общества является целевым ориентиром государства, региона и каждого муниципального образования. Кроме того, проблема социальной солидарности и интеграции общества стоит в ряде первоочередных вопросов для изучения в социологии. Солидарность как важнейший фактор существования общества и государства рассматривали ряд ученых-социологов, которые представляли различные интерпретации понятиям «солидарность», «консолидация», однако, вкладывали в них общий смысл: интеграция объединяющих общество начал, основанных на пропаганде важнейших ценностных общественных качеств: дружбы, взаимопомощи,

взаимопонимания, ответственности, патриотизма, справедливости и пр.

Современная государственная политика сегодня актуализирует понятие общественной консолидации, которое выступает основополагающим ориентиром развития общества, а также разрабатывает оптимальный вектор развития конъюнктивных связей в социуме. Упомянутый ориентир развития должен быть целенаправлен на формирование активного и плодотворного взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества. Следует сказать, что в силу своего авторитета и власти государство в лице своего лидера и команды политической элиты способно «навязывать» ценности, образующие консолидационный потенциал всего российского общества. Т.е. через формируемый дискурс государство предлагает социуму определенный набор ценностей, которые обладают консолидационным потенциалом и, следовательно, задает основу формирования желаемого типа солидарности в социуме [1, с. 31]. Так, исследование О.В. Захаровой «Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015)» дает четкую картину места консолидации общества в государственной политике РФ. Автор исследования

анализирует официальный конъюнктивный дискурс главы государства РФ, в особенности, консолидационную риторику. В результате рассматриваемого нами исследования было выявлено, что Президент РФ в ежегодных посланиях Федеральному собранию с 2000 по 2008 и с 2012 по 2014, а также, в настоящее время, констатирует важность и необходимость процесса консолидации общества, выдвигая ее как одну из ключевых позиций в своем политическом дискурсе.

Следует сказать, что общество любого уровня всегда следует за лидером. Это сложилось исторически и действует сегодня. Если в основе интересов лидера будет лежать консолидация общества и его развитие, то в скором времени это представится возможным и достижимым. О.В. Захарова отмечает, что основная схема репрезентации концепта «консолидация» выражается в конструировании данного феномена как явления необходимого и обязательного для достижения всеобщего блага. Т.е., консолидация общества является неотъемлемым условием формирования сильного государства, развитого гражданского общества, конкурентоспособной рыночной экономики и защиты прав граждан. К изучению феномена консолидации общества нельзя подходить однозначно. Консолидацию необходимо разделить хотя бы на три уровня. Мы выделяем муниципальную консолидацию, региональную и государственную консолидацию. Однако стоит отметить, что консолидации любого вида необходимо придерживаться важной позиции: «сохранение духовности, нравственности и национальной самобытности русского народа» [2].

В данной статье мы рассмотрим консолидацию сельского муниципального сообщества, потому, как сельские жители в большинстве своем формируют базис российского общества и наращивают консолидационный потенциал страны.

«Россия без деревни не Россия, – говорил Валентин Распутин. – Да, мы пошли по пути, по которому идёт так называемый цивилизованный мир. Нам бы действовать осторожнее, а мы – сразу: не хотим отставать. Хотим из кожи вон. Но город – это поверхность жизни, деревня – глубина, корни. Оттуда приходили люди, принося с собой свежие голоса, свежие чувства. Сколько бы водохранилищ мы ни понастроили, а водичку любим пить родниковую...» [5].

Как было отмечено выше, консолидация – это ценность современного человечества. Однако, что имеется в виду при упоминании понятия «ценность консолидации» и почему данный феномен является ценностью для человека – эти вопросы требуют детального рассмотрения.

Особое внимание к системе общественных ценностей в большинстве своем вызвано увеличением уровня общественной нестабильности и постоянными изменениями в социально-политической сфере. Ценность консолидации граждан относится к числу ценностей, «которые разделяются большинством граждан и организаций, вне зависимости от их политической, религиозной или иной специфики» [3].

На наш взгляд, создавать и преумножать консолидационный потенциал муниципального сообщества необходимо, опираясь на непосредственно ценности, заложенные в подсознание русскому человеку исторически. Современная ситуация, сложившаяся в культурном и социально-политическом пространстве заставляет задуматься о понятии «ценность». И для этого есть весомые основания, указывающие на ценностный кризис общества. Это – такие обстоятельства, как:

1. «Тотальное проникновение» современных информационных технологий в повседневную жизнь человека (мы говорим об Интернет-паутине), которые предоставляют массы «нефильтруемой» информации пользователю, влияющую на подсознание человека и меняющую его ценностные ориентиры.
2. Низкий уровень знаний современной молодежью истории своей страны, своей малой родины, отсюда непонимание стремления государства к интеграции населения.
3. Непричастность человека к жизнедеятельности своего родного территориального образования, выражающаяся в безынициативности самих граждан и безучастности в процессах преобразования социального, экономического, культурного и иных жизненно важных сфер вокруг себя.
4. «Отбрасывание» на задний план важнейших духовно-нравственных понятий и пр.

В иной литературе мы можем найти ряд других причин, препятствующих должному существованию общепринятых в социуме ценностей, которые, в свою очередь, могли бы продвинуть вперед процесс консолидации граждан сельского сообщества. Ряд научных деятелей делают акцент на том, что формированию консолидационного потенциала населения могут способствовать именно традиционные ценности человека. В связи с этим, В.Н. Дежнев и О.В. Новикова в статье «Традиционные ценности: к определению понятия» определяют их как «ценности консервативные, выражающие идеологическую приверженность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам» [4, с. 73]. Следует сказать, что традиция, как таковая, не должна исключать каких-либо преобразований, проявления изменений, возникновения чего-либо совершенно нового, но традиция выступает противником слепого заимствования и копирования, «механического перенесения на отечественное пространство чуждых, неприемлемых ценностей» [4, с. 74].

Для муниципального сельского сообщества важна история своей малой родины, причастность к чему-то родному и незыблемому, уверенность в «своей» системе ценностей, непоколебимо обеспечивающей идентификацию местного сообщества на региональном и государственном уровнях.

Сегодня как российское общество, в целом, так и муниципальное сообщество испытывает дефицит духовных ценностей – основы построения

реального консолидированного общества. Такие категории, как милосердие, сострадание, взаимопомощь, взаимответственность уходят на второй план, уступая эгоизму, своенравию, ответственности не подчиненности общепринятым ценностям.

Однако вышеназванные категории консолидации, исторически, делали русский народ крепче и сильнее.

Анализ социологического исследования «Особенности процессов консолидации сельских муниципальных сообществ», которое проводилось в 2020 году среди сельского населения муниципальных районов Белгородской области, показал, что сельское население пропагандирует весьма разнообразные ценности консолидационного общества в местах своего проживания. Изначально, необходимо сказать, что большинство сельчан, а это 78,51 %, хорошо представляют, что такое консолидация, солидарность и связанные с данными процессами понятия. И лишь 11,16 % респондентов совершенно не знают, что обозначают вышеупомянутые категории. На вопрос «Возможна ли консолидация сегодня?», мнения респондентов распределились следующим образом: утвердительно ответили 66,11 %, отрицательно заявили 12,97 % респондентов и 20,92 % опрошиваемых затруднились ответить.

Далее, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Что может способствовать консолидации граждан на селе»? Ответы распределились в следующем порядке:

– наличие общих традиционных ценностей – 41,29 %. Действительно в ряде научной литературы отмечается, что традиция на селе – это важнейший фактор объединения сельчан и выстраивания их жизненного уклада;

– наличие общего дела – 31,95 % респондентов придерживаются данного ответа. Без сомнения, общее дело способно полностью вовлечь население и, главное, объединить его. Желая реализовать задуманное, односельчане «бросают в дело» все имеющиеся у них силы и ресурсы, подтверждая тем самым сопричастность каждого из них;

– наличие тесных родственных и соседских связей – 24,90 %. Данное утверждение является важнейшим фактором формирования консолидационного процесса на селе. Ведь исключительной характеристикой села является многогранность родственных и соседских связей, а зачастую, те самые соседские связи приравниваются к родственным, не по кровному признаку, а по вовлеченности друг друга в рутинные жизненные проблемы.

Литература:

1. Захарова О.В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015) / О.В. Захарова // Вестник института социологии. 2016. № 2(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-reprezentatsii-kategorii-konsolidatsiya-v>

Далее, факторами, способствующими консолидации граждан на селе, были выделены следующие:

– отсутствие значительных различий в положении людей – 21,78 %;

– занятость практически одинаковым трудом (аграрная сфера, колхоз и пр.) – 20,95 %;

– открытость и ответственность власти – 19,09 %;

– целенаправленная государственная политика – 18,46 %;

– развитие благотворительности, волонтерства – 15,77 %;

– пропаганда в СМИ, в социальных сетях – 12,86 %.

В процессе консолидации местного сообщества очень важное место занимают отношения между людьми. На селе принято весьма тесное общение местных жителей друг с другом, прежде всего, в силу того, что население, зачастую, занято одним и тем же трудом, и большинство населения знает друг друга лично. В ходе исследования было выяснено, большинство жителей сельского поселения ценят отзывчивость и готовность прийти на помощь. Данный фактор оказался определяющим у 54,32 % респондентов. На второе место сельское население определило «честность и порядочность» – 51,23 %. Также, были названы следующие ценности, которые, по мнению респондентов, должны присутствовать в отношениях между людьми: доверие – 28,60 %; мораль и нравственность – 26,95 %; социальная справедливость – 22,22 %; любовь и взаимопонимание – 20,78 %; социальная ответственность – 17,28 %.

Подытожив все вышесказанное, мы можем прийти к выводу о том, что прежде чем привести общество к консолидационному типу, необходимо понять, какие ценностные ориентиры присущи именно данному типу общества, иначе навязывание «искусственных» ценностей лишь усугубит ситуацию и станет весомым препятствием на пути к консолидации. Следует отметить, что вышеназванные ценности не должны ограничиваться, напротив, существует ряд мнений о ценностной основе консолидации местного сообщества. Это такие ценности, как, например, уровень коррупцигенности управленческого блока, ценность справедливости, духовности, общественной морали и пр. Поэтому важно понимать, что ценность, как таковая, несет в себе смысл чего-то важного, значимого и полезного, но – главное то, что данные категории должны всецело восприниматься самим обществом.

Literature:

1. Zakharova O.V. Strategies for representing the category of «consolidation» in the conjunctive discourse of the Russian president (2000–2015) / O.V Zakharova // Bulletin of the Institute of Sociology. 2016. № 2(17). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-reprezentatsii-kategorii-konsolidatsii>

konyunktivnom-diskurse-rossii-skogo-prezidenta-2000-2015/viewer (дата обращения 12.03.2021).

2. *Щенникова К.Ю.* Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России / К.Ю. Щенникова // *Власть*. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii> (дата обращения 13.03.2021).

3. *Кошарная Г.Б.* Ценностные основы консолидации населения России / Г.Б. Кошарная, Н.В. Корж // *Общественные науки. Социология*. 2015. № 1(33). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovy-konsolidatsii-naseleniya-rossii> (дата обращения 13.03.2021).

4. *Дежнев В.Н.* Традиционные ценности: к определению понятия / В.Н. Дежнев, О.В. Новикова // *Материалы всероссийской научно-практической конференции «Стереотипы в глобальном пространстве: социальный, медийный и гендерный аспекты»*. 2015. URL : <file:///C:/Users/%D0%9D%D0%90%D0%94%D0%AF/Downloads/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya.pdf> (дата обращения 14.03.2021).

5. *Калинин А.* Без деревни страна – сирота: заметки публициста о судьбе российской провинции / А. Калинин. URL : http://www.stoletie.ru/obschestvo/bez_derevni_strana_sirota_740.htm (дата обращения 12.03.2021).

ya-v-konyunktivnom-diskurse-rossii-skogo-prezidenta-2000-2015/viewer (date of application 12.03.2021).

2. *Shchennikova K.Yu.* Traditional values as a factor of preservation and unity of modern Russia / K.Yu. Shchennikova // *Power*. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii> (date of application 13.03.2021).

3. *Kosharnaya G.B.* Value foundations of the consolidation of the population of Russia / G.B. Kosharnaya, N.V. Korzh // *Social sciences. Sociology*. 2015. № 1(33). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-osnovy-konsolidatsii-naseleniya-rossii> (date of application 13.03.2021).

4. *Dezhnev V.N.* Traditional values: towards the definition of the concept / V.N. Dezhnev, O.V. Novikova // *Materials of the All-Russian scientific-practical conference «Stereotypes in the global space: social, media and gender aspects»*. 2015. URL : <file:///C:/Users/%D0%9D%D0%90%D0%94%D0%AF/Downloads/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya.pdf> (date of application 14.03.2021).

5. *Kalinin A.* Without a village, a country is an orphan: publicist's notes on the fate of the Russian province / A. Kalinin. URL : http://www.stoletie.ru/obschestvo/bez_derevni_strana_sirota_740.htm (date of application 12.03.2021).

Каспаров Аскер Робертович

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
mr.kasparov.01@mail.ru

Акчурин Ильдар Сабирович

заместитель начальника ОМВД России
по Красногвардейскому району,
начальник
полиции МВД по Республике Адыгея,
подполковник полиции
mr.kasparov.01@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА
ПОЛИЦЕЙСКИХ КАК ОБЪЕКТ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Аннотация. В статье отмечается, что в условиях глубоких социальных трансформаций российского общества происходит активное реформирование полиции. В этой ситуации на передний план выходит профессиональная этика российских полицейских, которая позволяет преодолеть многие дезорганизационные аспекты в работе полиции, добиться добровольного, осознанного следования сотрудниками в своей деятельности не только требованиям норм права, но и морали. Социология стремится посредством, прежде всего эмпирических исследований, провести всесторонне описание профессиональной этики российских полицейских на современном этапе, определить основные тенденции ее динамики.

Ключевые слова: общество, социальный институт, реформа, полиция, профессиональная этика, морально-нравственные принципы, социологический анализ.

В условиях реформирования МВД России важное значение приобретают различные факторы, связанные с духовной жизнью общества. В частности, в последние годы все большее внимание уделяется профессионально-этическим аспектам деятельности сотрудников полиции. Научная и социально-управленческая мысль все больше солидаризируются в том, что в трансформирующемся российском обществе XXI в. устоявшиеся алгоритмы реагирования на различные реформируемые аспекты деятельности полиции, вряд ли, возможны. Соответственно, основной задачей социологической науки становится анализ характеристик происходящих

Asker R. Kasparov

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
mr.kasparov.01@mail.ru

Ildar S. Akchurin

Deputy Head of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in the Krasnogvardeisky district,
Chief the Police of the Ministry of Internal
Affairs in the Republic of Adygea,
Police Lieutenant Colonel
mr.kasparov.01@mail.ru

**PROFESSIONAL ETHICS
OF POLICE OFFICERS AS AN OBJECT
OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Annotation. The article notes that in the conditions of deep social transformations of the Russian society, the police are actively being reformed. In this situation, the professional ethics of Russian police officers comes to the fore, which makes it possible to overcome many disorganizing aspects in the work of the police, to achieve voluntary, conscious compliance by employees in their activities not only with the requirements of law, but also morality. Sociology seeks, first of all, through empirical research, to carry out a comprehensive description of the professional ethics of Russian police officers at the present stage, to determine the main trends in its dynamics.

Keywords: society, social institution, reform, police, professional ethics, moral principles, sociological analysis.

процессов и выработка рекомендаций для государственного управления.

Следует обратить внимание на то, что морально-этические аспекты правоохранительной деятельности, важное место в которой принадлежит полиции, весьма сложно регулируются посредством нормативно-правовых установлений, потому что этика связана с духовной жизнью общества, а право, в большей мере – с социально-политической сферой – во всяком случае, с позитивным правом, устанавливаемым государством и поддерживаемым силой его принуждения. Именно поэтому усилий государства и его правовой

системы для формирования морально-этического облика полицейских недостаточно. В данной ситуации должны быть задействованы и альтернативные механизмы, инструменты, способные формировать и поддерживать морально-этические стандарты, эталоны в работе полицейских. Очевидно, что центральную роль здесь играет такой фактор макросреды, как духовная культура общества, формирующая, в свою очередь, духовный облик личности в процессе ее социализации, воспитания, инкультурации. В случае стабильно функционирующего института духовной культуры морально-этический облик сотрудников полиции, в целом, обеспечивается. Напротив, при возникающих дисфункциях института духовной культуры (в современном российском обществе, столкнувшемся с экспансией массовой культуры потребления Запада, сложилось именно такая ситуация) важное значение имеют и иные аспекты.

Рассуждая о профессиональной этике, следует отметить, что, в данном случае, речь идет о широком диапазоне воздействий на личность со стороны социокультурной системы, непосредственно связанных с особенностями духовной жизни того или иного общества на определенном историческом этапе его развития. Именно поэтому профессиональную этику, с объективной научной точки зрения, было бы некорректно рассматривать как обособленный, полностью самостоятельный элемент социокультурного бытия.

Немаловажное значение в современных условиях трансформирующегося общества имеет и тот широкий социальный контекст, в рамках которого существует профессиональная этика, развивается, совершенствуется, модернизируется. Социальная действительность дифференцируется на множество пластов, связанных, в том числе, и с социально-профессиональными слоями, группами. Этот аспект также важно учитывать при анализе особенностей профессиональной этики.

Рассмотрение профессиональной этики полицейских предполагает учет уникальных особенностей данного социально-профессионального и социокультурного образования. Очевидно, что показатели профессиональной этики по ряду критериев сходны во всех трудовых, производственных, служебных коллективах; в то же время, именно у сотрудников полиции, вследствие особых условий их службы, формируется уникальная профессиональная этика, что стало предметом исследования ученых – представителей различных общественных наук.

Важную роль в процессе формирования профессиональной этики, в том числе, и сотрудников полиции, играет институт образования. Л.В. Елагина отмечает: «В условиях кардинальных изменений, происходящих в социокультурных, социально-экономических отношениях мире и в нашей стране в условиях глобализации и информатизации общества, перед профессиональным образованием стоит задача повышения его качества, предполагающая, в результате, высокий уровень культуры профессиональной деятельности выпускников учебных заведений системы МВД,

соответствие их профессионализма требованиям постиндустриального общества, готовность к самообразованию и самосовершенствованию» [3].

А.М. Николаевская обращает внимание на феномен профессиональной морали. Как полагает исследователь: «Профессиональная мораль представляет собой вид духовно-практического освоения действительности, отграниченного рамками творческой профессиональной деятельности и, имеющего своим смыслом, регуляцию взаимоотношений участников трудового процесса с точки зрения утверждения гуманистического назначения профессиональной деятельности, общечеловеческих нравственных ценностей. Глубинный смысл профессиональной морали заключается в социально-чувствительном отношении личности к ожиданиям и запросам общества, представляемым к ней как к представителю определенной профессиональной общности» [6, с. 6].

Одной из важнейших проблем становления профессиональной этики, по мнению А.М. Николаевской, является поиск специфических сочетаний профессиональных и этических элементов, которые бы максимально «сотрудничали» между собой. Наличествует некий набор (система) нравственных качеств, составляющих социальность индивида, идущих от общества в качестве своего рода социально-исторического заказа и образующих этику профессионала любой из «этичных» профессий. Но есть качества социально-нравственного свойства, которые «идут», в решающей мере, именно от профессии. Эти качества специфичны уже в том, что они в полной мере выражают уникальность, особенность данной профессиональной сферы и только для данной профессии имеют заверченный характер [6, с. 9].

Таким образом, этика, так или иначе, сопровождает множество профессий, «пронизывает» их. Взаимосвязь профессий с этическими принципами позволяет достичь определенного социокультурного фундамента в профессиональной деятельности, институционализировать ее. Не является здесь исключением и профессиональная этика полицейских.

Исследователи обращают внимание на ключевую роль профессиональной этики в создании образа полиции в общественном мнении россиян. Как отмечается, «современный российский полицейский должен быть профессионально компетентным, обладать знанием социальных проблем общества, быть приверженцем идеи демократических свобод, прав человека и гражданина, соблюдать нормы служебного поведения и профессиональной этики» [2].

По мнению Н.В. Ерошенкова и Е.И. Ерошенковой: «В правоохранительной деятельности имеют особо ценное, специальное значение нормы справедливости, беспристрастности, долга, ответственности, нетерпимости к злу и борьбы с ним и др. Есть нормы и узкопрофессиональные, представленные:

а) нормами служебного этикета при обращении к гражданам, обращении граждан к сотруднику, при

приеме населения, общении с гражданами, общении с коллегами, с начальником, при телефонных переговорах и др.;

б) профессионально-деонтологическими нормами, регламентирующими действия и поступки сотрудников ОВД. Перечисленные нормы отражены в служебных документах – уставах, положениях, наставлениях, директивах, инструкциях и т.п.» [4].

Для социологической науки, особенно эмпирической, важное значение имеет разработка системы непротиворечивых индикаторов (признаков), позволяющих объективно оценить уровень профессиональной этики сотрудников полиции. Объясняется это тем, что нормативно-правовые (формализованные) индикаторы во многих случаях оказываются неприменимыми ввиду более тонкой, «чувствительной» системы оценок, а неформальные индикаторы далеко не всегда оказываются валидными проблемной ситуации.

Как полагает И.П. Исаевой: «Главными критериями оценивания этики полицейского является профессиональный долг и честь сотрудников ОВД, моральная ценность их профессиональной деятельности. Нравственный долг любого сотрудника всей системы правоохранительной деятельности – это уважение человеческого достоинства и справедливого отношения к человеку. Непременным условием законности его деятельности является четкое усвоение требований нравственности при решении вопроса о применении тех или иных действий» [5].

Социологический анализ профессиональной этики российских полицейских должен и учитывать и комплекс факторов, влияющих на формирование и последующее развитие профессионально-этических принципов. Следует отметить, что профессиональная этика сотрудников полиции формируется посредством воздействия широкого комплекса факторов. Здесь важную роль играют как факторы внешней, так и внутренней социальной среды. Кроме того, в различных странах, под влиянием разнообразных национальных культур, профессиональная этика сотрудников полиции может существенным образом меняться. Сказываются и социально-политические особенности общества, прежде всего, тот политический режим, который господствует и оказывает непосредственное влияние на морально-нравственный облик полицейских. Именно поэтому анализ профессиональной этики сотрудников полиции должен учитывать социально-исторический, социально-политический и социокультурный контекст, в котором эта этика существует.

В свою очередь, Е.А. Вызулин убежден в том, что профессионально-этическая культура сотрудников правоохранительных органов формируется под влиянием ряда факторов:

– внешних (государственной политики; степени усвоения ценностей; специфики социально-профессиональных отношений; отдельных аспектов социальной стратификации общества; идеологии; степени развития научного знания и его отражение в системе образования);

– внутренних (социального и культурного пространства профессии, что создает определенные ограничения или возможности; специфику отношений со смежными узкими специальностями; отдельных аспектов информационно-коммуникативной деятельности профессионалов; индивидуального профессионального опыта);

– субъективных (общей культуры; мотивации личности к получению дополнительного профессионального образования; склонности к социальной практике по специальности);

– объективных (общих тенденций образования; состояние системы образования и качества образования; культуры образовательной организации; престижа профессии в обществе) [1].

Таким образом, профессиональная этика сотрудников российской полиции имеет глубокие социокультурные основы. Этика – элемент духовного бытия социума. В силу тесной взаимосвязи этики и духовной культуры, в том числе, и различных элементов этики, связанных с деятельностью людей, групп, классов, социальных и профессиональных организаций. Именно этика непосредственно связана с господствующей в социуме моралью. Именно поэтому профессиональная этика российских полицейских тесным образом взаимосвязана с:

1) общей этикой общества;

2) обусловлена конкретными социально-профессиональными особенностями (применительно к сотрудникам полиции: закрытость, экстремальный, стрессовый характер труда, жесткая формализация взаимоотношений, глубокое взаимопроникновение норм права и морали в процессе несения службы).

Профессионально-этические требования к российским полицейским, и в этом проявляется их несомненная уникальность, охватывают широкий временной промежуток, в который, помимо служебного (рабочего) времени, входит и неслужебное. Следовательно, сложность социального статуса полицейского проявляется в том, что, в отличие от представителей других профессий, полицейский обязан и в свободное от работы время соответствовать высоким морально-этическим нормам. Безусловно, не все сотрудники полиции морально и физически готовы к такой высокой ответственности, чем и объясняются, время от времени возникающие девиации в их поведении. Исследователи, зачастую, связывают проблемы девиаций в поведении полицейских с нарушениями при отборе кандидатов, в психологической работе с ними и т.п. Вместе с тем, сама специфика службы, ее условия также способствуют обострению данной проблемы.

В этой связи, очевидно, что социологический анализ профессиональной этики российских полицейских обладает несомненными сильными сторонами. Прежде всего, в отличие от психологии, именно социологическая наука способна осуществлять масштабные количественные

проекты, охватывающие одновременно множество субъектов РФ, где несут службу полицейские, и предоставлять статистически значимую репрезентативную информацию о специфике профессиональной этики – как, в общем контексте, так и в региональном аспекте. В то же время, именно социология обладает широкими возможностями анализа морально-этического облика полицейских посредством качественных методик и техник, что позволяет не только осуществлять всестороннее описание этих социокультурных

Литература:

1. *Вызулин Е.А.* Компоненты модели и факторы формирования профессионально-этической культуры сотрудников полиции в условиях дополнительного профессионального образования / Е.А. Вызулин // Прикладная юридическая педагогика: от теории к практике. Н. Новгород, 2017. С. 20–24.
2. *Гордиенко В.В.* Полицейская этика: научно-правовой и исторический аспект / В.В. Гордиенко, Л.М. Колодкин, Д.К. Нечевин // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 3. С. 3–12.
3. *Елагина Л.В.* Формирование культуры профессиональной деятельности будущего специалиста на основе компетентностного подхода: методология, теория, практика : дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2009.
4. *Ерошенков Н.В.* Сущность и специфика профессиональной нравственности курсантов вузов МВД России / Н.В. Ерошенков, Е.И. Ерошенкова // Научные ведомости. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 24. С. 134–140.
5. *Исаева И.П.* Полицейская этика и служебный этикет сотрудника полиции в XXI в. / И.П. Исаева // Наука и образование сегодня. 2019. № 6.
6. *Николаевская А.М.* Проблемы формирования профессиональной морали молодого специалиста: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. Харьков, 1992.

элементов, но и получать верифицированную картину с применением количественных методов. И, наконец, именно в социологической науке всесторонне разработана соответствующая методология анализа – для этих целей служит отраслевые «социология культуры» и «социология духовной жизни». Именно поэтому актуальность и перспективность социологического изучения профессиональной этики российских полицейских как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, не вызывает сомнений.

Literature:

1. *Vyzulin E.A.* Components of the model and factors of formation of professional and ethical culture of police officers in the conditions of additional professional education / E.A. Vyzulin // Applied legal pedagogy: from theory to practice. N. Novgorod, 2017. P. 20–24.
2. *Gordienko V.V.* Police ethics: scientific, legal and historical aspect / V.V. Gordienko, L.M. Kolodkin, D.K. Nechevin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 3. P. 3–12.
3. *Elagina L.V.* Formation of the culture of professional activity of the future specialist on the basis of the competence approach: methodology, theory, practice : dis. ... doctor of pedagogical sciences. Chelyabinsk, 2009.
4. *Eroshenkov N.V.* The essence and specificity of professional morality of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / N.V. Eroshenkov, E.I. Eroshenkova // Scientific statements. Humanities series. 2015. № 24. P. 134–140.
5. *Isaeva I.P.* Police ethics and service etiquette of a police officer in the XXI century. 2019. № 6.
6. *Nikolaevskaya A.M.* Problems of formation of professional morals of a young specialist: sociological analysis : dis. ... cand. of social sciences. Kharkiv, 1992.

Кохан Жанна Сергеевна
кандидат философских наук,
доцент,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права
ZGolovko99@rambler.ru

Рыболова Елена Анатольевна
кандидат исторический наук,
старший преподаватель,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права
yolka76@mail.ru

Толстик Виктор Александрович
кандидат философских наук,
доцент,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права
Vicsan61@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ КОМПОНЕНТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. Актуальность сохранения исторической памяти в современный век глобализации обусловлена распространением мультикультурности, что особенно характерно стало для Европы. В наши дни в средствах массовой информации, в заявлениях политиков, в выступлениях неофициальных лиц происходит трансформация, а иногда целенаправленное искажение исторического прошлого. В связи с этим, в статье поднимается проблема сохранения исторической памяти и преследуется цель: выявить отношение молодых людей к значимой странице истории – Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: историческая память, общественное сознание, историческое сознание, Великая Отечественная война, отношение молодежи.

Введение.
Актуальность сохранения исторической памяти в современный век глобализации обусловлена распространением мультикультурности, что особенно характерно стало для Европы. Стирание национальных и культурных границ между странами, приводит к необходимости обращать повышенное внимание на формирование у молодого поколения социальной памяти, как средства сохранения народом своей идентичности. Если совсем еще недавно источником знаний были учебные заведения, книги, то с появлением телевидения и, тем более, сети интернет, ситуация изменилась. Современные молодые

Zhanna S. Kohan
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law
ZGolovko99@rambler.ru

Elena A. Rybolova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer,
Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law
yolka76@mail.ru

Victor A. Tolstikov
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Belgorod University
of Cooperation, Economics and Law
Vicsan61@yandex.ru

HISTORICAL MEMORY AS THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

Annotation. The relevance of preserving historical memory in the modern age of globalization is due to the spread of multiculturalism, which is especially typical for Europe. Nowadays, in the media, in the statements of politicians, in the speeches of unofficial persons, there is a transformation, and sometimes a purposeful distortion of the historical past. In this regard, the article raises the problem of preserving historical memory and aims to identify the attitude of young people to a significant page in the history of the Great Patriotic War.

Keywords: historical memory, the public consciousness, historical consciousness, The Great Patriotic War, attitude of youth.

люди формируют свои знания из множества информационных каналов, причем не всегда получая достоверную информацию.

По мнению одного из отечественных социологов, доктора философских наук Ж.Т. Тощенко, историческая память «представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей» [5].

Историческая память выражается в отношении людей к отдельным фрагментам прошлого. Эти представления могут передаваться от поколения к поколению в неизменном или мало измененном виде, а может претерпевать серьезные изменения. Из этих взглядов, идей, убеждений формируется понимание себя как части культурно этнического сообщества, без которого невозможно сохранить целостность, жизнеспособность нации. Поэтому важно не упустить момент, когда эта цепочка, связывающая различные поколения между собой, может прерваться, так как молодое поколение будет представлять собой некий чуждый антагонистический элемент.

Наш опрос имеет целью рассмотрение отношения молодых людей к событию, которое, чаще всего, в начале XXI века подвергается ревизии в мировом сообществе, а именно – к Великой Отечественной войне. Его результаты не будут, конечно, являться всесторонним социологическим исследованием, но помогут обнаружить сходства и различия во взглядах, представлениях, отношениях части молодежи на важнейшее событие прошлого. Исследование является срезом среди потребителей коллективной памяти для которых характерно потреблять, опровергать, трансформировать культурные традиции, созданные творцами памяти и под влиянием коммуникативной памяти [2].

В ходе исследования применялся метод группового анкетирования, которое проводилось в виде анонимного, самостоятельного заполнения анкеты респондентами. Вопросы по содержанию направлены на выявление мнения, представлений и знаний молодежи по интересующей нас теме – Великая Отечественная война. Вопросы по форме относятся к закрытым и прямым. Применялся диалектический метод, позволивший рассмотреть респондентов, представляющих молодежь как живой организм наиболее склонной к изменениям.

Проведенное нами анкетирование осуществлялось среди студентов первого курса (16–17 лет) различных специальностей среднего профессионального образования (56 респондентов), обучающихся в Белгородском университете кооперации, экономики и права.

Результаты исследования.

По первому вопросу: «Отношение к празднику 9 мая и Великой Отечественной войне», ответы распределились следующим образом:

- 1) рассматривают 9 мая как важнейший государственный и народный праздник – 80 % респондентов;
- 2) обычный праздник, как все другие: повод отдохнуть в весенний день – 20 %;
- 3) вообще не чувствую, что это праздник – 1 %.

По второму вопросу: «Отношение к шествию «Бессмертный полк» в День Победы, были получены следующие ответы:

- 1) принимаю участие с удовольствием в акции «Бессмертный полк» – 55 % опрошенных;
- 2) участвую в акции «Бессмертный полк» только по принуждению со стороны учебного заведения, родителей и т.д. – 27 %;
- 3) не люблю эту шумиху вокруг незначительного для меня события, поэтому и уклоняюсь от участия в подобных праздничных мероприятиях – 18 %.

На третий вопрос: «Как Вы думаете, будет ли через 50 лет праздник 9 мая отмечаться в нашей стране?», ответы распределились таким образом:

1. 77 % считают, что и через 50 лет в нашей стране этот праздник не будет забыт.
2. Остальные респонденты (23 % соответственно) высказали противоположное мнение.
3. Затруднее в ответе этот вопрос не вызвал ни у одного респондента.

На четвертый вопрос: «Знаете ли, кто из вашей семьи, среди родственников был на фронте?» были даны ответы:

- 1) да, знаю по именам – 62 % студентов выбрали этот вариант;
- 2) 32 % – знаю, что кто-то воевал, но имен не помню;
- 3) 5 % студентов вообще этой темой не интересовались.

По пятому вопросу: «Кто внес главный вклад в разгром фашистской Германии в годы второй мировой войны?», ответы распределились следующим образом:

- 1) большой вклад в разгром фашистской Германии и ее союзников внес СССР – 77 % респондентов;
- 2) США – 7 %;
- 3) остальные 16 % определили ключевую роль за союзными странами: СССР, США, Великобританией.

Давая ответ на шестой вопрос «Что лежало в основе героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны?», студенты выбрали следующие ответы:

- 1) воинский и гражданский долг – 5 %;
- 2) любовь к Родине, стремление защищать свою семью, родных – 91 %;
- 3) страх наказания со стороны властей, осуждение обществом за трусость – 4 %.

В седьмом вопросе респондентам было предложено определить «место Великой Отечественной войны в рамках второй мировой войны»:

- 1) События ВОВ являются основным содержанием второй мировой войны – 66 %;
- 2) ВОВ лишь часть всех военных событий второй мировой войны – 21 %;
- 3) ВОВ является локальной войной, значимой только для населения СССР – 12 % .

Ответы на последний, восьмой вопрос: «Испытываете ли Вы чувство гордости за свой народ в связи с Победой СССР в годы Великой Отечественной войны?» распределились следующим образом:

1. 77 % студентов ответили, что разделяют чувство гордости в связи с Победой в Великой Отечественной войне.
2. У 23 % респондентов нет личной связи с этим праздником.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что большинство опрошенных в ходе анкетирования молодых людей:

- признают важность 9 мая для нашего народа;
- сознают свою причастность к Дню Победы, как правнуки фронтовиков.

Около 80 % уверены, что этот день не утратит своей значимости и через 50 лет. Больше половины студентов отвели главную роль в разгроме фашистской Германии Советскому Союзу, однако были среди анкетированных и те, кто приоритет отдал США.

Особо хочется отметить единодушие в ответе на вопрос об источнике массового героизма советских воинов в годы войны. Любовь к Родине, стремление выполнить свой долг перед Отечеством были выбраны в качестве мотива 96 % студентов.

При этом принимать личное участие в праздновании 9 мая по своей воле согласилось около

Литература:

1. *Бочкарева Е.Д.* Понятие «историческая память молодежи» / Е.Д. Бочкарева // Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. 2016. № 24(43). С. 178–184.
2. *Проказина Н.В.* Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне / Н.В. Проказина // Казанская наука. 2014. № 7. С. 201–204.
3. *Репина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования / Л.П. Репина // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
4. *Скворцова Е.В.* Особенности ценностно-мотивационной сферы современного студенчества / Е.В. Скворцова, И.Б. Марьясис // Журнал ВАК «Педагогика искусства». 2015. № 2. С. 177–184.

половины опрошенных. Около 40 % студентов подобную пассивность проявили и в вопросе о своих предках – участниках Великой Отечественной войны, о которых они либо мало что знают, либо вообще не интересовались ими.

Таким образом, если рассматривать полученные результаты анкетирования как проявление частью молодежи своего отношение к наиболее значимому событию прошлого, то можно утверждать о сохранении приемственности исторической памяти у нового поколения россиян. Несомненно, что необходимо обратить внимание на специфику проявления патриотизма в молодежной среде, нацеленной на удовлетворение собственных потребностей, не интересующихся проблемами государства. Такой тип некритического патриотизма характеризуется лишь эмоционально положительным отношением личности к тому или иному вопросу, тогда как критический патриотизм подразумевает ответственность человека за будущее своего народа, страны, готовность внести свой вклад в улучшение ситуации [4].

По результатам проведенного опроса можно сделать следующий вывод. Несмотря на негилизм, который характерен для молодого поколения, их историческое сознание показало устойчивость в представлении о Великой Отечественной войне. Процесс мифотворчества в области военной истории, с которым можно столкнуться сегодня и на просторах интернета, и в работах псевдоисториков, и в современных художественных фильмах судя по полученным результатам опроса, еще не привел к полному разрыву приемственности между поколениями. Для предотвращения искаженного представления о прошлом нашего народа, государства, необходимо формировать историческое сознание молодежи на научной базе, объективных источниках. Прочная историческая память позволяет избежать национального раскола, сохранить этническую идентичность будущим поколениям.

Literature:

1. *Bochkareva E.D.* The concept of «historical memory of youth» / E.D. Bochkareva // Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. 2016. № 24(43). P. 178–184.
2. *Prokazina N.V.* Sociological approach to the study of historical memory of the Great Patriotic War / N.V. Prokazina // Kazan Science. 2014. № 7. P. 201–204.
3. *Repina L.P.* Historical memory and national identity: approaches and methods of research / L.P. Repina // Dialog with time. 2016. № 54. P. 9–15.
4. *Skvortsov E.V.* Features of the value-motivation sphere of modern students / E.V. Skvortsova, I.B. Maryasis // Journal of Higher Attestation Commission «Pedagogy of Art». 2015. № 2. P. 177–184

5. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3–14.

5. *Toshchenko Zh.T.* Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state / Zh.T. Toshchenko // New and newest history. 2000. № 4. P. 3–14.

Крамчанинова Наталия Витальевна
доцент кафедры философии, права
и социально-гуманитарных дисциплин,
руководитель практики,
Армавирский государственный
педагогический университет
280408@mail.ru

Молодёжь в условиях социальных изменений

Аннотация. В условиях пандемии жизнь населения РФ кардинально изменилась. Социальные изменения охватили все сферы общества, в том числе и образовательный процесс. В статье приводится социологическое исследование, которое было проведено на основе опроса обучающихся в ФГБОУ ВО «Армавирский Государственный Педагогический Университет». Как оценивается молодёжная политика в России, к чему стремится современная молодёжь и с какими проблемами столкнулись студенты в период социальных изменений? Все эти перемены в общественной жизни волнуют динамично развивающееся общество, в котором изменяется всё и экономическая система, и социальная структура, социальные ситуации и роли, религиозные доктрины, культурные ценности и нормы и т.п.

Ключевые слова: социальные изменения, трудоустройство, безработица, молодёжная политика, глобальные проблемы, экономический процесс, социальное пространство, пандемия.

Молодёжь во всём мире является одним из важнейших человеческих ресурсов, ключевым посредником социальных изменений, экономического развития и технологических инноваций [2]. Молодёжные организации активно участвуют в работе по искоренению глобальных проблем. Экология, современные политические и социальные проблемы, всё это является сферами, в которых современная молодёжь старается работать [1].

Глобальным вызовом, с которым столкнулся мир, стала вспышка COVID-19. Проректор Высшей Школы Экономики Валерия Александровна Касамара отметила, что кризис, который был вызван пандемией новой коронавирусной инфекции, привел к тому, что страны были вынуждены в первую очередь обращать внимание на проблемы здравоохранения и серьезно сокращать финансирование в других сферах. По её мнению данная тенденция может привести к тому, что многие инициативы, которые были направлены на молодёжь (ее социализацию, образование, профориентацию, трудоустройство), так и останутся нереализованными [3].

Natalia V. Kramchaninova
Associate Professor of the Department
of Philosophy, Law and Social
and Humanitarian Disciplines,
Head of Practice,
Armavir State Pedagogical University
280408@mail.ru

YOUTH IN THE CONTEXT OF SOCIAL CHANGE

Annotation. In the conditions of the pandemic, the life of the population of the Russian Federation has changed dramatically. Social changes have covered all spheres of society, including the educational process. The article gives a sociological study, which was carried out on the basis of a survey of students of the Federal State Budgetary Institution of the Military District «Armavir State Pedagogical University». How is youth policy in Russia evaluated, what does modern youth strive for and what problems did students face during the period of social change? All these changes in public life concern a dynamically developing society, in which the entire economic system, and social structure, social situations and roles, religious doctrines, cultural values and norms, etc. change.

Keywords: social change, employment, unemployment, youth policy, global problems, economic process, social space, pandemic.

В рамках исследования нами был проведён социологический опрос, целью которого было исследование состояния молодёжи в условиях происходящих изменений. Нам стало интересно мнение студентов по ряду вопросов:

- к чему стремится современная молодёжь?;
- как респонденты оценивают современную молодёжную политику в России?;
- изменилась ли социальная ситуация в РФ за прошедший год; изменилась ли жизнь молодых людей, с какими проблемами они столкнулись?

В социологическом опросе приняли участие 550 респондентов, из них 187 юношей и 363 девушек. Это были студенты разных возрастных категорий и направлений подготовки.

На вопрос о том, как студенты оценивают молодёжную политику в РФ? 82 % респондентов дали положительную характеристику. Некоторые из опрошенных отметили, что она недостаточно проработана и для молодых людей важно право инициативы. 12 % опрошенных отметили, что

недовольны данным направлением, либо не заинтересованы в нём.

Стоит отметить, что данное направление весьма важно для развития страны. Основным средст-

вом развития потенциала молодёжи является её информирование о возможностях развития, вовлечение в социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь российского общества [4].

Возраст

550 ответов

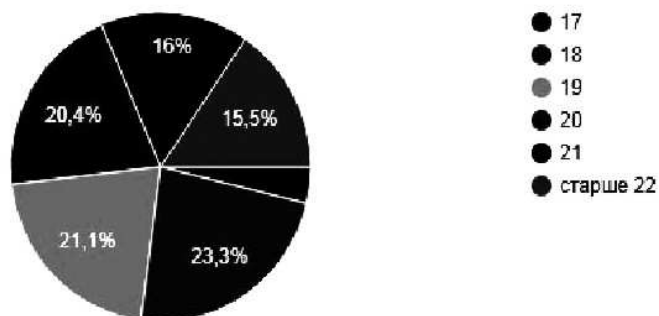

Рисунок № 1 – Возраст респондентов

Также, в ходе исследования нами был задан вопрос: «Изменилась ли социальная ситуация в РФ за прошедший год?». На диаграмме показаны ответы респондентов. Как мы видим, 42,4 % студентов ответили, что социальная ситуация в РФ

изменилась. По результатам всего опроса ясно, что остро ощутили социальные изменения те студенты, которые на данный момент ведут самостоятельную жизнь.

Изменилась ли социальная ситуация в РФ за прошедший год?

550 ответов

Рисунок № 2 – Изменилась ли социальная ситуация в РФ за прошедший год?

В ходе проведения опроса студенты дали ответ чего больше всего опасается современная молодёжь. Наиболее популярными вариантами среди ответов были: безработица, война, материальная нестабильность, ограничение свободы, буллинг, кризис, карантин и др. Многие отметили, что боятся изменений, которые произошли за время пандемии. Ответы на данный вопрос показали, что молодёжь относится достаточно серьёзно к своему будущему и опасается действительной важных вещей.

В ходе пандемии молодому поколению пришлось столкнуться с рядом проблем. Только 9 % опрошенных заявили, что трудностей за данный период не ощутили. Такой ответ был дан студентами первого курса. Они отмечают, что лично их проблемы не коснулись, это произошло с их родными. Остальные молодые люди представили

целый спектр проблем, с которыми они столкнулись за прошедший год:

- нехватка денежных средств – 86 %;
- трудности в учёбе – 41 %;
- безработица – 85 %;
- проблема социализации в условиях изменений – 24 %;
- повышение цен – 44 %;
- ухудшение функционирования социальных институтов – 19 %;
- халатное отношение населения к пандемии – 49 %;

– нехватка общения и жизненная неопределённость.

На данный момент, одним из самых острых вопросов в социальной сфере является справедливое распределение ресурсов между поколениями. В 2020 году, молодежь, которая потеряла возможность осуществить свои цели, имеет высокие шансы попасть в наиболее уязвимую группу при последующих экономических потрясениях, что серьезным образом скажется на качестве мирового человеческого капитала в долгосрочной перспективе [2].

Безработица молодежи может иметь последствия в долгосрочной перспективе. Молодые люди, у которых были длительные периоды профессионального простоя, чаще сталкиваются с низким уровнем зарплаты, меньшими возможностями для карьерного роста, а значит и с более низкими пенсиями [2]. Экономические последствия пандемии усугубляют уязвимость молодых людей на рынке труда, так как молодежь чаще людей старшего возраста находится на временной и неполной занятости, а значит, чаще сталкивается с высоким риском потери работы и дохода [3].

На молодых людях также сказывается нынешнее отсутствие возможностей для получения неформального образования, что лишает их социального взаимодействия с их своими сверстниками и

педагогами. Длительные периоды закрытия учреждений и ограничения на передвижение могут привести к дополнительным эмоциональным волнениям и тревогам. Если лица, обеспечивающие уход, инфицированы, помещены в карантин или умерли, необходимо решать вопросы защиты подростков и их психосоциальные проблемы [6]. Образование, механизмы социальной поддержки и доступ к медицинскому обслуживанию должны быть сохранены, при этом ключевую роль здесь должны сыграть родители и/или опекуны [1].

Итак, результаты проведённой работы показали, что за прошедший год социальная ситуация в России заметно ухудшилась, кризисная ситуация, сложившаяся в обществе в 2008 году по состоянию на 2019 год, была не окончательно преодолена. Так, начавшийся кризис в условиях пандемии вновь вернул ситуацию в стране в кризисное состояние [5].

Молодежь, которая еще не имеет опыта преодоления подобных потрясений, нуждается в поддержке. Поколение, которое столкнулось с ограничением доступа к образованию, безработицей, разрушенными планами и мечтами, в дальнейшем рискует не реализовать свой потенциал, что серьезным образом отразится на качестве мирового человеческого капитала. Молодое поколение остро нуждается в мерах социальной поддержки. Очень важно развитие молодежной политики в стране [3].

Литература:

1. *Власов Р.С.* Точка зрения студента касательно коронавируса / Р.С. Власов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2(57). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tochka-zreniya-studenta-kasatelno-koronavirusa> (дата обращения 04.12.2020).
2. *Готчина Л.В.* Коронавирус и изменения в структуре преступности / Л.В. Готчина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2(57). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-i-izmeneniya-v-strukture-prestupnosti> (дата обращения 04.12.2020).
3. Исследования по повестке Форума «Сильные идеи для нового времени». URL : <https://roscongress.org/materials/issledovaniya-po-povestke-foruma-silnye-idei-dlya-novogo-vremeni/> (дата обращения 04.12.2020).
4. *Макаревич Э.Ф.* Коммуникационное влияние на современные социальные изменения / Э.Ф. Макаревич // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnoe-vliyanie-na-sovremennye-sotsialnye-izmeneniya> (дата обращения: 04.12.2020).
5. *Олтмишева Н.Г.* Нравственное сознание и поведение молодежи в современных условиях / Н.Г. Олтмишева, У.А. Эргашев // Проблемы Науки. 2019. № 11-1(144). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-soznanie-i-povedenie>

Literature:

1. *Vlasov R.S.* The student's point of view regarding coronavirus / R.S. Vlasov // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2020. № 2(57). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tochka-zreniya-studenta-kasatelno-koronavirusa> (date of application 04.12.2020).
2. *Gotchina L.V.* Coronavirus and changes in the structure of crime / L.V. Gotchina // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2020. № 2(57). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/koronavirus-i-izmeneniya-v-strukture-prestupnosti> (date of application 04.12.2020).
3. Research on the agenda of the Forum «Good ideas for a new time». URL : <https://roscongress.org/materials/issledovaniya-po-povestke-foruma-silnye-idei-dlya-novogo-vremeni/> (date of application 04.12.2020).
4. *Makarevich E.F.* Communication influence on modern social changes / E.F. Makarevich // Scientific works of Moscow Humanitarian University. 2015. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikatsionnoe-vliyanie-na-sovremennye-sotsialnye-izmeneniya> (date of application 04.12.2020).
5. *Oltmischeva N.G.* Moral consciousness and behavior of young people in modern conditions / N.G. Oltmischeva, U.A. Ergashev // Problems of Science. 2019. № 11-1(144). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-soznanie-i-povedenie>

molodezhi-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения 04.12.2020).

6. *Пасовец Ю.М.* Адаптированность населения к социальным изменениям и ее показатели / Ю.М. Пасовец // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 1 (185). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptirovannost-naseleniya-k-sotsialnym-izmeneniyam-i-ee-pokazateli> (дата обращения 04.12.2020).

molodezhi-v-sovremennyh-usloviyah (date of application 04.12.2020).

6. *Pasovets Yu.M.* Adaptability of the population to social changes and its indicators / Yu.M. Pasovets // News of universities. North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2015. № 1 (185). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptirovannost-naseleniya-k-sotsialnym-izmeneniyam-i-ee-pokazateli> (date of application 04.12.2020).

Магаррамов Магаррам Джабраилович

доктор философских наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник,
Региональный центр
этнополитических исследований
Дагестанского
федерального исследовательского
Центра Российской академии наук
m.magarram@gmail.com

Magarram D. Magarramov

Doctor of Philosophy,
Professor,
Lead Researcher,
Regional Centre
Ethnopolitical Studies
Dagestan Federal Research
Center of the Russian Academy of Sciences
m.magarram@gmail.com

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Аннотация. Используя метод историзма, принципы и подходы социальной диалектики, диалектические и формально-логические законы, проведен социально-философский обзор состояния вопросов национальной безопасности современной России с учётом, экономических, политических, военных, международных, социальных и образовательных аспектов.

Избранная автором методология сопоставления негатива и позитива, позволяет вкрапливать достижения во всех перечисленных областях человеческой жизни в реальную работу по обновлению и совершенствованию экономических, политических, правовых, образовательных и социальных институтов, обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, основные сферы жизни российского общества, санкционная политика, конец западной цивилизации и истории, модернизация и обновление России, духовная самость, патриотизм.

Важнейшей проблемой современной политической философии является выработка научно обоснованных механизмов обеспечения безопасности нашей страны [1] в целом и её регионов, в частности. Это вытекает из тех геополитических, экономических, правовых и прочих реалий современности, в раках которых существует российское государство в едином сообществе акторов мирового сообщества наций и народностей.

Выработка таких рекомендаций означает констатация негатива и позитива в экономической, политической, международной, образовательной, военной, социальной истории постсоветской России с целью поддержки жизнеутверждающих, проверенных временем и жизнью начал и, наоборот, осуждение негатива, мешающего безопасному существованию россиян, на основе их личной свободы.

RUSSIA'S SECURITY THROUGH THE PRISM OF MODERN REALITIES

Annotation. Using the method of historicism, the principles and approaches of social dialectics, dialectical and formal-logical laws, a socio-philosophical review of the state of national security issues in modern Russia is carried out, taking into account economic, political, military, international, social and educational aspects.

The author's chosen methodology for comparing the negative and the positive makes it possible to inject achievements in all the listed areas of human life into real work to update and improve economic, political, legal, educational and social institutions, to ensure the safety of the individual, society and the state.

Keywords: national security, the main spheres of life of Russian society, sanctions policy, the end of Western civilization and history, modernization and renewal of Russia, spiritual self, patriotism.

Начнём с того, что сегодня лидерам так называемых западных демократий и обсуживающих их интересы транснациональных корпораций необходимо получить бесконтрольный доступ к российским рынкам средств производства, сырья, рабочей силы, фондовой составляющей для извлечения сверхприбылей. У них никогда в истории человечества не было цели сотрудничества с нашей страной ради взаимной выгоды.

Экономическая кабала, сопровождающаяся желанием за бесценок получить сырье, материалы, технику и оборудование, использование дешёвой рабочей силы, завоз в нашу страну устаревших, морально изношенных технологий, обвал фондового рынка, сетевые войны, санкционная политика – вот тот неполный перечень действий, осуществляемых западными и заокеанскими «творцами экономического чуда» в нашей стране. Это в экономической сфере.

А в сфере политической – устранение неугодного политического режима, смена лидера и политического курса, их дискредитация посредством пятой колонны и щедро ими финансируемых СМИ и коммуникаций. Финансовая, политическая, медийная и духовная поддержка так называемых лидеров оппозиции, для которых корыстные, личные, эгоистичные интересы являются главным ориентиром их политической деятельности, а интересы страны, многонационального народа, безопасность личности, общества и государства являются лишь пустым словом, фикцией.

В сфере межгосударственных отношений за послевоенный период времени, с конца XX и начала XXI века, такого безрассудного игнорирования норм и принципов международного права не было, которое позволяло и позволяют себе США и их союзники по НАТО. Американцы удосуживаются распространить юрисдикцию своей правовой системы на другие государства современного мира и, тем самым, нарушают все основные нормы международного частного и публичного права, подвергают угрозе государственную безопасность таких стран. Таким действиям, естественно, необходимо дать коллективный отпор.

В социальной сфере эти псевдо учителя узаконили и возводят в ранг закона у себя в стране однополое браки – нравственное растление общества и духовная его деградация. Этим самым разрушается традиционный и оправданный историей институт брака и семьи, полноценных семейных отношений. Я не ошибусь, если лаконично назову эти процессы началом конца истории западных, заокеанских общества и государства. Ибо социальной основой общества и государства всегда является семья. А конец института семьи, семейного сосуществования людей, семейного воспитания и образования – есть начало конца западной цивилизации и их государственности. И следует ли России идти по этому пути? Конечно же, нет! Именно к этому, в том числе, призывают нас страны Запада и США, современные российские горе-оппозиционеры, которых поддерживает часть представителей необразованной и, к большому сожалению, подкупленной российской молодёжи.

В образовательной сфере из-за усилий либеральных российских реформаторов был сделан неоправданный перекоп в сторону инкорпорации в российское образовательное право западных правовых образовательных стандартов. Это бомба замедленного действия под будущее российское образование и науки, поскольку не оправдали себя ни ЕГЭ, ни ОГЭ в своей основе покоящиеся на тестовых системах контроля наличия у учеников знаний, умений и навыков. Этим обусловлен и механизм поступления в средне специальные и высшие учебные заведения нашей страны. В итоге, как на первой, так и на второй ступенях поступления в учебные заведения личность абитуриента осталась инкогнито относительно реальных знаний, психологического склада, социального портрета личности, правильного выбора будущей профессии, специальности и т.п. А всё это учитывалось в советской системе образования, где результаты подготовки

выпускников были ничуть не хуже их западных сверстников.

Вообще не понятно, что не устраивало реформаторов того времени в советской системе подготовке учеников и студентов. Хотя, что греха таить, ведь это было время, когда у нас в стране строго исполнялся западный политико-правовой заказ. Политическая элита того времени была вынуждена обслуживать интересы иностранных спонсоров и «доброжелателей».

Учитывая сказанное, можно подчеркнуть, что западные образовательные стандарты, как равно и рекламируемый западный образ жизни, не приемлемы для нашей страны. У России особый путь, выстраданный в горнилах многочисленных войн, обусловленный гуманной российской самостью, национально-государственной идентичностью, патриотизмом, уравновешенной самооценкой и адекватной оценкой мировых достижений.

В эпоху проведения либеральных реформ в военной сфере почти всё было отдано на откуп рыночной стихии. В угоду западным и заокеанским тьюторам, реформаторы пытались разрушить стеновой хребет мощнейшего советского ВПК. Многие государственные секреты стали достоянием иностранных спецслужб. Страна захлёбывалась от иностранного присутствия и их вмешательства везде и во всём. Страна нуждалась в переменах, и она получила своего общенационального лидера, реализовавшего и реализующего такие перемены. Настала эра В.В. Путина.

Именно с его приходом к власти впервые за постсоветский период Россия начала подниматься с колен, отвергнув либеральную космополитную риторику. Страна под его руководством достаточно быстро освободилась от задолженности перед иностранными кредиторами, в разы возрос золото-валютный запас, сократился отток капитала, реализуется концепция амнистии капиталов, идёт процесс создания и модернизации существующей материально-технической базы, реконструкции и обновления предприятий, поддержки венчурных технологий, цифровизации экономики; успешно проведена военная реформа, российская армия по технической оснащённости и боеготовности считается одной из лучших в мире; прекратился процесс распада страны в удельные княжества, ликвидирована региональная разобщённость, реализуется вполне осуществимый проект создания единой общности людей – российский народ, систематически ведётся работа по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения сограждан; в социальной сфере проводится политика, направленная на поддержку института семьи, материнства и детства, инвалидов, ветеранов войны и труда, пенсионеров, теперь индексация разного рода социальных выплат – пенсий и пособий является конституционной обязанностью государства; достаточно широко проводятся мероприятия по решению демографических вопросов, а именно: государством материально и систематически поддерживается рождаемость, значительно упрощён порядок получения гражданства России жителями бывшего СССР, прожива-

ющими в странах ближнего зарубежья, население воссоединённого Крыма стало полноправными гражданами России; в политической системе в связи с внесением изменений в действующую Конституцию РФ усилены полномочия обеих палат Федерального собрания РФ, повышены требования по отношению к чиновникам, занимающим государственные должности.

Нынешние реалии – результат не сиюминутных желаний, симпатий или антипатий лидеров различных государств, их политики в отношении нашей страны, а итог эволюционного возрождения былой мощи нашей державы, которое вызывает негативное, завистливое отношение передовых государств современного мира к достижениям и результатам модернизации всех сфер общественной жизни России. Для политиков

Литература:

1. *Юсупова Г.И.* Этнокультурное измерение региональной безопасности / Г.И. Юсупова // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 10-5(56). С. 378–380.

высшего управленческого звена упомянутых стран место и роль Российской Федерации в качестве третьестепенной державы является имманентным императивом их политического сознания и, меркнувшей за последние десятилетия в их политическом поведении западной политической культуры.

Таким образом, можно умозаключить, что главой нашего государства справедливо проводятся мероприятия, направленные на обеспечение экономической, военной, региональной, социальной, демографической и др. видов безопасности. И в своей совокупности сказанным обеспечивается общенациональная безопасность всего российского общества и государства. А это значит, что обеспечивается безопасность каждой отдельно взятой личности, человека и гражданина.

Literature:

1. *Yusupova G.I.* Ethno-cultural dimension of regional security / G.I. Yusupova // Eurasian Scientific Association. 2019. № 10-5(56). P. 378–380.

Охременко Ирина Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
менеджмента и коммерции,
Волгоградский филиал Российского
экономического университета
имени Г.В. Плеханова
romanvolkov3009@yandex.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье автором осуществлен анализ феномена семейного бизнеса. Предпринята попытка сформулировать актуальное для социологического анализа определение категории «семейный бизнес». Отмечено, что существуют не только многочисленные виды семейного бизнеса, но и особая статусно-ролевая структура, находящаяся в зависимости от распределения семейных ролей и оказывающая значительное влияние на функционирование семейного бизнеса. С учетом теоретических наработок, касающихся функций семейного бизнеса, сформулированы основные социально-экономические функции семейного бизнеса. Подчеркнуто, что семейный бизнес посредством своих социальных функций, влияет на общественно-экономическое развитие общества в целом.

Ключевые слова: семья, домохозяйство, семейный бизнес, семейное предпринимательство, процесс институционализации, социальный институт, семейный капитал, социальные функции семейного бизнеса, государственное регулирование семейного бизнеса.

Семейный бизнес (далее – СБ) является распространенной практикой во многих странах. Семейное предпринимательство существенно отличается от других видов бизнеса. В основе его создания и функционирования лежат семейные отношения, которые более любых других связаны с ценностями и традициями конкретного общества. В то же время, на СБ имеют влияние и другие факторы, в частности государственная политика в отношении СБ, восприятие такого бизнеса обществом, социально-экономическая ситуация в стране и др.

Для усовершенствования государственного регулирования СБ нужна социологическая информация, которая позволит комплексно и системно оценить его состояние и проблемы. Но в настоящее время изучение феномена СБ происходит больше в рамках экономической науки. Учитывая это, возникает насущная потребность собственно

Irina V. Okhremenko
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Management and Commerce,
Volgograd branch of the Russian
Economic University
named after G.V. Plekhanov
romanvolkov3009@yandex.ru

SOCIAL FUNCTIONS OF FAMILY BUSINESS IN MODERN SOCIETY

Annotation. The article analyzes the phenomenon of family business. An attempt has been made to propose a definition of the category «family business» that is relevant for sociological analysis. It is noted that there are not only numerous types of family business, but also a special status-role structure that depends on the distribution of family roles and has a significant impact on the functioning of the family business. Taking into account theoretical developments concerning the functions of a family business, the main socio-economic functions of a family business are formulated. It is emphasized that the family business, through its social functions, affects the socio-economic development of society as a whole.

Keywords: family, household, family business, family entrepreneurship, institutionalization process, social institution, family capital, social functions of family business, government regulation of family business.

социологического исследования понятия «семейный бизнес» и феноменов, включенных в эту категорию.

Цель данной статьи заключается в определении социальных функций семейного бизнеса. Для ее реализации, прежде всего, нужно выяснить содержание понятия «семейный бизнес» и выявить основу возникновения данного феномена.

Изучение феномена СБ находится на стыке многих наук. Его можно рассматривать как организацию, как особый вид бизнеса и предпринимательства под углом зрения социологии, экономики, социологии предпринимательства, теории домохозяйства и социологии семьи. Именно через такую междисциплинарность, рассматривая понятие «СБ», стоит осветить значение таких понятий, как «бизнес», «предпринимательство», «семья» и «домохозяйство».

Обращаясь к понятиям «бизнес» и «предпринимательство», нужно сразу отметить, что в данной статье они будут пониматься как тождественные по своему содержанию.

Под термином «домохозяйство» будет подразумеваться группа лиц (минимальная численность равна единице), которые добровольно объединились и ведут совместную деятельность по производству непосредственных условий жизни и распределению полученных результатов совместного хозяйствования.

Семейный бизнес очень похож на домохозяйство, поскольку даже основные топологические свойства домохозяйств могут применяться и к семейному бизнесу, а также семье, которая им занимается. Некоторыми из таких свойств являются:

- совместное проживание и обустройство быта;
- совместная деятельность по ведению хозяйства;
- владение определенными ресурсами;
- самостоятельное принятие хозяйственных решений; стремление к максимальному удовлетворению потребностей [1].

Домохозяйство, в свою очередь, может функционировать не только как натуральное хозяйство (изготовление продуктов только для собственного потребления), но и как предприятие, предоставляющее свои товары или услуги на рынок. Членам домохозяйства приходится оформлять нужные по законодательству документы, открывать предпринимательскую деятельность, соблюдать нормы и правила изготовления и обслуживания, или труда, распределять роли и др. В таком случае, наблюдается процесс институционализации домохозяйства, ведь, как известно, под данным процессом как раз и понимают формирование новых социальных институтов, которое начинается с осознания определенной необходимости и заканчивается созданием системы ролей и статусов [2]. Стоит отметить, что социальный институт понимается как совокупность норм и правил в любой области общественных отношений и форма общественного устройства.

Взяв за основу указанное выше, мы считаем, что СБ и является именно домохозяйством, которое прошло процесс институционализации или находится на этапе его прохождения.

Обычно, СБ называют инициативную самостоятельную деятельность граждан, направленную на получение прибыли, основанную на оптимальном использовании семейного капитала, включая физический, финансовый и интеллектуальный капитал членов семьи. Анализ источников по проблемам развития СБ позволяет предложить такое толкование главного понятия нашего исследования: семейный бизнес – это бизнес, в рамках которого право собственности на определенное предприятие полностью или в значительной степени принадлежит членам одной семьи, а также передается следующим поколениям по праву наследования.

Семейный бизнес как форма предпринимательства – это форма деловой жизни, которая способна быстро мобилизовать необходимые финансовые и производственные ресурсы, ускорить темпы научно-технического прогресса, решить проблему занятости населения, а также сформировать экономически самостоятельный и стабильный средний класс [3].

Рабочим для нас является определение Н. Баранец: «Семейное предпринимательство представляет собой инициативную деятельность членов семьи и их родственников, являющихся собственниками и работниками созданного или приобретенного ими предприятия... На начальной стадии – это форма малого или среднего бизнеса...» [4, с. 129]. Опираясь на это определение, мы приняли попытку сформулировать собственную дефиницию данного понятия, рассматривая СБ как форму малого или среднего бизнеса, владельцами которого являются члены одной семьи, которые же и осуществляют управление над ним.

В современных теоретических и эмпирических исследованиях предлагаются различные подходы к классификации СБ, опирающиеся на те или иные критерии: типология СБ с позиций преемственности, различные классификаторы семейных предприятий с позиций владения и управления (распределение ролей в семье), типология СБ в зависимости от структуры управления семейными активами [5].

Налаживание СБ предусматривает наличие:

- 1) достаточного стартового семейного капитала;
- 2) финансовых и материальных ресурсов;
- 3) определенной квалификации (специальной подготовки, образования, опыта);
- 4) благоприятных демографических параметров;
- 5) соответствующей мотивации;
- 6) определенной рыночной ниши и тому подобное [6].

Семейный бизнес имеет глубокие исторические корни и развивается поэтапно в связи с переходом от одной эпохи к другой. Благодаря этому, можно утверждать, что постепенно увеличивается и количество его функций. Например, в доиндустриальную эпоху главной функцией СБ можно считать функцию самообеспечения семьи. В индустриальную эпоху складываются рыночные отношения, которые дали возможность семье стать хозяйствующим субъектом. В аграрном секторе – это формирование крестьянского (фермерского) хозяйства; в промышленности, финансах, сфере услуг – индивидуальные и семейные предприятия. Эволюция хозяйственных форм привела к созданию системы взаимодействующих институциональных, то есть закрепленных нормами и обычаями прав и обязательств, хозяйствующих субъектов. Результатом этого было значительное расширение функций СБ, которые стали актуальными и для постиндустриальной эпохи, то есть для современной экономической системы.

К таким функциям относятся:

- формирование конкурентной среды в различных сферах деятельности бизнеса;
- снижение уровня монополизации;
- улучшение состояния рынка труда и снижение уровня безработицы на местах через самозанятость семей;
- улучшение уровня жизни;
- предоставление гибкости рыночной экономике вследствие быстрой реакции на изменения в рыночной конъюнктуре;
- содействие созданию более сбалансированной системы оказания услуг, особенно в периферийных районах;
- функция активизации местной экономики, ведь кроме расширения предложения, преобладающая доля семейных предприятий работает на местном сырье и тому подобное.

Рассматривая функциональность СБ, мы убедились в том, что наряду с экономическими СБ выполняет ряд социальных функций. Основываясь на научных исследованиях [7; 8; 9] данного вопроса, нами были сформулированы основные, на наш взгляд, социальные функции СБ:

1. Функция создания среднего класса, ведь, владение СБ влияет на воспитание следующего поколения, которое, в дальнейшем, будет иметь опыт ведения предпринимательской деятельности и шансы сформировать сильный средний класс в обществе. А это поможет не только в экономическом росте, но и сможет повлиять на социальные и политические процессы.
2. Функция снижения социальной напряженности, т.к., благодаря СБ, появляется возможность обеспечивать работой членов семьи и других граждан, переводя их из разряда нуждающихся в социальной поддержке в разряд самодостаточных граждан, другими словами, это важный инструмент борьбы с бедностью населения.
3. Функция привлечения к общественному производству людей, которые, при определенных обстоятельствах, не являются трудоспособными, ведь, помогать в СБ могут все члены семьи, независимо от возраста или физических недостатков.
4. Функция формирования социально-экономической субъектности, ведь СБ предоставляет возможность выбора социального статуса в экономической деятельности: предпринимателя или наемного работника.
5. Функция повышения эффективности бизнеса, поскольку реализация базовых функций предпринимательства и собственности одним лицом приводит к большей личной заинтересованности в успешности бизнеса.
6. Функция предоставления выбора, ведь, такой бизнес заполняет собой экономически не

выгодные для крупного бизнеса ниши, что позволяет больше расширить предложения рынка для населения.

7. Функция самореализации, поскольку СБ предоставляет возможность реализовывать собственные идеи и способности, касающиеся предпринимчивости. Особенно актуальной данная функция является для женщин. Семейный бизнес дает возможность женщинам заниматься не только семьей, но и делами и, тем самым, реализовывать себя в профессиональной плоскости [10].

8. Функция экономической социализации, ведь, привлечение детей к семейному делу создает условия для успешной интериоризации норм и ценностей в этой сфере человеческой жизнедеятельности [11].

Кроме экономических и социальных функций, по нашему мнению, стоит оценить и культурный капитал, который включает в себя СБ.

Ведь, во-первых, такой бизнес способствует развитию корпоративной социальной ответственности, поскольку ценит свою деловую репутацию, а от качества производимых им товаров или услуг зависит не только его существование на данной территории, в данной общине, но и дальнейшая судьба членов семьи, которые имеют доход от данного дела.

Во-вторых, СБ обеспечивает стабильную социально-экономическую атмосферу в обществе, формирует позитивную, направленную в будущее деловую среду.

В-третьих, рост доходов семьи позволит ее членам получить качественное образование и развиваться в различных сферах.

Как оказалось, СБ имеет достаточно широкий спектр функций, которые в разной степени влияют на общественно-экономическое развитие. Это является подтверждением того, что СБ нужно поддерживать и предоставлять ему возможности для эффективного функционирования как со стороны государства, так и со стороны общества.

Рассмотрев различные определения СБ, классификацию ролей в нем и спектр функций, которые им выполняются, считаем нужным перейти к выводам.

Как оказалось, изучение феномена СБ не может происходить в рамках одной определенной науки или теории, а должно быть междисциплинарным. Одним из таких важных моментов для изучения СБ именно с точки зрения социологии является то, что этот бизнес выполняет большое количество функций, которые, как выяснилось, могут быть не только экономическими, но и социальными. Основываясь на функциях, которые были сформулированы, можно утверждать, что упадок семейного предпринимательства не только наносит ущерб экономическим отношениям, но и негативно влияет на социальное самочувствие населения, на формирование среднего класса, на стабильность семейного развития и тому подобное.

С нашей точки зрения, СБ в современном обществе требует социологического изучения многих его аспектов. Исследуя данную тематику, ученый должен четко различать СБ и другие виды

предпринимательства, понимать его особенности, знать, какие он выполняет социальные функции и насколько они важны для общества в целом и для самого бизнеса.

Литература:

1. Барков С.А. Семейный бизнес в XXI веке: социальные детерминанты развития / С.А. Барков, О.В. Дорохина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4(32). С. 85–94.
2. Leapvott J. An institutional theory view of the family business / J. Leapvott // Family Business Review. 2005. Vol. 18(3). P. 215–228.
3. Habbershon T.G. Commentary: A framework for managing the familiness and agency advantages in family businesses / T.G. Habbershon // Entrepreneurship: Theory & Practice. 2006. Vol. 30(6). P. 879–886.
4. Баранец Н.И. Семейное предпринимательство как социально-экономическая проблема / Н.И. Баранец // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 4. С. 124–131.
5. Dekker J.C. Family firm types based on the professionalization construct: Exploratory research / J.C. Dekker, N. Lybaert, T. Steijvers, B. Depaire, R. Mercken // Family Business Review. 2013. Vol. 26. P. 81–99.
6. Lumpkin G.T. The landscape of family business outcomes: A summary and numerical taxonomy of dependent variables / G.T. Lumpkin, R.L. Sorenson, K.H. Brigham // Family Business Review. 2012. Vol. 25. P. 33–57.
7. Harms H. Review of Family Business Definitions: Cluster Approach and Implications of Heterogeneous Application for Family Business Research / H. Harms // International Journal of Financial Studies. 2014. Vol. 2. P. 280–314.
8. Lumpkin G.T. Family orientation: Individual-Level influences on family firm outcomes / G.T. Lumpkin, W. Martin, M. Vaughn // Family Business Review. 2008. Vol. 21. P. 127–138.
9. Степанов А.Б. Организация семейного бизнеса: психологические и социологические факторы / А.Б. Степанов // Молодой ученый. 2018. № 3(189). С. 159–162.
10. Danes S. Women's role involvement in family businesses, business tensions, and business success / S. Danes, P. Olson // Family Business Review. 2003. Vol. 16(1). P. 53–68.
11. Гусева Н.Д. Феномен «чайлдфри» как современная тенденция в развитии института семьи / Н.Д. Гусева, И.В. Охременко // Проблемы современного социума глазами молодых исследователей. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов. Волгоград, 2019. С. 459–462.

Literature:

1. Barkov S.A. Family business in the XXI century: social determinants of development / S.A. Barkov, O.V. Dorokhina // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2014. № 4(32). P. 85–94.
2. Leapvott J. An institutional theory view of the family business / J. Leapvott // Family Business Review. 2005. Vol. 18(3). P. 215–228.
3. Habbershon T.G. Commentary: A framework for managing the familiness and agency advantages in family businesses / T.G. Habbershon // Entrepreneurship: Theory & Practice. 2006. Vol. 30(6). P. 879–886.
4. Baranets N.I. Family entrepreneurship as a social and economic problem / N.I. Baranets // Scientific notes of the Russian State Social University. 2007. № 4. P. 124–131.
5. Dekker J.C. Family firm types based on the professionalization construct: Exploratory research / J.C. Dekker, N. Lybaert, T. Steijvers, B. Depaire, R. Mercken // Family Business Review. 2013. Vol. 26. P. 81–99.
6. Lumpkin G.T. The landscape of family business outcomes: A summary and numerical taxonomy of dependent variables / G.T. Lumpkin, R.L. Sorenson, K.H. Brigham // Family Business Review. 2012. Vol. 25. P. 33–57.
7. Harms H. Review of Family Business Definitions: Cluster Approach and Implications of Heterogeneous Application for Family Business Research / H. Harms // International Journal of Financial Studies. 2014. Vol. 2. P. 280–314.
8. Lumpkin G.T. Family orientation: Individual-Level influences on family firm outcomes / G.T. Lumpkin, W. Martin, M. Vaughn // Family Business Review. 2008. Vol. 21. P. 127–138.
9. Stepanov A.B. Organization of family business: psychological and sociological factors / A.B. Stepanov // Young scientist. 2018. № 3(189). P. 159–162.
10. Danes S. Women's role involvement in family businesses, business tensions, and business success / S. Danes, P. Olson // Family Business Review. 2003. Vol. 16(1). P. 53–68.
11. Guseva N.D. The phenomenon of «childfree» as a modern trend in the development of the institution of the family / N.D. Guseva, I.V. Okhremenko // Problems of modern society through the eyes of young researchers. Materials of the XI All-Russian scientific and practical conference of teachers, students, undergraduates and postgraduates. Volgograd, 2019. P. 459–462.

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

Говердовская Елена Валентиновна
доктор педагогических наук,
профессор,
заместитель директора
по непрерывному образованию,
Пятигорский
медико-фармацевтический институт –
филиал Волгоградского государственного
медицинского университета Минздрава РФ
Elena_goverdovskaya@mail.ru

Григорьева Наталья Викторовна
кандидат социологических наук,
начальник отдела развития,
Туристско-рекреационный
комплекс министерства туризма,
курортов и молодежной политики
Карачаево-Черкесской республики
popov-52@mail.ru

СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПРОБЛЕМАМ РОССИЙСКИХ МАЛЫХ ГОРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена систематизации управленческих аспектов социологических исследований, посвященных проблемам малых городов в современной России. В результате изучения истории их возникновения в послереволюционный период российской истории, авторы пришли к выводу о том, что современные проблемы малых городов в нашей стране вызваны не только процессами, связанными с переходом российского общества к рыночной модели экономического развития, но и теми историческими условиями их возникновения и развития в советское время, в связи с этим, необходим системный подход к стратегии развития малых городов с учетом достижений и социологической науки.

Ключевые слова: малые города, индустриализация, моногорода, советская урбанизация, градостроительство, административно-командная система управления, глобализация.

Многочисленные научные исследования, посвященные малым городам России, свидетельствуют о том, что данные поселенческие общности являются объектом исследования различных наук, в том числе, экономики, демографии,

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

Elena V. Goverdovskaya
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor,
Deputy Director on continuing education,
Pyatigorsk Medical
and Pharmaceutical Institute –
branch of the Volgograd State
Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation
Elena_goverdovskaya@mail.ru

Natalia V. Grigorieva
Candidate of Sociological Sciences,
Head of Development Department,
Tourist and Recreational
Ministry of Tourism Complex,
Resorts and Youth Policy
Karachay-Cherkess Republic
popov-52@mail.ru

SOVIET AND RUSSIAN SOCIOLOGICAL STUDIES ON THE PROBLEMS OF RUSSIAN SMALL TOWNS

Annotation. The article is devoted to the systematization of the management aspects of sociological research on the problems of small towns in modern Russia. As a result of studying the history of their occurrence in the post-revolutionary period of Russian history, the authors came to the conclusion that the current problems of small towns in our country are caused not only by the processes associated with the transition of Russian society to a market model of economic development, but also by those historical conditions of their emergence and development in the Soviet era, in this regard, a systematic approach to the strategy of small city development is necessary, taking into account the achievements and sociological science.

Keywords: small towns, industrialization, monocities, Soviet urbanization, urban planning, administrative and command system of government, globalization.

истории, социологии. Обращение к социологическим исследованиям позволяет прийти к выводу о том, что научные публикации по данной проблеме освещают ее отдельные аспекты и обращают внимание, преимущественно, на вопросы,

посвященные социально-экономическим проблемам малых городов, их типологии по различным критериям либо проблемам муниципального управления.

Несмотря на то, что в отечественной социологии накоплен достаточно большой материал по исследованию города как сложной территориально-поселенческой системы, в настоящее время не сложилось системного целостного подхода к изучению эффективных стратегий управления развитием малого города, адекватных современным вызовам. Это открывает возможность для социологического исследования специфики управления развитием малых городов России в условиях вызовов, как государственного, так и глобального характера.

По нашему убеждению, многочисленные проблемы, переживаемые малыми городами, с которыми столкнулись современная Россия и её население, вызваны не только последствиями вхождения Российской Федерации в рыночную экономику, но и с историей их создания, развития и особенностями функционирования в советский период истории нашего государства, в котором процессы урбанизации были инициированы исключительно его партийно-политическим руководством.

Специфика и проблемы советской урбанизации подробно исследуются в работах А.С. Ахиезера, Ю.Л. Пивоварова, А.С. Сенявского, О. Пчелинцева и др. [1; 2; 3; 4]. По мнению ряда отечественных исследователей, урбанизация в СССР развивалась исключительно на волне индустриализации, которая и была инициирована советским государством [2; 3], которая осуществлялась, преимущественно, путем мобилизации людских, материальных и духовных ресурсов. Как отмечает А.С. Сенявский, советская урбанизация не являлась процессом органичного вырастания городов из потребностей территорий, а была «жестко государством инициируемым, регулируемым и направляемым процессом размещения производительных сил» [3, с. 259].

Таким образом, субъектом градостроительства в советское время выступало государство, которое осуществляло индустриальную модернизацию общества в тоталитарной форме общественного устройства. В силу этого, города, чаще всего, оказывались лишь поселениями при создаваемых промышленных зонах, что не позволяло им быть полноценными территориальными системами ни по своим функциям, ни по территориальной структуре. Административно-командная система управления способствовала тому, что советские города «развивались на основании управленческих решений, фундаментом которых служил народнохозяйственный комплекс страны, в целом, также подчиненный идеологическим установкам» [5, с. 259].

Советская модель управления производственными процессами и градостроительством действительно представляла собой модель с сильным государственным вмешательством этатистско-патерналистского типа.

По мнению А.С. Ахиезера, советская урбанизация представляла собой псевдоурбанизацию, которая была лишена механизма эффективного функционирования промышленной отрасли: «руководство государством полагало, что массовый архаичный элемент можно использовать для формирования нового общества, опираясь на административную власть, террор, идеологическое воздействие, включение людей в ритмы организации производства, сводимого главным образом к технологии. Этот субъект мог сформировать лишь псевдоиндустриализацию, ее технический аспект» [1, с. 84].

Можно согласиться и с Ю.Л. Пивоваровым в том, что «многие десятилетия урбанизация была только побочным продуктом индустриализации, а человек – всего лишь «винтиком» огромной государственной машины» [2, с. 102].

Таким образом, специфика советской урбанизации, отчасти, создала предпосылки для появления целого комплекса проблем малых городов, в полной мере проявившихся в постсоветский период, когда трансформационные сдвиги, происшедшие в этот период времени, привели страну к глубокому социально-экономическому кризису. Исследованию проблем малых городов России в постсоветский период посвящены работы В.В. Вагина, В.И. Кабалина, Л.В. Макущенко, Т.Ю. Сидорина и др. [5; 6; 7], отметивших, что крушение советской модели плановой экономики стало серьезным вызовом для малых городов России. Переход к рыночным отношениям серьезно травмировал производственно-экономическую основу значительной части малых городов: «города оказались без собственной экономической базы, с налогами, которые было невозможно собрать, с жильем, переданным им бедствующими предприятиями, с социально незащищенными горожанами и стремительно ветшающей коммунальной инфраструктурой» [5].

Постсоветские трансформации значительно ухудшили социально-экономическое положение малых городов. Исследователи отмечают, что «трудности переживают северные малые города, а также города, близ лежащие к воинским частям и оборонным предприятиям. Безработица наблюдается во многих регионах страны, такие, как северокавказские республики. Лучше обстоят дела в малых городах, входящих в зоны крупных городских агломераций, а также в малых городах, связанных с добычей ресурсов» [7, с. 54].

В целом, реформы постсоветского периода, сопровождающиеся трансформацией механизмов функционирования экономики страны, имели негативные последствия для российских малых городов. Большая часть малых городов оказалась не в состоянии самостоятельно решить комплекс возникших проблем. Падение уровня жизни населения, рост безработицы, кризис жилищно-коммунального хозяйства – все это сегодня является атрибутом малого города.

Вызовы макроуровня связаны с глобальными экономическими, политическими и социальными тенденциями мирового развития. Современные

города вовлечены в сложные общественные процессы, которые в научном дискурсе получили название «глобализация». Термин «глобализация» используется для обозначения нарастающей взаимозависимости мира – экономической, политической, социально-культурной.

В конце XX в. ведущие зарубежные и отечественные ученые констатировали факт становления нового мирового пространства, в котором господствуют глобальные экономические и технологические силы, способствующие формированию глобального рынка, развитию глобальной финансовой системы, функционированию транснациональных корпораций и росту их влияния на национальные экономики.

Систематический анализ глобализации и ее влияния на статус национального государства в современном мире осуществлен британскими учеными Д. Хелдом, Д. Гольдблаттом, Э. Макгрю, Д. Перратоном [8]. По их убеждению, глобализация существенно изменила представление о независимости и вызвала изменения в государственной политике многих государств мира.

В свою очередь, отечественные авторы отмечают, что новые глобальные институты управления снижают статус национального государства и значимость его национальных интересов в угоду региональным или мировым структурам управления [9].

Проблемы экономической безопасности России в условиях глобальных вызовов и угроз глубоко изучаются в работах Л.И. Абалкина, Е.Ю. Баженовой, А.Е. Городецкого, Н.И. Дмитриевой, А.В. Долбилова и др. [14; 15; 17; 18] Авторы отмечают, что стремление быстрее интегрироваться в глобальные экономические процессы чревато возникновением критического уровня зависимости страны от импорта. В таких условиях применение экономических санкций в отношении государства ведет к подрыву его экономических основ и, как следствие, суверенитета и целостности страны [18].

Исследователи отмечают, что «главной целью экономических санкций являются политические отношения, однако, инструментом воздействия выступают меры, непосредственно ограничивающие международные экономические отношения в целях дестабилизации экономики страны в целом или ее отдельных секторов» [17].

Следует отметить, что функционирование малых городов России осуществляется в контексте все более глубокого включения их в глобальное пространство, что не может не отражаться на их развитии. Глобализация трансформирует не только социально-экономическую сферу общества, но и ценности, социальные институты, модели соци-

ального и экономического поведения. Глобальные трансформации оказывают серьезное влияние на социально-экономические процессы в городах, на стиль и образ жизни городского населения, что создает и новые вызовы малым городам России. Одним из вызовов является масштабная миграция трудовых ресурсов в города-мегаполисы, которые в условиях глобализации являются центрами концентрации финансовых и инвестиционных ресурсов, что делает их привлекательными как для высококвалифицированных специалистов, так низкоквалифицированных кадров. Исследователи отмечают, что в условиях глобализации «важнейшую роль в развитии страны играют наиболее модернизированные федеральные города и «миллионники», где сконцентрировано почти 20 % населения страны. Воздействие агломерационного эффекта (эффекта масштаба) в крупнейших городах максимально и они выигрывают конкуренцию с остальными городами России» [19, с. 6].

Совокупность «вызовов» всех уровней остро ставит проблему поиска эффективной модели управления развитием малых городов, способной найти на них адекватные «ответы». В связи с этим повышается значимость совершенствования механизмов управления современным развитием российских малых городов.

В результате проведенного нами анализа социологических исследований, посвященных малым городам России, мы пришли к выводу о том, что они освещают лишь ее отдельные аспекты и акцентирую свое внимание, преимущественно, на вопросах, посвященных социально-экономическим проблемам малых городов, либо их типологии по различным основаниям, либо проблемам муниципального управления.

Несмотря на то, что в отечественной социологии накоплен достаточно большой материал по исследованию города как сложной территориально-поселенческой системы, в настоящее время не сложилось системного целостного подхода к изучению эффективных стратегий управления развитием малого города, адекватных современным вызовам. Это открывает возможность для социологического исследования специфики управления развитием малых городов России в условиях вызовов, как государственного, так и глобального характера.

Специфика модели управления малым городом обусловлена уровнем, с которого пришел «вызов». В условиях новых вызовов, связанных с трансформациями российского общества и глобальными изменениями, необходимо сформировать эффективную модель управления развитием малых городов, которая обеспечит их стабильное функционирование.

Литература:

1. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России / А.С. Ахиезер // Общественные науки и современность. 2000. № 1.

Literature:

1. Ahiezer A.S. Dialectics of Urbanization and Migration in Russia / A.S. Ahiezer // Social Sciences and Modernity. 2000. № 1.

2. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представление и реальность / Ю.Л. Пивоваров // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6.
3. *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М. : Наука, 2003.
4. *Пчелинцев О.* Социально-экономический кризис в пространственном измерении / О. Пчелинцев // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2.
5. *Вагин В.В.* Российские города: новые подходы к изучению / В.В. Вагин // *Российское городское пространство: попытка осмысления*. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. С. 5.
6. *Кабалина В.И.* Предприятие-город: трансформация социальной инфраструктуры в период реформ / В.И. Кабалина, Т.Ю. Сидорина // *Мир России*. 1999. № 1–2.
7. *Макущенко Л.В.* Малые города в структуре российского общества: основы социально-экономического развития : дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.
8. *Хелл Д.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / Д. Хелл, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Дж. Перратон. М. : Праксис, 2004.
9. *Иноземцев В.Л.* Конкурентоспособность России: иллюзии, реальность, перспективы / В.Л. Иноземцев // *Россия и современный мир*. 2008. № 1(58).
10. *Кара-Мурза С.* Демонтаж народа. М. : Алгоритм, 2007.
11. *Мамедов О.Ю.* Идентичность российской экономики: испытание глобализацией / О.Ю. Мамедов // *Terra Economicus*. 2010. № 2.
12. *Никлесса А.* Геоэкономическая формула мироустройства / А. Никлесса // *Развитие и экономика*. 2013. № 7.
13. *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. М. : Алгоритм : Эксмо, 2006.
14. *Абалкин Л.И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // *Вопросы экономики*. 1994. № 12.
15. *Баженова Е.Ю.* Проблемы экономической безопасности России / Е.Ю. Баженова, А.О. Дайкер // *Черноморско-Каспийский регион: вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях геополитической, георелигиозной и геоэкономической конкуренции*. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2015.
16. *Городецкий А.Е.* Национальный суверенитет и экономическая безопасность в условиях применения экономических санкций / А.Е. Городецкий // *Экономическая безопасность России: проблемы*
2. *Brewers Yu.L.* Urbanization of Russia in the 20th century: representation and reality / Yu.L. Brewers // *Social sciences and modernity*. 2001. № 6.
3. *Senyavsky A.S.* Urbanization of Russia in the 20th century: a role in the historical process. M. : Science, 2003.
4. *Pchelintsev O.* Social and economic crisis in spatial dimension / O. Pchelintsev // *Social sciences and modernity*. 1993. № 2.
5. *Vagin V.V.* Russian Cities: New Approaches to Study / V.V. Vagin // *Russian Urban Space: An Attempt at Reflection*. M. : Mosk. Societies. Scientific. Foundation, 2000. P. 5.
6. *Kabalina V.I.* Enterprise-city: transformation of social infrastructure during the period of reforms / V.I. Kabalina, T.Yu. Sidorina // *World of Russia*. 1999. № 1–2.
7. *Makushchenko L.V.* Small Cities in the structure of Russian society: the foundations of socio-economic development : dis. ... cand. economic. sciences. M., 2005.
8. *Hell D.* Global transformations: politics, economy, culture / D. Hell, D. Goldblatt, E. McGrew, J. Perraton. M. : Praxis, 2004.
9. *Inozemtsev V.L.* Russia's Competitiveness: Illusions, Reality, Perspectives / V.L. Inozemtsev // *Russia and the Modern World*. 2008. № 1 (58).
10. *Kara-Murza S.* Demolition of the people. M. : Algorithm, 2007.
11. *Mammadov O.J.* Identity of the Russian economy: the test of globalization / O.J. Mammadov // *Terra Economicus*. 2010. № 2.
12. *Niclessa A.* Geoeconomic formula of world order / A. Niclessa // *Development and economy*. 2013. № 7.
13. *Utkin A.I.* New World Order. M. : Algorithm : Exmo, 2006.
14. *Abalkin L.I.* Economic Security of Russia: Threats and Their Reflection / L.I. Abalkin // *Economic Issues*. 1994. № 12.
15. *Bazhenova E. Yu.* Problems of Russia's economic security / E.Yu. Bazhenova, A.O. Dyker. Black Sea-Caspian region: challenges and threats to Russia's national security in the face of geopolitical, geo-religious and geoeconomic competition. Rostov-on/D. : Publishing House SFU, 2015;
16. *Gorodetsky A.E.* National Sovereignty and Economic Security under the application of economic sanctions / A.E. Gorodetsky // *Economic security of Russia: problems and prospects*. Materials II of the

и перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2014.

17. *Дмитриева Н.И.* Экономические санкции как инструмент политического давления / Н.И. Дмитриева // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 52.

18. *Долбилов А.В.* Внешний корпоративный долг как угроза экономической безопасности в условиях применения экономических санкций / А.В. Долбилов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 1.

19. *Зубаревич Н.В.* Города как центры модернизации экономики человеческого капитала / Н.В. Зубаревич // Общественные науки и современность. 2010. № 5.

International Scientific and Practical Conference. N. Novgorod, 2014.

17. *Dmitrieva N.I.* Economic sanctions as an instrument of political pressure / N.I. Dmitrieva // State administration. The Electronic Gazette. 2015. № 52.

18. *Dolbilov A.V.* External corporate debt as a threat to economic security in the face of economic sanctions / A.V. Dolbilov // Herald of the Academy of Economic Security of the Russian Interior Ministry. 2015. № 1.

19. *Zubarevitch N.V.* Cities as centers for the modernization of the economy of human capital / N.V. Zubarevitch // Social sciences and modernity. 2010. № 5.

Попова Татьяна Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент,
помощник начальника академии
(по международному сотрудничеству),
руководитель группы
международного сотрудничества,
Академия управления МВД России
milena.555@mail.ru

Tatyana V. Popova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Head of the Academy
(on International Cooperation),
Team Leader
International Cooperation,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ТЕЛЕВИДЕНИЕ- ОБЩЕСТВО» (НА ОСНОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОРСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

UNDERSTANDING OF THE SYSTEM OF INTERACTION «TELEVISION-SOCIETY» (BASED ON THE CONCEPTUALIZATION OF THE RESULTS OF THE AUTHOR'S RESEARCH)

Аннотация. В ходе проведенного автором сравнительного эмпирического исследования с применением как опросных, так и неопросных методов получения первичной информации, была получены сведения, позволяющие более глубоко понять характер и направленность процессов, связанных с деформацией сознания телевизионной аудитории, как следствие, генезисом и развитием различных социальных отклонений, в том числе, и экстремизма. В рамках настоящей статьи с позиции социологической науки производится осмысление факторов влияния теле-контента на массовое сознание. Эмпирические данные получены автором лично при подготовке исследования «Экстремизм как эффект дисфункциональности телевидения в трансформирующемся российском обществе».

Ключевые слова: телевидение, теле-контент, ценности, современное общество, массовая культура.

Annotation. In the author's comparative empirical study, using both questionnaire and non-question methods of obtaining primary information, information was obtained, allowing a deeper understanding of the nature and direction of processes associated with the deformation of the consciousness of the television audience, as a result, genesis and development of various social deviations, including extremism. In the framework of this article, from the point of view of social the factors of the influence of TV content on the mass consciousness are understood. Empirical data were obtained by the author personally during the preparation of the study «Extremism as an effect of the dysfunctionality of television in the transforming Russian society».

Keywords: television, TV content, values, modern society, mass culture.

В ходе проведенного сравнительного эмпирического исследования с применением как опросных, так и неопросных методов получения первичной информации, была получены сведения, позволяющие более глубоко понять характер и направленность процессов, связанных с деформацией сознания телевизионной аудитории, как следствие, генезисом и развитием различных социальных отклонений, в том числе и экстремизма.

В рамках исследования было проведено раздаточное индивидуальное анкетирование жителей Краснодарского и Ставропольского краев. Общий объем выборки – 1700 человек (по 850 в каждом субъекте РФ). Тип выборки – квотная, вероятностная, соответствующая по основным параметрам социально-демографическим признакам, имеющимися статистическими распределениями

по каждому субъекту РФ. Сроки проведения исследования (второй этап): январь-март 2020 г.

Опрошенные в большинстве случаев отмечали именно телевидение в качестве источника информации (68 %). Также, достаточно распространенными источниками информации в исследуемой социальной группе выступают родственники, друзья, знакомые (54,8 %) и глобальная сеть Интернет (49,1 %). Остальные источники информации имеют гораздо меньшее распространение в исследуемой среде. Стоит обратить внимание на невысокую популярность среди опрошенных таких «традиционных» источников информации как газеты, журналы (25,2 %) и книги, учебные пособия (16 %). Таким образом, можно сделать вывод о том, что прогресс коммуникативных технологий постепенно приводит к вытеснению традицион-

ных средств и способов письменной коммуникации, имеющих многовековую историю. Лидирующее положение в сфере предпочтений респондентов занимают аудиовизуальные средства электронных коммуникаций – телевидение и Интернет. При этом достаточно большое преимущество сохраняется за телевидением.

Как показывают полученные данные, по будним дням опрошенные уделяют просмотру телепередач в среднем от 30 минут до 1 часа (36 % опрошенных), либо от 1 до 2 часов (29,2 % респондентов). Остальные варианты ответа оказались менее востребованными. Возможно, такое непродолжительное смотрение телепередач в будние дни объясняется загруженностью респондентов.

В выходные дни, напротив, респонденты уделяют больше времени просмотру телепередач. Наиболее распространенные варианты ответа – от 1 до 2 часов (23,5 % опрошенных) или 2–3 часа (28 % респондентов). Возрастает и доля тех, кто смотрит телевизор от 3 до 5 часов (18 % против 12 % в будние дни). Таким образом, в выходные дни наблюдается увеличение времени, уделяемого респондентами просмотру телевизора.

Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты чаще всего в будние дни смотрят каналы: Первый канал и Россия-1 (соответственно, 29 % и 23 % ответов опрошенных). Далее по степени популярности расположились такие каналы как НТВ, СТС и ТНТ (14 %, 11,7 % и 10,8 % соответственно).

Указанная тенденция сохраняется и при ответе на вопрос, какие каналы респонденты смотрят иногда, время от времени. Здесь, также, лидирующее положение занимают: Первый канал и Россия-1 (72 % и 73 % ответов респондентов). Кроме того, отмеченные телеканалы имеют минимальную долю «отвергающих» зрителей – всего 2,6 % и 7,7 % соответственно.

Вышеприведенные данные показывают, что в выходные дни, как и в будние, сохраняется отмеченная нами ранее тенденция. Респонденты чаще всего смотрят каналы: Россия-1 и Первый канал (40,1 % и 37 % соответственно). Далее следуют такие каналы как Спорт, СТС, НТВ и МузТВ соответственно 22 %, 21,8 %, 20 % и 16 %). Наиболее популярным кубанским телеканалом в выходные дни является ТВЗ – 13,2 % мнений, далее следует Спас – 10 % упоминаний. Аналогичная тенденция заметна и при анализе ответов «смотрю иногда».

В результате исследования выяснилось, что наиболее предпочтительными для респондентов фильмами и сериалами являются комедия (40,4 % опрошенных), мелодрама (37,3 % респондентов), приключения (32 % опрошенных) и боевик (36 % респондентов). Достаточно популярными для респондентов являются детектив (30 % опрошенных) и детская тематика (25 % респондентов). Остальные варианты ответа оказались невостребованными большинством респондентов. Стоит принимать во внимание, что практически все участники исследования глубоко интегрированы в пространство телевизионной коммуникации, так

как лишь 7 % респондентов не смотрят фильмы и сериалы. Соответственно, уровень воздействия художественных образов на сознание людей остается весьма высоким.

Как показывают полученные данные, к числу наиболее предпочтительных респондентами тем телепередач можно отнести юмористическую (42 % опрошенных) и для детей (29,8 % респондентов). Также, достаточно популярными являются такие темы как семья (28,7 % респондентов), спорт (22,6 % опрошенных), музыка, шоу-бизнес (23,8 % респондентов), информационно-новостные (19 % опрошенных) и политика (22 % респондентов). Достаточно высока потребность телезрителей и в криминальной тематике – 20 %. Таким образом, телевизионные каналы имеют возможность влиять на повышение своего рейтинга, включая в свой трансляционный репертуар передачи на популярные темы. При этом, согласно данным исследования, совсем не обязательно (это не диктуется объективными обстоятельствами) постоянное массовое включение в репертуар «чернухи», низкопробных сериалов, жестоких боевиков и пр. неоднозначных инструментов телевизионной коммуникации. По-видимому, все-таки телеканалы находятся под мощным воздействием индустрии массовой культуры и транснациональных медиакорпораций в условиях глобализирующегося современного общества.

В результате проведенного исследования была получена информация о том, что большая часть опрошенных, по их собственному признанию, испытывает достаточно мощное воздействие со стороны телевидения. При этом 29,7 % участников исследования указали на сильное воздействие телевидения на их поведение, а 46,1 % – скорее сильное. Противоположную точку зрения отстаивают лишь примерно четверть опрошенных. Так, скорее слабое воздействие на себе испытывают 21 % респондентов, а слабое – лишь 3 %.

Исследование показало: респонденты различных возрастных групп демонстрируют неодинаковые поведенческие эффекты в результате воздействия на их сознание телевизионной коммуникации. В частности, поведение молодежи в большей мере подвержено влиянию телевизионных передач. Это нашло свое отражение в превалировании ответов «сильно» и «скорее сильно, чем слабо» в данной возрастной группе (соответственно, 34,2 % и 45 %). Для сравнения: в старшей возрастной группе доля аналогичных ответов оказалась 24,5 % и 45,1 %. Чем моложе возраст телезрителей, тем сильнее их сознание подвергается воздействию телевизионной коммуникации и, наоборот, чем старше возраст респондентов, тем устойчивее их сознание к подобному воздействию.

Как показывают полученные данные, мнения респондентов существенным образом разделились при ответе на вопрос о характере влияния телевидения на их поведение. Примерно поровну по численности распределились группы респондентов, кто отмечает позитивный и негативный характер влияния телевидения на их поведение. В частности, 47 % опрошенных указали на

позитивный, а 33 % – на негативный характер воздействия. Достаточно большая по численности группа – 25 % участников исследования, – отметила нейтральный характер влияния.

Исследование показало: старшая и средняя возрастные группы отмечают, в целом, положительное влияние телевидения на собственное поведение (41,2 % – средняя и 40,8 % – старшая). В то же время, молодежь чаще, чем представители других возрастных групп указывала на негативное влияние телевидения на свое поведение (38,1 % против 32,2 % и 31,3 % аналогичных оценок средней и старшей возрастной групп). Возможно, именно в данных оценках кроется достаточно серьезный скептицизм молодежи по отношению к телевидению и более активное (чем в других возрастных группах) использование Интернета в качестве источника информации и способа коммуникации с людьми.

В результате проведенного опроса были получены данные о том, что уровень образования оказывает существенное воздействие на восприятие характера влияния телевидения на поведение респондентов. В частности, чем ниже уровень образования, тем чаще респонденты отмечали позитивный или нейтральный характер влияния телевидения на их поведение. Например, доля оценок «позитивный» оказалась максимальной среди лиц со средним образованием (43,2 %) и минимальной среди тех, кто имеет высшее образование или ученую степень (34,4 % и 30,2 % соответственно). И, напротив, максимально негативное восприятие телевидения в данном аспекте оценки у лиц с высшим образованием (39,1 %), тогда как аналогичный показатель у респондентов со средним образованием всего 30,2 %.

Как показывают вышеприведенные данные, основным чувством для опрошенной среды при просмотре телевизионных передач выступает раздражение (39%). Вторым по степени распространенности чувством является гнев (27,1 %). Третьим – чувство тоски (16,2 %). Примечательно, что радость испытывают только 9,54 % участников исследования, именно поэтому мы с уверенностью можем сделать вывод о том, что именно положительных эмоций не хватает телевизионной аудитории. Примерно столько же по численности респондентов – 9,43 % – испытывают безразличие к телевизионным передачам. В этой ситуации возникает закономерный вопрос о том, какие мотивы движут людьми, смотрящими телевизор в большинстве своем каждый день, если их чувства сродни тем, что человек получает от посещения стоматолога. По-видимому, речь идет если не о «телевизионной зависимости», то, по крайней мере, о глубоко укоренившейся привычке, так как телесмотрение стало частью образа жизни современных россиян.

В результате проведенного анализа была получена информация о том, что респонденты достаточно часто сталкиваются с телевизионными передачами, которые вызывают у них отрицательные чувства (злость, раздражение, стыд и т.п.). Так, большая часть опрошенных 2–3 раза в неделю сталкивается с подобными проблемами

при просмотре телевизионных программ (42 %). Несколько меньший по численности сегмент телевизионной аудитории (34,1 %) указал на наличие тревожной ситуации, когда ежедневно имеет место негативный фон аудитории, вызываемый отрицательными чувствами после просмотра телепрограмм. Лишь 5,2 % участников исследования указали, что практически никогда не сталкиваются с подобными проблемами при просмотре телевизионных программ, а 8,1 % отметили, что раз в месяц и реже сталкиваются с подобными проблемами.

Исследование показало: 21 % опрошенных практически никогда не сталкивались с грубыми, неприличными фразами на телевидении, 26,3 % все же 2–3 раза в неделю слышали грубые, неприличные фразы в телепередачах, фильмах, сериалах. Каждый день сталкиваются с подобным 19,1 %, 1 раз в неделю и реже – 15,2 %, 1 раз в месяц и реже – 12,3 %. Полученная информация свидетельствует о наличии достаточно тревожной ситуации в сфере телевидения, так как именно телевидение в обществе XXI в. выступает в качестве агента стихийной социализации (неподконтрольной родителям и системе образования) молодежи.

Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее подверженные влиянию телевидения, по мнению респондентов, – люди, легко ранимые, впечатлительные (63 %). Далее следуют лица с психическими проблемами – 39,1 %, молодежь, подростки – 36,2 %. Также были упомянуты пенсионеры – 13,2 %, а также наркоманы, алкоголики – 10,1 %. Кроме того, затруднились ответить 5,7 % участников исследования. Конструирование респондентами подобных образов «жертв» телевизионной коммуникации показывает, что большинство рассматривают ее как жизненное испытание, мощное воздействие, где нельзя расслабляться и «давать слабину».

В результате проведенного опроса, была получена информация о том, что в целом респонденты считают: телевидение может влиять на сознание людей, провоцировать раздражение, агрессию, злобу, такого мнения придерживаются 56 %. Противоположные оценки дали те, кто считает, что телевидение не может влиять на сознание – 28,2 % опрошенных.

Как показывают полученные в ходе исследования данные, лица молодого возраста в максимальной степени склонны негативно оценивать телевидение как отрицательно влияющее на сознание людей, провоцирующее раздражение, агрессию и т.п. (доля в разной степени утвердительных оценок у молодежи 65,4 %, тогда как у старшего поколения данный показатель составил лишь 48,3 %). Приведенные данные в целом соответствуют с ранее выявленной информацией о том, что молодежь демонстрирует в большей мере негативные эффекты от просмотра телепередач, чем представители других возрастных групп. Исследование также подтвердило информацию о том, что респонденты старшей возрастной группы наиболее позитивно воспринимают телевизионные передачи.

Как демонстрируют полученные данные, в большинстве своем респонденты хотят подражать героям фильмов и сериалов – 67,3 %, но при этом подавляющее большинство считает, что сериалы и фильмы не правдиво отражают российскую действительность, так считают 80 %.

У большинства респондентов агрессия, драки, насилие, демонстрируемые по телевидению, вызывают неприятие – 64,5 %. Подавляющее большинство при определенных обстоятельствах наказали бы виновного до приезда правоохранительных органов – 77,1 %. Большинство респондентов не способны на убийство человека, даже если возникнет необходимость – 80,2 %. Респонденты признались, что в России, если не нарушать законы, не проживешь – 87 %. Так же большинство считает, что современный мир жесток и надо соответствовать ему, чтобы нормально жить – 82 %.

Полученные данные позволяют сформировать представление об особенностях социокультурного, духовно-нравственного облика респондентов. Очевидно, что здесь сложилась тяжелая ситуация. Криминализированность сознания большинства участников исследования становится очевидной, нарушение законов, произвол, самосуд для многих является нормой. Все осложняется тем, что более 60 % участников исследования с теми или иными оговорками принимают мысль о подражании экранному герою. Учитывая, какие экранные герои популярны в современном российском обществе, становится очевидной опасность деформации сознания телевизионной аудитории, при определенных обстоятельствах могущая привести и к экстремизму.

Как показывают приведенные данные, большинство респондентов продолжают смотреть программу, как ни в чем не бывало – 58 %, напрягаются при виде сцен насилия на телевидении – 42,3 % участников исследования. Реже всего встречались такие ответы, как в меньшей степени внимательно смотрю – 2,8 %; выключают звук телевизора лишь 5,2 %. Более того, смеются и получают удовольствие 5,7 % респондентов. Полученные данные свидетельствуют о четких индикаторах деформации сознания значительной части телевизионной аудитории, как минимум – при вышке к подобным феноменам, как максимум – получающей наслаждение, удовольствие и т.п. Сложившаяся ситуация свидетельствует о формировании необходимого для развития экстремизма базиса в среде опрошенной аудитории. Не стоит также забывать о том, что такой вопрос может снизить откровенность респондентов, предпочтительнее дать социально приемлемые варианты ответов, поэтому показатель «радующихся» в реальности может быть выше.

Исследование показало: большинство респондентов забывают сцены насилия сразу после просмотра (53 %), запоминают на непродолжительное время 32,4 %. Надолго запоминают лишь 15,4 % опрошенных. Несмотря на складывающуюся в целом благоприятную картину последствий просмотра сцен насилия, не стоит забывать о двух обстоятельствах. Первое: качественный состав

тех 14,6 %, кто надолго запоминает сцены насилия. Каковы их ценности, как они воспринимают юридические нормы, их мораль, нравственность, идеологии? Второе: телевидение смотрят подростки и молодежь, именно они зачастую надолго запоминают сцены насилия и «воплощают» их в жизнь, в том числе, становясь экстремистами. Проблема в том, что молодежное сознание – лабильно и некритично, именно поэтому оно представляет собой вмеселище различной телевизионной информации, в том числе способствующей социальным отклонениям.

В ходе анализа взаимосвязи уровня образования респондентов и характера их ответов на вопрос об эффектах просмотра телевизионных программ, была выявлена следующая закономерность. Участники исследования с высоким уровнем образования оказались в меньшей степени подвержены влиянию телевизионной коммуникации, они менее «впечатлительные» (58 % респондентов с высшим образованием забывают сцены насилия сразу после просмотра, тогда как аналогичный показатель среди лиц со средним образованием – лишь 45 %. Напротив, надолго запоминают сцены насилия, чаще, респонденты со средним уровнем образования: 19 % против 12 % у респондентов с высшим образованием. Становится очевидным, что уровень образования, как и уровень общей культуры человека, является дополнительным средством защиты от деструктивного воздействия телевидения на сознание и поведение.

Как показывают полученные данные, большинство телевизионной аудитории уверено, что существуют угрозы, с которыми Россия не справляется сейчас – 64 %. В то же время, противоположной точки зрения придерживаются 35,3 % участников исследования. Исследование показало, что в среде телевизионной аудитории преобладают пессимисты над оптимистами, возможно, здесь актуальна поговорка «пессимист – это хорошо сформированный оптимист». В любом случае, очевидно, что телевидение посредством демонстрации одиозного контента, принимает на себя часть ответственности за подобное негативное мировоззрение и мироощущение своей аудитории. Именно так закладываются социокультурные основы девиаций и делинквентности.

Большинство респондентов раздражает и злит, когда телевидение демонстрирует привлекательные условия жизни (44 %). Это говорит о том, что россияне в целом некомфортно чувствуют себя в современной обстановке. 23 % респондентов проявили безразличие в этом вопросе и лишь 19 % респондентов радуются за других людей. Учитывая тот факт, что современное телевидение активно демонстрирует подобные сцены (особенно в рекламе, сериалах, художественных фильмах, передачах о жизни «звезд»), становится очевидной потенциальная опасность дисфункциональности телевизионной коммуникации в аспекте воздействия на сознание зрителей.

В результате проведенного исследования выяснилось, что реакции различных возрастных групп являются подчас диаметрально противополо-

ложными при демонстрации телевидением привлекательных условий жизни по сравнению с тем, в которых проживают респонденты. Молодежь в гораздо большей степени по сравнению даже со средним возрастом злится и раздражается в данном случае (57 % против 46 % у среднего и лишь 27 % старшего возраста). Старшее поколение в данном случае предпочитает радоваться за тех, кто умеет жить (29 % против 12 % аналогичного показателя у молодежи и 16 % – у среднего возраста). Именно подобные эмоциональные, порой аффективные реакции молодежи на демонстрацию сцен-раздражителей являются одним из факторов риска в аспекте генезиса установок экстремизма на почве «жизненного реванша».

Таким образом, исследование показало, что с одной стороны наблюдается наличие определенных «завышенных ориентиров», с другой стороны в современном российском обществе отсутствуют действенные каналы вертикальной социальной мобильности. Телевидение, педалируя подобные эффекты, лишь озлобляет население и формирует установки негативизма, приводящие и к экстремизму.

Отдельный блок вопросов нашего исследования был задан только активным зрителям телеканала «НТВ», являющегося одним из лидеров «агрессивного» контента. Наша цель заключалась в выявлении подробных характеристик зрительской аудитории данного телеканала, а также замеру информационно-коммуникационной направленности передач «НТВ».

Как показывают полученные данные, подавляющее большинство аудитории НТВ смотрит данный канал от 1 года и более – 84,5 %. Таким образом, можно сделать вывод о том, что основная часть телевизионной аудитории обладает немалым стажем просмотра именно канала НТВ, следовательно, обладает какими-то привычками, устоявшимися интересами относительно передач данного канала. Интеграция аудитории в пространство вещания канала – весьма высокая, что предопределяет наличие стабильных эффектов воздействия на сознание.

В результате проведенного исследования оказалось, что большинство респондентов – 48,2 % – скорее удовлетворены нынешними передачами канала НТВ, при этом они демонстрируют уверенность, что их можно было бы сделать несколько лучше. Еще 30,1 % опрошенных убеждены, что передачи канала можно было бы значительно улучшить, в силу этого они «не очень удовлетворены» каналом НТВ. Вместе с тем, 23 % респондентов полностью удовлетворены каналом НТВ, его передачами. В целом, ответы респондентов показывают, что большинство из них демонстрируют среднюю или высокую степень удовлетворенности передачами канала НТВ. В этой ситуации сложно ожидать от руководства канала прекращения выхода в эфир криминальной, агрессивной и пр. информации, так как это может снизить рейтинг телеканала.

Исследование позволило описать хобби и увлечения аудитории НТВ. Здесь выделяется

несколько наиболее популярных увлечений. В порядке убывания следуют: провозу время в пространстве Интернета (43 %), занимаются боевыми единоборствами (42 %), азартные игры (карты, спортивный тотализатор, игровые автоматы и т.п.) (40,3 %), посещают развлекательные центры (37,1 %), дискотек, ночных клубов (33,3 %). Также довольно распространенными увлечениями зрителей канала НТВ являются занятия спортом, компьютерные игры (по 32,3 %), провозу время в кафе, пиццерии, баре, ресторане (22,1 %). В числе наименее распространенных хобби и увлечений аудитории НТВ: живопись (2,7 %), творчество (7,1 %), самообразование (9,2 %), чтение (13,2 %).

Для более детального анализа проблемной ситуации нами также был применен неопросный метод анализа документальных источников – контент-анализ. Выборка: телевизионные передачи на основных телевизионных федеральных каналах за период январь 2020 г. В результате проведенного контент-анализа были получены результаты данные контент-аналитического исследования, посвященного поиску индикаторов дисфункциональности в телевизионной коммуникации. В частности, речь шла о сценах убийств, насилия, демонстрируемых по ведущим российским телеканалам. В данном печальном «рейтинге» лидируют основные федеральные телевизионные каналы, обладающие большей (по сравнению с другими) аудиторией, имеющих высокие рейтинги. По критерию демонстрации сцен драк и избиений лидирует канал НТВ (5,6 % – драки; 4,7 % – избиения). Второе-третье место по данному критерию оценки разделяют Первый канал (3,3 % – драки и 3,4 % – избиения) и ТНТ (3,1 % и 4,5 % соответственно драки и избиения). Далее следует телеканал Россия-1 (3,2 % и 4,3 % соответственно драки и избиения). Напротив, наиболее благополучная ситуация по данному критерию наблюдается у каналов Спас (подобные печальные сцены отсутствуют) и РБК (лишь 0,41 % и 0,22 % соответственно драки и избиения).

Практически аналогичная ситуация сложилась и по критерию демонстрации криминальных убийств на экранах телевизоров. Здесь наихудшее положение у телеканала НТВ (4,13 %). Далее следуют: ТНТ (3 %), Первый канал (3,1 %), Россия-1 (2,7 %). Вообще не был замечен подобный жанр на каналах: Спас, Культура, РБК.

Казни в общем мало представлены на всех каналах, но все же больше из всех каналов они транслируются на ТНТ (1,6 %) и НТВ (1,4 %). Совсем не было замечено на РБК и Муз-ТВ. Сцены с изнасилованиями транслируются на таких каналах как: НТВ (2 %), ТНТ (1,7 %), Домашний (1,5 %), Перец (1,2 %). Не транслируются вообще на телеканалах Культура, РБК, Муз-ТВ и Спас.

Каналы-лидеры по трансляции человеческих смертей в эфире: НТВ (3 %), Первый канал (3,1 %), Россия-1 (3,2 %). На каналах Муз-ТВ и Спас человеческих смертей замечено не было. Рейтинг каналов, транслирующих человеческую смерть в результате бедствий выглядит так: НТВ (2,4 %), Россия-1 (1,8 %), Первый канал (1,6 %),

Домашний (1,5 %), ТВЦ (1,4 %), Перец (1,3 %). Наименьший результат показал канал Спас (0,11 %), что выглядит вполне логичным.

Исследование показало: частота демонстрации сцен насилия на телеканале НТВ (федеральный телеканал) имеет равномерный характер, каких-то больших скачков в эскалации насилия мы не видим, идет лишь небольшой прирост количества подобных телевизионных сюжетов. Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Анкетирование телезрителей показало, что телевидение на современном этапе его развития обладает потенциалом формирования экстремистских установок своей аудитории, главным образом, воздействуя на сознание, деформируя его.

Опрос показал, что практически все его участники интегрированы в пространство телевизионной коммуникации. В результате уровень воздействия художественных образов на сознание людей является весьма высоким, при этом подавляющее большинство респондентов обладают неспециализированным сознанием, им порой сложно отличить правду от лжи, дезинформации, художественного вымысла в телевизионных передачах.

Результаты исследования продемонстрировали, что объективных оснований для массового включения в телевизионный репертуар «чернухи», низкопробных сериалов, жестоких боевиков и пр. неоднозначных инструментов коммуникации, на сегодняшний день нет. Стоит предположить, что данная ситуация имеет место, так как телеканалы находятся под мощным воздействием индустрии массовой культуры и ТНК в условиях глобализирующегося современного общества.

В ходе исследования большинство его участников отметили серьезное влияние телевизионной коммуникации на их поведение. Исследование

Литература:

1. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М. : «Медиум», 1995.
2. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ: АСТ Москва : Хранитель, 2006. 873 с.
3. *Попова Т.В.* Экстремизм как эффект дисфункциональности телевидения в трансформирующемся российском обществе. Краснодар, 2017. 270 с.

позволило выявить негативный фон аудитории, вызываемый отрицательными чувствами после просмотра телепрограмм. В современном российском обществе складывается достаточно тревожная ситуация в сфере телевидения, так как именно телевидение выступает в качестве агента стихийной социализации подрастающего поколения, неподконтрольной родителям и системе образования.

Эмпирическое исследование продемонстрировало криминализированность сознания большинства респондентов. Нарушение законов, произвол, самосуд для многих опрошенных является нормой. Все осложняется тем, что более 61% участников исследования с теми или иными оговорками принимают мысль о подражании экранному герою. Учитывая, какие экранные герои популярны в современном российском обществе, становится очевидна опасность деформации сознания телевизионной аудитории, при определенных обстоятельствах могущая привести и к экстремизму.

Эмпирический анализ показал наличие четких индикаторов деформации сознания значительной части телевизионной аудитории, как минимум – привыкшей к экранному насилию, криминальной черноте, как максимум – получающей наслаждение, удовольствие от подобного просмотра (хотя последних относительно немного, но в абсолютных числах – это миллионы россиян).

Практически у половины респондентов имеются отчетливо выраженные страхи, фобии, тревожные состояния и т.п. Определенную долю вины за происходящее несет и телевидение, демонстрируя специфические передачи, сериалы, фильмы, лишь укрепляющие негативные состояния людей, а не разрушающие их. Сложившаяся ситуация свидетельствует о формировании необходимого для развития экстремизма базиса в среде опрошенной аудитории.

Literature:

1. *Berger P.* Social construction of reality / P. Berger, T. Lukman. M., «Medium», 1995.
2. *Merton R.* Social theory and social structure. M. : АСТ : АСТ Moscow : Guardian, 2006. 873 p.
3. *Popova T.V.* Extremism as an effect of the dysfunctionality of television in the transforming Russian society. Krasnodar, 2017. 270 p.

Рябцев Сергей Викторович

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru

Кириллов Павел Евгеньевич

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
kirillov_pe@mail.ru

Шимон (Кутепова) Наталья Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент,
доцент кафедры иностранных языков
и русского как иностранного,
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru

Sergey V. Ryabtsev

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
matilda-9972@mail.ru

Pavel E. Kirillov

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
kirillov_pe@mail.ru

Natalia V. Shimon (Kutepova)

Candidate Philological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages
and Russian as a Foreign Language,
State University «Dubna»
matilda-9972@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ.
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В настоящее время одним из главных требований образовательных стандартов считается широкое использование в процессе обучения информационных технологий, способствующих повышению качества подготовки выпускников вузов. В статье анализируются этапы формирования формата дистанционного обучения в мировой практике и особенности его реализации в государственном исследовательском университете. В связи с переходом на дистанционный формат обучения было проведено исследование с целью выявления проблемных зон и направлений развития новой в отечественной практике явления. Отмечено значение коммуникативных и содержательных аспектов режима дистанционного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, виды систем обучения, коммуникация, синхронная система, асинхронная система, смешанная система обучения.

В настоящее время одним из главных требований образовательных стандартов считается широкое использование в процессе обучения информационных технологий, способствующих повышению качества подготовки выпускников вузов. Распространение дистанционного

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF DISTANCE LEARNING.
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Annotation. Currently, one of the main requirements of educational standards is considered to be the widespread use in the process of learning information technologies, which contribute to improving the quality of training of university graduates. The article analyzes the stages of the formation of the format of distance learning in world practice and the peculiarities of its implementation at a state research university. In connection with the transition to a distance learning format, a study was carried out in order to identify problem areas and directions for the development of a phenomenon that is new in domestic practice. The importance of the communicative and content aspects of the distance learning mode is noted.

Keywords: distance learning, types of learning systems, communication, synchronous system, asynchronous system, mixed learning system.

обучения в Российской Федерации и других странах является закономерным этапом и ответом на современные сложившиеся условия [1].

Первым университетом, внедрившим дистанционное обучение в мире, был *UniSA* (ЮАР),

открывший такие курсы еще в 1946 г. Британский Открытый университет (OUUK), основанный позже, в 1969 г., сейчас является крупнейшим на рынке дистанционных услуг. В 1974 г. в Хагене в Германии был создан *FernUniversität*. Вышеперечисленные университеты являются в настоящий момент мировыми мега-университетами.

К другим значимым зарубежным образовательным организациям можно отнести: *Centre national d'enseignement a distance* – французский национальный центр дистанционного образования, австралийскую территориальную информационную сеть, *Universidad Nacional de Educación a Distancia* – национальный университет дистанционного образования (Испания), который был основан по образцу Британского открытого университета. Стоит отметить, что именно в UNED размещена кафедра дистанционного образования ЮНЕСКО. Также назовем представителя американской школы – Университет Джеймса Медисона (*JMU OnlineandDistance Learning*).

На практике наиболее распространены три вида систем дистанционного обучения: синхронные, асинхронные и смешанные [4; 5].

В синхронных системах дистанционного обучения студенты и тьюторы участвуют в учебном процессе одновременно. К таким системам относятся компьютерные телеконференции, дистанционное обучение под руководством инструктора. К средствам общения в синхронных системах дистанционного обучения относятся: чаты, видео и аудиоконференции, веб-конференции, виртуальные миры.

Асинхронный режим разделяет участие слушателя и преподавателя, где учащийся выбирает план занятий и время реализации. Основными каналами взаимодействия, в таком случае, являются интернет-системы, блоги, веб-форумы, а также электронная почта.

Смешанные системы используют элементы двух вышеуказанных видов как синхронного, так и асинхронного типов обучения. Такое обучение предполагает самостоятельность слушателя, собственнически осуществляющего контроль за образовательным маршрутом, темпом и временем, выделенным им на освоение программы, а также, коммуникацию с тьютором.

Что касается мирового опыта, то данная разновидность дистанционного обучения в мире именуется как *blendedlearning*. В Российской Федерации эту модель называют смешанной. В нормативно-правовых актах это именуют частичным дистанционным обучением. Данная модель выражена в слиянии различных форм обучения как традиционных, так и дистанционных [7; 8; 9].

На пути реализации системы дистанционного обучения возникает ряд проблем.

1. Правовые проблемы: авторы считают, что общая нормативно-правовая база развита недостаточно, так как отсутствует единая концепция дистанционного обучения, кроме того, Бекетова говорит о специфических задачах обеспечения

качества данного вида передачи знаний: нет единых механизмов экспертизы, сертификации сетевых курсов, прав интеллектуальной собственности разработчика и тьютора (преподавателя) по защите авторства в электронном мире. Отсутствие системы стандартизации, которая пагубно влияет на интеграцию с другими учебными заведениями: затруднительный обмен, использование и как итог несовместимость учебных материалов образовательных организаций.

2. Финансовые проблемы: на начальном этапе высокая стоимость разработки дистанционного курса, последующее оплачиваемое обновление, кроме того, единая стандартизация, требующая дополнительных затрат.

3. Проблемы качества дистанционного обучения: в настоящий момент базис учебных материалов составляет информация в текстовом формате и простейшая графика, выраженная в виде рисунков, фото. Контроль осуществляется путем тестирования. Практически все системы дистанционного обучения являются закрытыми, и слушатель не может оценить качественный уровень образовательной платформы и учебного материала до оплаты и подписки на определенный курс. Электронные пособия, способные в полной мере раскрыть потенциал только находятся на стадии разработки.

4. Технические проблемы: нестабильное интернет-соединение при передаче данных, недостаточное техническое оснащение, как образовательной организации, так и рабочего места обучающегося, не вся телекоммуникационная инфраструктура доступна по стоимости. Несмотря на то, что российские сайты центров дистанционного обучения создают платформы по аналогии с США и Западной Европы, дизайн и интерфейс уступает по уровню технической реализации исполнения [2; 3; 10].

Коммуникативные проблемы: данный вид проблем выражен в сложности организации коллективной работы большого количества слушателей. К этой же группе проблем также относят языковую проблему. Она имеет место, когда дистанционный курс

1. Разрабатывался на одном языке, а при импорте (экспорте) требуется его адаптация на другом. Кроме того, необходимо при переводе учитывать социальные, культурные и иные особенности региона, в котором будем распространяться дистанционный курс.

2. Организационные проблемы: данная категория проблем обуславливается различным уровнем владения студентами и представителями профессорско-преподавательского состава техническими средствами. Также это может повлиять на неправильную оценку слушателя: его недооценку или переоценку достижений, определить степень самостоятельной работы студента в процессе обучения и неправильно оценивать его вклад в текущих и контрольных заданиях.

3. Кадровые и личностные проблемы: недостаточное количество консультантов и администраторов систем дистанционного обучения.

Необходимы не только помощники, обладающие знаниями в этом способе передачи знаний, но и персонал, осуществляющий психологическую поддержку профессорско-преподавательского состава и студентов. Крайне трудно подготовить персонал, работающий в своей предметной области, а также, с новыми медиаресурсами, разрабатывая дистанционный курс [2].

В список проблемных моментов можно также включить и режим информирования пользователей разных форм обучения о наличии соответствующих потребностям дистанционных курсов.

К известным преимуществам дистанционной формы, в то же время, можно отнести широкие возможности визуализации материалов, индивидуализацию темпа и времени освоения курса, временная и географическая доступность, минимизация финансовых затрат.

В качестве объекта эмпирического исследования выступили представители профессорско-преподавательского состава государственного университета «Дубна». Предметом эмпирического исследования – оценки перспектив развития дистанционного обучения. В качестве респондентов выступили студенты государственного университета «Дубна» с первого по шестой курс. Генеральная совокупность составила $N = 2257$. Выборочная совокупность – 333 человека

Около половины обеих групп респондентов: профессорско-преподавательского состава (50 %) и студентов государственного университета «Дубна» (48 %) считают, что повсеместное внедрение дистанционного обучения в высшей школе нейтрально скажется на качестве образования. Стоит отметить, что негативное влияние отмечает следующая группа респондентов: 35 % студентов и 40 % представителей профессорско-преподавательского состава. Оценку «строго негативно», «позитивно» и «исключительно позитивно» выставили представители обеих групп в равном количестве.

Мнения о недостатках внедрения дистанционного обучения у студентов и преподавателей совпали: первым недостатком обе группы респондентов выделили «Отсутствие объективной информации о качестве дистанционного обучения» (46 и 36 % соответственно), вторым – «недостаточной подготовкой потребителей к использованию дистанционных технологий» (20 и 32 % соответственно). Данные результаты говорят о том, что в будущем необходимо давать пробную версию дистанционного курса, чтобы слушать имел представление о качестве материала и его подаче, второй недостаток свидетельствует о том, что студенты критично относятся к себе и к дистанционному обучению. Преподаватели выделяют этот критерий, так как понимают, что слушатели не совсем готовы к такому формату обучения, возможно, ссылаются на свой предыдущий опыт.

Выявлено, что 93 % студентов и 83 % представителей профессорского преподавательского состава, скорее согласны или полностью согласны с возможностью перевода непрофильных курсов

в дистанционный формат в будущем. Стоит отметить, что среди представителей профессорско-преподавательского состава есть некое количество тех, кто скорее не согласен (15 %) или категорически (2 %) не согласен с возможностью в будущем перевода непрофильных курсов в дистанционный формат.

Можно заметить, что основными направлениями, по которым целесообразно разрабатывать дистанционные курсы являются ИТ-сфера, социальные и гуманитарные направления. Оценки обеих групп респондентов очень близки по значениям между собой. Самыми нецелесообразными направлениями респонденты считают естественнаучные, технические и экономические направления. Это обуславливается тем, что в данных направлениях важны практические умения, которые можно получить исключительно традиционным способом.

Подавляющее большинство, а именно, 77 % студентов, не хотели бы видеть профильные курсы в дистанционном формате. Скорее всего, это связано с тем, что в таком режиме невозможно получить практические умения и знания. Однако 23 % респондентов не отказались бы от возможности введения профилирующего дистанционного курса в рамках основной образовательной программы. Возможно, дистанционное обучение соответствует требованиям респондентов при получении образования.

По оценкам студентов и преподавателей для успешного внедрения дистанционного обучения необходимо решить технические проблемы: перебоев сети, недостаточного технического оснащения учебного заведения и рабочего места обучающегося.

По оценкам студентов и представителей профессорско-преподавательского состава, коммуникативные проблемы, которые включают в себя сложности в организации групповой работы студентов, коммуникацию вида «студент-преподаватель» и «студент-студент», следует упразднить, так как они в большей степени мешают успешному внедрению дистанционного обучения в высшей школе и замедляют его развитие. Также, стопорит развитие данного вида обучения проблема качества образования (качество процесса обучения, качество результата). На третьей позиции в оценках профессорско-преподавательского состава стоят правовые проблемы (защита интеллектуальной собственности, авторства), в свою очередь студенты на третье место помещают также правовые проблемы, финансовые и технические проблемы (процентные показатели были близки).

Студенты, оценивая основные перспективы коммуникации при дистанционном обучении, выделяют следующие: индивидуальные консультации на платформе дистанционного обучения (35 %), удобный интерактивный чат на платформе (26 %) и общение через социальные сети (23 %). Преподаватели видят другую тенденцию в коммуникации: переписка по электронной почте (29 %), рубрика вопрос-ответ на паре (25 %) и индивидуальные консультации на платформе (23 %). Данные

различия можно трактовать следующим образом: консерватизм в способах взаимодействия со стороны преподавателей и удобство при контакте по электронной почте, так как он происходит в удобное время. Студенты в свою очередь, хотят индивидуальный подход и общение на удобных для них площадках.

При ответе на вопрос: «Какой вид образования будет широко применять обучение с применением дистанционных технологий в будущем?» мнения респондентов разделились: на первое место преподаватели поставили дополнительное образование, затем – курсы повышения квалификации, на третью позицию – второе высшее образование; студенты же поставили на первое место, самообразование, после – курсы повышения квалификации, магистратура и дополнительное образование разделили третью позицию. Несмотря на вышеуказанные различия в оценках, стоит отметить, что та и другая группа респондентов считает, что дистанционное обучение не подходит для получения первого высшего образования.

Обобщая полученную информацию, можно сделать выводы о том, что:

Во-первых, студенты и преподаватели отметили, что политика по внедрению дистанционного обучения стоит за вузом и государством, поэтому руководству университета в своих силах провести необходимые преобразования и адаптацию, тем более, законодательно у образовательной организации есть такое право.

Во-вторых, в пробном режиме имеет смысл организовать дистанционные курсы по социальным, гуманитарным и IT-направлениям.

В-третьих, необходимо предоставить желающим прослушать в режиме тестирования несколько лекций курса, чтобы студент мог обозначить, удовлетворен ли он его качеством или нет.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.06.2020 № 164-ФЗ «О внесении изменений в статьи 71.1 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354458/ (дата обращения 18.09.2020).
2. Бекетова О.Н. Дистанционное образование в России: проблемы и перспективы развития / О.Н. Бекетова, С.А. Демина // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 69–78.
3. Орлова Е.Р. Почему системы дистанционного обучения не отвечают потребностям вузов? / Е.Р. Орлова, Е.Н. Кошкина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 7. С. 63–64.
4. Сергеев А.Г. Введение в электронное обучение : монография / А.Г. Сергеев, В.А. Немонтов. – Владимир : Изд-во Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2013. С. 46.

В-четвертых, следует разработать дистанционные курсы не только в рамках основной образовательной программы, но в рамках дополнительного образования (предварительно оценив потребности слушателей).

И, в-пятых, при обозначенной, выраженной коммуникативной проблематике, мы полагаем, что общение вида «студент-преподаватель» должно проходить на удобной обоим группам площадках. В нашем случае: в виде индивидуальных консультаций на платформе дистанционного обучения.

Исследование перспектив развития дистанционного обучения в государственном университете «Дубна» показало, что вуз следует общероссийским и общемировым трендам. Слушателей по-прежнему беспокоит качество образования, спектр проблем стопорит успешное и продуктивное повсеместное внедрение дистанционного обучения. Но, несмотря на все трудности, студенты и преподаватели осваивают данный способ и несмотря на социально-демографический тренд, гласящий, что люди разных поколений по-разному оценивают будущее технологий, перспективы развития дистанционного обучения они видят практически идентично: ярко выделяют роль государственного регулирования, отмечают сходные проблемы и факторы, мешающие внедрению и развитию. Ожидаются переход к мобильному обучению по оценкам обеих групп респондентов, развитие геймификации в дистанционном обучении и новых средствах обучения.

Проводя такие мониторинги с периодичностью, можно отслеживать, как меняются установки двух важнейших участников образовательного процесса, как это соотносится с экспертными трендами и вовремя оповещать руководство вуза, чтобы оно отвечало на запрос, тем самым обеспечивая конкурентоспособность вуза.

Literature:

1. Federal Law of 08.06.2020 № 164-FZ «On Amendments to Articles 71.1 and 108 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354458/ (date of application 09.18.2020).
2. Beketova O.N. Distance education in Russia: problems and development prospects / O.N. Beketova, S.A. Demina // Social and humanitarian knowledge. 2018. № 1. P. 69–78.
3. Orlova E.R. Why distance learning systems do not meet the needs of universities? / E.R. Orlova, E.N. Koshkina // National interests: priorities and security. 2015. № 7. P. 63–64.
4. Sergeev A.G. Introduction to e-learning : monograph / A.G. Sergeev, V.A. Nemontov. Vladimir : Publishing house of the Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs, 2013. P. 46.

5. Синельникова Е.А. Применение технологий дистанционного обучения с целью повышения эффективности образовательного процесса / Е.А. Синельникова // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 5. С. 239–246.

6. Allban I.J. Distant education: some points for / I. J. Allban, H. Seaman. Babson : Survey research Group and Qualog Group, 2018. 230 p.

7. Bath D. Getting started with blended learning. Bouke : Griffith Institute for higher education, 2018. P. 86.

8. Blended Learning Models: When Blended Learning Is What's Up For Successful Students. URL : <https://elearningindustry.com/6-blended-learning-models-blended-learning-successful-students> (дата обращения 01.09.2020).

9. Distance Education: Pros and Cons of Online Study. URL : https://owlcation.com/academia/distance-education-colleges_online-undergraduate-degree_pros-and-cons (дата обращения 21.05.2020).

10. Kegeyan K. Distance learning: its disadvantages and advantages for today's learners / K. Kegeyan, H. Seaman. Babson : Survey research Group and Qualog Group, 2018. 230 p.

5. Sinelnikova E.A. Application of distance learning technologies to improve the efficiency of the educational process / E.A. Sinelnikova // Social and Humanitarian Knowledge. 2015. № 5. P. 239–246.

6. Allban I.J. Distant education: some points for / I. J. Allban, H. Seaman. Babson : Survey research Group and Qualog Group, 2018. 230 p.

7. Bath D. Getting started with blended learning. Bouke : Griffith Institute for higher education, 2018. P. 86.

8. Blended Learning Models: When Blended Learning Is What's Up For Successful Students. URL : <https://elearningindustry.com/6-blended-learning-models-blended-learning-successful-students> (дата обращения 01.09.2020).

9. Distance Education: Pros and Cons of Online Study. URL : https://owlcation.com/academia/distance-education-colleges_online-undergraduate-degree_pros-and-cons (дата обращения 21.05.2020).

10. Kegeyan K. Distance learning: its disadvantages and advantages for today's learners / K. Kegeyan, H. Seaman. Babson : Survey research Group and Qualog Group, 2018. 230 p.

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78@yandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
serq1952@mail.ru

Каспаров Аскер Робертович

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
mr.kasparov.01@mail.ru

Тутова Лариса Николаевна

старший преподаватель
кафедры истории и культурологии,
Донской государственный
технический университет
tutovu@list.ru

**ЖИЗНЕННОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ
МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье анализируются особенности жизненного проектирования российской молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества; показывается, что жизненные планы молодежи в условиях социальной неопределенности и рисков могут реализовываться, преимущественно, в форме краткосрочных или коротких жизненных проектов. Авторы отмечают, что в условиях кризиса, вызванного пандемией, жизненное проектирование российской молодежи приобрело еще более размытый и неопределенный характер, что обуславливает необходимость разработки и практической реализации мер, призванных локализовать риск и снизить, так называемый, порог неопределенности. Эффективная реализация молодежью жизненных проектов находится в зависимости от степени доступности для молодых людей основополагающих социальных благ и ресурсов,

Peter S. Samygin

Doctor of Sociology,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samygin78@yandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Social Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Sociology,
Rostov State University of Economics
serq1952@mail.ru

Asker R. Kasparov

Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Departments
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
mr.kasparov.01@mail.ru

Larisa N. Tutova

Senior Lecturer of the Department
of History and Cultural Studies,
Don State Technical University
tutovu@list.ru

**LIFE PLANNING OF YOUNG
PEOPLE IN THE CONDITIONS
OF SOCIAL UNCERTAINTY
OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY**

■ ■ ■

Annotation. The article analyzes the features of life design of Russian youth in the conditions of social uncertainty of Russian society, shows that the life plans of young people in the conditions of social uncertainty and risks can be implemented mainly in the form of short-term or short-term life projects. The authors note that in the context of the crisis caused by the pandemic, the life planning of Russian youth has become even more vague and uncertain, which makes it necessary to development and practical implementation of measures designed to localize the risk and reduce the so-called uncertainty threshold. The effective implementation of life projects by young people depends on the degree of accessibility of fundamental social benefits and resources for young people, institutional support, and the stable nature of the fundamental norms and rules of behavior governing various areas of youth life.

институциональной поддержки, стабильного характера основополагающих норм и правил поведения, регулирующих различные области жизнедеятельности молодежи.

Ключевые слова: молодежь, общество, информационное общество, социализация, социальная неопределенность, социальный риск, anomie, атомизация, жизненное проектирование, жизненные проекты, жизненные планы, жизненные стратегии.

Keywords: youth, society, information society, socialization, social uncertainty, social risk, anomie, atomization, life design, life projects, life plans, life strategies.

В современной социологии жизненное проектирование определяется как процесс, включающий формирование и изменение жизненного мира человека, складывание и практическую реализацию соответствующих жизненных проектов. По мнению Ш.И. Алиева, автора докторской диссертации, посвященной жизненному проектированию отечественной молодежи в условиях современного информационного общества, жизненное проектирование целесообразно рассматривать в качестве подсистемы, которая отвечает за процесс формирования индивидуального жизненного мира или сферы его практической жизнедеятельности. Актуальность изучения жизненного проектирования молодежи обусловлена высокой значимостью исследования молодежи как наиболее активной социально-демографической группы, от самореализации которой зависит развитие общества в будущем. При этом следует принимать во внимание то обстоятельство, что молодежь является, своего рода, проекцией общества в миниатюре: по определению Ш.И. Алиева, молодежь есть «социокультурный продукт», и жизненное проектирование ее представителей осуществляется в условиях конкретной социокультурной реальности, происходит под воздействием объективных и субъективных факторов [1, с. 145].

Данные факторы также можно определить как внешние и внутренние: первые из них не зависят от молодежи и детерминируются особенностями развития общества на конкретном историческом этапе его развития, а вторые, в свою очередь, определяются спецификой развития именно молодежи как особой социально-демографической группы, а также, особенностями процесса социализации молодых людей.

Авторский интерес направлен на научное изучение первой группы или, так называемых, объективных факторов: здесь, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что жизненное проектирование современной российской молодежи осуществляется в условиях социальной неопределенности и риска. На это указывают, в частности, известные отечественные исследователи в области социологии молодежи В.И. Чупров и Ю.А. Зубок: по мнению данных ученых, формирование жизненных стратегий в условиях неопределенности происходит в условиях потери молодыми людьми способности предвидеть и прогнозировать свою жизнедеятельность на сколько-нибудь долговременную перспективу. В ситуации крайней неопределенности выбор в пользу определенного жизненного

проекта реализуется в форме мало обоснованного гадания, а само жизненное проектирование, по большей части, осуществляется на основе интуитивного выбора и использования сиюминутных возможностей, которые у значительной части молодых людей являются ограниченными [2, с. 57].

Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности, таким образом, характеризуется отсутствием стремления к разработке четких жизненных планов: молодежь здесь, напротив, чаще всего, «не задумывается о длительных перспективах», предпочитая «плыть по течению жизни» и жить сегодняшним днем [3, с. 133].

Жизненные планы молодежи в условиях социальной неопределенности и рисков могут реализовываться, преимущественно, в форме краткосрочных или коротких жизненных проектов: специфика данных проектов, как следует из их названия, состоит в их субъективной расчетливости и разрывности в течение короткого промежутка времени (по мнению В.В. Кривошеева, речь здесь может идти о периоде, не превышающем один или два года). Короткие жизненные проекты, согласно представлениям Кривошеева, «связаны не столько с физическим временем, сколько со временем сугубо социальным» (говоря о социальном времени, исследователь имеет в виду включенность индивида в систему определенных социальных связей и взаимодействий, находящую отражение в тех или иных направлениях жизнедеятельности, осуществляющихся в рамках конкретных групп) [4, с. 58]. Необходимо отметить, что В.В. Кривошеев рассматривает короткие жизненные проекты в качестве основы anomie в современном российском обществе. Данный исследователь также полагает, что anomie в России проявляется в процессе трансформации общества от состояния, характеризующегося целостностью, к атомизации. Именно последнюю другую известный отечественный ученый С.Г. Кара-Мурза считает, в комплексе с крайним индивидуализмом и социальным одиночеством, важнейшим условием возникновения состояния anomie (данное состояние, в свою очередь, проявляется в утрате представителями базовых социальных групп чувства сопричастности к обществу, в целом, в отторжении ими основополагающих общественных ценностей и правил поведения) [5, с. 50].

Состояние anomie оказывает воздействие на представителей различных социально-демогра-

фических групп и, в первую очередь, на молодежь, которая будучи становящимся субъектом общественных отношений, сама характеризуется аномичностью. Данное состояние, с нашей точки зрения, отражается на системе жизненного проектирования представителей рассматриваемой группы. С.Г. Кара-Мурза противопоставляет современное российское общество, находящееся в состоянии аномии, обществу советскому, основу которого составлял «модальный тип цивилизованного общества», который сформировался на базе культуры стабильного общества. Современное российское общество, в соответствии с трактовкой С.Г. Кара-Мурзы, является противоположностью советскому, характеризуясь неуверенностью его членов в завтрашнем дне, что проявляется в преобладании стремления «взять от общества побольше, а дать ему поменьше» [5, с. 57]. Иными словами, речь здесь идет об отсутствии стремления к осуществлению долгосрочного планирования, доминировании коротких жизненных проектов или планов индивидуального характера, которые рассчитаны на небольшие промежутки времени.

Доминирование коротких жизненных проектов во многом обусловлено реалиями современного информационного общества, характеризующегося постоянными изменениями в области коммуникационных и иных технологий: данные изменения наиболее интенсивно проявляются в молодежной среде, представителей которой отличает ориентация на различные инновации. Необходимо учитывать и общую социально-экономическую нестабильность, периодически возникающие кризисы, оказывающие негативное воздействие на жизнедеятельность различных категорий населения, и, в том числе, молодежи.

В условиях низкого уровня жизни, отличающего значительную часть населения современной России, людям приходится, в первую очередь, думать о том, чтобы материально обеспечить себя и свои семьи, что, как справедливо указывает В.В. Кривошеев, «субъективно не позволяет людям удлинять видение своих жизненных перспектив» [4, с. 57–58]. Этим современное российское общество отличается от общества советского, в рамках которого преобладали длинные жизненные проекты. Применительно к молодежи, это долгосрочное жизненное проектирование обеспечивалось существовавшей практикой распределения выпускников вузов (в дальнейшем, как известно, поощрялась работа на одном предприятии и учреждении: значительная часть советских граждан в течение всего периода своей трудовой деятельности работала в одной организации). Советская система социального обеспечения, включающая, в частности, предоставление жилья (его можно было получить после продолжительной очереди) также способствовала длинным жизненным проектам. Нельзя утверждать, что ориентация на долгосрочное жизненное проектирование была характерна для всех советских граждан: «текучесть кадров» в этот период также имела место на советских предприятиях, а многие представители сельской молодежи были ориентированы на перемещение в городские поселения, отличавшиеся более высоким

качеством жизни. Однако, в целом, значительную часть представителей советского общества отличало стремление к выстраиванию своей жизнедеятельности на длительную перспективу, что в значительной мере детерминировалось характером политики, осуществляемой государством в этот период: данная политика гарантировала населению определенную стабильность условий их жизни, доступность различных благ, включающих образование, медицинское обслуживание и т.д.

Реалии современного российского общества, в отличие от условий жизнедеятельности в советском социуме, способствуют преимущественной ориентации его членов на короткое, а не длинное жизненное проектирование. Речь идет об объективных условиях жизнедеятельности, включающих низкий уровень материального обеспечения большинства современных россиян, живущих в состоянии бедности или малообеспеченности, обуславливающих необходимость практической реализации стратегии выживания в сложных социально-экономических реалиях, и не способствующих планированию жизнедеятельности на долгосрочную перспективу.

Социально-экономические реалии современной России, основу которых составляет экономика рыночного типа, характеризуются принципиальными отличиями от советской командно-административной экономики: первая предусматривает опору человека, в первую очередь, на себя, на собственные ресурсы и потенциал, а не на поддержку со стороны государства, что предполагает высокую степень риска. Именно последний находит отражение в жизненных проектах многих молодых людей в российском обществе.

Как уже отмечалось выше, целый ряд современных отечественных социологов рассматривают данное общество как общество риска с присутствующими ему неопределенностью и нестабильностью, что отражается на системе жизненного проектирования молодежи. Рассматриваемые теоретические положения подтверждаются и результатами прикладных исследований: так, в соответствии с эмпирическими данными, полученными Ш.И. Алиевым, российскую молодежь действительно не характеризует ориентация на планирование своей жизни на сколько-нибудь долгосрочную перспективу. Такие выводы можно сделать, проанализировав высказывания молодых людей в эссе, которые им было предложено написать. Вот типичные высказывания: «Я не знаю, что со мной будет через десять лет, и никогда об этом не задумывался»; «Очень-очень сложно даже подумать, как сложится моя жизнь, представить очень нелегко»; «заранее ничего не планирую»; «Я не знаю, где я буду жить и буду ли работать. Пока рано о чем-либо таком говорить» [6, с. 142].

Мы солидарны с точкой зрения В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, в соответствии с которой, значительная часть молодых людей, даже при наличии жизненных перспектив и соответствующих планов и ориентаций, не выходит на более высокий

уровень жизненного проектирования, предусматривающий выработку оптимальной стратегии своей жизнедеятельности в будущем. Что же касается имеющихся жизненных стратегий российской молодежи, то они, преимущественно, являются краткосрочными, размытыми и неопределенными [3, с. 133–134]. Это свидетельствует об определенной незрелости значительной части молодежи в современной России, поскольку значимым критерием зрелости личности принято считать наличие четкой жизненной стратегии, проявляющейся в умении адаптировать свои возможности и потенциал к условиям социальной действительности.

Еще более размытый и неопределенный характер жизненное проектирование российской молодежи приобрело в период пандемии коронавируса, начавшейся в 2020 г.: здесь уже имеющиеся жизненные планы или проекты молодых людей стали максимально краткосрочными и рассчитываются на короткие промежутки времени (в данном случае можно говорить о планировании своей жизнедеятельности даже не на годы, а, в лучшем случае, на месяцы по причине постоянно меняющихся эпидемиологической обстановки, нормативно-правовой базы и т.д.). С точки зрения Ю.А. Зубок, кризис, вызванный пандемией, «спровоцировал мощнейшую эскалацию неопределенности» [7, с. 7].

Трудности с планированием жизнедеятельности, конструированием жизненных проектов, таким образом, обусловлены объективными факторами, включающими неблагоприятную экономическую конъюнктуру, вводимые государством ограничения, касающиеся различных сфер общественной жизни. Более того, в период пандемии молодежь столкнулась со сложностями в реализации тех своих жизненных планов и проектов, которые были разработаны до начала пандемии (это актуально для тех молодых людей, которые работают по найму или занимаются бизнесом: закрытие ряда предприятий и разорение многих предпринимателей не могло не затронуть молодых людей, занятых в наиболее пострадавших от кризиса отраслях экономики) [8; 9; 10].

О негативном воздействии пандемии на молодежь как уязвимую социально-демографическую группу говорится в докладе Международной организации труда (МОТ) под названием «Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние» [11]. В докладе, в частности, отмечается, что, вызванный пандемией COVID-19, кризис разрушительно воздействует на образование и профессиональную подготовку молодых людей. Так, за время пандемии больше 70% молодых людей, которые учатся или сочетают учебу с работой, пострадали от закрытия школ, высших учебных заведений и центров профессиональной подготовки. Как следует из доклада МОТ, пандемия оказывает сильное влияние на жизненное проектирование молодежи, что проявляется в «многочисленных потрясениях», связанных с «лишением рабочих мест и перспектив трудоустройства, нарушением нормального хода обучения и

профессиональной подготовки, что серьезно сказывается на психологическом состоянии молодежи». Значительная часть молодежи, как следует из доклада, испытывает трудности с определением своих жизненных проектов (38% молодых людей не уверены в своих карьерных перспективах, в том числе, вследствие возникновения дополнительных сложностей на рынке труда и удлинения перехода от обучения в школе к периоду трудовой деятельности).

Отметим, что в докладе МОТ содержатся действенные предложения, призванные разрешить сложившуюся ситуацию: речь идет о реинтеграции на рынке труда тех молодых людей, которые потеряли работу или столкнулись с сокращением рабочего времени в период кризиса, об обеспечении для молодежи доступа к страховым пособиям по безработице, а также о мерах, связанных с поддержанием психического здоровья молодых людей [11].

В российских исследованиях также констатируется тот факт, что именно молодежь входит в число групп населения, которые наиболее сильно пострадали от кризиса. Так, с точки зрения главы социологического центра ВЦИОМ В. Федорова, пандемия коронавируса в России способствовала разрушению многих жизненных планов, заставив «людей по-новому посмотреть на свои жизненные стратегии». Российская молодежь, по выражению Федорова, «в целом, достаточно тепличная»; молодые люди, отмечает глава ВЦИОМ, в основном, выросли «в малодетных семьях, с максимумом внимания от родителей, с максимумом комфорта». «Тепличному растению, отмечает исследователь, и под сквозняком непросто, а уж, если начинается буря, то многие из них не выдерживают напряжения» [12]. В целом, в ситуации кризиса, на наш взгляд, происходит дестабилизации механизма жизненного проектирования молодежи, в идеале, предусматривающем осмысленный выбор молодыми людьми оптимальных целей и средств практической реализации своих жизненных проектов [7, с. 10].

Как нам представляется, кризисные процессы, имеющие место в нашей стране в период времени с 2015 г. и по настоящее время, усугубленные пандемией, несут в себе не только не возможность долговременного проектирования молодежи своих жизненных стратегий, но и высокий потенциал рисков в сфере ее правового поведения в связи с тем, что следствием этих кризисных процессов являются нарушения в динамике первичной и вторичной социализации молодежи [16; 17], что проявляется в «сбоях» в процессе ее правовой социализации, а это, в свою очередь, проявляется в многочисленных девиантных и делинквентных отклонениях в поведении молодых людей и, как следствие, в криминализации их сознания [18]. Подобная ситуация уже имела место в нашей стране в, так называемые, «лихие 90-е», которые характеризовались всплеском преступности на фоне системного кризиса российского общества, находившего в переходном состоянии

от советской к капиталистической модели общественного развития, в результате чего в массовом сознании произошло крушение раннее, казалось бы, нерушимых мировоззренческих идеалов и их подмена размытыми представлениями о демократии, рыночной экономике на фоне политико-правового вакуума [17]. К нашему глубокому сожалению, современное российское общество так до конца и не избавилось от этих проблем, что мы, как и многочисленные исследователи постсоветского российского общества, объясняем перманентными кризисными явлениями в экономической сфере, в частности, 2015 года, которые усугубились сложной эпидемиологической ситуацией, как в нашей стране, так и во всем мире. А как уже отмечалось выше, одной из наиболее пострадавших сторон в этих процессах учеными называется молодое поколение, лишенное возможности построения своих жизненных стратегий на длительную перспективу. Некоторые же «недуги» переходного периода новейшей российской истории, которые, по нашему мнению, приняли хронический характер, в частности, глубокое социальное расслоение российского общества, системная коррупция, бедность основной массы россиян, являются факторами, стимулирующими сбои в механизмах правовой социализации молодежи и сохранение высокого влияния на нее криминальной идеологии и организованной преступности. Следствием этих негативных воздействий в условиях социальной неопределенности является сохранение в современном российском обществе тенденции активизации противоправного поведения молодых людей, в том числе, и в под-ростковом сегменте [19].

Эти обстоятельства обуславливают необходимость разработки и практической реализации мер, призванных способствовать «локализации риска и снижению порога неопределенности» [7, с. 10], содержащего высокий рискогенный потенциал нарушения естественного хода правовой социализации личности молодого человека, как на ее первичном, так и на вторичном этапах.

Литература:

1. *Алиев Ш.И.* Жизненное проектирование российской молодежи в условиях вызовов и рисков информационной эпохи / Ш.И. Алиев // *Гуманитарий Юга России*. 2016. № 1. С. 142–151.
2. *Зубок Ю.А.* Социальная регуляция в условиях неопределенности: Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М. : Academia, 2008.
3. *Чупров В.И.* Социология молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.
4. *Кривошеев В.В.* Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе / В.В. Кривошеев // *Социологические исследования*. 2009. № 3.

С одной стороны, представителям молодежи необходимо уметь соединять свои личностные возможности с имеющимися у них притязаниями, а также – условиями постоянно меняющейся внешней среды. В то же время, с другой стороны, в условиях кризиса на государстве также лежит значительная доля ответственности, связанная с минимизацией последствий социально-экономического характера, вызванных пандемией, и стабилизацией общей ситуации в стране. Данные стабилизационные мероприятия могут способствовать снижению порога неопределенности, что, в свою очередь, может оказать положительное воздействие на систему жизненного проектирования молодежи.

Конструирование и реализация жизненных проектов молодежи на долговременную перспективу во многом зависит от того, насколько доступными для молодежи будут являться те или иные блага и ресурсы, насколько действенной будет институциональная поддержка, и насколько стабильными будут нормы и правила, регулирующие те или иные области жизнедеятельности российской молодежи [13]. Подчеркнем, что «Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.» предусматривают необходимость создания обществом и государством «базовых условий для полноценной самореализации молодежи в социально-экономической и общественно-политической сферах жизни России» с тем, чтобы «молодежь, развивая индивидуальные качества, проявляла высокий уровень социальной активности» [14]. Следует также отметить, что у различных групп молодежи в настоящее время имеются неодинаковые возможности для практической реализации жизненных проектов, что вызывает необходимость осуществления государственной политики, направленной на выравнивание стартовых возможностей молодых людей, перспектив самореализации в постоянно меняющихся условиях внешней среды.

Literature:

1. *Aliyev S.I.* Design Life of Russian youth in the context of the challenges and risks of the information age / S.I. Aliyev // *Humanities of the South of Russia*. 2016. № 1. С. 142–151.
2. *Zubok Yu.A.* Social regulation in the conditions of uncertainty: Theoretical and applied problems in the study of youth / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov. M. : Academia, 2008.
3. *Chuprov V.I.* Sotsiologiya molodezhi / V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok. M. : Norma : INFRA-M, 2011.
4. *Krivosheev V.V.* Short life projects: the manifestation of anomie in modern society / V.V. Krivosheev // *Sociological research*. 2009. № 3.

5. *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М. : Научный эксперт, 2013.
6. *Алиев Ш.И.* Жизненное проектирование российской молодежи в условиях информационной реальности : дис. ... докт. социол. наук, Махачкала, 2019.
7. *Зубок Ю.А.* Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности / Ю.А. Зубок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.
8. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье в контексте обеспечения социально-психологической безопасности российской молодежи / Н.Х. Гафиатулина, Д.С. Загутин, С.И. Самыгин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2.
9. *Гафиатулина Н.Х.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 : монография / Гафиатулина Н.Х. [и др.]. М., 2020.
10. *Гафиатулина Н.Х.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации / Н.Х. Гафиатулина, В.В. Касьянов, С.И. Самыгин // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 147–158.
11. Молодежь и пандемия COVID-19: влияние на рабочие места, образование, права и психологическое состояние. Доклад Международной организации труда. 11 августа 2020 г. URL : www.ilo.org (дата обращения 25.02.2021).
12. *Кузнецова Е.* Глава ВЦИОМ назвал наиболее пострадавшие от пандемии группы населения. URL : www.rbc.ru/politics (дата обращения 25.02.2021).
13. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina [et. al.] // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 602–609.
14. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье и восприятие рисков студенческой молодежью Юга России (на материалах социологического опроса в г. Ростов-на-Дону) / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. // Анализ риска здоровью. 2017. № 4. С. 66–75.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL : www.static.government.ru (дата обращения 25.02.2021).
16. *Самыгин П.С.* Правовая социализация молодежи в условиях кризисного общества / П.С. Самыгин, М.Ю. Попов, С.И. Самыгин // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2016. Т. 6. № 2.
5. *Kara-Murza S.G.* Anomie in Russia: causes and manifestations. M. : Scientific expert, 2013.
6. *Aliev Sh.I.* Life design of Russian youth in the conditions of information reality : dis. ... doctor. social sciences, Makhachkala, 2019.
7. *Zubok Yu.A.* Youth: life strategies in the new reality / Yu.A. Zubok // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2020. № 3. P. 4–12.
8. *Gafiatulina N.Kh.* Social health in the context of ensuring the social and psychological safety of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, D.S. Zagutin, S.I. Samygin // State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. 2017. № 2.
9. *Gafiatulina N.Kh.* Russian society in conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic : monograph / N.Kh. Gafiatulina [et. al.]. M., 2020.
10. *Gafiatulina N.Kh.* Social immunity of Russian society under the threat of coronavirus: risks of socio-cultural traumatization / N.Kh. Gafiatulina, V.V. Kasyanov, S.I. Samygin // Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9. № 2. P. 147–158.
11. Youth and the COVID-19 pandemic: impact on jobs, education, rights, and psychological well-being. Report of the International Labour Organization. August 11, 2020. URL : www.ilo.org (date of application 25.02.2021).
12. *Kuznetsova E.* The head of VCIOM named the most affected population groups from the pandemic. URL : www.rbc.ru/politics (date of application 25.02.2021).
13. *Gafiatulina N.Kh.* Socio-political changes as a socio-cultural trauma for the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina [et. al.] // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 602–609.
14. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and the perception of risks by student youth in the South of Russia (based on the materials of a sociological survey in Rostov-on-Don) / N.Kh. Gafiatulina [et. al.] // Health risk analysis. 2017. № 4. P. 66–75.
15. Order of the Government of the Russian Federation of 29.11.2014 № 2403-r «On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025». URL : www.static.government.ru (date of application 25.02.2021).
16. *Samygin P.S.* Legal socialization of youth in a crisis society / P.S. Samygin, M.Yu. Popov, S.I. Samygin // Herald RUDN. Sociology series. 2016. Vol. 6. № 2.

17. Правовая социализация личности как ресурс становления социального порядка в российском обществе // Контрагенты правовой социализации и особенности духовных ориентиров молодежи в России. М., 2006. С. 158–216.

18. Попов М.Ю. Молодежные девиации в условиях социальной трансции: криминологический и теоретико-правовой анализ / Попов М.Ю., Ю.Ю. Бугаенко. М., 2019. 489 с.

17. Legal socialization of the individual as a resource for the formation of social order in Russian society/ Counter-agents of legal socialization and the characteristics of the spiritual orientations of youth in Russia. M., 2006. P. 158–216.

18. *Popov M. Yu.* Youth deviations in the conditions of social transience: criminological and theoretical-legal analysis / M.Yu. Popov, Yu.Yu. Bugaenko. M., 2019. 489 p.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Бальян Евгения Вячеславовна

аспирантка кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
anohina-ec@mail.ru

**МОТИВАЦИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО
ТРУДА В СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЯХ:
ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА**

Аннотация. Родительский труд рассмотрен авторами статьи в качестве составляющей родительской деятельности. Показано, что характерной особенностью родительского труда, занимающего значительное время в жизни людей, является его протяженность во времени. Значимость его определяется возможностями самореализации индивидов с учетом их интересов и потребностей. В мотивационной составляющей родительского труда проанализированы потребности: физиологические, экзистенциальные, социальные, самоуважение и уважение, потребности в самоактуализации. Авторами проанализированы три уровня социальной организации: макро-, мезо- и микро-. Доказывается, что макроуровень имеет решающее значение в саморегуляции поведения человека.

Ключевые слова: мотивация, родительский труд, воспроизводство, социология семьи, демография, уровень жизни, ценности, диспозиция.

Актуальным и неразработанным направлением в социологии, является родительский труд, суть которого сводится к восприятию воспроизводства в качестве особой составляющей родительской деятельности. Родительский труд, его мотивация, диспозиция человека в сложившихся условиях, обстоятельно рассмотрены в одной из работ А.И. Ворошиловой [1]. Взяв ее за основу, представим собственное видение проблемы.

Родительский труд изначально исследовался в экономической науке, а в последнее время стало очевидным, что это сфера интересов и социологической науки, отраслевых социологий

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Sociology, Law
and Work With Personnel
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Evgeniya V. Balyan

Postgraduate Student of the Department
of Sociology, Law
and Work With Personnel,
Kuban State Technological University
anohina-ec@mail.ru

**MOTIVATION OF PARENTAL
WORK IN SOCIAL REALITIES:
PERCEPTION AND ASSESSMENT**

Annotation. Parental work is considered as a component of parenting. It is shown that a characteristic feature of parental work, which takes a significant amount of time in people's lives, is its length in time. Its significance is determined by the possibilities of self-realization of individuals, taking into account their interests and needs. In the motivational component of parental work, the following needs have been analyzed: physiological, existential, social, self-esteem and respect, the need for self-actualization. Three levels of social organization are analyzed - macro, meso and micro. It is proved that the macro level is of decisive importance in the self-regulation of human behavior.

Keywords: motivation, parental work, reproduction, family sociology, demography, standard of living, values, disposition.

(социология труда, культуры, семьи и т.д.). Связь с социологией очевидна при исследовании процесса мотивации родительского труда. Общепринято, что поведение индивида в любой сфере трудовой деятельности определяется внутренней мотивацией. В условиях современной, нестабильной демографической ситуации, сложившейся в нашей стране, исследование репродуктивного поведения населения актуально, так как полученные результаты позволят прогнозировать развитие этих процессов.

Характерной особенностью родительского труда, занимающего значительное время в жизни людей является его протяженность во времени.

Значимость его определяется возможностями самореализации индивидов с учетом их интересов и потребностей [2, с. 169].

Мотивация в родительском труде связана с репродуктивным поведением. Специалисты выделяют несколько групп репродуктивных мотивов – социальные, психологические и экономические, причем, их значимость в структуре репродуктивной мотивации изменчива [3]. Условия жизнедеятельности, уровень жизни в целом, жилищные условия следует рассматривать, как важный фактор рождаемости [4].

Существующие потребности, находятся во взаимосвязи с формирующимися на их основе мотивами.

В мотивационной составляющей родительского труда выделяют следующие потребности:

– физиологические, предполагающие получение помощи в старости, в качестве благодарности родительскому труду в прошлом;

– экзистенциальные, имеется ввиду безопасность семьи ввиду увеличения ее численности и непрерывности поколений;

– социальные, предполагающие наличие родственников, социальных связей, идентификацию себя с непосредственным окружением;

– самоуважение и уважение, признание со стороны других людей, ввиду социального статуса собственного потомства;

– потребности в самоактуализации, самовыражении личностного характера, связанными с удовлетворенностью воспитанием собственных детей, восприятием ими переданного опыта (А. Маслоу).

Родительский труд удовлетворяет основные инстинкты – продолжение рода, самосохранения себя в детях, стабильный, родительство (У. Макдугалла).

Потребности подразделяются на потребности существования и потребности достижения жизненных целей. Потребности существования – физиологические, причастности, собственного опыта существования. Потребности достижения – власть, деньги, слава, знания, духовные постижения.

Первая группа потребностей в сфере родительского труда, реализуется на начальном этапе, это зачатие и существование в наличии ребенка, то есть количественный критерий результата труда. Качественный результат родительского участия и труда, определяется стремлением к достижению поставленных целей жизни, что предполагает социализацию и воспитание ребенка [5, с. 79].

Процесс удовлетворения потребностей, предполагает несколько уровней психической регуляции активности индивида: уровень непосредственного удовлетворения потребностей, чувственного восприятия происходящего; уровень где

формируется практическое поведение, основанное на мышлении и осознании; поведение индивида социального характера, образ действия, его психологический портрет.

Возможности реализации потребностей определяют три уровня социальной организации - макро, мезо и микро [6, с. 34].

Родительский труд, выступающий важной сферой жизни людей, на каждом из предложенных уровней имеет свои особенности организации, последствия и формы проявления. Микро-уровень предполагает проблемы индивидуальной организации, зависящей от психической и физической активности родителей в процессе воспитания. Мезо-уровень, это демонстрируемые модели поведения в семье, наличие социальных взаимодействий. Макро-уровень организации родительского труда, это разговор об институциональных основах родительства, как социального института.

Получается, что на макро-уровне задаются устойчивые условия деятельности родительского труда в разных сферах; мезо-уровень, это групповое общение устойчивого характера; микро-уровень, это различное поведение в меняющихся ситуациях.

Ценности и, в целом, структура личности определяют способ и форму удовлетворения потребности, выступая промежуточным звеном в этой системе. Нормативно-ценностная база – основа метода и способа реализации поведения, осуществления любой деятельности. Социальные установки служат регулятором поведения, диспозиции индивида – сформированные в его жизненном опыте предрасположенности оценивать условия, и действовать определенным образом [6, с. 10].

Диспозиция личностного плана проявляется при противостоянии потребностей и возможностей их удовлетворения. С учетом этого, можно выделить несколько уровней диспозиции личности.

Макро-уровень диспозиции представляет система ценностных ориентаций, определяющих цели жизнедеятельности личности и методы их реализации. На этом уровне, определяется отношение к родительству и его месту при достижения целей, определяются приоритетные виды деятельности и оцениваются имеющиеся ресурсы. Этот уровень сопоставим с макро-уровнем организации родительского труда. По мнению ряда исследователей, этот уровень имеет решающее значение в саморегуляции поведения.

Мезо-уровень предполагает наличие фиксированных установок социального характера. Он состоит из когнитивного (рассудочного), эмоционального (оценочного) и поведенческого аспектов. В этом поле происходит осмысление конкретных ситуаций и объектов, исходя из которых, выстраивается программа поведения. В области родительского труда, на этом уровне определяются пути реализации родительских желаний и

потребностей. Существующая потребность осознана индивидом, соотносена с социальным контекстом, оценена человеком и соотносена с позитивной/негативной оценкой социального окружения, и только после этого реализуется практически. Скорее всего, этот уровень определяет стиль родительства – жесткий, мягкий, попустительский.

Основу микро-уровня составляют фиксированные установки, формирующиеся в процессе столкновения потребностей физического существования и конкретных жизненных ситуаций. Установки, закрепленные жизненным опытом, исполняются автоматически, не осознаются, предполагают определенную реакцию на ту или иную ситуацию. Практика ухода за ребенком, способность действовать определенным образом в условиях родительского труда распространены в бытовом поведении [6, с. 36].

Поведение индивида формируется в соответствии с уровнями диспозиции:

– реакция индивида на проблемную предметную ситуацию, выступающую в качестве поведенческого акта;

– системное установление соответствия между социальной потребностью и ситуацией субъекта, проявляющееся в виде поступка;

Литература:

1. *Ворошилова А.И.* Диспозиционный подход к изучению мотивации родительского труда / А.И. Ворошилова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 4. 2015. С. 81–86.
2. *Дряхлов Н.И.* Социология труда: учебник. М. : Изд. Московского университета. 1993. 368 с.
3. *Антонов А.И.* Социология семьи : учебник. М. : ИНФРА-М. 2010. 636 с.
4. *Архангельский В.Н.* Репродуктивное поведение населения Свердловской области на современном этапе демографического развития / В.Н. Архангельский // Сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург. : Институт экономики УрО РАН. 2013. С. 142–150.
5. *Генкин Б.М.* Экономика и социология труда : учеб. для вузов. 7-е изд. допол. М. : Норма. 2007. 448 с.
6. *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд. М. : ЦСПиМ. 2013. 376 с.

– складывающееся поведение индивида из поступков.

Ядов В.А. пишет: «Механизм взаимосвязи между разными элементами диспозиционной структуры и ситуации поведения нужно рассматривать, как механизм мотивации, обеспечивающий целесообразное управление поведением личности, его саморегуляцию» [6, с. 45].

Диспозиционный подход предполагает схему формирования определенного действия индивида: возникновение условий; актуализация диспозиций; поведенческий акт.

Реализация человека в родительском труде зависит от существующих ценностей социума. Мотивация этого вида деятельности через систему стимулов представляется менее важной. Для реализации родительского поведения необходимо осознание пути и конкретной потребности удовлетворения, а также, необходимо понимание индивидом изменений, которые произойдут в его жизни по результатам родительского поведения. При отсутствии собственного опыта он вынужден руководствоваться опытом внешней среды (внешнего окружения), социокультурными установками, доминирующими в социуме. Отсюда следует первичность макро-уровня осуществления родительского труда, как источника информации определяющей поведение человека.

Literature:

1. *Voroshilova A.I.* Dispositional approach to the study of parental labor motivation / A.I. Voroshilova // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. № 4. 2015. P. 81–86.
2. *Dryakhlov N.I.* Sociologia truda: uchebnik. M. : Izd. Moskovskogo universiteta. 1993. 368 p.
3. *Antonov A.I.* Sociology of the family : textbook. M. : INFRA-M. 2010. 636 p.
4. *Arkhangelsky V.N.* Reproductive behavior of the population of the Sverdlovsk region at the present stage of demographic development / V.N. Arkhangelsky // Collection of materials of the IV Ural Demographic Forum with international participation. Yekaterinburg.: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2013. P. 142–150.
5. *Genkin B.M.* Economics and Sociology of Labor : textbook for universities. 7th ed., add. M. : Norma. 2007. 448 p.
6. *Yadov V.A.* Self-regulation and forecasting of social behavior of the individual: Dispositional concept. 2nd ed. M. : Tsspm. 2013. 376 p.

Тужба Эмир Нодариевич
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

СЕКСУАЛЬНОСТЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО: ЧАСТЬ 1

Аннотация. Отношение к сексуальной морали имеет свои особенности на всех этапах истории. В статье представлены интимные отношения в период Средневековья и Нового времени на основе анализа концепции М. Фуко, в которой показано усиление интереса к дискурсам, посвященным сексу. Рассмотрены основные сферы опыта, в рамках которых протекает анализ сексуальности в Средневековый период. Доказывается, что дискурс о сексе приобрел существенное значение в этот период, так как отвечал общественному запросу в условиях политико-экономических и технических трансформаций. Секс стал фактором администрирования, возникла потребность его рационализации, классификации, количественно-причинного анализа.

Ключевые слова: сексуальность, мораль, супружеские отношения, добродетель, однополые отношения, душа, власть.

Существует мнение, что в XVIII–XIX вв. буржуазное (капиталистическое) общество установило табу на все, что связано с темой секса. М. Фуко называет это «гипотезой подавления», и призывает отказаться от лицемерия и признать важность секса. Подвергнув анализу три последних века в их трансформациях, философ приходит к выводу о том, что ситуация выглядит совершенно иначе и отмечает усиление интереса к дискурсам посвященным сексу. Одним из факторов, приведших к таким умозаключениям, выступает эволюция католической исповеди.

Средневековый священнослужитель, при определении меры виновности и греховности человека, позволял себе даже откровенные вопросы, касающиеся не скромных эпизодов сексуального акта. А уже в XVII в. в наставлениях по пасторскому служению, настоятельно рекомендуется скромность при обсуждении на исповеди тем полового характера [1, с. 28]. Превращение в дискурс любого сексуального желания было сформулировано в качестве цели и идеала любого хорошего христианина [1, с. 30].

Подобный дискурс о сексе приобрел существенное значение, так как отвечал общественному запросу в условиях политико-экономических и

Emir N. Tuzhba
Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
of Sociology, Law
and Work With Personnel,
Kuban state technological university
emirtu@yandex.ru

SEXUALITY OF THE MIDDLE, AGES AND MODERN TIMES IN THE CONCEPT OF M. FOUCAULT: PART 1

Annotation. The attitude towards sexual morality has its own characteristics at all stages of history. The article presents intimate relationships during the Middle Ages and Modern Times based on the analysis of M. Foucault's concept, which shows an increase in interest in discourses dedicated to sex. The main areas of experience in the framework of which the analysis of sexuality in the Medieval period takes place. It is proved that the discourse about sex acquired significant significance during this period, as it met the public demand in the context of political, economic and technical transformations. Sex became a factor in administration, there was a need for its rationalization, classification, and quantitative-causal analysis.

Keywords: sexuality, morality, marital relations, virtue, same-sex relations, soul, power.

технических трансформаций XVIII века [1, с. 33]. Секс становится фактором администрирования, возникает потребность его рационализации, классификации, количественно-причинного анализа. Возникают такие понятия и проблемы, как «трудоспособное население, соотношение темпов рождаемости (прироста) населения и ресурсов. Как пишет Фуко: «Элиты осознали, что народ или подданные стали населением, имеющим свои характерные особенности и переменные (качество жизни и ее продолжительность, смертность, рождаемость, здоровье, частота заболеваемости и т.д. [1, с. 36]. Эти переменные находятся на пересечении процессов, составляющих жизнь населения, а секс оказывается базисом этих процессов. На основе проблем политико-экономического характера, на пересечении экономического и биологического складывается базис исследования секса, анализа сексуального поведения, его последствий и детерминант [1, с. 37].

Проблема детской сексуальности – одна из центральных в построениях Фуко. Общепринято, что в классический период сексуальность не распространяется на детей, они асексуальны. Это отношение к ним отражено в строжайшей цензуре языка, в запрете знаний и разговоров о сексе.

Однако этот дискурс осуществлялся в новых условиях и о нем не стали говорить меньше, о нем стали говорить иначе, причем, люди с другой точкой зрения и с другими целями [1, с. 38]. В пример данного утверждения приводятся закрытые учебные заведения XVIII в., производящие впечатление отсутствия бесед о сексе в их стенах. Хотя, даже внешний взгляд на их архитектуру, действующие правила распорядка свидетельствуют о том, что вопрос о сексе там витает постоянно; он всегда находится на контроле у руководства, находящегося в состоянии постоянной тревоги и напряжения, направленной на недопущение проявлений детской сексуальности. Несмотря на весь контроль, сексуальность детей в закрытых учебных заведениях является предметом широкого круга бесед педагогов и врачей, дающих советы семьям [1, с. 40].

Вместе с тем, ребенку не запрещался разговор о сексе, ему разрешался и предписывался определенный тип канонического дискурса о сексе, ограниченного и рационального, что-то, вроде «дискурсивной ортопедии». Еще одним фактором дискурсов о сексе выступила медицина с «нервными болезнями», а чуть позже – психиатрия с ее поисками «душевных расстройств», объявившая весь спектр сексуальных извращений полем собственных исследований. В ногу с психиатрией шла и юриспруденция, которая изначально обратила взор лишь на серьезные «противоестественные» правонарушения, а уже к середине XIX в., включившая в поле собственных интересов незначительные извращения. Сюда же следует присовокупить все формы социального контроля касаясь сексуальности родителей, детей, трудных подростков. Все эти формы социального контроля – предупреждая, защищая, разделяя, определяя опасность, повышая бдительность, порождая новые дискурсы о сексе, усиливали ощущение опасности [1, с. 42].

Можно сказать, что западное общество XVIII–XIX вв., за кратчайший период, породило огромное количество разнообразных дискурсов о сексуальности, превратив секс в объект постоянных разговоров, анализа [1, с. 46].

Новое время, молча о сексе, постоянно о нем дискутирует, а все обращения к теме секса подчинены цели изгнания всех форм сексуальности, не направленных на воспроизводство населения, репродуктивную функцию [1, с. 49]. Хотя, Фуко отмечает, что независимо от определенной цели, все пошло иначе, произошло не устранение, а распространение и умножение отклоняющихся форм сексуального поведения, сексуальной гетерогенности [1, с. 51].

Существовавшие почти до конца XVIII в. нормативные системы, регулировавшие сексуальную жизнь: гражданский закон, каноническое право и пастырские наставления, по-своему, определяли границу между полюсами допустимого и недопустимого, но общим было то, что все они сосредоточивались на супружеских отношениях, на понятии супружеской обязанности. Правила и рекомендации обрамляли сексуальные отношения супругов, а среди серьезных прегрешений стояли

инцест, добрачные отношения, супружеская неверность. Все это было объединено общим представлением о недопустимости.

Дискурсивный анализ XVIII–XIX вв. внес в эту систему по мысли Фуко два изменения. Супружеские отношения перестают быть основой, в них вмешиваются осторожно, а более настоятельно обсуждаются секс преступников, детей, сумасшедших, сексуальные мании и фантазии.

Особое направление «не нормального и противоестественного» формируется в сфере сексуальных отношений. Возникли две разные системы, в которые пытаются вписаться естественные брачные законы и имманентные им правила поведения, что привело к выходу наружу мира извращений. Произошло рождение «нового народа», отмеченного в прошлом веке знаками «генитального невроза», «морального безумия», «нарушения генетического кода», «вырождения», «психического равновесия» [1, с. 53].

Регулировавшая супружеские отношения церковь, в последние двести лет, утратившая свое влияние отдала все карты медицине, которая стала диктовать правила брачного поведения. Медицина, в свою очередь, придумала психическую патологию, классифицировала формы дополнительных наслаждений, определив их как расстройство, или развитие инстинкта и взяла на себя миссию заведования этими процессами.

Фуко справедливо ставит вопрос о том, какие формы власти реализуются в этом умножении форм сексуальности. Следуя логике, можно предположить, что различные отклоняющиеся формы сексуальности были особенно обсуждаемыми с целью их устранения и запрета, чтобы власть имела возможность реализовать себя.

Однако власть, противостоящая сексуальным отклонениям придания им статуса объекта анализа, всегда существующего и доступного наблюдению; превращает отклонения в принцип классификации... Для современной власти требуется постоянное присутствие извращений..., которые проявляют себя путем настойчивых наблюдений и вопросов; власть настаивает на дискурсах, предполагающих откровения и признания [1, с. 60]. Власть, это функционирующий механизм, притягивающий к себе сексуальные отклонения, за которыми она следит [1, с. 61]. Психиатрическое исследование, медицинский осмотр, педагогический и родительский контроль – формы осуществления этой власти. В результате, функционирование механизмов реализации власти над сексом, возникает игра власти и наслаждения, их взаимопротивления и взаимоотталкивания. Наслаждению от власти следит, надзирать, досматривать, противостоит другая сила наслаждения от ускользания, способности обмана такой власти. Соблазнение и конфронтация взаимосвязаны, и эту связь осуществляют все вовлеченные в процесс: воспитанники и воспитатели, дети и родители, больные и врачи, извращенцы и психиатры. Следствием этой игры является сексуализация социального пространства и всех социальных отношений в XIX веке.

С этих позиций рассматривается и семья, сексуальность которой не сводится только к поведению супружеской пары. Отделение детей от взрослых, сегрегация девочек и мальчиков, строгий контроль за подростковой сексуальностью, методы контроля и надзора – все это превращало семью в сложную сеть, насыщенную многообразными формами сексуальности [1, с. 64].

Если условно разделить культуры на западные и восточные, то восточные культуры создавали свое собственное «искусство наслаждений». Европейская же культура не создала такого искусства. Однако она – единственная культура, создавшая весьма своеобразную науку о сексе.

Не желая вести разговор о сексе, европейская культура говорила об извращениях, искажениях и патологиях... Европейская наука подчиняла себя моральным императивам, которые она завуалировала медицинскими предписаниями. Отказавшись от истины, она возбуждала страхи; сексуальному проявлению, отличающемуся от нормы, она сопоставляла сеть болезней, которые однозначно скажутся на последующем поколении; угрозой обществу объявлены скрытые привычки и мании стыдливых и одиноких [1, с. 72].

Медицина посредством сформированного общественного мнения и закона объявила себя инстанцией, правомочной говорить от имени императивов гигиены. Она также заявила претензии на охрану морального и физического здоровья общества, пообещав избавление от вырождающихся групп населения [1, с. 73].

Важной процедурой реализации власти становится признание в медицине, юриспруденции, педагогике, повседневной жизни, семейной и любовной отношениях и связях. Западный человек становится животным признания или признающим животным [1, с. 80]. Подобный подход сформировал и особый тип восприятия, состоящий в поисках фундаментальной связи с истиной (по Фуко).

Запад как бы сконструировал новую форму наслаждения и обогатил человечество искусством наслаждения. Это наслаждение – своеобразно и проявляется в знании о сексе и дискурсах, с ним связанных. Подобное сочетание свершилось, благодаря тому, что юридические и традиционно религиозные ритуалы стало возможным включить в научный дискурс. И поэтому история сексуальности должна рассматриваться как история дискурса и власти.

Власть отождествляется с законами, ограничителем свободы, и такие представления имеют основания, так как власть выступает ограничительной юридической функциональностью. Государственные институты, сформированные в Западной Европе в Средние века: монархия, государство связывали свое право с законом в противовес произволу. Успех власти определяется ее способностью скрывать собственные механизмы управления. При этом уходят от внимания другие многочисленные отношения власти, пронизывающие общество.

Они не только ограничивают некоторые проявления свободы, но также конституируют деятельность семейных и сексуальных отношений, воспитания и т.п. Складывается система власти, выражающаяся не посредством права, а при помощи техники власти, опирающейся не на закон, а на нормы посредством не наказания, а контроля [1, с. 118].

Отсюда, власть вездесущая, воспроизводящаяся в любой точке в любой момент, то есть, в любом отношении, связывающем точки общественной системы. Власть, пронизывающая всю социальную жизнь, не локализуется в каких-то конкретных точках, сопротивление так же образует собственную сеть пронизывающую социальные отношения и структуры. Механизмы власти и сопротивления необходимо анализировать только в сложных силовых полях. В качестве примера может послужить дискуссия о самом «ненормальном» сексуальном проявлении – содомии, всеобщее молчание по отношению к которой носило двойственную роль. С одной стороны, это особое неприятие ее, с другой стороны, значительная степень терпимости, о чем свидетельствует редкость осуждения по этой статье, не говоря уже об исполнении приговоров (могли сжечь). И это отклонение не имело столь широкого проявления до XIX век, до возникновения дискурсов в юриспруденции, психиатрии о различных видах сексуальных отклонений. С одной стороны, это способствовало усилению социального контроля за этой сферой «извращений», с другой стороны – это было использовано самими извращенцами для защиты своей «естественности» и законности. Подтянув методологические принципы своего подхода к феномену власти, философ полагает, что сексуальность – благодатная область для отношений власти: она представляет важное инструментальное значение и служить для значительного числа разнообразных маневров власти. В сфере сексуальных отношений власть не придерживается какой-то определенной стратегии и не пытается подогнать секс только к репродуктивной функции.

Стратегии власти направлены на производство и воспроизводство сексуальности, существование которой гарантирует существование властных отношений. В качестве обоснования этого утверждения Фуко приводит примеры разных подходов к регулированию брачных отношений. В любом не западном обществе существует какой-то свой способ или порядок заключения брака, установления родства, передачи наследства. Однако только современное западное общество ввело вместо этого нечто принципиально новое – «оформление сексуальных отношений». Между первым и вторым имеются принципиальные различия. «Оформление союза» предполагает оформление определенного типа отношений и поддержку регулирующего эти отношения закона, тогда как «оформление сексуальных отношений» имеет своей целью расширение форм и полей контроля. Во втором случае в сферу контроля попадают ощущения, природа и качество испытываемых удовольствий, в первом же, при «оформлении союза» экономические отношения, направленные на поддержание гомеостаза социального тела.

Семья как основной очаг сексуальности и образование вызвали к жизни явления, которые никак нельзя замкнуть в сфере права. Соответственно, семья становилась объектом управления и исправления со стороны психиатров, врачей и педагогов. Это привело к дальнейшему расширению сферы отношений, форм проявления сексуальности и власти, детерминируя новые формы

Литература:

1. *Сокулер З.А.* История сексуальности М. Фуко. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti/viewer> (дата обращения 21.01.2021).

властных отношений. Соответственно, в семье возникает потребность общения с педагогами, врачами, священниками, психиатрами способными к эмпатии, тех, кто в состоянии выслушать жалобы на сексуальную неудовлетворенность. Семья же становится открытой для изучения и исследования.

Literature:

1. *Sokuler Z.A.* The history of sexuality M. Foucault URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/m-fuko-istoriya-seksualnosti/viewer> (date of application 01.21.2021).

Шагинян Ирина Александровна
старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
Северо-Кавказский филиал
alexandrina889@gmail.com

Медведева Наталья Петровна
старший преподаватель кафедры
общеобразовательных дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
Северо-Кавказский филиал
natkxy@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ И ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕСС ВТОРИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

■ ■ ■

Аннотация. В настоящее время каждому человеку для жизни и деятельности недостаточно обладать определенными академическими знаниями, критичностью мышления, необходимо также иметь конкретные технические навыки. По этой причине, вопрос ИКТ сегодня – это условие эффективности современного образования и становления личности в информационном обществе. Именно сфера информационных технологий представляет собой наиболее перспективную сферу деятельности гражданина. В этой связи, в современный период развития общественных отношений весьма популярными стали различные образовательные информационные системы, от эффективности усвоения которых педагогами и студентами в условиях дистанционного обучения, вызванного пандемией, позволяют снизить ущерб, наносимый в этих условиях вторичной социализации личности студента. Применение разнообразных инновационных технологий позволяет углубить знания, в частности, в процессе освоения ими русского языка как средства межнационального общения и расширить диапазон использования методов преподавания этого предмета. Сегодня, в ситуации пандемии, когда вопрос дистанционного преподавания и обучения становится необходимостью, методы ИКТ приобретают новое звучание. Статья рассматривает основные особенности дистанционного преподавания русского языка в сложных эпидемиологических условиях.

Ключевые слова: русский язык, дистанционные технологии, ИКТ, Интернет-среда, обучение русскому языку, вторичная социализация личности студента,

Irina A. Shaginyan
Senior Lecturer of the Department
of General Education Disciplines,
Russian State University of Justice
North Caucasus branch
alexandrina889@gmail.com

Natalia P. Medvedeva
Senior Lecturer of the Department
of General Education Disciplines,
Russian State University of Justice
North Caucasian branch
natkxy@gmail.com

FEATURES OF THE INFLUENCE OF INTERNET RESOURCES AND REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES ON THE PROCESS OF SECONDARY SOCIALIZATION OF THE STUDENT'S PERSONALITY DURING THE PANDEMIC

■ ■ ■

Annotation. At present, it is not enough for every person to have certain academic knowledge and critical thinking for life and activity, and it is also necessary to have specific technical skills. For this reason, the issue of ICT today is a condition for the effectiveness of modern education and the formation of an individual in the information society. It is the field of information technology that represents the most promising sphere of activity of the citizen. In this regard, in the modern period of social relations, various educational information systems have become very popular, from the effectiveness of which by teachers and students in the conditions of distance learning caused by the pandemic, allow to reduce the damage caused in these conditions of secondary socialization of the student's personality. The use of a variety of innovative technologies allows to deepen knowledge, in particular, in the process of their development of the Russian language as a means of inter-ethnic communication and expand the range of use. Today, in a pandemic, when the issue of distance teaching and learning becomes a necessity, ICT methods are taking on a new meaning. The article examines the main features of remote teaching of the Russian language in difficult epidemiological conditions.

Keywords: russian language, distance technologies, ICT, Internet environment, Russian language teaching, secondary socialization of the student's personality, the

Понятие «информационные ресурсы» следует понимать как продукт интеллектуальной деятельности квалифицированных специалистов. Использование информационных технологий предопределяет потребности современного общества в развитии информационно-активного резерва. В связи с этим становится актуальной разработка методических подходов к использованию данных технологий с целью реализации идей развивающего обучения, а также всестороннего развития личности обучающегося в процессе изучения русского языка.

Работа педагогов должна быть направлена на полное развитие творческого потенциала гражданина, формирование навыков прогнозирования основных результатов своей деятельности, умение вырабатывать стратегию поиска путей и методов решения.

Не менее важным становится своевременное обеспечение учебного процесса современными психологическими, педагогическими и методическими разработками. Они должны создать оптимальные условия для использования информационных технологий, интенсифицировать образовательный процесс, а также повысить уровень его эффективности и качества.

Информатизация учебной деятельности дает возможность повысить качество принимаемых решений в управлении учебно-образовательной деятельностью вузов на всех без исключения этапах за счет использования методов анализа, прогнозирования, моделирования и оценки результатов.

Одним из важных социализирующих факторов эффективного воздействия на личность студента является успешное углубленное усвоения русского языка как инструмента межнационального общения и эффективного усвоения профессиональных терминов. Вне всякого сомнения, для решения этих задач важно освоение студентами информационных технологий, а также, работа с интерактивным инструментарием в процессе преподавания русского языка, что позволяет учащимся достичь следующих компетенций:

- беспристрастной оценки различных источников видеoinформации;
- вдумчивого и осознанного отношения к проактивности;
- осмысленное чтение;
- перенос содержания предмета с одного информационного поля на другое;
- четкое определение и подтверждение своей точки зрения.

Педагоги сегодня все чаще должны обращаться к индивидуализации обучения. Переход в

дистанционную среду, с одной стороны, существенно осложняет этот процесс, а, с другой, облегчает возможности донесения информации преподавателем для каждого отдельно взятого студента, компенсируя, тем самым, дефицит общения между ними и минимизируя негативные последствия влияния дистанционного обучения на ход вторичной социализации личности студента. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что и педагог для обеспечения эффективного воздействия на личность студента тоже должен в этих условиях пройти этап ресоциализации, для чего, как мы полагаем, существенную помощь должны оказать современные информационные технологии, сеть Internet, а также – средства мультимедиа. Под понятием «средства новых информационных технологий» необходимо понимать конкретные программно-аппаратные средства, в том числе, современные средства и системы информационного обмена, которые направлены на реализацию операций по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке и передаче необходимой информации [1].

Приоритетного внимания заслуживает максимальное использование, как педагогами, так и студентами(учащимися) возможностей информационных технологий, осознание их роли в интенсификации образовательного процесса, а также, в формировании методик, ориентированных непосредственно на развитие личности обучающегося. К возможностям информационных технологий мы относим:

- оперативную обратную связь между студентом и педагогом;
- возможность компьютерной визуализации учебной информации, выделение необходимых объектов и закономерностей процессов, явлений, как реально происходящих, так и виртуальных,
- доступ к архивному хранению достаточно больших объемов информации с последующей возможностью ее передачи, в том числе, достаточно легкий доступ к центральному банку данных,
- автоматизацию процессов вычислительной информационно-поисковой деятельности;
- возможность корректной обработки результатов учебного эксперимента;
- возможность педагога многократно повторять фрагмент учебного эксперимента или всего учебного эксперимента;
- автоматизацию процессов информационно-методического обеспечения;
- организационное управление учебной деятельностью, возможность осуществления контроля за результатами усвоения учебного материала обучающимися.

Учебные Интернет-ресурсы, которые применяются на занятиях по русскому языку, нацелены не только на обучение, но и используются как дополнительные материалы при изучении орфографии и пунктуации. К ним относятся следующие интернет-ресурсы:

– хотлист («hotlist»), представляющий собой список ссылок на текстовые виды Интернет-ресурсов;

– мультимедийный скрэпбук («multimedia scrapbook»), включающий список ссылок на мультимедийные ресурсы;

– треже хант («treasure hunt»), состоящий из ссылок на сайты, содержащий информацию по изучаемой тематике, а также включающий вопросы, соответствующие предложенным источникам;

– сабжект сэмпл («subject sampler»), в котором, в отличие от треже хант, студентам необходимо также выразить и аргументировать собственное мнение;

– веб-квест («webquest»), представляющий собой наиболее полный вид учебных интернет-ресурсов, в котором студентам предлагается проведение проектной работы на основе дискуссионных вопросов с помощью различных Интернет-ресурсов [3].

Несмотря на их общее равенство и внешнее сходство, все учебные Интернет-ресурсы выполняют разные функции в процессе обучения. Так, хотлист как самый простой представленный ресурс связан с формированием умений поиска информации, выделения ключевых слов, определением главной информации и коротким изложением содержания обучения.

Активизация общеобразовательной работы, стимулирование научно-познавательного внимания на занятиях по русскому языку при постановке конфликтной проблемы достигается с помощью применения таких методов, как «Корзина идей», «Кластерное образование», «Мозговой штурм», «Формула ППС», «Корзина мыслей», а также других приемов обучения.

Как правило, работа на занятиях по русскому языку выстраивается достаточно типично. Понятия генерируются согласно соответствующим правилам:

– суждение о любом ответе, объяснении или разъяснении;

– закрепление полученных знаний.

Затем, генерируемые концепции систематизируются в подгруппы и объединяются в общие планы и стереотипы. Обсуждаются любые трудности в актуализации выбранных понятий [3].

При поиске нового материала важно максимально вовлечь в процесс обучения самих студентов и получить новую видеoinформацию. С увеличением объема самостоятельной работы в группе восстанавливается конфигурация

интенсивного чтения, позволяющая учащимся осознанно и осмысленно воспринимать содержание общей и научно-популярной литературы [4].

Преподавание русского языка сегодня подчиняется особенностям времени. Всё чаще задействуется для прямого эфира скайп или zoom, запись студентам выкладывается в социальной сети, так как не все учащиеся имеют возможность выйти в прямой эфир. Прямые эфиры используются для отдельных консультаций с теми, кто может выйти в Интернет и у кого есть запрос. Впрочем, проведение лекций в режиме онлайн также используется достаточно широко, с последующим дублированием их в записи.

Обсуждение в условиях современных дистанционных технологий проводится обычно в специально созданных для этого чатах, от Viber и Telegram до Вконтакте. Идеальным вариантом станет создание закрытой группы, куда будет доступ только для группы студентов. Делаются обсуждения по отдельной теме (функция в ВКонтакте): в каждой ветке обсуждений собраны вопросы-ответы по занятию. Лекции могут быть представлены также в формате статей и загружаться либо как материалы в формате *doc/docx, либо выложены на стене социальной сети.

Возможным путем решения проблемы дистанционного образования становится также обучение на основе специально созданных репетиторов для подготовки по русскому языку.

Примером может стать задание, которое направлено на выявление умения обнаруживать орфограмму. Сложность упражнения заключается в том, что отсутствуют пропущенные буквы, указывающие на орфограмму. Программа комментирует правильность ответа сообщениями: «гениально», «вундеркинд», «еще подумать» и т.д. По завершении этапа программа оценивает ученика баллами – 100 % – 5,80 % – 4 (программа по орфографии 1С – репетитор).

Задача каждого учителя-словесника – сделать урок привлекательным и по-настоящему современным. Когда-то, И.А. Бунин точно и лаконично определил значение русского языка в нашей жизни: «Лишь слову жизнь дана...» Научить учащихся бережно, умело обращаться со словом, гордиться красотой и уникальностью родного языка – важнейшая задача, особенно в наше время, когда так бурно развиваются наука и техника, а компьютерные технологии прочно входят в нашу жизнь, охватывая все сферы жизнедеятельности человека: промышленность, экономику, политику, культуру и, конечно, образование [5; 6].

Использование вышеуказанных методов позволяет разработать научно обоснованные подходы к принятию оптимального решения при обучении русскому языку, а также максимально использовать методы и средства информатики в рамках решения поставленных временем проблем. Почти во всех странах полное или частичное закрытие учебных заведений сопровождалось переводом учащихся на дистанционное обучение. Эту

ситуацию можно рассматривать как глобальный естественный эксперимент по интенсивному внедрению технологий дистанционного обучения в образовании.

На современном этапе развития общества обновление возможно только при условии развития новейших образовательных интерактивных технологий и соответствующей подготовке профессиональных педагогов. Именно поэтому внедрение наукоемких технологий, использование персональных компьютеров в преподавании гуманитарных дисциплин является настоятельной необходимостью сегодняшнего дня.

Таким образом, применение новых технологий в учебно-образовательной деятельности педагога приводит к следующим результатам:

1. К снижению важности использования традиционных наглядных пособий в аудитории.
2. К повышению производительности труда.

Литература:

1. *Айснер Л.Ю.* Исторический опыт и современные перспективы информационных технологий в дистанционном обучении / Л.Ю. Айснер // Проблемы современной аграрной науки. М.: 2019. С. 261.
2. *Дмитриченко М.И.* Информационные технологии для обучения товароведов и технологов общественного питания / М.И. Дмитриченко [и др.] // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2019. Т. 1. С. 237.
3. *Ившина Г.В.* Развитие математической культуры средствами информационных и коммуникационных технологий в обучении студентов гуманитарного профиля / Г.В. Ившина, К.К. Исмагилова // Правоведение. 2019. № 4. С. 78.
4. *Кукушкина В.С.* Педагогические технологии. Ростов-н/Д. : МАРТ, 2018. 176 с.
5. *Мясоед Т.А.* Интерактивные технологии обучения : спецсеминар для учителей. М., 2019. 185 с.
6. *Шафрин Ю.А.* Информационные технологии : в 2 ч. М. : БИНОМ, 2004.

3. К выявлению и укреплению междисциплинарных связей с информатикой (КС), физикой, литературой и т. д.

4. К повышению заинтересованности в проектных работах студентов.

Использование вышеуказанных технологий дает возможность не только хранить и передавать информацию, но и значительно повышать уровень информационного насыщения занятия, выходить за рамки программы, учебника, дополнять и углублять их содержание.

Таким образом, современный образовательный процесс диктует необходимость развития у студентов разносторонних способностей. Учащиеся должны иметь возможность работать с различными типами информации. Это может быть как информация, предоставленная педагогом, так и информация, независимо сформированная ими в процессе преподавания и освоения дисциплины.

Literature:

1. *Aisner L.Y.* Historical experience and modern perspectives of information technology in distance learning / L.Y. Aisner // Problems of Modern Agrarian Science. M. : 2019. P. 261.
2. *Dmitrichenko M.I.* Information technologies for training commodity scientists and technologists of public catering / M.I. Dmitrichenko [et. al.] // Modern education: content, technology, quality. 2019. Vol. 1. P. 237.
3. *Ivshina G.V.* Development of mathematical culture by means of information and communication technologies in teaching humanities students / G.V. Ivshina, K.K. Ismagilova // Law. 2019. № 4. P. 78.
4. *Kukushkina V.S.* Pedagogical technologies. Rostov-on/D. : MART, 2018, 176 p.
5. *Myasoed T.A.* Interactive learning technologies: special seminar for teachers. M., 2019. 185 p.
6. *Shafirin Y.A.* Information technologies : in 2 vol. M. : BINOM, 2004.

Шепелин Евгений Александрович
председатель,
Смоленский областной суд
milena.555@mail.ru

Зенин Константин Анатольевич
кандидат социологических наук,
доцент,
докторант,
Невинномысский государственный
гуманитарно-технический институт
milena.555@mail.ru

Ишунин Владимир Андреевич
соискатель,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

Тищенко Александр Викторович
соискатель,
Ессентукский институт управления,
бизнеса и права
milena.555@mail.ru

ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СМИ И ИНСТИТУТАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

■ ■ ■

Аннотация. Современный товарный рынок включает в себя многие сегменты. Некоторые вошли в их число совсем недавно, другие прошли длинный путь эволюции. Особое место среди акторов общего товарного рынка занимает национальный рынок СМИ и прессы, имеющий свои характерные особенности. В статье рассматривается двойственность в характере взаимоотношений между представителями СМИ и органами государственной власти, анализируется ситуация на сегодняшний день, а также различные модели по построению взаимодействия между данными социальными институтами.

Ключевые слова: СМИ, пресса, государство, политический строй, свобода слова, демократия, права человека и гражданина.

■ ■ ■

Современный товарный рынок включает в себя многие сегменты. Некоторые вошли в их число совсем недавно, другие прошли длинный путь эволюции. Особое место среди акторов общего товарного рынка занимает национальный рынок СМИ и прессы, имеющий свои характерные особенности. Пресса, являясь объектом рынка, представляет собой стимулирующий механизм потребления, оказывает значительное влияние

Yevgeny A. Shepelin
Chairman,
Smolensk Regional Court
milena.555@mail.ru

Konstantin A. Zenin
Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Doctoral Student,
Nevinnomyssk State Humanitarian
and Technical Institute
milena.555@mail.ru

Vladimir A. Ishunin
Applicant,
Essentuki Institute of management,
business and law
milena.555@mail.ru

Alexander V. Tishchenko
Applicant,
Essentuki Institute of Management,
Business and Law
milena.555@mail.ru

THE DUAL NATURE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE MEDIA AND GOVERNMENT INSTITUTIONS

■ ■ ■

Annotation. The modern commodity market includes many segments. Some have joined them only recently, others have come a long way of evolution. A special place among the actors of the general commodity market is occupied by the national media and press market, which has its own characteristics. The article examines the duality in the nature of the relationship between representatives of the media and public authorities, analyzes the current situation, as well as various models for building interaction between these social institutions.

Keywords: mass media, press, state, political system, freedom of speech, democracy, human and civil rights.

■ ■ ■

на процессы спроса и предложения товаров и услуг. При этом СМИ активно интегрируется в другие сферы жизни общества и устанавливает связи между ними. Неоспорим тот факт, что общественное мнение большинства социальных групп по тому или иному вопросу формируется под воздействием публикаций в популярных масс-медиа. Являясь таким важным социальным институтом, СМИ также, как и другие акторы

современного общества, подвергаются регулированию со стороны государства.

На сегодняшний день между государством и различными информационными изданиями установилась определённая модель отношений, основанная на положениях Закона Российской Федерации от 27.12.1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации». Среди прочих положений законодатель особенно выделяет предоставленные СМИ гарантии в профессиональной самостоятельности, а также в свободе при получении и распространении информации [1].

СМИ, в своей совокупности, обладают признаками сбалансированной системы, состоящей из институтов и агентов. В их функционирование входит сбор, обработка, последующее оценивание и распространение новостей. Пресса является основным структурным элементом системы СМИ, занимает центральное место в её инфраструктуре. Помимо реализации интересов управляющего звена и управляемого контингента, у прессы имеется стимул на удовлетворение собственных корпоративных потребностей.

Как и любой социальный институт, СМИ имеет возможность существования за счёт определённого источника финансирования. Как система она функционирует, благодаря деятельности специалистов в данной области. При этом СМИ ограничены в своей деятельности не столько законом, а сколько общепринятыми правилами поведения и культурой общества. Специфическими стремлениями различных представителей СМИ является охват как можно большего числа слушателей/читателей/зрителей (в зависимости от формы осуществления деятельности) и повышения своего влияния на конкретную аудиторию.

Форма и способы того, как представители масс-медиа осуществляют свои функции и достигают своих целей, зависят во многом от того политического строя, который в данный момент существует в государстве. Несложно сделать вывод о том, что при тоталитарном или авторитарном правлении СМИ будут максимально ограничены в своих правах на освещение событий в стране и мире. Демократический строй в силу своей сущности и признании прав и свобод человека и гражданина позволяет журналистам находиться на дистанции от желаний и интересов как официальных властей, так и оппозиции. Демократия предполагает не только свободу слова, совести и волеизъявления, но и наличие большого числа открытых каналов информации, с которыми работает пресса при освещении событий.

Во многом, свобода слова является утопией для большинства демократических стран и реализуется формально, фиксируясь лишь в диспозициях официальных нормативно-правовых актов государственной власти. Свобода слова в подлинном своём значении может реализоваться при соблюдении следующих условий:

– во-первых, нормально функционирующего режима гласности, то есть, свободе индивида в

выборе источника информации, способности всестороннего её анализа и ознакомлении с мнением других граждан;

– во-вторых, в обеспечении возможности гражданам открыто высказывать своё мнение, не боясь быть подвергнутыми санкциям со стороны правоохранительных органов власти.

Гласность, в совокупности со свободой печати и слова, являются основными принципами демократического устройства жизни общества наряду с выборностью органов власти, независимостью судей, реализацией разделения власти, а также - возможностью общества влиять на формирование и деятельность социальных и государственных институтов общества.

В 1990 году был принят Закон СССР «О печати», однако, в силу нестабильной политической ситуации и кардинальным изменением принципов построения социума, уже в 1991 году был принят Закон РФ, упомянутый выше. Можно констатировать, что последний основывался на положениях текста документа, изданного в последний год существования Союза Советских Социалистических Республик.

Важно отметить инновационные положения, урегулированные в нормативно-правовом акте касательно деятельности СМИ и журналистов. В общих чертах был определён механизм взаимодействия между издателем, читателем и государством. Была отменена цензура как таковая (данное положение выделено в отдельную статью в современном законодательстве). Важным нововведением была ликвидация абсолютной монополии государства на издательскую сферу общества. Таким образом, были закреплена новая модель взаимоотношений между органами власти и СМИ.

Как и любая другая страна, Россия не сразу объявила полную свободу слова и печати. Руководитель особой группы по разработки законов о печати и издательской деятельности, как СССР, так и РФ, Федотов М.А., говорил: «Свободу печати нельзя ввести законом. Она – лишь ветка на дереве демократии. Прививать же ее к стволу социал-тоталитаризма – дело пустое и безнравственное. Пустое – ибо свобода выражения мнений логически противоречит монополизму в экономике, политике, идеологии. Безнравственное – ибо формально провозглашенная, она становится удобной ширмой для промывания мозгов под вывеской «формирования нового человека» [2, с. 23].

Многие государственные деятели современной России, определяющие вектор её развития, в том числе, и по пути демократизации институтов общественной жизни, ставят задачу по формированию и созданию условий для нормального функционирования гражданского общества в нашей стране в ряд первостепенных. Важным моментом в данном сложном процессе является реализация независимости СМИ от государственного контроля, но зависимость их от общества.

Отметим очевидные противоречия, с которыми сталкиваются не только отечественные деятели,

но и зарубежные, в том числе, и в научной литературе. На сегодняшний день мы можем наблюдать противоборство двух мнений: одни исследователи придерживаются мнения о необходимости полной независимости СМИ и неподконтрольности их государственному регулированию. Представители другой стороны уверены, что полное отсутствие контроля может привести к быстрой деградации издательств ради привлечения большего числа зрителей/читателей/слушателей. Также, это может привести к нежелательному влиянию на СМИ и, тем самым, на жителей государства различного рода преступных группировок и т.д.

При этом отмена государственного регулирования, не только в сфере журналистики, является чуть ли не навязчивой идеей представителей свободно конкурирующего рынка. Приведём высказывание Дж. Кинна по этому вопросу: «Организованные и защищенные государством средства массовой информации, особенно в области радиовещания и телекоммуникаций, с ходу отвергаются как антидемократические. Про них говорят, что они дорого обходятся и страдают от ограничений и запретов» [3, с. 108].

При этом необходимо отметить яркое противоречие: рынок как демократическая единица является создателем так называемой «рыночной» цензуры. Наличие неконтролируемого потока информации ведёт к росту конкуренции среди издательств и провоцирует социальное деление на информационно богатых и бедных.

С нашей точки зрения, государственное регулирование средств распространения информации в условиях демократии и неотъемлемой её части – политического плюрализма – необходимо для равной реализации возможности всех участников политического процесса на использование информационных ресурсов. Государственный контроль в этой части поможет ограничить возможности более влиятельных партий и лиц, обладающих как экономическими средствами, так и возможностью влияния на общество, и дать другим, менее успешным субъектам, равные возможности в осуществлении своей деятельности в информационном пространстве.

Активно пропагандируемая «политика невмешательства» есть ни что иное, как скрытая поддержка более сильных организаций. При этом те субъекты, которые нуждаются в реальной помощи, остаются без должного внимания, что само по себе уже нарушает устои демократизма.

Государственная власть должна выступать в роли третьей силы. А официальная пресса, формирующаяся в парламенте, обязуется выступать не в интересах главенствующей или наиболее популярной в народе партии, её задача быть «межпартийной», а не выступать над партиями.

Важно заметить, что СМИ в роли социального института, выполняют определённые функции,

среди которых: консолидация общества, совместное решение резонансных и важных задач, касающихся любой сферы социальной жизни. Также они являются регулятором общественного поведения граждан через порицание или поощрение, привлечения внимания общественности к актуальным проблемам государства и показателем общественного мнения и вкусов. В этой связи, государство обязуется обеспечивать равные возможности как для граждан, так и для журналистов к информации и способам взаимодействия с ней. В идеальной модели, государство ограничивает при помощи издания НПА возможность влияния на СМИ различных социально-экономических структур и усиливает влияние на них гражданского общества.

Важно подчеркнуть, что в современной России положение о том, что журналисты, прежде всего, выражают волю народа, а не власти, занимает не последнее место в процессе построения гражданского общества

Кроме социальных, СМИ также выполняют некоторые функции в политической среде общества. К ним относится управление, просвещение, а также мобилизация потенциального электората на совершение тех или иных политических действий.

Проблема ответственности серьезно стоит перед журналистским сообществом. Такие качества, как объективность и ответственность в отражении и анализе событий, характерны не для всех российских средств массовой информации. Пресса, переживая трудные процессы в формировании собственной экономики, становится инструментом финансово-политических группировок, властных структур в создании и поддержании собственного благоприятного имиджа, проведения собственной политики, пропагандистских и избирательных кампаний, формирования общественного мнения.

Принадлежность средств массовой информации различным властным, финансово-политическим группам обуславливает специфику их работы, вызывает острую конкуренцию между ними. Для победы в этой борьбе нужно работать с информацией таким образом, чтобы она имела «товарный вид» – была достоверной, оперативной, сенсационной, привлекательной по форме подачи, адресной и соответствовать потребностям конкретной аудитории.

Очевидно одно, что взаимоотношения прессы и государства необходимо очистить от излишней конфронтации, укрепив правовую основу и создав необходимые предпосылки для финансовой самостоятельности средств массовой информации различных форм собственности. Стратегия гармонизации интересов государства, гражданского общества и прессы должна стать одним из основных приоритетов государственной информационной политики.

Литература:

1. Закон РФ от 27.12.1991. № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации».
2. *Вачнадзе Г.Н.* Секреты прессы при Горбачеве и Ельцине. М., 1992.
3. *Кинн Дж.* Демократия и средства массовой информации. Международный журнал социальных наук. Новый взгляд на демократию. М., 1991. № 2.
4. *Липина С.А.* Стратегические приоритеты социально-экономического развития республик Северного Кавказа: пути и методы их достижения. М., 2010.
5. *Тучков С.М.* Связи с общественностью в политических, государственных и муниципальных организациях. М. : Макс-Пресс, 2011.

Literature:

1. Law of the Russian Federation of 27.12.1991. № 2124-1 (as amended on 01.03.2020) «On the Mass Media».
2. *Vachnadze G.N.* Press secrets under Gorbachev and Yeltsin. M., 1992.
3. *Kinn J.* Democracy and the media. International Journal of Social Sciences. A new look at democracy. M., 1991. № 2.
4. *Lipina S.A.* Strategic priorities of socio-economic development of the North Caucasus republics: ways and methods of their achievement. M., 2010.
5. *Tuchkov S.M.* Public relations in political, state and municipal organizations. M. : Max-Press, 2011.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Авакян Аlesia Мнацакановна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
Avakyan.alesya@mail.ru

Alesia M. Avakian

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Civil Law,
Kuban State University
Avakyan.alesya@mail.ru

ДОГОВОР СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация. Институт договора страхования в настоящее время имеет большое значение в жизнедеятельности любого современного государства. Правовое регулирование договора страхования в развитых странах отличается друг от друга. В статье рассматривается договор страхования в России и Германии. Автор анализирует порядок заключения, виды договоров страхования. Проведен сравнительный анализ правового регулирования договора страхования в российском и немецком законодательстве. В результате исследования делаются выводы и предложения о возможном заимствовании некоторых положений немецкого законодательства с целью совершенствования института договора страхования в России.

Ключевые слова: договор страхования, заключение договора, виды договора, страхование «правовой помощи», закон о договоре Германии, Гражданский кодекс РФ, Германское гражданское уложение.

Институт договора страхования в настоящее время имеет очень большое значение в жизнедеятельности любого современного государства. Правовое регулирование договора страхования в развитых странах отличается друг от друга. Целью данной публикации является проведение анализа российского и немецкого правовых механизмов, направленных на регулирование отношений, связанных с договором страхования, в частности анализ особенностей его заключения, а также изучение отдельных его видов.

В РФ отношения, связанные с договором страхования, регулируются, в первую очередь, Гражданским кодексом РФ [1] (далее – ГК РФ), а именно: главой 48 ГК РФ, которая закрепляет общие положения, касающиеся заключения договоров страхования, в то время, как Закон № 4015-1 устанавливает специальные правила регулирования страхового дела на территории нашего государства [2]. На передний план регулирования отношений по страхованию выносятся Германское гражданское уложение [3] (далее – ГГУ), которое в Книге 2 Разделе 2 закрепляет общие положения об обязательствах, возникающих из договоров. В общем виде, как в главе 48 ГК РФ, институт страхования не закреплен в ГГУ: в последнем

INSURANCE CONTRACT IN RUSSIA AND GERMANY

Annotation. The Insurance Contract Institute is currently of great importance in the life of any modern state. The legal regulation of insurance contracts in developed countries differs from one another. The article deals with the insurance contract in Russia and Germany. The author analyzes the concept, the procedure for concluding, and the types of insurance contracts. The comparative legal analysis of the legal regulation of the insurance contract in the Russian and German legislation is carried out. As a result of the study, conclusions and suggestions are made about the possible borrowing of some provisions of German legislation in order to improve the institution of the insurance contract in Russia.

Keywords: insurance contract, contract conclusion, types of contract, «legal aid» insurance, German contract law, Civil Code of the Russian Federation, German Civil Code.

содержатся лишь некоторые отсылки к заключению таких сделок. Например, в ст. 1045 закреплено положение о том, что польовладелец обязан на свой счет страховать вещь от огня и иных несчастных случаев за все время пользования, если правильное ведение хозяйства требует страхования. Вопросы заключения договора страхования на территории ФРГ закреплены в отдельном Законе о договоре страхования [4]: например, в ст. 1 закона указывается, что по договору страхования страховщик обязуется обеспечить определенный риск страхователя или третьего лица исполнением, которое он должен произвести при наступлении обусловленного страхового случая. Страхователь обязан произвести страховщику обусловленный платеж (уплатить обусловленную премию).

Также, мы считаем нужным отметить, что заключение договоров страхования в РФ и ФРГ имеют некоторые различия. Так, например, согласно ст. 957 ГК РФ, по общему правилу, договор вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса, а страхование по указанному договору распространяется на страховые случаи, произошедшие после вступления сделки в силу. Но при этом договором может быть предусмотрен

иной порядок: стороны могут договориться об ином моменте вступления договора в силу либо об ином периоде времени, на который распространяется страхование. Российский законодатель предусматривает указанные возможности в качестве исключений. В Законе Германии о договоре страхования в ст. 2 прямо закрепляется, что указанная сделка может быть осуществлена «на прошлое время»: договор страхования может предусматривать, что страховая защита начинается до момента заключения договора. Таким образом, в ФРГ существует свой правовой механизм регулирования отношений, связанных с заключением договоров страхования.

Интересным представляется проведение сравнительно-правового анализа видов страхования. Российский законодатель в главе 48 ГК РФ закрепил общие формы и виды страхования: добровольное и обязательное, имущественное и личное. В ч. 1 ст. 32.9 Закона № 4015-1 установлен открытый перечень специальных видов страхования: например, медицинское страхование, пенсионное страхование, страхование грузов, страхование финансовых рисков и др. Указанный закон конкретизирует положения ГК РФ. Немецкий законодатель придерживается несколько иной точки зрения по поводу выделения отдельных видов страхования. Так, исходя из содержания Части 2 Закона ФРГ о договоре страхования, можно выделить такие виды страхования, как: страхование гражданской ответственности, страхование правовой помощи, транспортное страхование, страхование строений от огня, страхование жизни, страхование профессиональной нетрудоспособности, страхование от несчастных случаев, медицинское страхование. Сразу отметим, что указанные в законе виды страхования не являются исчерпывающими.

Наименование некоторых видов страхования совпадает с российскими: речь идет о медицинском страховании, страховании жизни, страховании гражданской ответственности. При этом остальные виды представляют отдельный интерес. Так, страхование правовой помощи не известно российскому законодательству. В Германии указанный вид страхования появился неспроста: немцы достаточно часто прибегают к судебному способу защиты своих прав, что зачастую влечет за собой наложение имущественных обременений в виде судебных издержек. За счет страхования правовой помощи покрываются все либо часть таких издержек, что, безусловно, положительно сказывается на финансовом состоянии застрахованного лица. Транспортное страхование, на первый взгляд, вызывает ассоциации с аналогичным в российском законе страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств, но, на самом деле, все обстоит несколько иначе. Гражданская ответственность владельцев транспортных средств в ФРГ регулируется главой 1 части 2 Закона о договоре страхования, которая так и именуется: «Страхование гражданской ответственности». Вместе с этим, транспортное страхование согласно ст. 130 Закона о договоре страхования осуществляется в отношении грузов от рисков перевозки по суше или по внутренним водным путям, а также

связанным с ней хранением. Также, в транспортное страхование включается страхование судна от рисков внутреннего судоходства.

Страхование строений от огня в ФРГ выделяется в качестве отдельного вида страхования, в то время, как в РФ любые здания являются имуществом, которое подлежит страхованию в соответствии со ст. 930 ГК РФ (страхование имущества). Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении, под имуществом, которое может быть застраховано, следует понимать объекты гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ и в отношении которых может существовать законный интерес в сохранении [5]. Страхование строений от огня в ФРГ имеет особенность, связанную с субъектным составом: в таких отношениях согласно положениям главы 4 части 2 Закона ФРГ о договоре страхования участвует ипотечный кредитор. Следовательно, можем сделать вывод о том, что объектом страхования выступает не всякое строение, а то, в отношении которого имеется обременение в форме ипотеки.

Выделение в качестве отдельного вида страхования профессиональной нетрудоспособности немецким законодателем, на наш взгляд, направлено на выполнение социальных функций, связанных с оказанием финансовой помощи гражданам, пострадавшим от событий, явлений, произошедших в рамках их работы, труда. В ч. 2 ст. 172 Закона ФРГ о договоре страхования конкретизируется содержание термина «профессионально нетрудоспособное лицо»: под ним понимают лицо, которое полностью или частично, предположительно на длительное время, не может более работать по своей последней профессии в форме, которую она имела перед повреждением здоровья, в результате болезни, телесного повреждения или упадка сил, выходящего за пределы соответствующих возрастных явлений. Вместе с этим, немецкий законодатель не исключает такие положения из закона, следовательно, это не вызывает трудностей в правоприменительной практике.

Вообще, можно отметить, что немцы считаются одной из таких наций, которые очень часто пользуются страховыми услугами, что связано с особенностями менталитета, благосостоянием народа. Рынок страхования в Германии отличается от остальных динамичным развитием. Каждый год происходит прирост поступлений страховых взносов (составляет 10 %). Личное страхование в системе немецкого рынка страхования занимает примерно 37 %. Медицинское страхование, которое менее популярно, чем в других странах Западной Европы, составляет примерно 12 % общего объема поступлений платежей по страхованию. Имущественное страхование занимает 51 % немецкого рынка страхования [6, с. 269].

Также, например, отличием можно назвать закрепление в Законе Германии о договоре страхования в ст. 16 положения о несостоятельности страховщика: «Если по имуществу страховщика возбуждается производство по делу о несостоятельности, страховые отношения прекращаются с истечением одного месяца после возбуждения;

до этого момента они действительны в отношении конкурсной массы». Немецкий законодатель предусмотрел последствия начала процедуры банкротства в отношении страховщика, в то время как ГК РФ подобных положений не содержит, т.к. все вопросы банкротства регулируются в соответствии с отдельным законом.

Таким образом, проведенный анализ правового регулирования договора страхования в России и Германии позволил нам выявить некоторые общие и различные черты в порядке заключения таких сделок, а также в регулировании отдельных

видов договоров страхования. На наш взгляд, российскому законодателю следует заимствовать опыт немецких коллег в части введения нового вида договора страхования: «Страхование правовой помощи». В России многие лица, как и в Германии, очень часто обращаются в судебные органы за защитой своих прав, что влечет за собой наложение судебных издержек, суммы которых не ограничены. Страхование риска возложения на проигравшую сторону таких издержек будет способствовать повышению стабильности материального состояния лица, а также отстранению такого лица от вынужденных растрат.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.04.2020) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4051-1 (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (дата обращения 20.01.2021).
4. Gesetz über den Versicherungsvertrag (Versicherungsvertragsgesetz – VVG). URL : https://www.insure.travel/netcat_files/userfiles/laws/versicherungsvertragsgesetz_ru.pdf (дата обращения 20.01.2021).
5. О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20 // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Кравцов Г.И.* Сравнительная характеристика института страхования в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии / Г.И. Кравцов // Молодой ученый. 2020. № 22(312). С. 269.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 № 14-FZ (ed. of 28.04.2020). 1996. № 5. Art. 410.
2. The Law of the Russian Federation «On the organization of insurance business in the Russian Federation» of 27.11.1992 № 4051-1 (ed. of 30.12.2020) // SPS «ConsultantPlus».
3. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (date of application 20.01.2021).
4. Gesetz über den Versicherungsvertrag (Versicherungsvertragsgesetz – VVG). URL : https://www.insure.travel/netcat_files/userfiles/laws/versicherungsvertragsgesetz_ru.pdf (date of application 20.01.2021)
5. On the application by the courts of legislation on voluntary insurance of citizens' property: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.06.2013 № 20 // SPS «Consultant Plus».
6. *Kravtsov G.I.* Comparative characteristics of the insurance institute in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. 2020. № 22(312). P. 269.

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Яланский Александр Павлович

кандидат экономических наук,
доцент,
научный сотрудник лаборатории
проблем повышения
эффективности государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mitsrostov@mail.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
sergej.stelmax@mail.ru

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В ИНТЕРНЕТЕ**

Аннотация. Интернет как средство распространения и использования информации занимает значительное место в жизни детей и подростков. Для защиты детей и подростков необходимо обеспечивать их информационную безопасность так, как этого требует законодательство. Ключевым в системе безопасности является понятие запрещенной для

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law
and National Security
Russian Academy of National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander P. Yalanskiy

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Laboratory Researcher
Raising Problems
Efficiency of the State
and municipal administration,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
mitsrostov@mail.ru

Sergey A Stelmax

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

**INTERNET INFORMATION
SECURITY FOR CHILDREN
AND ADOLESCENTS**

Annotation. The Internet, as an essential means of disseminating and using information, has a significant place in the lives of children and adolescents. In order to protect children and adolescents, their information security must be ensured in the way required by law. The key to the security system is the notion that information is not being disseminated to children. It should

распространения среди детей информации. Не уменьшая положительного значения Интернета, вместе с тем, следует принимать во внимание, что дети и подростки сталкиваются с вызовом информации, ее отрицательным воздействием на их здоровье и развитие. Поэтому весьма актуальной проблемой является осуществление информационной безопасности детей и подростков в Интернете.

Ключевые слова: дети, интернет, информация, информационная безопасность, концепция, подростки.

not diminish its positive value, but it should be taken into account that children and adolescents face the challenge of information, its negative impact on their health and development. Therefore, the implementation of information security for children and adolescents on the Internet is a very pressing issue.

Keywords: children, the Internet, information, information security, concept, teenagers.

В Интернете в социальных сетях демонстрируются взрывы, поджоги, расстрелы, насильственные действия в образовательных организациях, в результате которых погибают дети, подростки и взрослые люди. Все это отрицательно воздействует на детей и подростков. В последнее время распространение получило вооруженное нападение подростков на своих сверстников и преподавателей. В 2017–2018 годы в 18 регионах в школах и колледжах учащиеся совершили 24 преступления с использованием оружия и взрывных устройств [1]. Погибли 24 человека, в том числе 12 детей, ранено 99 человек. Причин подростковой агрессии много. Одной из основных причин является пропаганда в Интернете в социальных сетях информации о стрельбе в школах и колледжах, о детском и подростковом насилии и жестокости. Происходит увлечение детей и подростков видео и онлайн-играми, в которых содержатся акты жестокости и насилия. Родители не всегда контролируют эти увлечения своих детей. Смартфоны, планшеты, компьютеры, сотовые телефоны помогают детям и подросткам, вместе с тем, они не способствуют непосредственному общению их друг с другом и взрослыми людьми. Из-за избыточной информационной нагрузки возникает компьютерная, смартфонная, планшетная, телефонная зависимость детей и подростков. В 2018 году, по данным Фонда развития интернета, пользовались Интернетом при участии взрослых людей 38 % детей в возрасте 3–6 лет, 56 % детей в возрасте 8–11 лет. Распространяется такая негативная информация, как мат (37 %), троллинг (52 %), травля (55 %), кибербуллинг – травля с помощью видео с издевательствами (69 %). От интернет-травли, чаще всего, страдают молодые люди до 23 лет и дети в возрасте 8–9 лет, 56 % из них подвергались травле хотя бы один раз [2]. Существует онлайн-агрессия у детей и подростков. Основными видами онлайн-агрессии являются:

- аутинг (публикация личной информации без согласия ребенка с целью его унижить);
- киберсталкинг (преследование через повторяющиеся угрожающие сообщения);
- секстинг (рассылка, публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными телами);
- троллинг (распространение негатива, осознанное издевательство); хейтинг (жесткая критика без реальных оснований);

– флэйминг (публичное оскорбление в чатах и социальных сетях) [3].

Для защиты детей и подростков необходимо обеспечивать их информационную безопасность так, как этого требует законодательство [4]. Ключевым в системе безопасности является понятие «запрещенная для распространения среди детей информация». Запрещенной является информация:

- побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и здоровью, в том числе:
- к причинению вреда своему здоровью, к самоубийству, жизни и здоровью других людей, направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий;
- способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;
- обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и жестокости, побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным;
- содержащая изображение или описание сексуального насилия; отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и другим членам семьи;
- оправдывающая противоправное поведение; содержащая нецензурную брань;
- содержащая информацию порнографического характера;
- о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилию, имена, отчества, фото- и видеоизображения несовершеннолетнего, его родителей и других законных представителей, дату рождения несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо

или косвенно установить личность несовершеннолетнего.

К информации, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено, относится информация:

– представляемая в виде изображения или описания жестокости, физического и психического насилия (за исключением сексуального насилия), преступления или иного антиобщественного действия;

– вызывающая у детей страх, ужас или панику, в том числе, представляемая в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и их последствий;

– представляемая в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной;

– содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани.

Законодательством установлены соответствующие требования к ограничению распространения среди детей подобной информации.

В Концепции информационной безопасности детей дано более конкретное понимание информационной безопасности детей, сформулированы основные принципы, приоритетные задачи, механизмы реализации государственной политики в области обеспечения информационной безопасности, ожидаемые результаты реализации Концепции [5]. Информационная безопасность детей рассматривается как защита ребенка от дестабилизирующего воздействия информационной продукции и создание условий информационной среды для его позитивной социализации и индивидуализации, оптимального социального, личностного, познавательного и физического развития, сохранения психического и психологического здоровья и благополучия, формирования позитивного мировосприятия. Основными принципами Концепции являются:

– признание детей равноправными участниками процесса формирования информационного общества;

– ответственность государства за соблюдение законных интересов детей в информационной сфере;

– необходимость формирования у детей умения ориентироваться в современной информационной среде;

– воспитание у детей навыков самостоятельного и критического мышления; развитие государственно-частного партнерства в целях обеспечения законных интересов детей в информационной среде;

– повышение эффективности сотрудничества представителей средств массовой информации и

массовых коммуникаций и государственных органов в интересах защиты детей от информации, способной причинить вред их здоровью и развитию;

– обучение детей медиаграмотности;

– поддержка творческой деятельности детей в целях их самореализации в информационной среде;

– создание условий для формирования в информационной среде благоприятной атмосферы для детей вне зависимости от их социального положения, религиозной и этнической принадлежности;

– взаимодействие различных ведомств при реализации стратегий и программ в части, касающейся обеспечения информационной безопасности детей;

– обеспечение широкого доступа детей к историческому и культурному наследию России через использование современных средств массовых коммуникаций;

– открытость и взаимодействие с другой информационной культурой и традициями, формирование у детей объективного представления о российской культуре как неотъемлемой части мировой цивилизации.

Стратегической целью государственной политики в области информационной безопасности детей является обеспечение гармоничного их развития при минимизации всех негативных факторов, связанных с формированием гиперинформационного общества. Обеспечение информационной безопасности детей возможно при взаимодействии государства и общественных организаций при определяющей роли семьи. К приоритетным задачам относятся:

– формирование у детей навыков самостоятельного и ответственного потребления информационной продукции;

– повышение уровня медиаграмотности детей;

– формирование у детей позитивной картины мира и адекватных базисных представлений об окружающем мире и человеке;

– ценностное, моральное и нравственно-этическое развитие детей;

– воспитание у детей ответственности за свою жизнь, здоровье и судьбу, изживание социального потребительства и инфантилизма;

– усвоение детьми системы семейных ценностей и представлений о семье;

– развитие системы социальных и межличностных отношений и общения детей;

– удовлетворение и развитие познавательных потребностей и интересов ребенка, детской любознательности и исследовательской активности;

- развитие творческих способностей детей; воспитание у детей толерантности;
 - развитие у детей идентичности (гражданской, этнической и гендерной);
 - формирование здоровых представлений о сексуальной жизни человека;
 - эмоционально-личностное развитие детей;
 - формирование у детей чувства ответственности за свои действия в информационном пространстве; воспитание детей как независимых, ответственных и самостоятельно мыслящих личностей с целью изживания социального иждивенчества.
- Органы государственной власти принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, которые наносят вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. Защита осуществляется:
- от национальной, классово-социальной нетерпимости;
 - от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий;
 - от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства;
 - от информации порнографического характера, о нетрадиционных сексуальных отношениях;
 - от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроизведений, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение [6].

Литература:

1. *Егоров И.* Граната в рюкзаке / И. Егоров // Российская газета. 2019. 05 апреля.
2. *Емельяненко В.* Бой за «личку» / В. Емельяненко // Российская газета. 2019. 09 октября.
3. *Васянин А.* Есть Контакт? Как защитить ребенка от кибербуллинга / А. Васянин // Российская газета. Неделя. 2019. 15 мая.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. ст. 48; 2020. № 31 (часть I). Ст. 5062.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 года № 2471-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 49. Ст. 7055.
6. Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802; 2020, № 31 (часть I). Ст. 5062.

Для ограничения доступа к сайтам в Интернете, содержащим запрещенную информацию, существует единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [7]. Основаниями для включения в реестр являются:

- распространяемые материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;
- информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено;
- информация, направленная на склонение и иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для жизни и здоровья несовершеннолетних и иных людей.

Подводя итоги, следует отметить, что для обеспечения информационной безопасности детей и подростков необходимо предпринимать активные действия органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных органов, работников образования, семьи, всех организаций и людей, осуществляющих работу с детьми и подростками.

Literature:

1. *Egorov I.* Granata in a backpack / I. Egorov // Russian newspaper. 2019. 05 April.
2. *Emelianenko V.* Fight for «face» / V.Emelianenko // Russian newspaper. 2019. 09 October.
3. *Vasyanian A.* Is Contact? How to protect your child from cyberbullying / A. Vasyanian // Russian newspaper. Week. 2019. 15 May.
4. Federal Law of December 29, 2010 № 436-Fz «On the protection of children from information that harms their health and development» // The Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 48; 2020. № 31 (part I). Art. 5062.
5. The Russian Government's Order of December 2, 2015 № 2471-r «On the Approval of the Concept of Information Security of Children» / Assembly of legislation of the Russian Federation. 2015. № 49. Art. 7055.
6. Federal Law of 24 July 1998 № 124-FH «On the Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation» / Assembly of Russian Law, 1998. № 31. Art. 3802; 2020. № 31 (Part I). Art. 5062.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006, № 31. ст. 3448; 2021. № 1 (часть I). Ст. 69.

7. Federal Law of 27 July 2006 № 149-FH «On Information, Information Technology and Information Protection» / Assembly of Russian Law. 2006. № 31. Art. 3448; 2021. № 1 (Part I). Art. 69.

Апкаев Дамир Маратович

преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

**ПОНЯТИЕ «АФФЕКТ»
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Аннотация. Понятие «аффект» является одним из самых сложных и загадочных в современном уголовном праве. Сам термин «аффект» имеет латинские корни, и происходит от слова affectus – «душевное волнение», «страсть». Однако такое толкование аффекта не только приводит к смешению двух форм проявления эмоций, аффектов и страстей, но и не указывает на специфику данного психологического явления. В статье авторы рассматривают признаки аффекта и его классификацию. Отмечается, что особую роль в уголовном праве играет физиологический аффект, который, в отличие от патологического аффекта, не исключает вменяемости и, следовательно, приобретает важное значение при решении вопроса об уголовной ответственности.

Ключевые слова: аффект, патологический аффект, физиологический аффект, уголовная ответственность.

Понятие «аффект» является одним из самых сложных и загадочных в современном уголовном праве. Сам термин «аффект» имеет латинские корни, и происходит от слова affectus –

Damir M. Apkaev

Lecturer of the Department
of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
kurlak09@rambler.ru

**THE CONCEPT OF AFFECT
IN CRIMINAL LAW**

Annotation. The concept of «affect» is one of the most complex and mysterious in modern criminal law. The very term «affect» has Latin roots, and comes from the word affectus – «spiritual excitement», «passion». However, this interpretation of the affect not only leads to a mixture of two forms of expression of emotions, affectations and passions, but also does not indicate the specifics of this psychological phenomenon. In the article, the authors consider the signs of affect and its classification. It is noted that a special role in criminal law is played by physiological affect, which, unlike pathological affect, does not exclude sanity and, therefore, becomes important when deciding on criminal liability.

Keywords: affect, pathological affect, physiological affect, criminal liability.

«душевное волнение», «страсть». Однако такое толкование аффекта не только приводит к смешению двух форм проявления эмоций, аффектов и страстей, но и не указывает на специфику

данного психологического явления. Не отражают всех особенностей и признаков аффекта и разрозненные определения отдельных ученых, в которых, как правило, идет указание либо на один, либо на несколько наиболее существенных признаков этого явления. Одни ученые считают, что аффект представляет собой кратковременную, бурно протекающую, чрезвычайно интенсивную эмоциональную реакцию [2]. Другие указывают, что это особо выраженное эмоциональное состояние, сопровождаемое видимыми изменениями в поведении человека, который его испытывает [6]. Третьи определяют аффект как наивысшую степень проявления эмоции, спровоцированной дерзким негативным проявлением обстоятельств, которые крайне важны для индивидуума [3]. Данные разнородные понимания аффекта позволяют выявить специфические признаки, характеризующие это явление. К их числу, на наш взгляд, можно отнести:

– во-первых, связь с реальной, т. е. имеющейся в действительности, ситуацией (отдаленные, вероятные обстоятельства не имеющие отражения в объективной действительности не способны вызывать состояние аффекта);

– во-вторых, эмоция должна обладать наивысшей степенью напряженности, имеющей физиологические корни (резкое сужение сосудов и т.п.);

– в-третьих, временное изменение состояния сознания, не позволяющее лицу объективно мыслить и анализировать свои действия.

Сложность психологического явления, именуемого аффектом, заставляет задуматься о необходимости классификации различных форм его проявления. Мы можем выделить два вида аффекта: патологический и физиологический.

Психологи и психиатры относят патологический аффект к временному расстройству душевной деятельности и определяют его как кратковременное или само по себе проходящее заболевание. Впервые патологический аффект привлек внимание немецких ученых в 1868 г., которые по окончании медицинских исследований указали на то, что он представляет собой кратковременное проявление эмоции достигшей своего апогея (ярости негодования). Патологический аффект, как и любой другой, блокирует широту сознания, концентрирует его на каком-то определенном негативном факте и направляет действия лица на блокировку или уничтожение источника раздражения; для него характерна также последующая полная амнезия. Патологическому аффекту сопутствуют резкие вегетативные сдвиги, провоцирующие психические расстройства или рецидивы, а также, ухудшение здоровья (возникновение заболеваний сердца, нервной системы).

Таким образом, патологический аффект, заключает в себе эмоциональный заряд такой силы, взрыв которого порождает неуправляемое импульсивное действие, лишая больного возможности отдавать себе отчет в своих действиях, что, в совокупности с полным помрачением сознания, исключает вменяемость лица. А невменяемость

служит в уголовном праве основанием непривлечения лица к уголовной ответственности [6].

Особую роль в уголовном праве играет физиологический аффект, который, в отличие от патологического аффекта, не исключает вменяемости и, следовательно, приобретает важное значение при решении вопроса об уголовной ответственности.

Физиологический аффект – это не просто сильное, а исключительно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, существенно ограничивающее течение интеллектуальных и волевых процессов, нарушающее целостное восприятие окружающего и правильное понимание субъектом объективного значения вещей [7].

Существенное отличие физиологического аффекта (далее – аффекта) от других состояний эмоциональной напряженности определяется его динамикой. В типичных ситуациях аффект в своем развитии проходит три этапа.

Начало аффекта – появление эмоций, эмоциональная напряженность могут возникнуть при чрезвычайно конфликтной ситуации, аффективное состояние нередко разрешается в сильной вспышке – аффекте.

Таким образом, наступает основной период – собственно аффект. Аффект возникает в ответ на уже происшедшее событие, следуя непосредственно за действиями (или словами) оскорбляющего или иного противоправного характера, и поэтому, в отличие от эмоциональных состояний, как бы, сдвинут к концу событий. Данное эмоциональное состояние возникает в непривычных для лица ситуациях. В психологическом плане, по мнению ряда авторов, оно выражается в слабости нервной системы, эмоциональной возбудимости, повышенной раздражительности лица, переживающего аффект.

В состоянии аффекта эмоциональное напряжение достигает столь высокой степени, что наступают качественные изменения в психике и организме человека.

Таким образом, от обычных действий аффективные отличаются:

– отсутствие ясного сознания цели действия: осознается только цель, находящаяся в причинной связи с побуждением;

– неадекватность целям их характера, затруднение сознательного контроля над ними;

– отсутствие продуманности осуществляемых действий.

Аффект захватывает всю психику человека и все его жизненно важные проявления целиком (диффузный характер аффекта). В этом состоянии происходит, так называемое, «сужение сознания», т.е., концентрация внимания субъекта на небольшом количестве объектов, связанных с переживаемой эмоцией. Как писал С.Л. Рубинштейн,

аффективные действия «как бы, вырываются у человека, а не вполне регулируются им» [5]. Лицо осознает лишь те цели, которые находятся в непосредственной связи с сиюминутными побуждениями.

Однако аффект сопровождается не только заметными изменениями в поведении человека, но и изменяет вегетативные реакции.

Как правило, аффект длится непродолжительное время (1–2 минуты), после чего наступает следующий этап – избавление от аффекта, выраженное в состоянии безразличия до полной отрешенности. Например, П.П. Распопов, отмечает, что «во время взрыва возбуждения происходит крайне неэкономное расходование нервной энергии, поэтому нередко после аффекта наблюдается своеобразное состояние вялости, оглушенности, упадка сил» [4].

Послеаффективное состояние характеризуется субъективным переживанием облегчения, усталостью, расслабленностью, сожалением о случившемся.

В заключении отметим, что в последние годы в России широко стал обсуждаться вопрос о смягчении ответственности и за действия, совершенные в состоянии уменьшенной (ограниченной) вменяемости (далее – уменьшенная вменяемость). Понятие «уменьшенная вменяемость» является новым не только в российском уголовном законодательстве, но и в теории уголовного права, несмотря на то, что данный термин уже более полувека закреплён в уголовных кодексах большинства стран Западной Европы. Ю.И. Антонян и С.В. Бородин считают, что уменьшенная вменяемость как часть вменяемости, являющейся обязательным признаком состава преступления, признаваемого в соответствии с действующим уголовным законодательством основанием уголовной ответственности, не исключает уголовной ответственности [1].

Итак, и физиологический аффект, и уменьшенную вменяемость характеризуют:

– пограничность этих состояний, их промежуточное место между нормой и патологией. Так,

физиологический аффект граничит, с одной стороны, с нормой поведения, а с другой – с патологическим аффективным состоянием; в свою очередь, «соседями» уменьшенной вменяемости являются такие психические состояния, как вменяемость и невменяемость;

– «сужение» сознания, влияние, во-первых, на процесс волеобразования, влекущее ограничение свободы выбора поведения, во-вторых, на интеллектуальные возможности субъекта, следствием чего является ограничение сознания им значимости своих поступков;

– сходство типов нервной системы, обуславливающих предрасположенность к данному психическому состоянию. Психологи, основываясь на достижениях психофизики, считают, что уменьшенная вменяемость, как и аффект, присуща холерикам и меланхоликам;

– относительно однородная роль в уголовном праве.

Однако вышеизложенные черты сходства не свидетельствуют о тождественности понятий «уменьшенная вменяемость» и «физиологический аффект», так как каждому из них присуща своя специфика. Например, отличительной чертой уменьшенной вменяемости является то, что основанием ее возникновения служат расстройства психической деятельности (психические аномалии – относительно неглубокие психические расстройства, которыми страдает субъект). Это сближает состояние уменьшенной вменяемости с патологическим аффектом, в основе возникновения которого, как мы помним, также лежат расстройства психики, но они носят иной качественный характер, отличаясь от психических аномалий, характеризующих уменьшенную вменяемость большей глубиной, обостренностью, трудной излечимостью, в связи с чем, патологический аффект и служит основанием, исключающим уголовную ответственность лица, признаваемого невменяемым, тогда как уменьшенная вменяемость не тождественна невменяемости, а, следовательно, признается основанием уголовной ответственности наряду с аффектом, отличительной чертой которого, как не раз уже отмечалось, является сужение сферы сознания.

Литература:

1. Антонян Ю.М. Преступное поведение и психические аномалии / Ю.М. Антонян, С.В. Бородин. М. : Спарк, 1998. С. 158.
2. Кабурнеев Э.В. О некоторых проблемах квалификации фактов причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны / Э.В. Кабурнеев // Российский следователь. 2009. № 1. С. 23–24.
3. Ланге К. Эмоции. Психофизиологический этюд. М. : Прогресс, 1996. 154 с.
4. Распопов П.П. О фазовых состояниях возбудимости мозговой коры / П.П. Распопов // Вопросы психологии, 1978. С. 28.

Literature:

1. Antonyan Yu.M. Criminal behavior and mental anomalies / Yu.M. Antonyan, S.V. Borodin. M. : Spark, 1998. P. 158.
2. Kaburneev E.V. About some problems of qualification of the facts of causing death when exceeding the limits of necessary defense / E.V. Kaburneev // Russian investigator. 2009. № 1. P. 23–24.
3. Lange K. Emotions. Psychophysiological etude. M. : Progress, 1996. 154 p.
4. Raspopov P.P. O fazovykh sostoyaniyakh excitability of the cerebral cortex / P.P. Raspopov // Voprosy psikhologii, 1978. P. 28.

5. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М. : Госюриздат, 1946. С. 217.

6. *Сидоров Б.В.* Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1978. С. 101.

7. *Ткаченко В.* Виды сильного душевного волнения / В. Ткаченко // Сов. юстиция. 1971. № 6. С. 23.

5. *Rubinshtein S.L.* Fundamentals of general psychology. M. : Gosyurizdat, 1946. P. 217.

6. *Sidorov B. V.* Affect. Its criminal-legal and criminological significance. Kazan : Kazan Publishing House. university, 1978. P. 101.

7. *Tkachenko V.* Types of strong emotional excitement / V. Tkachenko // Sov. justice. 1971. № 6. P. 23.

Асланян Руслан Георгиевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aslanyanruslan@mail.ru

Ruslan G. Aslanyan

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
aslanyanruslan@mail.ru

**СТРУКТУРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
НОРМЫ, ПРЕДПИСАНИЯ ОСОБЕННОЙ
ЧАСТИ И СТАТЬИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

**STRUCTURE OF THE CRIMINAL LAW
NORM, SPECIAL PART PRESCRIPTIONS
AND ARTICLES OF THE SPECIAL PART
OF THE CRIMINAL LAW**

Аннотация. В статье исследуется вопрос о соотношении структуры уголовно-правовой нормы, уголовно-правового предписания и статьи особенной части уголовного закона. Доказано принципиальное совпадение структуры нормы и предписания, которая образуется гипотезой, описывающей условия применения мер государственного реагирования на факты совершения преступления, и диспозицией, описывающей меру свободы государства в определении мер уголовно-правового воздействия. Структурные элементы предписания отражаются в статье уголовного закона, которая, будучи формой его выражения, не может повторять структуру начального элемента права; структура статьи может быть описана лишь в текстологических единицах – статьи, части статьи, абзаца, пункта.

Annotation. The article examines the relationship between the structure of the criminal law norm, the criminal law regulation and the article of the special part of the criminal law. The article proves the fundamental coincidence of the structure of the norm and the regulation, which is formed by the hypothesis describing the conditions for the application of state response measures to the facts of the commission of a crime, and the disposition describing the measure of the state's freedom in determining the measures of criminal law influence. The structural elements of the prescription are reflected in the article of the criminal law, which, being a form of its expression, cannot repeat the structure of the initial element of the law; the structure of the article can be described only in textual units – articles, parts of articles, paragraphs, paragraphs.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, уголовно-правовое предписание, статья уголовного закона, гипотеза, диспозиция, санкция.

Keywords: criminal law norm, criminal law order, article of the criminal law, hypothesis, disposition, sanction.

Один из актуальных вопросов теории современного уголовного права состоит в выяснении его структуры и познании отдельных ее элементов. При этом начало всех возможных дискуссий по этому поводу закладывается на начальных, теоретико-методологических этапах познания, и связано с неоднозначным и противоречивым решением проблемы соотношения правовой нормы, правового предписания и статьи уголовного закона. Дискуссионность вопроса многократно осложняется тем обстоятельством, что он исследуется зачастую в отрыве от обсуждения структуры соответствующих элементов системы.

предписания и структуры уголовно-правовой нормы.

О структуре уголовно-правовой нормы.

Прежде всего, заметим, что в рамках концепции, признающей уголовно-правовую норму цельным правилом поведения («реальной», «логической» нормой), градация норм уголовного права на нормы общей и особенной части представляется бесперспективной и, более того, невозможной. Вполне определенно по этому поводу высказался Е.В. Благов: норм общей части, равно как и норм особенной части уголовного права, «нет в природе» [1]. Этот тезис поддержан и иными авторами. Ю.Е. Пудовочкин к примеру, пишет, что «деление уголовного права на общую и особенную часть справедливо исключительно для внешней формы выражения права – уголовного закона; только в законе возможно выделение общей и особенной части, уголовное право (если рассматривать его как систему норм) не может знать такого деления, поскольку состоит из единых уголовно-правовых норм» [2]. А.П. Чирков дополнительно указывает, что «реальная уголовно-правовая норма представляет собой довольно громоздкую конструкцию. ... весь перечень реальных

уголовно-правовых норм мы можем определить исходя из того их количества, которое находит отражение в статьях Особенной части УК» [3].

Далее, относительно структуры уголовно-правовой нормы. Вопрос этот многократно осложняется отсутствием единства в понимании уголовно-правовой нормы и допускаемой в науке градацией уголовно-правовых норм на нормы общей и особенной части, причем, как отмечают специалисты, «при исследовании проблемы структуры уголовно-правовой нормы в общем плане, обычно речь идет о нормах, изложенных в Особенной части уголовного законодательства» [4]. Спектр высказанных суждений по поводу структуры уголовно-правовой нормы (либо структуры нормы особенной части уголовного права) крайне широк. Вот, только некоторые из них:

– «Количество структурных элементов в нормах зависит ... от фактических общественных отношений и воли, целенаправленных действий законодателя. ... Можно утверждать, что та или иная правовая норма содержит столько структурных логических элементов, сколько этого требует данное общественное отношение» [5].

– Основным элементом, без которого правовая норма немыслима, является само правило поведения, именуемое диспозицией; все же остальные элементы структуры нормы являются для нее акциденциями, т.е., такими элементами, наличие или отсутствие которых зависит от внешних обстоятельств; а потому норма права может содержать в своей структуре и один, и два, и три элемента [6].

– Каждая правовая норма, и уголовно-правовая норма, в том числе, состоит из двух элементов: из определения условий применения правила (гипотезы) и изложения самого правила (диспозиции) и может быть выражена в форме «если – то» [7]; причем, по мнению некоторых авторов, «гипотезу» следует заменить категорией «условие», определив ее как часть нормативно-правового предписания (нормы права), в которой содержится описание юридических оснований (фактов), при наступлении которых правовое предписание подлежит реализации; а «диспозицию» нужно заменить категорией «следствие» и понимать под ней структурный элемент нормативно-правового предписания (нормы права), содержащий правило поведения адресатов предписания [8].

– Нормы особенной части уголовного права четко разделены на две части: диспозицию, описывающую запрещенное деяние, и санкцию, описывающую возможное наказание [9].

– Нормы уголовного права имеют классическую трехчленную структуру по типу «гипотеза – диспозиция – санкция» [10], содержание которых меняется в зависимости от того, действует ли эта норма в позитивном аспекте, обращенном к гражданам, или в ретроспективном аспекте, обращенном к государству [11].

– Такого элемента, как санкция в структуре нормативно-правового предписания не существует; конструкция «иначе», предлагаемая сторонниками трехчленной структуры нормы права, может быть рассмотрена как новое (дополнительное) нормативно-правовое предписание; санкции в охранительных нормах выступают правилом поведения – «следствием» для субъектов, полномочных применять данные нормы [12].

Как видим, в науке представлены суждения, доказывающие, однокомпонентный, двухкомпонентный (в различных сочетаниях), трехкомпонентный характер уголовно-правовой нормы. Высказана и интегрирующая эти суждения концепция. Согласно мнению некоторых теоретиков права, каждая норма права имеет три проявления:

1) первичная норма (норма-предписание), которая содержится в нормативном акте;

2) логическая двучленная норма (регулятивная или охранительная), которая формируется на базе первичной и необходима для определения, действует ли соответствующее правило (установление);

3) логическая трехчленная норма, которая формируется из первичных и двучленных, и необходима для прогнозирования (определения) последствий нарушения регулятивных норм или установления при реализации охранительных, какие регулятивные нормы нарушены [13].

В нашем представлении, норма уголовного права есть полноценное правило поведения субъектов правоотношения, определяющее ее взаимные права и обязанности; при этом главным адресатом уголовно-правовой нормы выступает государство, мера возможного поведения которого этой нормой ограничивается. Государство в рамках уголовно-правовых отношений имеет возможность применить к лицу, совершившему преступление, те или иные меры уголовного-правового воздействия. Соответственно, основания применения этих мер, содержание и порядок применения – это то, что квинтэссенцирует содержание уголовно-правовой нормы; а сама норма в структурном и логическом отношении распадается как бы на две части: собственно основание применения мер воздействия, и ограничение применяемых мер. Первая часть в академической интерпретации структуры правовой нормы представляет собой условие, при котором государство наделяется определенными правами и обязанностями, или иными словами, – гипотеза нормы. Вторая часть описывает меру возможного поведения, права и обязанности государства, что соответствует представлениям о содержании диспозиции правовой нормы.

Нам представляется, что этим содержанием и структура нормы уголовного права исчерпываются, что дает основание (без долгих дополнительных аргументов) поддержать высказанное в литературе суждение о двух компонентном строении уголовно-правовой нормы в трактовке, которая была предложена Н.М. Коркуновым.

Последствия нарушения государством тех прав и обязанностей, которые устанавливает для него норма уголовного права, находятся за пределами сферы уголовно-правового регулирования и определяются положениями конституционного права, как регулятора отношений государства и личности (а в некоторых случаях – и международного права, как средства, обеспечивающего исполнение обязательств государства перед международным сообществом).

Таким образом, гипотеза (как часть нормы, описывающая основания применения уголовно-правового воздействия) и диспозиция (как часть нормы, описывающая меру возможного поведения государства по отношению к лицу, совершившему преступление) образуют в своем единстве уголовно-правовую норму.

О структуре нормативного предписания особенной части уголовного права.

В научной литературе (если исключить теории, отождествляющие нормы права и предписание либо признающие предписание видом правовой нормы) имеется определенный консенсус специалистов в общем решении вопроса о соотношении уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания. Хотя, в деталях позиции специалистов расходятся, что требует специального внимания.

Так, Р.Г. Валиев пишет: «Нормативно-правовое предписание может рассматриваться в качестве формы отдельного структурного элемента нормы права, например диспозиции, которая предписывает что-либо (правила поведения, правила-дефиниции, правила учредительного, декларативного характера и т.п.)» [14]. Его, с одной стороны, поддерживает А.И. Илалутдинов, когда указывает, что «нормативные правовые предписания являются текстуальной формой выражения составных частей норм-правил, поэтому их следует рассматривать как форму содержания норм права». С другой стороны, этот же автор отмечает: «Если норма права – это всегда полноценная модель (регулятор), содержащая все информационные значения поведения субъектов, то нормативное правовое предписание может отражать только часть этой модели» [15]. Как часть и целое рассматривает соотношение нормы и предписания Т.В. Кленова: «Соотношение между правовым предписанием и нормой определяется как соотношение части и целого»; «будучи элементом системы, каждое предписание играет заданную роль, выполняя функцию отдельного структурного элемента правовой нормы» [16]. Об этом же рассуждает В.П. Коняхин, уточняя, что нормативное правовое предписание может выполнять роль не только гипотезы, диспозиции или санкции уголовно-правовой нормы, но и роль части структурной единицы уголовно-правовой нормы [17].

Прежде всего, отметим, что норма и предписание, в зависимости от исследовательских задач, могут рассматриваться и с позиций соотношения формы и содержания, и с позиций части и целого. Единственное, в чем надо возразить Р.Г. Валиеву, так, это в том, что именно норма права или

ее структурный компонент выступают логической формой, которая отражает содержание нормативных предписаний, а не наоборот. С точки зрения соотношения части и целого, предписание, безусловно, является частью нормы. При этом было бы большой неточностью считать, гипотеза или диспозиция уголовно-правовой нормы, каждая в отдельности, состоит из одного предписания. Несколько предписаний могут объединяться (и, как правило, объединяются) для того, чтобы выразить условие применения или содержание применяемого правила. И в этом отношении изложенная выше позиция В.П. Коняхина нам представляется более убедительной.

Обращаясь теперь к вопросу о соотношении нормативного предписания особенной части уголовного права и уголовно-правовой нормы, важно отметить, что само нормативное предписание, будучи суждением об основании ответственности и пределах государственной реакции на преступление, по логике своей также как и норма является двухкомпонентным. Детальное исследование вопроса о структуре уголовно-правового нормативного предписания применительно к проблематике общей части уголовного права позволило В.П. Коняхину сделать убедительный вывод о том, что структура нормативного предписания включает в себя гипотезу и диспозицию [18]. Полагаем, что этот вывод обладает свойством универсальности и может быть в полной мере экстраполирован на понимание структуры нормативного предписания особенной части уголовного права.

В итоге, можно констатировать наличие корреспондирующей структуры уголовно-правовой нормы и нормативного предписания особенной части уголовного права: в каждой из них выделяется гипотеза и диспозиция, памятуя, естественно, о том, что гипотеза и диспозиция предписания содержательно не исчерпывают гипотезу и диспозицию уголовно-правовой нормы.

Это совпадение не случайно. Нормативное предписание особенной части уголовного права вполне справедливо рассматривать в качестве структурированного содержательного «ядра» уголовно-правовой нормы, которое в процессе построения логической нормы «обрастает» дополнительными предписаниями, каждое из которых должно «вписываться» в заданную структуру. Здесь вполне уместны параллели с известной проблемой соотношения «состава преступления» и «преступления». Равно как состав преступления (в трактовке А.Н. Трайнина и Н.Ф. Кузнецовой [19]) выступает одновременно частью преступления и его минимальной моделью, так и предписание особенной части уголовного права является частью уголовно-правовой нормы и ее моделью, которая в реальной жизни наполняется множеством иных предписаний.

Неполнота нормативного предписания особенной части уголовного права для полноценного регулирования уголовно-правового отношения отчетливо проявляет себя при исследовании содержания предписания.

Его гипотеза (традиционно, и как было показано, необоснованно именуемая диспозицией)

посвящена описанию состава преступления. При этом общепризнанным в научной литературе является тот факт, что статья особенной части УК РФ описывает состав преступления далеко не в полной мере. Еще А.Н. Трайнин писал: «Было бы глубоким заблуждением всегда и для всех случаев рассматривать диспозицию как единственный источник распознавания состава или как источник распознавания одного-единственного состава, – порой нужна тщательная аналитическая работа, чтобы из текста диспозиции построить предусмотренный... законом состав преступления» [20]. Его поддерживала Н.Ф. Кузнецова, когда писала: «Диспозиция уголовно-правовой нормы описывает все признаки состава преступления. Диспозиция статей особенной части УК описывает не все, а лишь специфические для данного состава преступления признаки» [21]. В.Н. Кудрявцев, специально исследовавший данный вопрос, также пришел к убедительному выводу: «Если состав преступления можно рассматривать как логическое суждение о преступлении определенного вида, то диспозиция статьи закона содержит словесную форму выражения указанного суждения, да и то не в полной мере» [22]. Признается эта мысли и современными авторами [23].

Диспозиция уголовно-правового предписания особенной части уголовного права (традиционно, и опять же необоснованно именуемая санкцией) посвящена описанию тех мер воздействия, которые государство вправе применить к лицу, совершившему преступление. Как верно пишет А.П. Козлов, это – часть уголовно-правовой нормы, «носящая государственно-принудительный качественно-количественный характер и представляющая собой формально определенную объективно-субъективную модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступления» [24]. При этом очевидно, что, во-первых, предписания особенной части уголовного права ограничены указанием только на один вид воздействия, а именно на уголовное наказание, в то время как наказанием уголовно-правовое воздействие на преступника не исчерпывается. Специалистами отмечено: «В юридической науке преобладает мнение, согласно которому в санкции отражается исключительно негативная реакция государства на неисполнение или ненадлежащее исполнение правовой нормы... Однако государство обеспечивает исполнение правовых норм не только мерами принуждения, но и предупредительными, восстановительными, поощрительными мерами... Санкции по характеру правовых последствий могут быть не только карательными («негативная санкция»), но и правовосстановительными («нейтральная санкция»), предупредительными и поощрительными («позитивная санкция») [25]. Это обстоятельство нельзя не доценивать, учитывая развивающуюся в уголовном праве систему мер уголовно-правового характера, которая содержит и значимые дополнения к наказанию (например, конфискацию имущества и принудительные меры медицинского характера), и его альтернативы (например,

судебный штраф или принудительные меры воспитательного воздействия). Все эти меры также выступают компонентом санкции уголовно-правовой нормы [26]. Второе же обстоятельство состоит в том, что, даже, если и ограничивать рассматриваемый компонент нормы наказанием, предписаний особенной части уголовного права явно недостаточно для реализации самой нормы, поскольку они, с необходимостью корректируются и дополняются иными предписаниями, в частности, общей части уголовного права, связанными с полом преступника, его возрастом, количеством совершенных преступлений и т.д.

Обобщенный взгляд на содержание уголовно-правовой нормы и уголовно-правового предписания особенной части уголовного права показывает, кстати, что именно государственная реакция на преступление в предписаниях особенной части описана наименее полно. При всей громоздкости и многословности соответствующей части уголовно-правового предписания оно посвящено описанию исключительно наказания. Однако вряд ли стоит полагать, что эта ситуация в текущих условиях развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории нуждается в корректировке. Совершенно отсутствует необходимость наполнения предписаний особенной части указанием на иные, не зависящие от особенностей конкретного состава преступления, меры воздействия, которые вправе применять государство. Для этих целей, собственно, и существует общая часть уголовного права. Альтернативный вариант корректировки нормативного описания модели поведения государства в случае совершения того или иного преступления, предполагающий указание не только на наказания, но и на иные допустимые меры воздействия, может состоять в переносе описания всех возможных мер, включая, прежде всего, наказание, в общую часть кодекса, как это имело место в проекте Уголовного Уложения 1813 года, как это имеет место в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк или Пенсильвании [27], и к чему призывал Л.Д. Гаухман [28]. При таком подходе статья особенной части об ответственности, например, за убийство, могла бы выглядеть следующим образом: «Лицо виновно в убийстве первой степени, если оно умышленно причиняет смерть другому человеку. Убийство первой степени является особо тяжким преступлением». Однако такой вариант в существенной степени противоречит теоретическим представлениям об уголовно-правовых предписаниях, в том числе развитых в настоящей работе. К тому же, усилия, которые потребуются на его реализацию (включая корректировку категоризации преступлений и практически всех правил общей части), вряд ли будут адекватны результату. По меньшей мере, ожидать повышения качества только от такой перестройки предписаний особенной части уголовного права, вряд ли, возможно. Единственный потенциальный «плюс» в данном случае – это систематизация подходов и устранение противоречий в установлении наказуемости преступлений. Однако эта крайне важная и актуальная задача может быть решена и иными

средствами, не требующими пересмотра фундаментальных положений учения об уголовно-правовом предписании и системе уголовного права.

О структуре статьи особенной части уголовного закона.

В исследованиях, которые исходят из признания нормативного предписания элементом текста закона, структура нормативного предписания отождествляется со структурой статьи особенной части УК РФ. Авторы указывают, в частности: «Первичными единицами нормативного текста признаются пункты, части, статьи. ... для выделения юридически значимых фрагментов уголовно-правовых предписаний используется абзац. Он выполняет двоякую функцию. Во-первых, абзац выделяет части статьи ... и, во-вторых, ... является средством членения уголовно-правовых предписаний на диспозиции и санкции» [29]. Рассуждения такого рода, как мы стремились показать, основываются на неверной посылке. Предписание – это элемент системы права, статья – элемент текста закона. Исходя из этого, методически неверно приписывать структуре текста закона структуру элемента системы права. Если предписание состоит из гипотезы и диспозиции, то текст закона состоит из статей, частей, абзацев. С учетом этого, в статье не может существовать гипотезы, диспозиции или санкции. Нормативное предписание особенной части уголовного права описано в статье (или части статьи) особенной части УК РФ, при этом гипотеза предписания указывается в абзаце первом статьи (или части статьи), а диспозиция – в абзаце втором статьи (или части статьи). Такой подход не только соответствует теории права, но и в полной мере подтверждается законодательской практикой. Изменения, которые законодатель вносит в текст УК РФ, текстуально оформляются именно таким образом. К примеру, закон, которым корректировалась ст. 171 УК РФ, предписывал: «в абзаце первом части первой

статьи 171 слова «регистрации либо» заменить словами «регистрации или с нарушением правил регистрации, а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо осуществление предпринимательской деятельности» [30]. Соблюдение терминологической точности в части описания структуры предписания и структуры статьи уголовного закона, как полагаем, выступает необходимым условием адекватного восприятия теории и условием ее дальнейшего непротиворечивого развития.

Таким образом, нормативное предписание особенной части уголовного права как структурный элемент системы права находит отражение в тексте статьи (или части статьи) особенной части УК РФ; предписание и текст, с этих позиций, соотносятся как содержание и форма. Содержанием предписания выступает логически завершенное, цельное суждение законодателя, которое структурно распадается на два элемента: гипотезу, описывающую признаки состава преступления, выступающего основанием для применения мер уголовно-правового реагирования на него, и диспозицию, описывающую меру возможного поведения государства в случае установления преступления, в виде спектра уголовных наказаний. Такая структура предписания органично соответствует структуре уголовно-правовой нормы. Логическая завершенность предписания, тем не менее, не предполагает наличие у него полноценных регулятивных возможностей. Таковые возможности заключены в уголовно-правовой норме, которая формируется несколькими нормативными предписаниями уголовного права, из которых предписание особенной части является ядром или сердцевинной, определяющей содержательно и структурно всю уголовно-правовую норму, в целом.

Литература:

1. *Благов Е.В.* Норма уголовного права: структурный аспект / Е.В. Благов; Отв. ред. Е.В. Благов // Категориальный аппарат уголовного права и процесса: сб. науч. тр. Ярославль : ЯрГУ, 1993. С. 94.
2. *Пудовочкин Ю.Е.* Учение об основах уголовного права. Лекции. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 79.
3. *Чирков А.П.* Некоторые проблемы соотношения системы уголовного права и системы уголовного законодательства / А.П. Чирков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 9. С. 81–84.
4. *Шевченко Е.В.* К вопросу о структуре уголовно-правовой нормы / Е.В. Шевченко // Проблемы законности. 2012. № 118. С. 136–145.
5. *Перевалов В.Д.* Нормы права: проблемы понимания и определения / В.Д. Перевалов // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 15.

Literature:

1. *Blagov E.V.* Norm of criminal law: structural aspect / E.V. Blagov; Ed. by E.V. Blagov // *Categorical apparatus of criminal law and process: collection of scientific tr.* Yaroslavl : YarSU, 1993. P. 94.
2. *Pudovochkin Yu.E.* The doctrine of the fundamentals of criminal law. Lectures. M. : Yurlitinform, 2012. P. 79.
3. *Chirkov A.P.* Some problems of the correlation of the system of criminal law and the system of criminal legislation / A.P. Chirkov // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant.* 2012. Iss. 9. P. 81–84.
4. *Shevchenko E.V.* On the question of the structure of the criminal law norm / E.V. Shevchenko // *Problems of Legality.* 2012. № 118. P. 136–145.
5. *Perevalov V.D.* Norms of law: problems of understanding and definition / V.D. Perevalov // *Russian law: education, practice, science.* 2017. № 5. P. 15.

6. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 469–470, 479.
7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. : Юридический центр пресс, 2003. С. 162.
8. Рябинин Н.А. К вопросу о построении нормы права и понимании составляющих ее элементов / Н.А. Рябинин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4(83). С. 205.
9. Уголовное право. Общая и Особенная части / Под ред. Н.Г. Кадникова. М. : Городец, 2006. С. 32.
10. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара : Самарский ун-т, 2001. С. 166; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. М.А. Кауфмана, А.В. Бриллиантова. М. : Юстиция, 2020. С. 17 (авторы главы В.А. Блишников, В.М. Волошин).
11. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб. : Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. С. 31–32 (автор главы А.И. Бойцов); Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 19–22.
12. Рябинин Н.А. К вопросу о построении нормы права и понимании составляющих ее элементов / Н.А. Рябинин // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 4(83). С. 207.
13. Афанасьева Л.В. Нормы права и их действие: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 8–9.
14. Валиев Р.Г. О гносеологическом статусе категорий норма права и нормативно-правовое предписание / Р.Г. Валиев // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. № 6. С. 18.
15. Илалутдинов А.И. Конструирование нормы права / А.И. Илалутдинов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 14. 2015. Вып. 1. С. 28–29.
16. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара : Самарский ун-т, 2001. С. 159, 167.
17. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 182.
18. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 207–210.
19. См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М. : Госюриздат, 1957; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969.
6. Polyakov A.V. General theory of law. A course of lectures. SPb. : Law Center Press, 2001. P. 469–470, 479.
7. Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. SPb. : Law Center press, 2003. P. 162.
8. Ryabinin N.A. On the question of the construction of the rule of law and the understanding of its constituent elements / N.A. Ryabinin // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(83). P. 205.
9. Criminal law. General and Special parts / Ed. by N.G. Kadnikov. M. : Gorodets, 2006. P. 32.
10. Klenova T.V. Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms. Samara : Samara University, 2001. P. 166; Criminal law of Russia. The general part. Textbook / Ed. by M.A. Kaufman, A.V. Brilliantov. M.: Justice, 2020. P. 17 (authors of the chapter V.A. Blinnikov, V.M. Voloshin).
11. Criminal law of Russia. The general part. Textbook / Ed. by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. SPb. : Ed. Dom S.-Petersburg State University, 2006. P. 31–32 (author of the chapter A.I. Boytsov); Filimonov V.D. Norm of criminal law. SPb. : Law Center Press, 2004. P. 19–22.
12. Ryabinin N.A. On the question of the construction of the rule of law and the understanding of its constituent elements / N.A. Ryabinin // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(83). P. 207.
13. Afanasyeva L.V. Norms of law and their effect: questions of theory : autoref. dis. ... cand. jurid. M., 2000. P. 8–9.
14. Valiev R.G. On the epistemological status of the categories norm of law and normative-legal prescription / R.G. Valiev // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Series: Humanities. 2015. Vol. 157. № 6. P. 18.
15. Ilalutdinov A.I. Construction of the rule of law / A.I. Ilalutdinov // Bulletin of the St. Petersburg State University. Ser. 14. 2015. Iss. 1. P. 28–29.
16. Klenova T.V. Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms. Samara : Samara University, 2001. P. 159, 167.
17. Konyakhin V.P. Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian criminal law. SPb. : Law Center Press, 2002. P. 182.
18. Konyakhin V.P. Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian criminal law. SPb. : Law Center Press, 2002. P. 207–210.
19. See: Traynin A.N. General teaching on the composition of crime. M. : Gosyurizdat, 1957; Kuznetsova N.F. Crime and criminality. M. : Moscow Publishing House. un-ta, 1969.

20. *Трайнин А.Н.* Общее учение о составе преступления. М. : Госюриздат, 1957; *Трайнин А.Н.* Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. С. 202.
21. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969; *Кузнецова Н.Ф.* Избранные труды. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 491.
22. *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1999. С. 70.
23. См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Учение о составе преступления : учеб. пособ. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 7; *Иванчин А.В.* Конструирование состава преступления: теория и практика. М. : Проспект, 2014. С. 65–67
24. *Козлов А.П.* Уголовно-правовые санкции: проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1989. С. 17.
25. *Пузырева Е.В.* Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качественного выражения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 7–8.
26. См. *Коняхин В.П.* теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 236.
27. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк. Глава 40. Свода законов штата / Сост., отв. ред. и авт. вступит. ст. И.Д. Козочкин // Уголовное право Соединенных Штатов Америки. Сб. норм. Актов. М. : Изд-во ун-та дружбы народов, 1986. С. 77–158; Уголовный кодекс Пенсильвании. Свод законов Пенсильвании. Титул 18 / Пер. с англ.; Под ред. О.А. Жидкова // США: Конституция и законодательные акты. М. : Прогресс, 1993. С. 648–684.
28. *Гаухман Л.Д.* Нужен новый УК РФ / Л.Д. Гаухман // Законность. 1998. № 7. С. 22–25.
29. *Загинея З.А.* Уголовно-правовые предписания особенной части Уголовного кодекса Украины: особенности композиционно-графического оформления / Загинея З.А. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2(17). С. 47.
30. Федеральный закон от 25.06.2002 № 72-ФЗ «О внесении изменений в статьи 169 и 171 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2518.
20. *Traynin A.N.* General teaching on the composition of crime. M. : Gosyurizdat, 1957. *Traynin A.N.* Selected works. SPb. : Law Center Press, 2004. P. 202.
21. *Kuznetsova N.F.* Crime and criminality. M. : Moscow Publishing House. Un-ta, 1969; *Kuznetsova N.F.* Selected Works. SPb. : Law Center Press, 2003. P. 491.
22. *Kudryavtsev V.N.* General theory of qualification of crimes. 2nd ed., reprint. and add. M. : Lawyer, 1999. P. 70.
23. See: *Pudovochkin Yu.E.* The doctrine of the composition of the crime. Textbook. M. : Yurлитinform, 2009. P. 7; *Ivanchin A.V.* Construction of the corpus delicti: theory and practice. M. : Prospekt, 2014. P. 65–67
24. *Kozlov A.P.* Criminal-legal sanctions: problems of construction, classification and measurement. Krasnoyarsk : Publishing House of Krasnoyarsk. Un-ta, 1989. P. 17.
25. *Puzyreva E.V.* Norms of Russian Law: theoretical aspects of understanding and qualitative expression : autoref. dis. ... cand. jurid. sciences. SPb., 2007. P. 7–8.
26. See: *Konyakhin V.P.* Theoretical foundations of the construction of the General part of the Russian criminal law. SPb. : Law Center Press, 2002. P. 236.
27. Criminal Code of the state of New York. Chapter 40. Code of State Laws / comp., ed. and auth. I.D. Kozochkin // Criminal law of the United States of America. Collection of norms. Acts. M. : Publishing House of the University of Friendship of Peoples, 1986. P. 77–158; The Criminal Code of Pennsylvania. The Code of Laws of Pennsylvania. Title 18 / trans. from English. Edited by O.A. Zhidkov // USA: Constitution and Legislative Acts. M. : Progress, 1993. P. 648–684.
28. *Gaukhman L.D.* Need a new Criminal Code of the Russian Federation / L.D. Gaukhman // Legality. 1998. № 7. P. 22–25.
29. *Zaginey Z.A.* Criminal-legal prescriptions of the special part of the Criminal Code of Ukraine: features of compositional and graphic design / Z.A. Zaginey // Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences. 2014. № 2(17). P. 47.
30. Federal Law № 72-FZ of 25.06.2002 «On Amendments to Articles 169 and 171 of the Criminal Code of the Russian Federation». 2002. № 26. Art. 2518.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук,
профессор,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
kvishnevecky@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of Law,
Professor,
Head of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
kvishnevecky@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

THE SOCIAL ASPECT OF CRIMINAL VICTIMOLOGY

Аннотация. В статье рассмотрен социальный аспект криминальной виктимологии. Социальные характеристики личности, детерминирующие особенности ее поведения и взаимодействия с преступником, исключительно важны для самых разных аспектов криминологических исследований. Понимание преступления как сложного процесса взаимоотношений различных субъектов действия (включая и социум), которое соответствовало бы современным представлениям о сущности социальных процессов, требует обязательного анализа феномена жертвы.

Ключевые слова: криминология, виктимология, социология, виктимность, виктимизация, глобализация, жертва.

Annotation. The article considers the social aspect of criminal victimology. The social characteristics of a person, which determine the characteristics of their behavior and interaction with the criminal, are extremely important for various aspects of criminological research. Understanding crime as a complex process of relations between various actors of action (including society), which would correspond to modern ideas about the essence of social processes, requires a mandatory analysis of the phenomenon of the victim.

Keywords: criminology, victimology, sociology, victimization, victimization, globalization, victimization.

Криминальная виктимология – наука о жертвах преступления. Обращение к проблеме жертвы актуализирует те многочисленные контексты, в которых присутствовало это понятие, одно из важнейших в мировой культуре. Понятие жертвы – центральное, практически, во всех религиозных системах человечества, начиная с древнейших, архаических культов. В смысловых аспектах, близких к криминологическим, представление о жертве присутствует как в обычном праве, так и закрепляется в системах законодательства, начиная с древнейших. Оно зафиксировано уже в известных законах Хамураппи.

Для обычного права и для раннего законодательства, основанных на принципе талиона, жертва преступления было понятием системообразующим. Наказание преступнику назначалось пропорционально тому ущербу, который он нанес потерпевшему. При этом последнему в большинстве случаев передавалось и право возмездия. В европейском и русском законодательстве эпохи Нового времени в регулировании отношения между преступником и жертвой начинает преобладать воля и интерес государства. Законодатель более ориентирован на пресечение преступной деятельности, устрашение и наказание преступника, а не на учет интересов пострадавшего и возмещение причиненного ему ущерба. Соответственно и в науке о преступлении, крими-

нологии, основы которой начинают закладываться во второй половине XVIII в., основным объектом изучения становится преступник. Хотя и Беккариа, и Фейербах, и позднее Ломброзо оставили немало интересных и глубоких замечаний о жертве преступления, эта тема находилась на периферии их работ.

Положение принципиально изменяется лишь к середине XX столетия. Для этого было несколько причин. Во-первых, причиной общеметодологического характера стало развитие методов системного анализа. Очевидно, что наука не может быть однобокой. Криминология должна изучать не саму по себе личность преступника, мотивы его деяний, его социальную среду, а единую систему «преступник-жертва». С выходом на этот новый уровень исследования многие связывали перспективы преодоления кризиса криминологической науки того времени.

Во-вторых, XX в. стал веком мировых войн, тоталитарных государств, массовых репрессий (в том числе и по национальному признаку), организованной преступности. Уровень жертвенности гражданского населения достиг всех возможных степеней. Это стимулировало на ценностном уровне как криминологическую и уголовно-правовую науку, так и законодательную и правоохранительную практику. Осознание абсолютной

значимости прав личности побуждало к защите прав жертвы, в том числе и права на возмещение причиненного ущерба.

В-третьих, изучение поведения жертвы в процессе генезиса, осуществления преступления и после него, вызывало справедливые надежды на разработку эффективных средств профилактики правонарушений. Наука должна была предложить человеку практические рекомендации, которые помогли бы ему выработать модель поведения, если не исключающую, то по крайней мере сводящую к минимуму возможность преступных посягательств.

Ответом на сформировавшийся социальный заказ стало развитие криминальной виктимологии, дополняющей криминологическое знание и интегрирующей в единую систему результаты исследований жертвы преступления, осуществленные на основе методов юридической, психологической, социологической и ряда других наук. Для ранних этапов развития виктимологии был характерен преимущественно психологический подход. Он не исчерпал себя и до настоящего времени.

Вместе с тем глубокие изменения в социальной структуре общества, в направленности социальных процессов, которые сегодня принято обозначать понятием глобализации, настойчиво заставляют ученых сосредоточиться на социологических аспектах виктимологических исследований. Изучение истории развития этой науки за последние годы говорит о том, что мы имеем дело с устойчивой тенденцией. Внимание как западных, так и отечественных специалистов сегодня прежде всего привлекают не только морально-психологические, но и социальные характеристики (социальное положение, место производственных, бытовых, семейных, досуговых и иных межличностных отношений, социальный статус или социальная роль), повышающие вероятность преступного посягательства в отношении данной личности. Ученые стремятся выяснить, каким образом само положение в обществе безотносительно к личностным качествам занимающего его человека и безотносительно к его поведению повышает вероятность совершения преступлений определенного вида.

Степень достоверности научного обоснования и научного прогнозирования в области предупреждения преступности многократно увеличивается, если принять во внимание весь спектр социально детерминирующих факторов виктимологического характера. Актуальность их учета еще более возрастает в условиях масштабных трансформаций общественных процессов глобального характера, характерных для последних десятилетий. Очевидно, что всякие глубокие изменения в обществе требуют обновления методологического инструментария и концептуальных подходов, сложившихся на предшествующем этапе развития науки.

Необходимость изучения особенностей виктимности и виктимизации жертв обусловлена и задачами чисто прикладного характера. В частности,

без понимания личности потерпевшего, присущих ему виктимных свойств, его роли в механизме совершения преступления в практической деятельности очень трудно решать вопросы квалификации преступления, назначения виновному лицу уголовного наказания, его индивидуализации.

Отсутствие полных данных о преступности снижает эффективность контроля над ней. Виктимолого-социологические исследования во многом как раз нацелены на решение данной задачи, поскольку его объектом являются все жертвы преступлений: и учтенные официальной статистикой, и латентные. Проведение виктимологических исследований способствует выявлению жертв преступлений и тем самым расширяет возможности специалистов в получении объективной картины не только виктимизации населения, но и состояния латентной преступности. Виктимологическое исследование позволяет более подробно и точно описать механизм преступного деяния, выявить факторы и условия, катализирующие данный процесс, характерные особенности личности потерпевшего и меры, которые ему необходимо предпринять для предупреждения совершения преступлений в дальнейшем.

В последние годы актуальность исследования социальных факторов виктимизации населения значительно возросла, что связано со стремлением социальных наук выявить и объяснить сущность изменений глобального масштаба, наблюдаемых в мировом сообществе. Идут процессы глубокой трансформации социальной структуры общества, изменяются параметры стратификации и намечаются ее новые направления, иным, чем раньше, видится положение личности в обществе и государстве.

Активная разработка социологической составляющей виктимологического знания, комплексного изучения факторов виктимности и виктимизации не только личности, но и социальных групп, составляет одну из самых актуальных задач современной криминологии.

Социальные характеристики личности, детерминирующие особенности ее поведения и взаимодействия с преступником, исключительно важны для самых разных аспектов криминологических исследований. Понимание преступления как сложного процесса взаимоотношений различных субъектов действия (включая и социум), которое соответствовало бы современным представлениям о сущности социальных процессов, требует обязательного анализа феномена жертвы. Таким образом, виктимология должна восприниматься как необходимая сторона, своего рода *alter ego* криминологии.

Общая тенденция усиления виктимологической составляющей криминологической науки, отчетливо наблюдаемая в последние десятилетия, свидетельствует о гуманизации криминологии, о возрастающем стремлении ее представителей учитывать интересы всех сторон преступного взаимодействия с преимущественным вниманием к проблемам предотвращения преступлений. Сосредоточение внимания криминологов на

вопросах профилактики преступности непосредственно стимулирует их интерес к виктимологическим исследованиям. При этом если вопросы индивидуальной профилактики требуют исследования жертвы преступлений на уровне личности, то задачи теоретического обеспечения социальной профилактики заставляют обратиться к малоизученной проблематике виктимности и виктимизации социальных групп, страт, классов.

Одним из наиболее перспективных направлений мировой криминологии все более очевидно становится исследование виктимности различных социальных групп с учетом динамики современных социальных процессов. В условиях глобализации эта проблематика приобретает особую актуальность. Кроме того, она позволяет наиболее четко обозначить наметившийся в виктимологии поворот от исследования индивидуальной жертвы к анализу виктимности различных социальных страт [1].

Если на первоначальном этапе становления виктимологии как научной дисциплины она в наибольшей степени использовала результаты психологической науки, то теперь приоритетом становится координация с социологией, в первую очередь с ее разделом, посвященным социальной структуре общества. Сходная тенденция была характерна также для советской, российской виктимологии. Разве что для нее изначально был более значим акцент на социальной природе и социальных параметрах отношения «жертва-преступник», что, конечно же, связано с научной традицией марксизма в нашей стране. В итоге складывается благоприятная ситуация если не для конвергенции западной и российской виктимологических школ, то во всяком случае для их плодотворной интеграции.

Сегодня в отечественной виктимологии принято различать индивидуальную, видовую, групповую и массовую виктимность [2]. Последняя точнее всего определяется степенью уязвимости населения и его отдельных статусов, реализующихся в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений и причинение вреда [3]. Таким образом, групповая виктимность является определенным элементом, частным случаем, массовой виктимности.

Групповая виктимность выступает как специфическая характеристика отдельных категорий населения, обладающих сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими и другими качествами, которая указывает на степень их предрасположенности при определенных обстоятельствах становиться жертвами преступления. Необходимость выделения в особую категорию массовой виктимности вызвана сегодняшним состоянием преступности, процессом криминализации новых общественно опасных деяний, жертвами которых становятся целые общности граждан, объединенных по какому-либо сходным признакам. Такими признаками могут быть, например, место жительства, национальность, пол и ряд других элементов жизни человека. Нужно учитывать и то, что

человек становится уязвимым и в конечном итоге виктимизируется, как правило, именно из-за того, что является членом какой-либо группы лиц либо общества. При этом предотвратить потенциальную виктимизацию, то есть реализовать цели виктимологической профилактики, он может нередко только при помощи той общности, с которой он себя соотносит при условии соответствующего правового воспитания [4].

Нередко можно встретить точку зрения, согласно которой массовая виктимность конкретной общности или общества в целом представляет собой сумму индивидуальных виктимных предрасположений граждан [5]. Нам это представляется не совсем точным. В современной литературе и методологически, и онтологически виктимность предлагается рассматривать как феномен, реализующий себя на трех уровнях сущего: единичном, особенном и общем (Т.В. Варчук) или особенном и общем (В.И. Полубинский). С этим следует согласиться, хотя первый подход нам представляется более конкретным. Здесь на единичном уровне виктимность подразумевает реализованное преступным актом нанесение вреда или оставшуюся потенциальной возможность отдельного лица стать жертвой преступления при определенных условиях и обстоятельствах. На втором, особенном, уровне можно рассматривать виктимность отдельных групп населения: женщин, мигрантов и т.п. На третьем, общем, уровне виктимность трактуется как массовое явление. Здесь Т.В. Варчук трактует виктимность как: 1) совокупность всех актов причинения вреда физическим лицам на определенной территории в определенный период времени; и 2) уровень потенциальной уязвимости населения в целом и отдельных его групп, который может увеличиваться и, наоборот, уменьшаться [6].

Нам представляется, что на указанном третьем уровне будет более правильно ограничить понятие виктимности только его характеристикой в аспекте потенциальной уязвимости населения, поскольку групповая и массовая виктимность характеризуют общность более высокой степени, чем простая сумма отдельных личностей. Эта общность обладает своими определенными свойствами, не сводимыми к простой совокупности свойств отдельных лиц. К числу таковых, без сомнения, следует отнести и виктимность. В данном случае под виктимностью понимается вся совокупность общественных, социально-экономических, демографических и пр. характеристик населения в целом и его отдельных социальных групп, свидетельствующих об их повышенном риске и возможности стать жертвой преступления. Речь, таким образом, идет о виктимности социума. В связи с этим стоит отметить, что впервые в отечественной криминологии систематически обосновал необходимость анализа виктимности как социального явления Д.В. Ривман, во многом предвосхитив, как нам представляется, тенденции развития западной виктимологии [7].

Если принять классификацию видов виктимности, предложенную А.Л. Репецкой: 1) виктимогенная деформация личности; 2) профессиональная или ролевая виктимность; 3) возрастная виктимность;

4) «виктимность-патология» [8], то вопрос о степени виктимности социальных страт может быть конкретизирован определением того, какой из ее видов является характерным для данной страты, каким образом в данной страте сочетаются, «накладываются» друг на друга различные виды виктимности. Таким образом, можно выявить не только страты с повышенной или пониженной виктимностью, но и указать свойственный для них тип виктимности.

В литературе можно также встретить суждение о том, что «виктимность-патология», являющаяся следствием тяжелых психических и соматических недугов, приемлема только для характеристики индивидуальной виктимности. На наш взгляд, с этим вряд ли можно согласиться. Так, связь между социальной стратой и психическими болезнями впервые была зафиксирована западными социологами еще в 50-е гг. XX в. Дальнейшее изучение умственных болезней пошатнуло господствовавшее прежде убеждение, что связь между низким социальным статусом и психическими заболеваниями объясняется только тем, что люди с дефектом психики тонут в социальной иерархии. Исследователи показали прямую зависимость между социальной принадлежностью и числом психических заболеваний, типом заболевания и эффективностью оказываемой профессиональной помощью. Таким образом, несмотря на популярность биопсихологического объяснения, акцентирующего случайное и естественное распределение интеллекта и способностей в целом, в ряде исследований умственно отсталые люди показаны как жертвы классовой системы [9]. Таким образом, можно предположить, что для социально неблагополучных страт «виктимность-патология» при учете всех социально опосредующих факторов может стать одним из необходимых и заметных элементов общей модели виктимности данной социальной группы.

Изменения социальной структуры современного общества происходят под воздействием качественных сдвигов, вызванных масштабными преобразованиями социального, экономического, политического, правового характера. Очевидно, что глобализация оказывает влияние на динамику стратификации во всех странах современного мира. Комплексным результатом этих разнонаправленных процессов оказывается углубление социального неравенства, резкий рост безработицы, активизация социальной миграции, массовая десоциализация населения.

За последние десятилетия виктимология прошла определенную эволюцию. В собственно криминологическом плане о виктимологии всегда можно было говорить, как о науке, изучающей личность жертвы преступления, характер и содержание ее поведения, нравственно-психологический облик потерпевшего, роль жертвы в механизме преступного поведения. «Криминальная виктимология исследует в комплексе личность и поведение потерпевших от преступных посягательств; их роль в генезисе преступления; криминологически значимые отношения и связи между жертвой и преступником; пути и способы возмещения или

сглаживания вреда, нанесенного потерпевшему в результате преступного посягательства. Вместе с тем ее специфическим предметом являются количественные и качественные статистически-значимые характеристики виктимизации, и индивидуальная способность тех или иных лиц стать потерпевшими или, иными словами, неспособность избежать преступного посягательства, противостоять ему там, где это было объективно возможно». В процессе развития виктимологической науки отчетливо проявилась тенденция к возрастанию доли исследований, посвященных не только морально-психологическим аспектам виктимности и виктимизации, но и социальным характеристикам жертвы преступления. Не в последнюю очередь это было связано с бурным развитием в последние десятилетия методов моделирования социальных явлений, что привело к созданию множества методов, процедур, приемов моделирования и анализа социальных детерминант процессов криминализации и виктимизации общества, хотя и не равноценных по своему значению, тем не менее позволявших в своей совокупности успешно решать задачи исследования социальных аспектов актуальных проблем виктимологии [10]. Таким образом, систематически исследовались вопросы влияния на виктимность личности ее социального положения, места непродуманных, бытовых, семейных, досуговых и иных межличностных отношений, изучался социальный статус или социальная роль, повышающие вероятность преступного посягательства в отношении данной личности. Было обнаружено, что само положение в обществе безотносительно к личностным качествам, занимающего его лица и его поведению, повышает вероятность совершения против него преступлений определенного вида.

Сегодня российская виктимология является комплексной наукой, активно интегрирующей знания юридического, социологического, психологического характера. Сама виктимность трактуется современными специалистами как социальное явление. В этом аспекте она рассматривается как массовая виктимность, к которой относится и виктимность интегративных жертв, так называемая аддитивная, или интегративная, виктимность. При этом складываясь из отдельных актов индивидуальной виктимности, массовая виктимность образует социальное явление, отличающееся от составляющих его частей. Именно в этом аспекте мы можем вести речь о виктимности социальных статусов и групп [11].

Исследование истории виктимологии как науки и общественного движения открывает устойчивую тенденцию, существующую в мировой виктимологии. Суть этой тенденции состоит в неуклонном переносе центра тяжести в виктимологических исследованиях от психологической к социологической проблематике в изучении факторов виктимизации личности, социальных групп, общества в целом. Особенно эта тенденция усилилась в последнее время, что отражает стремление научного сообщества раскрыть сущность и последствия морфогенетических социальных процессов, характерных для эпохи глобализации.

Литература:

1. Ср.: «Социально обусловленные криминальные риски являются результатом демографических факторов, конфигураций статуса, образов жизни и социальной близости преступникам» (Miethе T., Meier R. Crime and its social context: toward an Integrated Theory of offenders, victims, and situations. New York, 1994. P. 140).
2. Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. С. 32–34.
3. Ривман Д.В. О некоторых понятиях криминальной виктимологии. С. 22–23.
4. См.: Вандышев В.В. Виктимология: что это такое? Л., 1978. С. 12–17.
5. Варчук Т.В. Криминология и виктимология. М., 2001. С. 15.
6. Ривман Д.В. Виктимность как социальное явление / Д.В. Ривман // Вопросы профилактики преступлений. ВПУ МВД СССР. Л., 1976.
7. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994. С. 14–15. Ср.: Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Иркутск, 1984. С. 52.
8. See: Rossides D.W. Social Stratifikation: The American Class System in Comparative Perspektive. New-Jersey, 1990.
9. См.: Масюков В.А. Методы исследования, применяемые в юридических науках / В.А. Масюков, Е.А. Шапиро // Вестник университета «МЭГУ-Краснодар». 1999. № 3. С. 6–10.
10. Ср.: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 73–75.

Literature:

1. Cf.: "Socially conditioned criminal risks are the result of demographic factors, status configurations, lifestyles and social proximity to criminals" (Miethе T., Meier R. Crime and its social context: toward an Integrated Theory of offenders, victims, and situations. New York, 1994. P. 140).
2. Polubinsky V.I. Victimological aspects of crime prevention. P. 32–34.
3. Rivman D.V. On some concepts of criminal victimology. P. 22–23.
4. See: Vandyshev V.V. Victimology: what is it? L., 1978. P. 12–17.
5. Varchuk T.V. Criminology and victimology. M., 2001. P. 15.
6. Rivman D.V. Victimhood as a social phenomenon // Crime prevention issues. VPU of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. L., 1976.
7. Repetskaya A.L. Guilty behavior of the victim and the principle of justice in criminal policy. Irkutsk, 1994. P. 14–15. Wed.: Rybalskaya V.Ya. Victimological problems of juvenile delinquency : autoref. dis. ... doc. a lawyer. sciences. Irkutsk, 1984. P. 52.
8. See: Rossides D.W. Social Stratifikation: The American Class System in Comparative Perspektive. New-Jersey, 1990.
10. See: Masyukov V.A. Research methods used in the legal sciences / V.A. Masyukov, E.A. Shapiro // Bulletin of the University «MEGU-Krasnodar». 1999. № 3. P.6 – 10.
11. Wed.: Rivman D.V. Criminal victimology. SPb., 2002. P. 73–75.

Габолаев Георгий Владимирович
генеральный директор,
ООО «ГАБО»
Gabolaev.georgy@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Аннотация. В настоящее время вопросы законного владения в гражданском законодательстве Российской Федерации не теряют своей актуальности. Несмотря на повсеместную цифролизацию и применение принципа одного окна в государственных и муниципальных органах, вопросы законного владения недвижимым имуществом все также имеют некоторое неоднозначное толкование как со стороны представителей государственных и муниципальных органов, судебной власти, так и банковских структур. В связи с этим весьма значимыми становятся вопросы вторичного владения и приватизации служебных жилых помещений, так как они имеют на практике некоторую недоработанность, которая требует дополнительного внимания со стороны законодателей и практикующих юристов.

Ключевые слова: законное владение, вторичное владение, договор купли-продажи, ипотека, служебное жилое помещение, приватизация.

Понятие вторичного владения не имеет своего закрепления в Гражданском кодексе РФ. Но носит достаточно частое применение, особенно в банковской сфере при рассмотрении вопроса предоставления ипотечного кредитования гражданам. Вторичное владение зачастую имеет ограничительный характер при решении вопроса о предоставлении ипотечного кредитования, так как, по мнению многих банковских специалистов, вторичное владение может быть связано с мнимыми сделками, особенно, если они заключаются между родственниками. Однако не стоит отрицать, что в настоящее время отношения между родственниками, тем более, если это касается имущественных вопросов, не всегда являются идеальными.

Рассмотрим на примере данную ситуацию. Брат и сестра вступили в наследство на недвижимое имущество в равных долях после смерти своего отца. После вступления в наследство, сестра проживала со своей семьёй в унаследованной совместно с братом квартире, а брат не имел возможности владеть и пользоваться данной квартирой, так как фактически проживал и работал в другом городе. По истечении десяти лет сестра подаёт в суд на брата с целью получения

Georgy V. Gabolaev
CEO,
LLC «GABO»
Gabolaev.georgy@yandex.ru

LEGAL GROUNDS FOR LEGAL POSSESSION IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Currently, issues of legal possession in the civil legislation of the Russian Federation do not lose relevance. Despite the widespread digitization and application of the single window principle in State and municipal bodies, the issues of legal ownership of real estate are also somewhat ambiguous on the part of representatives of State and municipal bodies, the judiciary, and banking structures. In this regard, the issues of secondary ownership and privatization of office accommodation become very significant, as they have in practice some flaws, which require additional attention from legislators and practicing lawyers.

Keywords: legal ownership, secondary ownership, contract of sale, mortgage, office housing, privatization.

компенсации за понесённые расходы в связи с содержанием недвижимого имущества, коммунальными платежами и расходами, связанными с неотделимыми улучшениями, то есть проведённым капитальным ремонтом. В суде брат отказывается от принадлежащей ему доли в праве на квартиру с целью выплаты компенсации, которая была предъявлена ему в суде. По решению суда сестра получит полное право собственности на данную квартиру и будет ей владеть в течение последующих пяти лет, а в дальнейшем продаст ее. Брат, вернувшись в родной город, хотел приобрести данную квартиру с использованием ипотечного кредитования, но банком ему было отказано в предоставлении ипотечного кредита в связи с тем, что это может быть рассмотрено как вторичное владение или мнимая сделка. Как мы видим жизненных ситуация может быть множество, а основание для отказа в ипотечном кредитовании одно «вторичное владение».

В связи с выше изложенным, возможно, имеет смысл закрепления отдельной нормы и понятия вторичного владения в ГК РФ, которому будет определено место в разделе II Право собственности и другие вещные права [1]. Определение вторичного владения может иметь следующую

формулировку: «Вторичное владение – это владение недвижимым имуществом, которое ранее было в собственности у физического лица, но могло отчуждаться им на основании сделок, или решения суда». В комментариях к данному определению необходимо указать, что вторичное владение не может рассматриваться как следствие мнимой сделки, если лицо, совершившее данную сделку, сможет подтвердить свои фактические расходы на совершение данной сделки и происхождение финансовых средств, которые участвовали в совершении данной сделки.

Более того, так как российское законодательство имеет отсылочный характер, то закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации определения «вторичное владение», может изменить ситуацию с налоговым вычетом при покупке недвижимого имущества у родственников. Согласно пункта 5 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговый вычет не предоставляется, если покупатель купил квартиру у взаимозависимого лица, в том числе у своего близкого родственника, так как данная сделка может быть признана мнимой или притворной [2].

Однако, если в российском законодательстве будут внесены соответствующие изменения, касающиеся урегулирования вопроса вторичного владения и подтверждения фактически понесенных расходов на совершение сделки с взаимозависимыми лицами, то тогда появится законная, справедливая возможность получения налогового вычета у граждан, у которых, например, супруг продавал свою недвижимость для того, чтобы оформить раздел имущества с ближайшими родственниками супруги.

Кроме того закрепление в российском законодательстве выше описанных норм может положительно повлиять и на правоприменительную практику статьи 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав» [1], так как она закрепляет принцип добросовестности в гражданском праве и вводит запрет на злоупотребление правом.

В настоящее время суды в обязательном порядке проверяют добросовестность участников гражданского процесса, но исходя из судебной практики в следствии отсутствия разъяснений по вопросам вторичного владения и совершения сделок с взаимозависимыми лицами, суды бывают весьма категоричны, так как не имеют возможности иного, более объективного трактования имущественных отношений между ближайшими родственниками. И в судебной практике могут даже иметь место подобные формулировки «Вы совершили действия, подменяющие собой гражданско-правовую сделку и Ваши действия признаются недобросовестными». Но для любого обвинения, необходимы доказательства, а недобросовестность она не несет административной, уголовной или иной ответственности, но зачастую носит решающий характер в решении судебного спора, поэтому с такой легкостью применяется в судебной практике.

Таким образом, необходимо давать дополнительную возможность гражданам доказывать свою

добросовестность и совершение фактических сделок между родственниками на основании закрепленных норм в российском законодательстве.

Возвращаясь к началу нашей статьи необходимо отметить, что правовой механизм приобретения недвижимого имущества в результате приватизации служебных жилых помещений также является весьма актуальным вопросом, поскольку на практике имеется множество сложностей его реализации.

Правовой механизм приватизации служебных жилых помещений имеет свои недостатки в связи с тем, что его подробное регулирование происходит на основании Положений о приватизации служебных жилых помещений на территории муниципальных образований, которые являются собственниками предоставленных гражданам служебных помещений, в которых в свою очередь могут иметься формулировки, которые могут иметь в дальнейшем неоднозначное понимание. Данное обстоятельство в российском правовом поле продиктовано тем, что по общему правилу приватизация служебного жилья запрещена, однако собственник – в большинстве случаев муниципалитет, вправе по своему усмотрению распоряжаться своим имуществом в порядке 209-й статьи Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. А если речь идет о приватизации муниципального жилищного фонда, даже отнесенного к категории специализированного жилья, распоряжаться соответствующим имуществом, а равно и устанавливать условия и критерии для приватизации служебного жилья вправе исключительно сам муниципалитет, владеющий соответствующей собственностью. Попытки на государственном уровне субъекта Российской Федерации, или на федеральном уровне какого-либо единого порядка приватизации служебного жилья являлись бы нарушением законного права муниципалитетов принимать решения как о самой возможности приватизации принадлежащих им служебных жилых помещений, так и применять систему регулирования условий и критериев приватизации служебного жилья.

Здесь необходимо отметить, что муниципалитеты, согласно Жилищному кодексу и Закону Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда» [4] хотя и являются собственниками жилья, предоставленного гражданам по договором социального найма, они обязаны в случае соответствующего волеизъявления нанимателя и при соблюдении прописанных в федеральном законодательстве условий, реализовать законное право нанимателя на однократную, бесплатную, и с 2017 года – бессрочную приватизацию жилья. А вот граждане, не участвовавшие в приватизации, и получившие от муниципалитета служебное жилье, право на приватизацию имеют, а реализовать его по общему правилу не могут, т.к. служебное жилье – относится к категории специализированного, и распоряжаться таким жильем муниципальное образование вправе по своему усмотрению, что в то же время не исключает и возможность отчуждения в пользу лиц такое жилье занимающих.

Вместе с тем, если муниципалитет предоставляет служебное жилье, исключительно в целях обеспечения исполнения своих уставных функций, прописанных в 131-м Федеральном законе «Об основах местного самоуправления в Российской Федерации», т.е. предоставляет служебное жилье специалистам, задействованным в сфере функционирования как самих управленческих структур публично-правового образования, так и в системах жизнеобеспечения соответствующего поселения. Соответственно, возможность приватизировать служебное жилье может использоваться муниципалитетом, как один из стимулов по привлечению и удержанию необходимых специалистов. Таким образом, логично, что исключительные права распоряжаться муниципальными служебными помещениями, в т.ч. определять порядок и условия их приватизации (например, устанавливать минимальный срок проживания в служебном жилье для возможности его приватизации), принадлежат исключительно самим муниципальным образованиям. То есть каждый муниципалитет, как правило в лице местной администрации вправе определять – нужен ли ему такой инструмент, как приватизация служебного жилья, и самостоятельно данный инструмент настраивать муниципальными актами под решение конкретных задач, все же не забывая при этом и об общих рамках, установленных федеральным жилищным законодательством в целях соблюдения прав граждан.

Что касается практической реализации механизмов приватизации служебных жилых помещений, то здесь зачастую нет разграничения между двумя взаимосвязанными, но отдельными этапами:

1. Первый этап – Предоставление служебного жилого помещения, который также как и этап

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. 12.01.2005. № 1.
4. Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 1.

приватизации служебных жилых помещений регулируется отдельным Положением о предоставлении служебных жилых помещений.

2. Второй этап – Приватизация служебного жилого помещения.

Для чего необходимо четкое разграничения данных двух этапов, для того, чтобы исключить возможности предъявления дополнительных требований со стороны должностных лиц к гражданам, претендующим на приватизацию служебного жилого помещения, так как зачастую основанием для отказа в приватизации служебного жилого помещения может послужить норма «Последствия намеренного ухудшения гражданами своих жилищных условий» (статья 53 Жилищного кодекса Российской Федерации) [3], тогда как она применима только на этапе предоставления служебного жилого помещения, когда решается вопрос о предоставлении гражданину служебного жилого помещения и в период его предоставления он не должен иметь в собственности на территории муниципального образования, в котором он осуществляет свои трудовые функции, никакого недвижимого имущества, а тем более не совершать действий по его отчуждению. В противном случае претендование гражданина на служебное жилое помещение может быть признано последствием намеренного ухудшения им своих жилищных условий.

В завершении нашей статьи необходимо отметить, что жилищный вопрос в России всегда являлся одним из самых сложных, поэтому правовой механизм законного владения в гражданском законодательстве РФ претерпевает постоянные изменения в сторону его совершенствования с учетом правоприменительной практики.

Literature:

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 № 51-FZ//Russian newspaper. 08.12.1994. № 238–239.
2. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) dated 05.08.2000 № 117-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 07.08.2000. № 32. Art. 3340.
3. Housing Code of the Russian Federation from 29.12.2004 № 188-FZ // Russian newspaper. 12.01.2005. № 1.
4. Law of the Russian Federation dated 04.07.1991 № 1541-1 «On Privatization of Housing Stock in the Russian Federation» // Bulletin of Regulatory Acts. 1992. № 1.

Гачава Мария Леонтьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Юридический институт
Владимирского
государственного университета,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mdobrunina@mail.ru

Мазалева Людмила Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации режима
и надзора юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
liudmila.mazaleva@yandex.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
mdobrunina@mail.ru

**ГУМАНИЗАЦИЯ
ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОГО
ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Аннотация. Понятие «гуманность», что означает «человечный», в последнее время стало часто употребляться, в том числе и в пенитенциарной практике. На сегодняшний день его можно связать с правами человека, отношением к личности как главной ценности государства и общества, уважением ее чести и достоинства и созданием благоприятных условий для ее существования. В статье анализируется процесс гуманизации отбывания наказания в контексте реформирования уголовно-исполнительной системы. Авторами предложены основные направления реформирования, определены содержание и особенности гуманизации отбывания наказаний. Обоснована позиция влияния гуманизации на

Maria L. Gachava

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
Law Institute
Vladimir of the State University,
Associate Professor of the Department
the Legal Provision of the State
and Municipal Administration,
Vladimir branch Russian Academy
of Public Administration and Public Service
President of the Russian Federation
mdobrunina@mail.ru

Lyudmila V. Masaleva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Regime Organization
and Supervision of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
liudmila.mazaleva@yandex.ru

Vadim.V. Ryabchikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
mdobrunina@mail.ru

**HUMANIZATION
OF SERVING A SENTENCE
AS ONE OF THE CONDITIONS
FOR ENSURING THE LEGAL STATUS
OF CONVICTS IN PLACES
OF DEPRIVATION OF LIBERTY**

Annotation. The concept of «humanity», which means «human», has recently become commonly used, including in prison practice. Today it can be associated with human rights, the attitude towards the individual as the main value of the state and society, respect for its honour and dignity and the creation of favorable conditions for its existence. The article analyzes the process of humanization of serving a sentence in the context of reforming the penal system. The main directions of reform are revealed, the content and features of humanization of serving sentences are defined. The article substantiates the position of the influence of humanization on the correction of the convicted person and the

исправление осужденного и достижение задач уголовной уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: гуманизм, гуманизация, уголовно-исполнительная система, осужденный, правовой статус осужденного, уголовное наказание, условия отбывания наказания.

Понятие «гуманность», что означает «человечный», в последнее время стало часто употребляться, в том числе и в пенитенциарной практике. На сегодняшний день его можно связать с правами человека, отношением к личности как главной ценности государства и общества, уважением ее чести и достоинства и созданием благоприятных условий для ее существования [6].

Говоря о взаимосвязи гуманизации с преступлениями и наказаниями, необходимо учитывать такие обстоятельства, как соответствие характера и степени общественной опасности преступления, назначение наказаний, альтернативных лишению свободы, а также, создание таких условий отбывания наказания, которые эффективным образом способствовали исправлению осужденного, его возвращению в общество законопослушного гражданина, поскольку именно исправление осужденных это – основное предназначение пенитенциарных учреждений.

В настоящее время существует множество определений гуманизма. Рассматривая понятие «гуманизм» на международном уровне, обратимся к Уставу Международного гуманистического и этического союза (МГЭС) 11–13 июля 1991 г. Так, «гуманизм – это демократическая, этическая жизненная позиция, утверждающая, что человеческие существа имеют право и обязанность определять смысл и форму своей жизни. Гуманизм призывает к построению более гуманного общества посредством этики, основанной на человеческих и других естественных ценностях».

Конституция РФ в качестве основополагающего принципа провозгласила приоритет интересов личности: человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2).

Этот принцип лег в основу реформирования различных сфер государства, не обходя стороной и уголовно-исполнительную систему. И первоначально был намечен ряд мероприятий, которые непосредственно касались исполнения и отбывания уголовных наказаний.

В уголовно-исполнительном законодательстве принцип гуманизма закреплен на законодательном уровне в числе основополагающих принципов (ст. 8 УИК РФ). В данном контексте, указанный принцип рассматривается как совокупность идей о признании человека в демократическом обществе высшей ценностью, которая способна обеспечить реализацию таких задач, средств и методов исполнения уголовного наказания, которые не имеют целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства осужденных [4].

achievement of the objectives of the criminal penal policy.

Keywords: humanism, humanization, penal enforcement system, convicted person, legal status of the convicted person, criminal punishment, conditions of serving the sentence.

Принцип гуманизма отражен в ряде статей УИК РФ. В частности, в ст. 9 УИК РФ определяется, что исправление осужденных – это формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения. В ст. 10 УИК РФ закреплено положение о том, что Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных. В ч. 2 ст. 12 УИК РФ определяется, что не должны подвергаться жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или взысканию.

Принцип гуманизма выражается также в целях, которые ставит государство при исполнении наказаний – исправление осужденных, возвращение в общество полноправными его членами. Он реализуется также в средствах исправления (ст. 8 УИК РФ).

Полагаем возможным согласиться с мнением Губенкова Е. В., который отмечает, что принцип гуманизма в УИК РФ недостаточно раскрыт в действующем уголовно-исполнительном законодательстве, в связи с чем, им предлагается введение новой нормы «Принцип гуманизма»:

1. Уголовно-исполнительное законодательство обеспечивает охрану гуманистических основ общества и социального государства, приоритетную защиту прав и свобод человека и гражданина.
2. Исполнение наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.
3. Уголовное наказание и иные меры уголовно-правового воздействия исполняются с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и в зависимости от тяжести причиненного ущерба потерпевшим» [1].

Вопросы гуманизации уголовно-исполнительной системы в рамках реформирования поднимались в нашей стране, довольно часто. В данном контексте, неоднократно высказывался и Президент РФ Владимир Владимирович Путин.

Ретроспективный анализ развития уголовно-исполнительной системы свидетельствует о коренных изменениях, которые коснулись как законодательного уровня, так и практики его применения. Так, законодательная деятельность, направленная на реформирование уголовно-исполнительной системы имела весьма прогрессивный характер в период с 1991 по 1999 г. За это время было

принято более сорока различных нормативных актов (законов, Указов Президента РФ и Постановлений Правительства РФ). Этот период стал одним из самых активных по уровню нормотворческой деятельности. Конечно же, такая активная нормотворческая деятельность явилась следствием проводимого процесса гуманизации уголовно-исполнительной системы, а также - в связи с ратификацией нашей страной международных стандартов, в соответствии с которыми возникла необходимость изменения условий содержания осужденных и стабилизации всей системы в целом.

Однозначно можно отметить, что данные нововведения были глобальными, однако, имели они и некоторые недостатки. Так, фундаментом для всех преобразований были сформировавшиеся нормативная и материальная база уголовно-исполнительной системы, ее персонал, а также, многолетняя практика форм и методов работы с осужденными. Были упразднены только те элементы, которые противоречили международным стандартам обращения с осужденными, либо те, которые не вписывались в новые социально-экономические, правовые реалии Российского государства и общества. В целом же, положительная преемственность была не только сохранена, но и получила развитие, что нашло свое отражение в действующем УИК РФ.

Среди факторов, которые также оказали эффективное влияние на становление отечественной уголовно-исполнительной системы, можно выделить и взаимодействие с различными правозащитными организациями. Основные из них: «Международная тюремная реформа», «Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия», и ряд других неправительственных правозащитных организаций [2].

Реформирование уголовно-исполнительного законодательства и пенитенциарной системы, в целом, с учетом гуманизации таких правовых институтов, как исполнение и отбывание наказания, позволило приблизить российское уголовно-исполнительное законодательство к международным стандартам в сфере исполнения и отбывания наказания.

Необходимость гуманизации отбывания наказания как одного из условий обеспечения правового положения осужденных обуславливается рядом обстоятельств:

– повышенное внимание к правовому статусу личности в целом и личности осужденного в частности, поскольку человек, его права и свободы являются высшей ценностью;

– потребность для включения осужденного в систему социально-полезных общественных отношений.

Гуманизация деятельности уголовно-исполнительной системы, вытекающая из общего направления уголовно-исполнительной политики на современном этапе, предполагает уважение прав и достоинств личности, открытость системы,

конструктивное сотрудничество с различными общественными, правозащитными, религиозными и т.п. организациями.

Эффективность дальнейшего развития уголовно-исполнительной не представляется возможным без гуманизации исполнения наказаний. Исходя из международного опыта обращения с заключенными, отметим, что если у нашего государства цель – добиться исправления осужденных и их последующей ресоциализацией в обществе, то просто необходимо относиться гуманно к людям, нарушившим законом. В связи с этим, важно максимально возможно дифференцировать условия отбывания наказаний, обеспечить возможность индивидуального подхода к каждому конкретному осужденному, эффективно согласованному исправительному воздействию на осужденных, безукоризненному соблюдению прав и законных интересов осужденных.

Наряду с этим, гуманизация это – вовсе не вседозволенность. Гуманизация исполнения наказания должна восприниматься как совокупность мер, которые должны способствовать изменению внутреннего содержания пенитенциарных учреждений, обеспечению правового статуса осужденных, смягчению условий отбывания наказаний, укреплению режима и правопорядка, снижению количества преступлений и грубых нарушений.

Гуманизация уголовно-исполнительной системы должна осуществляться в строгом соответствии с предписаниями правовых норм. Именно посредством правовых предписаний определяется отношение со стороны государства, общества и персонала пенитенциарной системы к осужденным. Принцип гуманизма находится в тесной взаимосвязи с принципом законности. Любые меры ограничительного характера в отношении осужденных должны применяться в строгом соответствии с правовыми предписаниями. Лишь в этом случае представляется возможным создать реальные возможности для эффективного функционирования исправительных учреждений и пенитенциарной системы в целом.

Гуманное отношение к осужденным – это, прежде всего, исключение грубого обращения в отношении к ним; недопустимость лишений и страданий, унижения их чести и достоинства; обеспечение охраны их законных прав и интересов; возможность их исправления и возвращение в общество законопослушного гражданина. Учитывая вышесказанное, отметим, что прослеживается прямая взаимосвязь принципа гуманизма с такими правами осужденных, как право на личную безопасность, охрану здоровья и обеспечение свободы совести и вероисповедания.

Также, необходимо отметить, что отношение к лицам, изолированным от общества, характеризует уровень правосознания общества и его правовой культуры, в целом. А процесс ратификация основных международных документов – прямое подтверждение практической реализации принципа гуманизма при отбывании наказания исправительных осужденных.

Актуальность процесса гуманизации уголовно-исполнительной системы предопределяется рядом обстоятельств:

– приведение внутреннего законодательства в соответствие с международными актами в связи со вступлением России в Совет Европы;

– на современном этапе развития общества, учитывая дальнейшие социально-экономические преобразования в государстве и обществе существует потребность воплощения гуманистических начал, поскольку проблема прав и свобод личности является одной из главных в концепции правового государства;

– пристальное внимание к обеспечению правового статуса осужденного. К. Маркс характеризует отношения государства к правонарушителю, отмечал, что оно в нем «должно видеть человека, живую частицу государства, ... солдата, который должен защищать родину, ... главу семьи, ... и, наконец, самое главное – гражданина государства». В связи с этим, ответственность за совершенное преступление несет не только лицо, совершившее это преступление, но и все общество, где данная личность формировалась [5].

Видится, что эффективность деятельности пенитенциарной системы в условиях гуманизации напрямую зависит от совершенствования следующих основных направлений:

– достижение целей и задач исполнения уголовного наказания;

– неукоснительное соблюдение прав и основных свобод осужденных;

– усиление эффективности воспитательной работы;

– повышение качества общеобразовательной и профессиональной подготовки осужденных;

– улучшение медико-санитарного и материально-бытового обеспечения осужденных;

– поиск и использование новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, организационных механизмов социальной работы с осужденными, закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации форм социальной, психолого-педагогической работы с осужденными в качестве основного средства исправления осужденных;

– требуют серьезного осмысления вопросы ресоциализации и социальной адаптации осужденных. В этой связи важно добиться, чтобы осужденный не был озлоблен на общество и государство, что бы он чувствовал поддержку от них.

Эффективность процесса гуманизации отбывания наказания в современных условиях

Литература:

1. Губенкова Е.В. Принцип гуманизма и проблемы его реализации при исполнении наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук Волгоград, 2008. С. 213.

российской действительности зависит, в том числе и от условий содержания осужденных. Необходимо обеспечить такие условия содержания, которые предоставили бы широкие возможности для физического и духовного развития личности.

Таким образом, говоря о процессе гуманизации, мы не должны предполагать, что это ограничится обеспечением и расширением круга прав и законных интересов осужденных, лояльным отношением к ним со стороны государства и общества, улучшением и смягчением условий их содержания в исправительных учреждениях. В настоящее время, говорить об эффективности процесса гуманизации в уголовно-исполнительной системе представляется возможным тогда, когда непосредственно будут достигнуты основные цели уголовной политики, а именно исправление осужденных и их дальнейшая их ресоциализация [3].

С уверенностью можно сказать, что у гуманизации нет ничего общего с безнаказанностью и вседозволенностью. Гуманное отношение к осужденному необходимо рассматривать как шанс, который предоставляет ему возможность возвращения в общество законопослушным гражданином, в том числе возможность в процессе исправительного воздействия восстановить утраченные социально-полезные связи.

Подводя итог, хочется отметить, что процесс гуманизации уголовно-исполнительной системы в условиях реформирования носит длительный и многоэтапный характер. На положительный результат данного процесса во много влияют изменения, происходящие в экономической, социальной, правовой и иных сферах, а также проводимая государством уголовная и уголовно-исполнительная политики. Таким образом, для того, чтобы сформировать у осужденных навыки правопослушного образа жизни, пенитенциарная система должна являться для них своего рода образцовой в области соблюдения прав человека и его основных свобод.

В заключении хотелось бы отметить, что процесс гуманизации при исполнении наказания в виде лишения свободы, способствует:

– достижению соответствия исполнения наказания международным стандартам в этой области;

– улучшению порядка и условий отбывания наказания для осужденных;

– повышению качества адаптации к трудовой деятельности, а также к повышению уровня профессиональной пригодности лиц, отбывающих наказание;

– эффективному исправлению осужденных.

Literature:

1. Gubenkova E.V. The Principle of humanism and problems of its implementation in the execution of punishment in the form of deprivation of liberty : dis. ... cand. legal sciences. Volgograd, 2008. P. 213.

2. Добрынина М.Л. Проавовое положение осужденных в местах лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук Москва, 2006. С. 74.

3. Добрынина М.Л. Гуманизация правового положения осужденных как основное направление реформирования уголовно-исполнительной системы / М.Л. Добрынина // Вестник ВЮИ ФСИН России. 2010. № 4(17). С. 18–20.

4. Первозванский В.Б. Ресоциализация осужденных и гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы как средства реализации национальной идеи / В.Б. Первозванский, В.И. Силенков // Вестник Кузбасского института № 3(32). 2017. С. 74–81.

5. Сизая Е.А. Принцип гуманизма при исполнении наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2004.

6. Тюрьма без насилия: гуманизация условий отбывания наказаний и социальная реабилитация бывших осужденных (положительный опыт по материалам ГУИН Минюста России по Нижегородской области) // Сборник материалов. М. : НИИ УИС МЮ РФ, 2004. С. 4.

2. Dobrynina M.L. Proavovoe position of convicts in places of deprivation of liberty : dis. ... cand. legal sciences. M., 2006. P. 74.

3. Dobrynina M.L. Humanization of the legal status of convicts as the main direction of reforming the penal system / M.L. Dobrynina // Bulletin of the VUI of the Federal penitentiary service of Russia. 2010. № 4(17). P. 18–20.

4. Pervozvansky V.B. Resocialization of convicts and humanization of execution of punishment in the form of deprivation of liberty as a means of implementing the national idea / V.B. Pervozvansky, V.I. Silenkov // Bulletin of the Kuzbass Institute № 3 (32). 2017. P. 74–81.

5. Sizaya E.A. The Principle of humanism in the execution of punishment in the form of deprivation of liberty : dis. ... cand. legal sciences. Cheboksary, 2004.

6. A prison without violence: humanization of conditions for serving sentences and social rehabilitation of former convicts (positive experience on materials GUIN minyusta Rossii po nizhegorodskoj oblasti) // Collection of materials. M. : research Institute of UIS of the Ministry of justice of the Russian Federation, 2004. P. 4.

Дзукаева Наталья Геннадиевна

соискатель кафедры
уголовного права, криминологии
и уголовно-исполнительного права,
Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
natalidz1993@mail.ru

Natalia G. Dzukaeva

Candidate of the Department
of Criminal Law, Criminology
and Criminal Enforcement Law,
St. Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
natalidz1993@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ЗАРУБЕЖНОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ**

**FEATURES OF FOREIGN CRIMINAL
LEGISLATION ON COMPLICITY
IN CRIMES WITH A SPECIAL SUBJECT**

Аннотация. В предлагаемой вниманию читателей статье. Автором игаются результаты компаративного исследования зарубежного уголовного законодательства об ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом. Выявлены особенности нормативных подходов в этой части, указано на положительные стороны существующих законодательных конструкций, а также на соответствующие отрицательно характеризующиеся моменты. Определены основные типы нормативных подходов к ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом.

Ключевые слова: уголовное право; уголовная ответственность; преступление; квалификация преступлений; специальный субъект; соучастие; зарубежное законодательство; сравнительное исследование.

Сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства иностранных государств обладает весьма объёмным значением.

Во-первых, изучение зарубежного уголовного законодательства позволяет глубже уяснить социально-юридическую сущность конкретных институтов и норм уголовного права.

Во-вторых, такие результаты выступают, своего рода, фоном, позволяющим сформировать объективную оценку соответствующих российских предписаний.

В-третьих, компаративный анализ позволяет выявить и наметить направления для совершенствования российского уголовного законодательства.

Изложенные аспекты в полной мере применимы и к проблеме нормативной регламентации ответственности за соучастие в преступлениях со специальным субъектом.

Annotation. The article presents the results of a comparative study of foreign criminal legislation on liability for complicity in a crime with a special subject. The features of the regulatory approaches in this part are revealed, the positive aspects of the existing legislative structures are pointed out, as well as the corresponding negative aspects. The main types of normative approaches to liability for complicity in a crime with a special subject are defined.

Keywords: criminal law; criminal liability; crime; qualification of crimes; special subject; complicity; foreign legislation; comparative study.

Рассмотрение иностранных источников уголовного права в контексте заявленной темы исследования обуславливает необходимость, в первую очередь, указать на наличие в отдельных законах определений специального субъекта. Так, уникальной особенностью уголовного законодательства Кыргызской Республики является нормативное определение специального субъекта преступления: «Специальным субъектом является лицо, обладающее признаками, указанными в части 1 настоящей статьи, и совершившее преступление, субъектом которого может быть лишь определённое лицо» (ч. 2 ст. 26) [1]. В первой части даётся определение общего субъекта преступления.

Законодательное закрепление дефиниции специального субъекта имеется и в УК Украины: «Специальным субъектом уголовного преступления является физическое вменяемое лицо, совершившее в возрасте, с которого может наступать уголовная ответственность, уголовное преступление, субъектом которого может быть только определённое лицо» [2] (ч. 2 ст. 18).

Нам представляется, что такое законодательное решение заслуживает положительной оценки. Тем самым, нормативное закрепление получил давно разработанный в уголовно-правовой доктрине термин.

Следует отметить, что во многих государствах постсоветского пространства вопрос нормативной регламентации ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом решается как в российском законодательстве. Так, по образцу ч. 4 ст. 34 УК РФ сконструированы положения в ч. 3 ст. 39 УК Республики Армения [3]. Аналогичные по смыслу предписания закреплены в уголовном законодательстве многих стран [4; 5; 6].

В уголовных кодексах некоторых государств подобные положения отсутствуют, но, при этом, они включают в себя предписания такого типа: «Организатор, подстрекатель и пособник подлежат уголовной ответственности по соответствующей части статьи 27 и той статье (части статьи) Особенной части настоящего Кодекса, которая предусматривает уголовное правонарушение, совершённое исполнителем» [2] (ч. 2 ст. 29 УК Украины). На наш взгляд, такие положения косвенно могут быть истолкованы, в том числе, и в контексте ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом. Если в ч. 3 ст. 34 УК РФ указывается на статью, предусматривающую ответственность за совершённое соучастником преступление, то в анализируемой ситуации речь ведётся о статье, устанавливающей ответственность за преступление исполнителя. Иными словами, в последнем варианте идёт привязка ответственности соучастника к содеянному исполнителем. На примере соучастия общего субъекта в злоупотреблении должностными полномочиями это выглядит так: в российской схеме соучастник должен отвечать за совершённое им преступление со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Однако лицо, не наделённое должностными полномочиями, не является субъектом ст. 285 УК РФ. В схеме украинского типа соучастник – общий субъект несёт ответственность по статье исполнителя, но со ссылкой на норму о видах соучастников. Очевидно, что второй вариант является более корректным.

Несколько иначе урегулированы вопросы ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом в УК Грузии. Так, согласно ч. 4 ст. 25 данного закона, «если на стороне исполнителя или соучастника имеется признак, характеризующий противоправное деяние, этот признак вменяется в вину иному исполнителю или соучастнику, на стороне которого он отсутствовал, если этот признак был им осознан». Вместе с тем, «за соучастие в преступлении, исполнителем которого может являться специальный субъект предусмотренного настоящим Кодексом соответствующего преступления, лицо подлежит уголовной ответственности в качестве организатора, подстрекателя или пособника» [7] (ч. 6 ст. 25 УК Грузии). В итоге, смысловая нагрузка данных положений идентична соответствующим положениям российского УК.

В УК Республики Беларусь не содержится общих положений об ответственности за соучастие в

преступлении со специальным субъектом. В то же время, подобные ситуации оговариваются применительно к отдельным преступлениям. Например, глава о воинских преступлениях предваряется примечаниями, в одном из которых закреплено указание о том, что «лица, не упомянутые в части первой настоящих примечаний, несут ответственность за соучастие в совершении воинских преступлений в качестве организаторов, подстрекателей и пособников» [1; 8]. Вероятно, подобное, по сути, положение закреплено и в ст. 327.2 главы о преступлениях против военной службы УК Азербайджанской Республики: «Соучастие лиц, не упомянутых в настоящей статье, в преступлениях против военной службы влечёт ответственность по соответствующим статьям настоящей главы» [4]. Но если в УК Азербайджанской Республики содержатся общие нормы об ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом, то в белорусском уголовном законодательстве такие положения отсутствуют. В этих условиях наличие изложенного пояснения только применительно к преступлениям против военной службы, на наш взгляд, не оправданно. Ведь, помимо преступлений против военной службы, УК Республики Беларусь предусматривает множество общественно опасных деяний, совершаемых специальными субъектами.

Результаты проведённого нами сравнительного исследования зарубежного уголовного законодательства об ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом определяют необходимость обратить внимание и на преступления, сущность которых сводится к соучастию в преступлении со специальным субъектом. Ярким примером такого рода преступления выступает посредничество во взяточничестве. Имеются основания полагать, что нормативная регламентация ответственности за посредничество во взяточничестве снимает известные проблемы ответственности за соучастие в получении и даче взятки. На сегодняшний день в уголовном законодательстве многих государств закреплена ответственность за посредничество во взяточничестве [8; 9]. При этом использование должностного положения для совершения обозначенных действий иногда образует квалифицированный вид посредничества во взяточничестве [3].

Вместе с тем, в уголовном законодательстве некоторых стран реализован в этой части иной подход. Так, по УК Азербайджанской Республики соучастие в получении должностным лицом взятки может быть квалифицировано по той же статье, что и действия самого должностного лица. В таком случае, под действие нормы подпадают как криминальные акты должностного лица – например, получение для себя материальных благ за действие, связанное с исполнением служебной обязанности должностного лица; так и преступное поведение соучастников – например, получение для третьих лиц материальных благ за действие, связанное с исполнением служебной обязанности должностного лица.

Данный подход следует оценить как весьма продуктивное решение проблемы уголовной ответственности за соучастие в преступлении со

специальным субъектом. В рамках одной нормы установлена ответственность как за получение взятки должностным лицом, так и за посредничество и иное содействие совершению такого преступления.

Но, в то же время, у изложенного подхода имеются и свои недостатки. В частности, наглядной является проблема нагромождения, перегрузки диспозиции нормы различными уголовно-правовыми признаками, затрудняющими восприятие анализируемого уголовно-правового запрета.

В ряде стран предпринят совершенно иной подход к вопросам нормативной регламентации ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом. Принципиальным значением обладает встречающаяся ссылка на то, что личное обстоятельство, являющееся признаком запрещённого деяния, будет относиться и к соучастнику, не характеризующемуся таким обстоятельством, но осознающему это обстоятельство. Следовательно, данные оговорки могут быть применимы к ситуациям соучастия в преступлении со специальным субъектом. А истолкованы они могут как указание на возможность квалификации действий соучастника – общего субъекта по норме об ответственности за совершение преступления специальным субъектом.

Следует отметить, что в некоторых странах уголовное законодательство не предусматривает каких-либо положений о соучастии в преступлении со специальным субъектом (УК Франции, УК Японии, УК КНР, УК Республики Корея).

На основании проведённого сравнительно-правового исследования проблем установления ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1. Практика нормативной регламентации ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом является весьма распространённой в зарубежном уголовном праве, что свидетельствует о значимости данной проблемы и признании необходимости её нормативного урегулирования.
2. Выявленные в ходе компаративного исследования подходы к нормативной регламентации

Литература:

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 02 февраля 2017 г. № 19 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24 июля 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.09.2020).
2. Уголовный кодекс Украины от 05 апреля 2001 года № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.09.2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 28.09.2020).
3. Уголовный кодекс Республики Армения / Официальный сайт Национального Собрания

ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом могут быть условно подразделены на следующие основные типы:

а) как в ч. 4 ст. 34 УК РФ, когда лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, указанным в статье Особенной части УК, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьёй, может нести ответственность за данное преступление только в качестве организатора, подстрекателя или пособника (УК Республики Армения, УК Грузии, УК Республики Казахстан, УК Республики Таджикистан, УК Туркменистана);

б) полное отсутствие нормативной регламентации ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом (УК Франции, УК Японии, УК КНР, УК Республики Корея);

в) отсутствие общих положений об ответственности за соучастие в преступлении со специальным субъектом, но с соответствующими оговорками применительно к отдельным преступлениям (например, в УК Республики Беларусь, УК Кыргызской Республики);

г) как в ч. 4 ст. 34 УК РФ и с соответствующими оговорками применительно к отдельным преступлениям (УК Азербайджанской Республики и др.);

д) законодательная регламентация возможности распространения индивидуальных признаков субъекта преступления на иных соучастников (УК ФРГ, УК Турции, УК Республики Польша, УК Республики Болгария, Закон об уголовном праве Израиля).

3. В зарубежном уголовном праве широко распространённой является практика установления ответственности за посредничество во взяточничестве. При этом отдельные УК характеризуются определенными особенностями в этой части, отличными от российского уголовного законодательства. Так, законодатель Израиля дифференцировал ответственность за посредничество во взяточничестве следующим образом: посредник во взяточничестве, получающий предмет взятки, несёт ответственность как взяткополучатель, а посредник, дающий взятку, несёт ответственность за дачу взятки (наказание в два раза мягче в сравнении с наказанием за получение взятки).

Literature:

1. Criminal Code of the Kyrgyz Republic № 19 of February 02, 2017 (with amendments and additions as of July 24, 2020) / Information System «PARAGRAPH». URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 20.09.2020).
2. Criminal Code of Ukraine № 2341-III of April 05, 2001 (with amendments and additions as of 03.09.2020) / Information system «PARAGRAPH» / URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 28.09.2020).
3. The criminal code of the Republic of Armenia the Official website of the National Assembly of

Республики Армения. URL : <http://www.parliament.am/legislation/> (дата обращения 10.11.2020).

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29 июня 2020 г.). Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 20.10.2020).

5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07 августа 2020 г.). Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 11.10.2020).

6. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22 августа 2020 г.). Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 28.10.2020).

7. Уголовный кодекс Грузии / Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 15.10.2020).

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 ноября 2019 г.). Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 18.11.2020).

9. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05 ноября 2020 г.) / Информационная система «ПАРАГРАФ». URL : <http://online.zakon.kz/> (дата обращения 10.11.2020).

10. Уголовный кодекс Республики Латвия. Официальный сайт БДИПЧ / ОБСЕ. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 19.10.2020).

11. Уголовный кодекс Республики Польша. Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 22.10.2020).

12. Уголовный кодекс Республики Болгария. Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 02.11.2020).

13. Закон об уголовном праве Израиля / Предисл., пер. с иврита: магистр права М. Дорфман; науч. ред. к.ю.н. Н.И. Мацнев. СПб. : Изд-во Р. Асланава «Юридический центр Пресс», 2005.

14. Уголовный кодекс Турции. Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 30.09.2020).

15. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Официальный сайт БДИПЧ ОБСЕ. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 15.10.2020).

the Republic of Armenia. URL : <http://www.parliament.am/legislation/> (date of application 10.11.2020).

4. The criminal code of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999 № 787-IQ (with amendments and additions as of 29 June 2020). Information system «PARAGRAPH». URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 20.10.2020).

5. Criminal Code of the Republic of Tajikistan № 574 of May 21, 1998 (with amendments and additions as of August 07, 2020) / Information System «PARAGRAPH». URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 11.10.2020).

6. Criminal Code of Turkmenistan № 222-I of June 12, 1997 (with amendments and additions as of August 22, 2020) / Information System «PARAGRAPH». URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 28.10.2020).

7. Criminal code of Georgia / Official website of the OSCE ODIHR. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (date of application 15.10.2020).

8. The criminal code of the Republic of Belarus dated July 09, 1999 № 275-Z (with amendments and additions as of 11 November 2019) / Information system «PARAGRAPH». URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 18.11.2020).

9. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan № 2012-XII of September 22, 1994 (with amendments and additions as of November 05, 2020) / Information System «PARAGRAPH». URL : <http://online.zakon.kz/> (date of application 10.11.2020).

10. Criminal Code of the Republic of Latvia. Official Website of the OSCE / ODIHR. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (date of application 19.10.2020).

11. Criminal Code of the Republic of Poland. Official Website of the OSCE / ODIHR. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (date of application 22.10.2020).

12. Criminal Code of the Republic of Bulgaria. Official Website of the OSCE / ODIHR. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (date of application 02.11.2020).

13. Israeli Criminal Law Act / Preface, translated from Hebrew: Master of Law M. Dorfman; scientific ed. SPb. : Publishing House of R. Aslanov «Law Center Press», 2005.

14. Criminal Code of Turkey / Official Website of the OSCE / ODIHR. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (date of application 30.09.2020).

15. Criminal Code of the Federal Republic of Germany / Official Website of the OSCE / ODIHR. URL : <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (date of application 15.10.2020).

Игнатов Александр Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

Aleksandr N. Ignatov

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

**НАСИЛИЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРЕНД ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ЧАСТЬ 2:
ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД**

**VIOLENCE AS A FUNDAMENTAL
TREND IN THE CIVILIZATIONAL
DEVELOPMENT OF HUMANKIND.
PART 2: INDUSTRIAL PERIOD**

Аннотация. Осуществлено исследование насилия как многомерного феномена в динамике социокультурной эволюции человечества и трансформаций основных подходов к его пониманию и рефлексии в контексте традиционного (доиндустриальный период) и техногенного (индустриальный и постиндустриальный период) этапов цивилизационного развития человечества. Выявлено, что на протяжении всей эволюции человечества насилие выступает в качестве одного из фундаментальных трендов данного процесса. Статья посвящена исследованию феномена насилия в социокультурной эволюции человечества в индустриальный период цивилизационного развития.

Ключевые слова: насилие, общество, человечество, цивилизационное развитие, тренд, индустриальный период.

Annotation. The study of violence as a multidimensional phenomenon in the dynamics of the socio-cultural evolution of humankind and the transformations of the main approaches to its understanding and reflection in the context of the traditional (pre-industrial period) and technogenic (industrial and post-industrial period) stages of civilizational development is carried out. It has been revealed that throughout the evolution of humankind, violence acts as one of the fundamental trends in this process. The article is devoted to the study of the phenomenon of violence in the socio-cultural evolution of humankind in the industrial period of civilizational development.

Keywords: violence, society, humankind, civilizational development, trend, industrial period.

Исследование феномена насилия в социокультурной эволюции человечества в доиндустриальный период его цивилизационного развития (в традиционном обществе) позволило установить, что насилие имеет глубинную антропологическую природу: изменяясь на протяжении эпох, насилие не уходит из человеческой жизни, изменяются лишь формы и способы его актуализации. Каждому обществу на определенном этапе его развития соответствует определенный уровень и формы проявления насилия. Используя обусловленную врожденными инстинктами способность влиять (вплоть до физического уничтожения) на окружающих людей, уже в первобытные времена человек научился использовать насилие как средство достижения разных целей, а улучшив на следующих этапах эволюции социовитальные условия своего существования, начинает активно использовать насилие вместе с богатством и знаниями как источник (средство получения) власти. Уже в эпоху религиозного средневековья, когда насилие становится официально санкционированной формой общественной регуляции, можем наблюдать начало одной из

ключевых трансформаций феномена насилия: из насилия как способа выживания оно трансформируется в «насилие власти», что является характерной чертой современной цивилизации. В то же время, духовное развитие человека существенно влияет на социальную рефлексию насилия и специфику его проявлений [1].

На следующем этапе цивилизационного развития – в индустриальном обществе – на передний план выходят такие формы насилия, где основным его инструментом становится власть как социальный регулятор, а также знание как преобразующая сила, направленная не только на покорение природы, но и на преобразование человека и общества. Эта взаимосвязь знания и силы, провозглашенная философом Ф. Беконем [2], – начальный принцип новоевропейской рациональности, утвердившийся в западном мире в XVI–XVII ст.

Рационально-технологический способ отношения к миру, вызревший в недрах новоевропейской культуры под влиянием научно-технического прогресса, сначала переносится на природу, а потом – на

человека и общество: насильственная трансформация личности (в частности, применение наказаний в виде публичной пытки и смертной казни) и социальная революция рассматриваются как способы становления, переустройства общества, фактор социального прогресса и путь утверждения общества без насилия.

В своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко подчеркивает, что менее чем за одно столетие – с середины XVIII до начала XIX ст., произошла постепенная трансформация публичного насилия, управляемого властью: состоялось «... исчезновение публичных смертных казней с применением пыток ..., за несколько десятилетий исчезло тело, казнимое, истязаемое, символически клеймящееся, выставляемое на публичное обозрение живым или мертвым. Исчезло тело как главная мишень судебно-криминальной репрессии». В результате, по мнению М. Фуко, насилие и наказание постепенно становятся «наиболее скрытой частью криминальной процедуры, ... из наказания исключается театрализация страдания». Правосудие будто снимает с себя ответственность за насилие над телом, практикуя скрытое насилие над душой. Происходит ослабление власти над телом человека: «тело служит теперь своего рода орудием или посредником: если на него влияют тюремным заключением или принудительной работой, то только для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью... На смену палачу, этому прямому анатому страдания, приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели» [3, с. 5].

С тех времен и по настоящее время изменилась система исполнения наказаний: они теперь направлены скорее на душу, чем на тело. Изменяется объект судебно-криминальной практики: безусловно, как и раньше, судятся юридические объекты, определенные в кодексах и законах, но также судятся «... страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, непригодность, последствия воздействия среды или наследственности; наказывают акты агрессии, но через них – и агрессивность; ... убийства, но также влечения и желания» [3, с. 6]. В сущности, общество, таким образом, начало судить уже не столько преступления, сколько саму «душу» преступников: «В структуре судопроизводства и вынесения судебного приговора укоренился целый комплекс оценочных, диагностических, прогностических и нормативных суждений про преступного индивида» [3, с. 38]. В более поздних работах М. Фуко прямо делает акцент на постоянной необходимости насилия для установления того или другого нормативного и доминирующего социального порядка [4].

Безусловно, описанный М. Фуко переход от публичного государственного насилия к скрытому, а также, изменение его основной интенции с физического измерения (тела) на метафизическое (душу) был связан с развитием политико-правовых учений (Р. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Вольтер, Ш. Монтескье и др.), сложившихся в новоявленной европейской интеллектуальной культуре в XVII–

XVIII столетиях. Это происходило на фоне таких важнейших социокультурных трансформаций, как научная революция, проект Просвещения, становление капитализма, утверждение ценностей либерализма.

Рационалистический дискурс техногенной цивилизации, основу которого составляет уверенность человека в способности познать и изменить окружающий мир на разумных началах и тем самым достичь с ним гармонии, исходил из особого понимания самой природы человека и обусловил этим пониманием своеобразную модель конструирования социальной реальности. Прежде всего, каждый человек наделен умом, а также владеет естественными, неотчуждаемыми правами (равенство, свобода, право собственности, право защищать себя от посягательств извне и др.). Автономный в нравственно-правовом смысле индивид заключает с другими подобными ему индивидами общественный договор о передаче части своих прав и свобод избранному единому суверену в лице государства взамен на обязательство защищать общие и частные интересы и предохранять от внешней угрозы. В таком обществе утверждается верховенство закона, которому должны подчиняться все граждане и, прежде всего, исполнительная власть – правительство [5, с. 14]. Единый для всех закон трактуется в качестве естественного, а потому рационального порядка, установленного в социальной среде. Общество по аналогии с природой устроено рационально, а задача человека – увидеть законы общественного устройства и подчиняться им.

Используя в одноименной работе образ библейского чудовища Левиафана, Т. Гоббс настаивает на необходимости применения открытого насилия и принуждения как одной из функций верховного суверена: эта необходимость следует из свободы и естественного желания индивидов опосредованно защитить свои права. Также, философ подчеркивает, что насилие присуще человеку по природе [6, с. 71].

Не вдаваясь в детали политико-правовых доктрин эпохи Нового времени и Просвещения, отметим, что в каждой из них, так или иначе, рационально обосновывалась санкция государства (как единого субъекта власти) на насилие как важнейший общественный регулятор.

В целом, вместе с рационализацией состоялась легитимация насилия. Это касается как запрета публичных практик наказаний и смертной казни, так и смягчения отношения к преступлениям, не несущих высокой общественной опасности, реабилитации в правах бывших социальных изгоев (женщин, детей, представителей сексуальных меньшинств, сумасшедших), профилактики преступности и увеличения раскрытия преступлений, благодаря новым возможностям силовых структур централизованного государственного аппарата принуждения (полиции, тюрьмы) [7, с. 95]. Вместе с этим, однако, очевидно, что создание бюрократических механизмов и аппаратов силового воздействия (полиции, спецслужб, разнообразных юридических структур) выступает не чем иным, как инструментализацией самого насилия,

а значит, его усилением. Как показывает исторический опыт, контроль над насилием силовыми средствами, к сожалению, не содействует его уменьшению: например, наращивание военного потенциала и вооружения многих стран мирового сообщества часто отображало необходимость его применения в международных конфликтах.

В индустриальном обществе насилие становится анонимной, скрытой мерой социального порядка. Сведения о его субъектах помещаются в кодексы, заносятся в картотеки, архивы и другие базы данных, а круг обязанностей противодействующих ему сил строго распределяется и прописывается. Постепенно, насилие становится феноменом, который официально регистрируется на социальном уровне. Одновременно, процесс урбанизации и уплотнения населения, а также, развитие рыночных отношений в динамике индустриального общества создали благоприятные условия для роста преступности и превращения ее в одну из сфер профессиональной деятельности, с одной стороны, и дифференциации усилий и развития сферы противодействия данному явлению – с другой.

Совокупность социокультурных признаков, образующих историческую ситуацию Нового времени, которая открывает индустриальный этап общественного развития, Э. Тоффлер довольно удачно обозначил термином «индуст-реальность». Ориентация на перестройку мира, обеспечивающуюся технологическими достижениями и экономическими успехами, объединялась с социально-правовыми концепциями неотъемлемости естественных прав и формального равенства индивидов, их возможностей и интересов. В данном контексте, одним из механизмов социальной самоорганизации в направлении высших критериев справедливости мыслился рынок: эволюция безусловно справедливых товарно-денежных отношений постепенно объединит планету [8].

Под влиянием передовых политико-правовых доктрин на общественное сознание данной эпохи впервые в человеческой истории проблема мирного сосуществования народов была перенесена из религиозно-мистической плоскости в практическую. Это были попытки контроля над насилием в новоевропейском обществе. Осмысливая данные тенденции, А.П. Назаретян в работе «Антропология насилия и культура самоорганизации» отмечает: «Философы и государственные деятели напряженно искали технологии предотвращения силовых конфликтов, причем технологии не ситуативные, а абсолютные, действенные на все времена. Кроме «радикальных» идей типа отмены частной собственности, городов или монархий выдвигались проекты регулирования межгосударственных противоречий путем систематических конгрессов (Г. Гроций), добровольного объединения государств в свободную от войн конфедерацию (Генрих IV) [9, с. 172].

Что же касается индивидуального сознания, то индустриальная революция, небывало усилив эффективность и облегчив работу человека, оказывала содействие не только знаменитому веберовскому «разволшебствованию» мира, а и

культивировала ощущение излишней самоуверенности, всемогущества и безнаказанности индивида за результаты деятельности по преобразованию естественной и социальной среды. Также, крепко убеждение в неограниченном преимуществе ума над чувствами (постулат рационализма), активного духа над пассивной материей (постулат абсолютного идеализма), прекрасного будущего над убогим прошлым (постулат прогрессизма), личных интересов над общественными (постулат эгоцентризма), необходимости покорения пространства, времени, природы (постулат активизма) и «отсталых» народов (основа всех тоталитарных идеологий и режимов) [10, с. 225].

Таким образом, упадок феодального порядка и средневековой системы религиозных ценностей открывает новую эпоху – эпоху тотально организованных идеологий. Прежде всего, происходит становление «государственных» идеологий. Насилие «огосударствливается» с позиции легитимности и монополии на его применение. Как указывал Макс Вебер, государство (равно как и политические союзы, ему предшествующие) – это отношение господства людей над людьми, опирающегося на легитимное (т.е., считающееся легитимным) насилие как средство. Государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной сферы претендует на монополию легитимного физического насилия. Поскольку, право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие, единственным источником права на насилие считается государство [11, с. 646]. В свою очередь, «негосударственное» насилие (устоявшееся в человеческом обществе формы насилия: убийство, изнасилование, разбой, а также другие неприемлемые социумом акты насилия над человеком) систематизируется и кодифицируется. При этом, несмотря на утверждение самооценности человека, закон направлен, в первую очередь, на защиту интересов государства. Это приводит, несмотря на наказание, культивируемое со стороны государства, к распространению «низшего насилия», которое, как и раньше, активно играет роль примитивного, но естественного и наиболее эффективного способа решения межличностных разногласий и конфликтов.

Кроме того, эпоха тотально организованных идеологий ознаменовала на глобальном уровне смешение основного вектора насилия в идеологическое противостояние: либерализм против коммунизма, капитализм против социализма, западная идеология против религиозного фундаментализма и т.п. Это противостояние сейчас сложно оценить с позиций внутреннего и внешнего, так как его границы размываются. Идеологические «враги» могут быть везде – и среди своих, и среди чужих: «Насилие идеологически утонченно «упаковывается» и применяется исключительно «хорошими ребятами» против «хищников», «эксплуататоров» или «безбожников» – ради счастья всех людей, против несправедливости и эксплуатации, подрывных элементов, за свободу и права человека...» [7, с. 97].

Если говорить о макроуровнях истории, то, с точки зрения мир-системного подхода к мировой истории И. Валлерстайна [12, с. 19–62], разделяющего исторический процесс на три большие фазы (XV–XVII ст. – первая фаза модерна, закончившаяся завершением тридцатилетней войны в Европе и подписанием Вестфальского мирного соглашения; XVIII ст. – начало XX ст. – вторая фаза модерна, связанная с наполеоновскими войнами, Первой мировой войной и подписанием Версальского мира; XX ст. – третья фаза модерна, отображающая ход Второй мировой войны и утверждение биполярного (Запад versus СССР) мира), социокультурный контекст индустриальной эпохи, приходящийся на первые две фазы модерна, сначала состоял из таких процессов, как:

1) разновекторная географическая экспансия Запада, завершившаяся объединением мирового пространства вокруг возникших метрополий и их интересов;

2) демографическая экспансия, реализовавшаяся в переселении неинституциональных и маргинальных социальных элементов Европы на другие континенты [13, с. 284];

3) сначала стихийная, а позже – управляемая экономическая экспансия, которая повлияла на формирование капитализма как на «сумму привычек, способов, ухищрений, достижений», на институциональном уровне представленную не только «рынком», но также биржами и разными формами кредита и т.п.;

4) геополитическая экспансия, реализовавшаяся в захвате (аннексии) и освоении новых территорий для обеспечения собственного экономического процветания и политического доминирования [13, с. 285].

Следующий этап социокультурной эволюции индустриального общества характеризуется [13, с. 280–297]:

1) созданием и наращиванием разветвленной колониальной системы, эксплуатацией ранее открытых территорий и туземного населения;

2) формированием механизма принуждения (в форме соблюдения внутреннего порядка и государственной интервенции силами армии, полиции, фискальными органами), действующего в унисон с капитализмом, который устанавливает сферу эксплуатации и ее границы;

Литература:

1. *Игнатов А.Н.* Насилие как фундаментальный тренд цивилизационного развития человечества. Часть 1: доиндустриальный период / А.Н. Игнатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2.

2. *Бэкон Ф.* Новый Органон / Ф. Бэкон // Библиотека М. Мошкова. URL : <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt>

3) созданием определенного экономического порядка (иерархии способов производства, на вершине которой расположен капитализм, стремящийся к господству) и соответствующего такой системе международного разделения труда;

4) утверждением финансовой инфраструктуры, способной расширяться и контролировать общую торговую конъюнктуру, отдельные национальные продукты и бюджет [14, с. 532];

5) индустриальным прорывом (железнодорожные магистрали, океаническое судоходство, телеграф и т.п.) [15, с. 72];

6) созданием политико-правовых механизмов, которые узаконивают доминирование государств, входящих в западную цивилизацию или ее цивилизационную орбиту [16, с. 80].

С учетом вышеизложенного, можно констатировать следующее. В индустриальном обществе утверждается санкция государства (как единого субъекта власти) на насилие как важнейший общественный регулятор, таким образом, вместе с рационализацией происходит легитимация насилия, а создание бюрократических механизмов и аппаратов силового воздействия выступает инструментализацией самого насилия, а значит, его усилением.

Практически неизменной остается социальная рефлексия как противоправных (недозволенных, запрещенных) таких устоявшихся в человеческом обществе форм насилия, как убийство, изнасилование, разбой и т.п. Такого рода «негосударственное» насилие систематизируется и кодифицируется.

В то же время, эпоха тотально организованных идеологий ознаменовала на глобальном уровне смешение основного вектора насилия в идеологическое противостояние. С позиций диалектики внутреннего и внешнего, т.е. анализируя эволюцию феномена насилия в условиях разновекторных социокультурных трансформаций индустриальной эпохи, можем сделать вывод о том, что обоснование необходимости насилия, а также монополия на его применение с «благой» целью регулирования общественного порядка утверждается как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровне постепенно, в меру становления западноевропейской цивилизации и распространения сферы ее политического, экономического и культурного доминирования в мире.

Literature:

1. *Ignatov A.N.* Violence as a fundamental trend in the civilizational development of mankind. Part 1: pre-industrial period / A.N. Ignatov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 2.

2. *Bacon F.* New Organon / F. Bacon // Library M. Moshkov. URL : <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt>

3. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; Пер. с фр. В. Наумова; Под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
4. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; Пер. с фр.; Под общ. ред. Бр. Левченко. К. : Ника-Центр, 1996. 208 с.
5. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Сочинения : в 3-х т. М., 1988. Т. 3. 668 с.
6. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
7. Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе: очерки. М. : Водолей, 2010. 198 с.
8. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер; пер. с англ. М. : Издательство АСТ, 2003. 669 с.
9. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно-исторической психологии. М. : Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
10. Муза Д.Е. К вопросу об исторических предпосылках и причинах генезиса глобальных проблем современности / Д.Е. Муза // Філософські дослідження: зб. наук. пр. Луганськ, 2011. Вип. 13. С. 225.
11. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер; Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М., 1990. 808 с.
12. Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа / И.Валлерстайн // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. С. 19–62.
13. Муза Д.Е. Идея ответственности и её реализация на макро- и микроуровнях всемирной истории. Феномен ответственности в мире тотальной глобализации : монография / Д.Е. Муза; Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2013. 416 с.
14. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. 623 с.
15. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов-н/Д., 1999. 480 с.
16. Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.
3. Foucault M. Discipline and Punish. The birth of a prison / M. Foucault; Translation from French V. Naumov; ed. I. Borisova. M. : Ad Marginem, 1999. 480 p.
4. Foucault M. Archeology of knowledge / M. Foucault; Translation from French; Under general revision Br. Levchenko. K. : Nika-Center, 1996. 208 p.
5. Locke J. Two treatises on government / J. Locke // Works in 3 volumes. M., 1988. Vol. 3. 668 p.
6. Hobbes T. Leviathan. M. : Mysl, 2001. 478 p.
7. Krasikov V.I. Violence in Evolution, History and Contemporary Society: Essays. M. : Aquarius, 2010. 198 p.
8. Toffler E. Metamorphoses of power / E. Toffler; Trans. from English. M. : Publishing house ACT, 2003. 669 p.
9. Nazaretyan A.P. Anthropology of Violence and a Culture of Self-Organization: Essays on Evolutionary-Historical Psychology. M. : LKI Publishing House, 2007. 256 p.
10. Muse D.E. On the issue of historical preconditions and reasons for the genesis of global problems of our time / D.E. Muse // Philosophical Doslidzhennya: zb. sciences. pr. Luhansk, 2011. VIP. 13. P. 225.
11. Weber M. Selected Works: trans. with him / M. Weber; Translation from German; Writer, general revision and afterword Yu. N. Davydova. M., 1990. 808 p.
12. Wallerstein I. The birth and future demise of the world system: a conceptual basis for comparative analysis / I. Wallerstein // Analysis of world systems and the situation in the modern world. SPb. : University book, 2001. P. 19–62.
13. Muse D.E. The idea of responsibility and its implementation at the macro and micro levels of world history / D.E. Muse // The phenomenon of responsibility in the world of total globalization : monograph / Scientific; Ed. I.I. Kalnoy, A.V. Gorban. Simferopol : IT ARIAL, 2013. 416 p.
14. Braudel F. Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries. M. : Progress, 1986. Vol. 1. The structures of everyday life: the possible and the impossible. 623 p.
15. Hobsbawm E. Century of Capital. 1848–1875. Rostov-on/D., 1999. 480 p.
16. Schmitt K. Nomos of the earth in the law of peoples *jus publicum europaeum*. SPb. : Vladimir Dal, 2008. 670 p.

Каменский Максим Андреевич
кандидат юридических наук,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
Login8@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМНЫХ ДОГОВОРОВ

Аннотация. Автором отмечается, что отношения в сфере производства и распространения рекламы, несмотря на их комплексный характер, преимущественно, регулируются гражданским и предпринимательским правом, поскольку рекламная деятельность представляет собой один из видов предпринимательской деятельности, которую хозяйствующие субъекты осуществляют на основании заключаемых ими гражданско-правовых договоров, опосредующих отношения по производству, размещению и распространению рекламы и обеспечивающих в конечном итоге доведение до потребителей адресованной им рекламной информации.

Автором обосновывается необходимость определения понятия «рекламный договор» для целей его введения в научно-правовой оборот, отмечается, что данный термин позволяет охватить широкий спектр договоров, заключаемых на всех этапах производства и распространения рекламы, предлагается определение данного термина.

Ключевые слова: реклама, законодательство о рекламе, рекламная деятельность, рекламодатели, рекламный договор.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в настоящее время не устанавливает положений, специально посвященных регулированию гражданско-правовых аспектов осуществления рекламной деятельности. Понятие «реклама» в ГК РФ встречается только применительно к иным понятиям, при установлении исключения из понятия «оферты» (п. 1 ст. 437 ГК РФ), определении публичной оферты при предложении товара в рекламе (ст. 494 ГК РФ) и определении сферы применения положений о технических средствах защиты авторских прав (ст. 1299 ГК РФ).

В то же время, нельзя не отметить гражданско-правовой характер ряда положений Федерального закона «О рекламе» [2], который содержит, также, значительное число терминов, используемых при договорном регулировании рекламной деятельности, которые, в силу этого, необходимо учитывать при разработке, заключении и исполнении гражданско-правовых договоров.

Maksim A. Kamenskiy
Candidate of Legal Sciences,
Russian State Academy
Intellectual Property
login8@mail.ru

PECULIARITIES OF CIVIL LAW REGULATION OF ADVERTISING CONTRACTS

Annotation. The author notes that the relations connected with production and distribution of advertising can have complex character, but they are mainly regulated by civil and business law, because advertising activity is one of the varieties of business activity, realized by business entities on the basis of civil law contracts, concluded by production, placement and distribution of advertising in order to bring the advertising information to consumers.

The author substantiates the necessity of introduction into scientific and legal turnover of the term «advertisement contract», which can mediate relations from the stage of production of advertisement to the stage of its distribution, the author suggests the definition of this term.

Keywords: advertising, advertising law, advertising activities, advertisers, advertising contract.

Правовая регламентация отношений в сфере производства и распространения рекламы является комплексной, включает положения различной отраслевой принадлежности, но, преимущественно, относится к гражданскому и предпринимательскому праву. Рекламная деятельность представляет собой один из видов предпринимательской деятельности, которую хозяйствующие субъекты осуществляют на основании заключаемых ими гражданско-правовых договоров, опосредующих отношения по производству, размещению и распространению рекламы и обеспечивающих в конечном итоге доведение до потребителей адресованной им рекламной информации.

Отношения по производству и распространению рекламы, возникающие между их участниками, регулируются заключаемыми между такими участниками гражданско-правовыми договорами. Договоры, на основании которых осуществляется производство рекламной продукции и рекламного контента, как правило, являются смешанными,

включают положения, относящиеся к различным видам договоров, включая договор заказа на создание произведения и договор подряда. Отношения по распространению и размещению рекламы могут регулироваться путем заключения договоров оказания услуг, который, также, может включать элементы различных договоров.

С учетом многообразия видов договоров, которые могут быть отнесены к категории «рекламных», включая договоры, опосредующие отношения по производству рекламной продукции, аудиовизуального и иного рекламного контента, а также, договоры, обеспечивающие размещение и распространение рекламы, необходимо введение в научный и деловой оборот специального понятия, способного охватить все виды договоров. Это позволит обеспечить соответствие договоров, заключаемых на всех этапах рекламной деятельности, требованиям как гражданского, так и рекламного законодательства.

Целенаправленное внедрение понятия рекламного договора необходимо именно в связи с тем, что при заключении и исполнении таких договоров должны учитываться не только предусмотренные ими положения, но также требования законодательства о рекламе. Стороны могут заключить договор, соответствующий положениям ГК РФ, однако если этот договор связан с рекламой, должны быть учтены также требования рекламного законодательства. Например, креативное агентство или иной профессиональный участник рекламного рынка по заказу клиента должно не просто подготовить некие материалы о товаре, но обязательно сделать это с учетом требований рекламного законодательства, в том числе с соблюдением установленных им запретов [1].

Так, Федеральным законом «О рекламе» запрещено использовать в рекламе образы детей, кроме случаев рекламы детских товаров, запрещено демонстрировать процесс потребления алкогольных напитков, запрещено использовать образы врачей и т.д. Если созданный креативный материал будет соответствовать условиям договора, но его использование окажется невозможным в силу требований рекламного законодательства, то договор должен признаваться невыполненным. При условии введения в законодательство понятия рекламного договора для признания дополнительных требований к результатам исполнения такого договора достаточно будет в какой-либо форме указать, что заключаемый договор является «рекламным» или результаты исполнения такого договора предназначены для использования в рекламе.

Формулируя понятие «рекламный договор» необходимо выделить не конкретный вид договора, характеризующий определенным предметом, а наличие целого класса договоров, связанных с осуществлением рекламной деятельности. Понимание рекламного договора как возмездного по своей сути гражданско-правового соглашения, заключаемого между двумя и более лицами, связано с критерием платности, возмездности рекламы, в свою очередь, обусловленной

необходимостью признания ее коммерческого характера.

Относимость такого договора к производству и распространению рекламной информации о рекламодателе или предлагаемых им товарах и услугах позволяет в дальнейшем увязывать с таким договором ряд новых или уже существующих в законодательстве особенностей правовой регламентации.

Существенной особенностью рекламных договоров является возможность участия в них самого широкого спектра субъектов рекламной деятельности. С учетом особенностей круга лиц, участвующих в рекламной деятельности, целесообразно использовать для их обозначения термин «хозяйствующие субъекты», в качестве которых могут выступать индивидуальные предприниматели, юридические лица, а также граждане, которые предлагают услуги за плату и нуждаются в рекламе предлагаемых ими услуг и товаров собственного производства.

Определение термина «хозяйствующий субъект», содержащееся в статье 4 Федерального закона «О защите конкуренции» [3], охватывает не только коммерческие и некоммерческие организации и индивидуальных предпринимателей, но также и иных физических лиц, которые осуществляют деятельность, приносящую им доходы на законном основании.

Так, отдельные виды деятельности, приносящей доход, в настоящее время допускается осуществлять в рамках так называемой «самозанятости», без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В качестве самозанятых (плательщиков налога на профессиональный доход) могут оказывать услуги репетиторы, дизайнеры, няни, программисты, переводчики, рекламные агенты, журналисты и другие фрилансеры.

Термин «хозяйствующий субъект» может использоваться в качестве наиболее широкого, позволяющего охватить всех субъектов, осуществляющих приносящую доход деятельность в разрешенных законодательством случаях, в том числе самозанятых граждан, также нуждающихся в рекламе оказываемых ими услуг.

Рекламу могут давать также иные физические лица в случаях, допускаемых законом. Так, физические лица могут предлагать для сдачи жилые помещения с использованием специализированных сервисов (Booking.com, «Яндекс.Недвижимость» и др.). При условии уплаты налогов такая деятельность является законной и нуждается в рекламе. Потребности в рекламе могут возникать также во множестве других случаев, например, авторы произведений изобразительного искусства могут рекламировать свои картины для продажи.

При этом упоминаемые в законодательстве субъекты рекламной деятельности могут быть объединены в несколько групп: регуляторы рекламной деятельности (антимонопольный орган и саморегулируемые организации), посредники

(рекламные агентства, рекламопроизводители и рекламодатели), участники торгового оборота (рекламодатели и потребители рекламы). Также, могут быть выделены пассивные и активные участники рекламной деятельности, при этом к пассивным участникам рекламной деятельности могут быть отнесены потребители рекламы).

Данная классификация позволяет охарактеризовать различия между группами, в том числе при

Литература:

1. *Каменский М.А.* Понятия рекламы и рекламной деятельности как объектов гражданско-правового регулирования / М.А. Каменский // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2017. № 6.
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

регулировании отношений между ними. Так, деятельность регуляторов подчиняется нормам административного права и взаимодействие с ними осуществляется, как правило, за пределами гражданско-правовых отношений участников рынка, в то время, как отношения участников торгового оборота между собой и с посредниками регулируются прежде всего нормами гражданского права, возникая в силу заключаемых между такими участниками рекламных договоров.

Literature:

1. *Kamensky M.A.* The concepts of advertising and advertising activities as objects of civil law regulation / M.A. Kamensky // Scientific review. Series 1. Economics and Law. 2017. № 6.
2. Federal Law № 38-FZ of 13.03.2006 (as amended on 08.12.2020) «On Advertising» // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2006. № 12. Art. 1232.
3. Federal Law № 135-FZ of 26.07.2006 (as amended on 22.12.2020) «On Protection of Competition» // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2006. № 31 (part 1). Art. 3434.

Михайлов Дмитрий Олегович
судья Верховного Суда
Республики Крым,
соискатель,
Российский государственный
университет правосудия
mikhailove2018@mail.ru

Dmitry O. Mikhailov
Judge of the Supreme Court
of the Republic of Crimea,
Candidate,
Russian State University of Justice
mikhailove2018@mail.ru

ПОТЕРПЕВШИЙ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СУДЕБНЫЙ ШТРАФ

VICTIM OF A CRIME AND A COURT FINE

Аннотация. В статье анализируется судебная практика освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа и роль потерпевшего от преступления в применении данного института. Доказывается необходимость преодоления конкуренции между статьями 75 и 76.2 Уголовного кодекса России с учетом принципа справедливости. Обосновывается необходимость создания специального фонда возмещения вреда от преступления.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, потерпевший от преступления, компенсация вреда от преступления.

Annotation. The article analyzes the judicial practice of exemption from criminal liability with the appointment of a court fine and the role of the victim of a crime in the application of this institution. The article proves the need to overcome the competition between Articles 75 and 76.2 of the Criminal Code of Russia, taking into account the principle of justice. The necessity of creating a special fund for compensation for damage from crime is justified.

Keywords: exemption from criminal liability, court fine, victim of a crime, compensation for damage from a crime.

Важным направлением уголовно-правового регулирования, связанным с реализацией прав и возможностей потерпевшего от преступления, является институт освобождения от уголовной ответственности в целом и применение судебного штрафа в частности.

Общее представление оснований освобождения от уголовной ответственности с учетом роли потерпевшего, которые будут подвергнуты нашему дальнейшему исследованию, могут быть изображены схематично следующим образом:

Схема 1

Соотношение общего и специального в основаниях освобождения от уголовной ответственности

Статья УК РФ	Общее	Особенность
75	– совершение преступления впервые;	1. Позитивное постпреступное поведение; 2. Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда; 3. Последствие в виде отсутствия общественной опасности
76	– категория совершенного преступления;	1. Примирение;
	– возмещение вреда	2. Возмещение вреда; 3. Указание на потерпевшего
76 ¹		1. Специальное указание на составы; 2. Возмещение ущерба бюджетной системе; 3. Кратность (Доход/Убытки); 4. Совмещение возмещения в адрес гражданина, организации или государства в двух формах: непосредственно ущерб и кратное возмещение в бюджет
76 ²		1. Назначение судебного штрафа; 2. Возмещение ущерба или иное заглаживание вреда

Как видим, все статьи, описанные в схеме, содержат указание на роль потерпевшего как на условие освобождения от уголовной ответственности. Вместе с тем, как нам видится, отсутствие единообразия в описании потерпевшего и его роли в каждом из оснований освобождения от уголовной ответственности, не позволяет точно выявлять

уголовно-правовой смысл указанных норм. Между тем, как отмечал Конституционный суд РФ в рамках Постановления от 16.07.2015 г. № 22-П: «требование определенности правовых норм... приобретает особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей правовой природе крайним (исключитель-

ным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности» [1].

После введения нового основания освобождения от уголовной ответственности в виде судебного штрафа, уголовные дела, прекращаемые по не реабилитирующему основанию за примирением сторон и с назначением судебного штрафа, стали во многом совпадать с точки зрения характеристики преступлений. Наиболее часто лица освобождаются от ответственности за преступления против собственности и преступления против жизни и здоровья граждан (ст. 115–116 УК РФ и ст. 158 УК РФ). Получается, что наличие максимально приближенных текстологически норм, описанных в ст. 76 и 76² УК РФ, порождает зачастую непонимание существующих между ними различий в виде последствий как для виновного лица, так и для правоохранительных органов, включая суды общей юрисдикции [2, с. 158–162; 3, с. 110–114]. Происходит смешение воедино преступлений, завершаемых традиционным примирением сторон, когда присутствует именно материально-составляющая последствия преступления, причиняемого конкретному лицу, и преступлений, где следствие формальное, направлено против интересов общества в целом и государства в частности (правопорядок, общественное здоровье и общественная нравственность, престиж государственной и муниципальной службы и т.д.). Можно привести в качестве примера два постановления суда, которые завершили судебное разбирательство по не реабилитирующим обстоятельствам: первый случай – ст. 76 УК РФ [4], второй случай – ст. 76² УК РФ [5]. В первом случае лицо обвинялось в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, во втором – ч. 1 ст. 161 УК РФ. В первом случае, ущерб составил 64100 руб., которые были возмещены в полном объеме потерпевшему. Во втором случае имущественный вред составил 6000 руб., который также был возмещен потерпевшей в полном объеме. Помимо указанной суммы возмещения в 6000 руб. и отсутствия претензий со стороны потерпевшей стороны, судом накладывается судебный штраф в сумме 5000 руб., выступающий не только обязательным условием не привлечения к уголовной ответственности, но и некоторым «якорем» для обвиняемого – если не произойдет выплата указанной суммы в установленное судом время, то лицо будет привлечено к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части.

Представляется, что во втором случае лицо несет не только обязательство перед потерпевшим, что правильно, но и обязательство перед государством, которое становится как бы «вторым» потерпевшим по уголовному делу, что не вполне верно. Возложение на лицо дополнительных обязательств, как нам кажется, противоречит принципу справедливости и принципу гуманизма, являющимся одними из столпов современного уголовного права.

Углубление нарушения указанных принципов имеет место и в иных случаях, когда размер судебного штрафа многократно превосходит размер возмещения, предоставленного потерпевшему. Так, согласно постановлению Владивостокского гарнизонного военного суда от 27.03.2019 г., некто Б. совершил хищение рельса, принадлежащего филиалу ОАО «РЖД», чем причинил ущерб в размере 7053 руб. 72 коп., который был им компенсирован путем перевода данной суммы на счета филиала ОАО «РЖД». Суд, удовлетворяя ходатайство следствия, назначил судебный штраф в размере 40000 руб. [6]

Помимо реального (материально-составляющая) возмещения за нанесенный ущерб, ст. 76² УК РФ предусматривает и иные варианты заглаживания причиненного преступлением вреда. Исследование судебной практики показывает, что в преступлениях с формальным составом, именно этот «иной» вариант заглаживания причиненного преступлением вреда имеет преобладающее значение. Так, согласно постановлению суда от 25.03.2019 г., гр. Ф. был освобожден от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ, с назначением ему судебного штрафа. Суд, принимая решение о применении указанной меры уголовно-правового характера, воспринял «публикацию в газете с принесением извинения за проведение азартных игр, а также квитанцию о перечислении благотворительного взноса» как форму заглаживания вреда перед обществом и государством [7]. Судебный штраф был назначен в размере 80000 руб. Указанное заглаживание вреда может носить характер морально-этический. Так, гр.-ка И. обвинялась в служебном подлоге, одной из форм заглаживания вреда послужило публичное принесение извинения и раскаяние перед сотрудниками ЦРБ [8]. В другом деле, форма заглаживания вины выразилась в переводе обвиняемого гр. С. на нижестоящую должность и публичными извинениями в зале судебного заседания [9]. Указанный способ заглаживания вреда – публичное извинение – также характерен для ряда воинских преступлений [10].

Схожий пример мы можем наблюдать по делу Д., который обвинялся в незаконном приобретении, ношении и хранении боеприпасов – 103 винтовочных патрона (ч. 1 ст. 222 УК РФ). Суд отнес к обстоятельствам заглаживания вреда обществу и государству такие раскаяние в содеянном, добровольное активное содействие органу предварительного расследования в раскрытии и расследовании преступления. Был назначен штраф в размере 15000 руб. [11]. Вместе с тем, как нам кажется, в указанном примере суд допустил ошибку, так как указанные обстоятельства свидетельствуют в большей степени о характере нормы, описанной в ст. 75 УК РФ. Но это еще раз подтверждает тезис о возникающих трудностях на практике по выбору конкурирующих оснований освобождения от уголовной ответственности.

Встречаются, на наш взгляд, и неоднозначные случаи, когда суды принимают в качестве «заглаживания вины» прекращение лицом преступной деятельности. Так, постановлением от 19.03.2019 г.

гр.-ка В. была освобождена от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа при обвинеии за совершение преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 171.1 УК РФ. Суд, принимая решение о назначении судебного штрафа в размере 15000 руб., указал, что «полностью загладила свою вину, путем прекращения продажи в принадлежащем ей магазине «Семейный» алкогольной и табачной продукции» [12].

Также бывают случаи, когда суды, избирая основание прекращения производства по уголовному преследованию в виде судебного штрафа, по делам, где отсутствует конкретный потерпевший, вообще не принимают во внимание деятельность лица по заглаживанию вреда или возмещению ущерба. Так, гр. Р. обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327, был освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в размере 7000 руб., при этом в постановлении не было указано никаких данных о способе или форме возмещения ущерба или заглаживанию вреда [13].

В судебной практике встречаются случаи, когда судебный штраф применяется по преступлениям, посягающим порядок управления, но дополнительно причиняется вред или ущерб конкретному физическому лицу. Наиболее распространены указанные случаи по делам, где деяние квалифицируется по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Так, согласно постановлению от 22.03.2019 г. гр. К. был освобожден от уголовной ответственности с применением судебного штрафа в размере 80000 руб., за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318, выразившееся в нанесении двух ударов в область лица сотруднику ДПС, находившегося на маршруте патрулирования [14]. В указанном случае, как нам кажется, оправдано применение ст. 76² УК РФ, так как критерием отграничения от смежной нормы, описанной в ст. 76 УК РФ, является объект преступления – общественные отношения в области порядка управления.

Обосновано критикуется в доктрине подход о возможности применения судебного штрафа ко всем категориям преступлений небольшой и средней тяжести, если они совершены впервые [15, с. 6]. Вместе с тем, как нам кажется, надлежит не ограничивать круг преступлений конкретными составами преступлений, а пойти дальше, стараясь реализовать идею правовосстановительного правосудия, что должно найти выход в формировании специального фонда, куда будет поступать судебный штраф, и который будет расходоваться на цели предупреждения преступлений в будущем, в том числе для проведения правового просвещения населения, а также восстановления нарушенных интересов общества и государства. В большей степени это касается преступлений в области экологии. Представляется, что создание самостоятельного фонда, который бы аккумулировал средства, поступающие от назначаемых судебных штрафов, позволил бы реализовать не просто фискальную функцию указанного основания освобождения от уголовной ответственности, но и существенно снизил бы нагрузку на бюджеты бюджетной системы Российской Федерации.

Принятие решения об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа предполагает отказ от возможности удовлетворения гражданско-правовых претензий со стороны потерпевшего по возмещению нанесенного деянием ущерба. Следовательно, реализация ст. 77 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» может быть поставлена под угрозу. Вместе с тем, в судебной практике по делам, связанным с экологическими преступлениями, прослеживается тенденция по учету возмещения причиненного ущерба в полном объеме как обязательного условия применения судебного штрафа. Так, гр. К., будучи главным агрономом ООО «Агрохолдинг» допустил загрязнение почв органическим удобрением, чем причинил ущерб администрации Чебоксарского района Чувашской республики в размере 2001514 руб. 03 коп. По материалам дела, указанный гр. К. перечислил всю указанную сумму в адрес Администрации района, у которой арендовал земельный участок, тем самым устранив препятствие в виде возможного отказа потерпевшей стороны на применение судебного штрафа. Суд назначил судебный штраф в размере 80000 руб. [16]. Схожая практика имела место и в случае освобождения гр. А., который обвинялся в незаконном вылове рыбы, где ущерб государству составил 352800 руб., который также был возмещен. Сумма судебного штрафа составила 50000 руб. [17].

Получаемые суммы от судебного штрафа можно было бы направлять на решение задач не только по правовому просвещению граждан, но и на формирование корпуса добровольных помощников лесоохраны, охотоохраны рыбнадзора, так как указанные отрасли почти умирают в условиях тотального дефицита бюджетных ассигнований.

Отвечая на основной вопрос о роли потерпевшего в механизме судебного штрафа и влиянии его на отграничение от иных оснований освобождения от уголовной ответственности, можем отметить следующее.

Изучение судебной практики наглядно показало, что одним из критериев отграничения оснований освобождения от уголовной ответственности должен стать именно критерий потерпевшего. Мы видим, что должна быть внутренняя стратификация между основаниями освобождения от ответственности. Так, применение ст. 75 УК РФ должно иметь место в ситуации, когда лицо именно оказывало «процессуальную» поддержку органам предварительного расследования. Эта статья должна содержать только указание на три варианта положительного постпреступного поведения: явка с повинной, способствование раскрытию преступления с выдачей предметов или иного имущества, добытого преступным путем, выдача оружия и орудий совершения преступлений, а также деятельное раскаяние [18, с. 59–66].

Данное предложение коррелируется с положениями, описанными в ст. 75, 76¹ и 76² УК РФ, где законодатель прямо говорит о возмещении ущерба, которое, согласно позиции Верховного суда РФ [19], имеет определенное пересечение с заглаживанием вреда.

Интересна ст. 76¹ УК РФ, где законодатель фактически вывел из сферы действия общих оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 и 76 УК РФ) категории преступлений т.н. экономической направленности. Обращение к практике судов показывает, что освобождение от уголовной ответственности может быть не связано с активным и положительным постпреступным поведением, выражающимся в помощи органам предварительного расследования. Единственным критерием выступает выплата исковых сумм по недоимкам, пеней и штрафов в бюджет РФ или фонд обязательного страхования [20]. Представляется также правильным решение законодателя прямо указывать в ч. 2 ст. 76¹ УК РФ круг потерпевших, куда официально теперь относятся граждане, организации или государство. Фактически, норма, описанная в ст. 76¹ УК РФ, является предтечей появления нормы о судебном штрафе, но выстроена более логично и последовательно. Представляется, что норма о судебном штрафе должна иметь указание на конечную фигуру потерпевшего, куда бы мы предложили отнести исключительно государство и общество в целом, т.е. те преступления, где объект преступления составляют общественные отношения в большей степени носящие не персонифицированный характер.

Важно отметить, что такой механизм имеет некоторые схожие формы в зарубежном законодательстве, к примеру, в США, где различные преступления в области экологии, общественного порядка, таможенного регулирования, миграционного законодательства разрешаются без проведения классического судебного разбирательства

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 22-П по делу о проверке конституционности положения статьи 2261 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4659.
2. *Марфицин П.Г.* Основания и порядок применения судебного штрафа в уголовном судопроизводстве России: правозащитный и правоохранный аспекты / П.Г. Марфицин // Вестник ННГУ. 2017. № 2.
3. *Насонова И.А.* Возмещение ущерба как обязательное условие освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / И.А. Насонова, А.В. Ливенцева // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 3.
4. Постановление № 1-429/2018 1-55/2019 от 29 марта 2019 г. по делу № 1-429/2018 Гатчинского городского суда Ленинградской области // Архив Гатчинского городского суда.
5. Постановление № 1-27/2019 от 29 марта 2019 г. по делу № 1-27/2019 Даниловского районного суда Ярославской области // Архив Даниловского районного суда.

и на лицо накладывается определенная сумма штрафа, что не только решает задачу предупреждения роста тюремного населения, но и является неплохим подспорьем для конкретного штата или муниципалитета, так как взыскиваемые суммы носят целевой характер (восстановление экологической обстановки, зарыбление, оплата работ по восстановлению зданий, строений или сооружений и т.п.) [21; 22; 23].

Итак, подытожим наши размышления.

1. Применение судебного штрафа должно быть ограничено делами, где в качестве потерпевшего выступает государство и общественные интересы неограниченного числа лиц (экология, сфера экономики, исключающая конкретного потерпевшего, сфера государственного управления, отправления правосудия, общественного здоровья и общественной нравственности);
2. Необходимо создание специальных фондов, куда бы направлялись суммы судебных штрафов. На первом этапе предлагается создать фонд, куда бы поступали судебные штрафы, взыскание по преступлениям в области экологии;
3. Наличие противоречивой судебной практики и конкуренции между основаниями освобождения от уголовной ответственности, описанными в главе 11 УК РФ, позволяет выдвинуть тезис о сохранении указания на ущерб и вред в единой конструкции только в рамках ст. 76 УК РФ, тогда как ст. 76¹ и ст. 76² считать специальными нормами, содержащими только указание на возмещение ущерба от совершенного преступного деяния.

Literature:

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 22-P of July 16, 2015 on the case of checking the constitutionality of the provision of Article 2261 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens of the Republic of Kazakhstan O.E. Nedashkovsky and S.P. Yakovlev. 2015. № 30. Art. 4659.
2. *Marfikin P.G.* Grounds and procedure for applying a court fine in criminal proceedings in Russia: human rights and law enforcement aspects / P.G. Marfikin // Bulletin of the UNN State University. 2017. № 2.
3. *Nasonova I.A.* Compensation for damage as a mandatory condition for the release of a person from criminal liability with the appointment of a court fine / I.A. Nasonova, A.V. Liventseva // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 3.
4. Resolution № 1-429/2018 1-55/2019 of March 29, 2019 in case № 1-429 / 2018 of the Gatchina City Court of the Leningrad Region // Archive of the Gatchina City Court.
5. Resolution № 1-27 / 2019 of March 29, 2019 on the case № 1-27/2019 of the Danilovsky District Court of the Yaroslavl region // Archive of the Danilovsky District Court.

6. Постановление № 1-30/2019 от 27 марта 2019 г. по делу № 1-30/2019 Владивостокского гарнизонного военного суда Приморского края // Архив Владивостокского гарнизонного военного суда.
7. Постановление № 1-321/2019 от 25 марта 2019 г. по делу № 1-321/2019 Абаканского городского суда Республики Хакасия // Архив Абаканского городского суда.
8. Постановление № 1-60/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 1-60/2019 Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края // Архив Верхнебуреинского районного суда.
9. Постановление № 1-93/2019 от 15 марта 2019 г. по делу № 1-93/2019 Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области // Архив Комсомольского районного суда г. Тольятти.
10. Постановление № 1-10/2019 от 06 марта 2019 г. по делу № 1-10/2019 Буденновского гарнизонного военного суда Ставропольского края // Архив Буденновского гарнизонного военного суда.
11. Постановление № 1-128/2019 от 22 марта 2019 г. по делу № 1-128/2019 Хабаровского районного суда Хабаровского края // Архив Хабаровского районного суда.
12. Постановление № 1-95/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 1-95/2019 Аншинского городского суда Челябинской области // Архив Аншинского городского суда.
13. Постановление № 1-237/2019 от 19 марта 2019 г. по делу № 1-237/2019 Ленинского районного суда г. Кирова Кировской области // Архив Ленинского районного суда г. Кирова.
14. Постановление № 1-37/2019 от 22 марта 2019 г. по делу № 1-37/2019 Белоярского районного суда Свердловской области // Архив Белоярского районного суда.
15. *Полуэкттов А.Г.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
16. Постановление № 1-49/2019 от 07 марта 2019 г. по делу № 1-49/2019 Чебоксарского районного суда Чувашской Республики // Архив Чебоксарского районного суда.
17. Постановление № 1-28/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-28/2019 Надымского городского суда ЯНАО // Архив Надымского городского суда.
18. *Сабанин С.Н.* Некоторые проблемы законодательной регламентации специальных видов освобождения от уголовной ответственности / С.Н. Сабанин, Д.А. Гришин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2(20).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основа-
6. Resolution № 1-30 / 2019 of March 27, 2019 on the case № 1-30/2019 of the Vladivostok Garrison Military Court of Primorsky Krai // Archive of the Vladivostok Garrison Military Court.
7. Resolution № 1-321 / 2019 of March 25, 2019 on the case № 1-321/2019 of the Abakan City Court of the Republic of Khakassia // Archive of the Abakan City Court.
8. Resolution № 1-60 / 2019 of March 19, 2019 on the case № 1-60/2019 of the Verkhnebureinsky District Court of the Khabarovsk Territory // Archive of the Verkhnebureinsky District Court.
9. Resolution № 1-93 / 2019 of March 15, 2019 on the case № 1-93/2019 of the Komsomolsky District Court of Tolyatti of the Samara region // Archive of the Komsomolsky District Court of Tolyatti.
10. Resolution № 1-10 / 2019 of March 06, 2019 on the case № 1-10/2019 of the Budenovsky Garrison Military Court of the Stavropol Territory // Archive of the Budenovsky Garrison Military Court.
11. Resolution № 1-128 / 2019 of March 22, 2019 on the case № 1-128/2019 of the Khabarovsk District Court of the Khabarovsk Territory // Archive of the Khabarovsk District Court.
12. Resolution № 1-95 / 2019 of March 19, 2019 on the case № 1-95/2019 of the Anshinsky City Court of the Chelyabinsk region // Archive of the Anshinsky City Court.
13. Resolution № 1-237 / 2019 of March 19, 2019 on the case № 1-237/2019 of the Leninsky District Court of Kirov, Kirov region // Archive of the Leninsky District Court of Kirov.
14. Resolution № 1-37 / 2019 of March 22, 2019 in case № 1-37/2019 of the Beloyarsky District Court of the Sverdlovsk region // Archive of the Beloyarsky District Court.
15. *Poluektov A.G.* Exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine: theoretical and applied aspects : abstract of thesis. ... cand. of law sciences. M., 2018.
16. Order № 1-49/2019 dated March 7, 2019 in case № 1-49/2019 district court of Cheboksary of the Chuvash Republic // Archive Cheboksary district court.
17. Resolution № 1-28 / 2019 of February 27, 2019 on the case № 1-28/2019 of the Nadym City Court of the Yamal-Nenets Autonomous District // Archive of the Nadym City Court.
18. *Sabanin S.N.* Some problems of legislative regulation of special types of exemption from criminal liability / S.N. Sabanin, D.A. Grishin // Yuridicheskaya nauka i law enforcement praktika. 2012. № 2(20).
19. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 № 19 «On the application by courts of the legislation

ния и порядок освобождения от уголовной ответственности» // БВС РФ. 2013. № 8.

20. Постановление № 1-29/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-29/2019 Клинского городского суда Московской области // Архив Клинского городского суда.

21. *Menkel-Meadow C.* Restorative Justice: What is it and Does it Work? Ann. Rev. L. & Soc. Sci. 2007. Vol. 3. P. 161–187.

22. *Foley T.* Developing Restorative Justice Jurisprudence. London : Routledge, 2014. URL : <https://doi.org/10.4324/9781315576831>

23. *Brown K.D.* Free Market Criminal Justice: How Democracy and Laissez Faire Undermine the Rule of Law. Oxford, 2016.

regulating the grounds and procedure for exemption from criminal responsibility» // BVS of the Russian Federation. 2013. № 8.

20. Order № 1-29/2019 dated February 26, 2019 in case № 1-29/2019 Klin city court of the Moscow region // Archive Klin city court.

21. *Menkel-Meadow S.* Restorative justice: What is it and does it work? Ann. Rev. L. & Soc. Sci. 2007. Vol. 3. P. 161–187.

22. *Foley T.* Development Of The Judicial Practice of Restorative Justice. London : Routledge, 2014. URL : <https://doi.org/10.4324/9781315576831>

23. *Brown K.D.* Free-market Criminal Justice: How Democracy and Laissez-faire undermine the Rule of Law. Oxford, 2016.

Охотников Игорь Сергеевич
руководитель направления,
ПАО Сбербанк
okhotnikov33@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, НАНЕСЕННОГО ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В настоящее время весьма актуальными являются вопросы правового механизма оказания платных медицинских услуг и возмещения вреда при их оказании. До недавнего времени платные медицинские услуги могли оказывать только коммерческие медицинские центры, тогда как в настоящее время наряду с ними платными медицинскими услугами имеют право заниматься и государственные и муниципальные учреждения здравоохранения. Однако далеко не все некоммерческие учреждения здравоохранения занимаются платными медицинскими услугами или как часто встречается на сайтах крупных государственных учреждений здравоохранения внебюджетными услугами. Но как бы они не именовались, суть остается в том, что организация, занимающаяся платными медицинскими услугами имеет один из самых сложных и многогранных правовых механизмов регулирования ее деятельности, которая непосредственно может быть связана с нанесением вреда потребителю платной медицинской услуги.

Ключевые слова: медицинские услуги, правовых механизмов, коммерческие медицинские центры, защите прав потребителей, страховая компания, закон.

Для начала необходимо рассмотреть, в каких случаях медицинская организация может нанести вред потребителю при оказании ею платных медицинских услуг. Организация или учреждение, занимающиеся оказанием медицинских услуг, обязаны строго соблюдать требования Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], Гражданского кодекса РФ и Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» [3].

Начнем с того какой вред может нанести медицинская организация в первую очередь. Это, конечно, же непредоставление достоверной информации. Медицинская организация Согласно

Igor S. Okhotnikov
Head of Direction,
Sberbank PJSC
okhotnikov33@gmail.com

PECULIARITIES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED IN THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES IN RUSSIAN CIVIL LAW PRACTICE

Annotation. At present, the legal mechanism for providing paid medical services and compensation for harm in their provision are very relevant. Until recently, paid medical services could only be provided by commercial medical centers, while at present state and municipal health institutions have the right to deal with paid medical services. However, not all non-profit health-care institutions are engaged in paid health-care services or how often extra-budgetary services are found on the websites of large public health-care institutions. But no matter how they are called, the point remains that an organization engaged in paid medical services has one of the most complex and multifaceted legal mechanisms for regulating its activities, which can directly be associated with harming the consumer of paid medical services.

Keywords: medical services, legal mechanisms, commercial medical centers, consumer protection, insurance company, law.

разделу III пункту 11 Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» обязана предоставить посредством размещения на своем сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также на своих информационных стендах (стойках) информацию, содержащую следующие сведения: сведения о лицензии на осуществление медицинской деятельности, перечень платных медицинских услуг с указанием цен в рублях, сведения о медицинских работниках и т.д.

Какие можно привести наиболее часто встречающиеся примеры непредоставления достоверной информации пациентам и их последствия:

1. Непредоставление достоверной информации о квалификации врача медицинской организации,

например, на сайте заявляется врач-уролог, а по образованию он фактически является врачом-хирургом – следствие неквалифицированная и/или некачественная медицинская услуга.

2. Несвоевременное информирование об изменениях цен на медицинские услуги – следствие отказа страховой компании оплаты пациенту услуги по полису ДМС, т.к. об изменении цен информируется и пациент и страховая компания. Более того страховая компания информируется об изменении цен на медицинские услуги не менее чем за 30 дней.

Таким образом, как мы видим информационный стенд и сайт медицинской организации являются не просто формальностью, а должны отвечать установленным требованиям с целью оказания пациентам качественных медицинских услуг.

Согласно п. 3 ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» при причинении вреда жизни, здоровью и имуществу потребителя вследствие непредоставления ему полной и достоверной информации о товаре (работе, услуге) потребитель вправе потребовать возмещения такого вреда в порядке, предусмотренном ст. 14 Закона РФ «О защите прав потребителей» [1].

Поскольку в случае, если в ходе судебного процесса будет установлено, что организация, оказывающая медицинские услуги, произвела их некачественно, в связи с чем, пациент, как потребитель, вправе потребовать возврат суммы выполненной работы (оказанной услуги), согласно положений ст. 29 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», штраф за отказ от добровольного удовлетворения требований пациента, а также возмещение морального вреда [1].

В связи с чем, расходы за некачественно оказанную услугу взыскиваются в том размере, в котором были оплачены пациентом, моральный вред, в зависимости от причиненного вреда, взыскивается от нескольких тысяч, до несколько сот тысяч рублей, штраф – в размере 50 % от указанных сумм.

Далее рассмотрим на примере правовой механизм возмещения вреда пациенту за некачественно указанную медицинскую услугу на основании ст. 29 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей».

К.И. обратился с иском к ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России о возврате денежных средств за некачественно оказанные медицинские услуги, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований указал, что 27 января 2016 года между ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России и К.И. был заключен договор на оказание медицинских услуг. В качестве аванса за оплату медицинских услуг К.И. оплатил 100000 руб. в ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России, что подтверждается кассовым чеком N 5476 от 27 января 2016 года. Далее, в период с 27 января 2016 года по 10 февраля 2016 года в ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России, истцу были оказаны медицинские

услуги на общую сумму 168718 руб., что подтверждается калькуляцией. Согласно кассовому чеку № 3435 от 09 февраля 2016 года, истец оплатил сумму в размере 68718 руб., так как сумма в размере 100000 руб. была оплачена истцом ранее - 27 января 2016 года в качестве аванса. Согласно калькуляции, истцу, в числе прочих медицинских услуг, были проведены стабилизирующие операции на позвоночном столбе.

Для проведения операции, лечащими врачами ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России, было рекомендовано истцу приобрести в ООО «МедБиоСервис» необходимый медицинский имплант + стержень Титан ТДМ. 28 января 2016 года истец приобрел данный имплант у ООО «МедБиоСервис» по цене 201500 руб., что подтверждается кассовым чеком. Итого, расходы истца составили 370218 руб.: 168718 руб. + 201500 руб. = 370218 руб. Согласно выписного эпикриза к истории болезни № 2016/01602, выданного ФГАУ «ЛРЦ», истец поступил в медицинское учреждение 27 января 2016 года, выписан 10 февраля 2016 года.

Истец полагает, что операция, проведенная ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России 01 февраля 2016 года, была проведена некачественно, с нарушением медицинской техники проведения подобных операций. Во время повторной операции, проведенной в ФГУБ «ПФМИЦ» было установлено, что в правом винте L4 отсутствует фиксирующая гайка, винт в L5 слева нестабилен. Вследствие некачественно проведенной операции у истца возникли осложнения и он был вынужден делать повторную операцию в ФГУБ «ПФМИЦ».

11 июля 2018 года ответчику была вручена претензия о некачественно оказанных медицинских услугах с требованием в срок до 22 июля 2018 года вернуть денежные средства в размере 370218 руб., потраченных истцом за проведенную операцию.

01 августа 2018 года истцом был получен ответ на претензию, в котором ответчик утверждает, что хирургическое лечение, проведенное истцу в ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России полностью соответствовало клиническому диагнозу, выполнено в соответствии с существующими стандартами, в связи с чем, считает претензию необоснованной, требования о возврате денежных средств не подлежащими удовлетворению.

Истец считает отказ ответчика незаконным и необоснованным, нарушающим права истца на возмещение расходов за некачественно оказанные медицинские услуги.

Кроме того, истцу вследствие некачественно оказанных медицинских услуг был причинен моральный вред, который заключается в том, что он понес физические и нравственные страдания, так как после проведенной операции состояние здоровья истца не улучшилось, а только ухудшилось, истцу пришлось делать повторную операцию, вновь испытывать физические страдания, связанные с операцией, а также нравственные страдания.

Основываясь на изложенном, истец просил взыскать с ответчика денежные средства в размере 805327 руб., из которых: 370218 руб. – сумма расходов, понесенных истцом за некачественно оказанные медицинские услуги; 250000 руб. – компенсация морального вреда; 185109 руб. – сумма штрафа за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Судом было принято решение на основании требований ст. 29 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» иск удовлетворить частично.

Взыскать с ФГАУ «ЛРЦ» Минздрава России в пользу К.И. денежные средства за некачественно оказанные медицинские услуги в размере 370218 руб., компенсацию морального вреда в размере 50000 руб., штраф в размере 100000 руб.

В остальной части иска отказать [4].

Таким образом, к особенностям возмещения вреда, нанесенного пациентам при оказании медицинских услуг в российской гражданско-правовой практике следует отнести:

1. Увеличение числа исков по обращению в суд за возмещением вреда в связи с некачественно оказанной медицинской услугой. Данная тенденция связана не столько с падением качества оказываемых медицинских услуг, сколько с увеличением организаций, занимающихся платными медицинскими услугами.
2. Основным нормативно-правовым актом, регулирующим правовой механизм возмещения вреда в связи с некачественно оказанной медицинской услугой, является Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».
3. В случае обращения пациента в суд за возмещением вреда в связи с некачественно оказанной

Литература:

1. Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
3. Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг».
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.11.2019 по делу № 2-288/2019, 33-50751/2019.

ему медицинской услуги, сумма иска увеличивается на 50 % за счет штрафа, предусмотренного Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

На основании выше изложенного необходимо отметить, что правовой механизм оказания платных медицинских услуг не должен носить исключительно карательный характер в отношении оказывающих их организаций, а должен быть цивилизованной основой взаимоотношений между пациентами и медицинскими организациями. Для обеспечения данной цели необходимо, чтобы коммерческие медицинские центры занимались не только извлечением прибыли из своей деятельности, но и в обязательном порядке принимали полную ответственность за свою врачебную деятельность перед пациентами, что должно быть максимально отражено в договорах на оказание платных медицинских услуг. Кроме того весьма полезным было бы создавать различные семинары и круглые столы по вопросам правового обеспечения деятельности медицинских организаций с совместным участием коммерческих медицинских организаций и государственных и муниципальных медицинских учреждений, т.к. коммерческие медицинские организации в настоящее время являются ущемленными в плане повышения своей компетенции в области правового обеспечения своей деятельности, т.к. государственным и муниципальным медицинским учреждениям большинство вопросов разъясняет Департамент здравоохранения, а с коммерческих медицинских центров большой спрос при проверках контролирующими органами, а правовым обеспечением они занимаются самостоятельно, т.к. непосредственного подчинения ими Департаменту здравоохранения не существует. А в перспективе возможно будет иметь свою целесообразность выделение в российском законодательстве отдельного права под названием «Медицинское право».

Literature:

1. Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 № 2300-1 «On the Protection of Consumer Rights».
2. Federal Law of November 21, 2011 № 323-FZ «On the Basics of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation».
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 04.10.2012 № 1006 «On the Approval of the Rules for the Provision of Paid Medical Services by Medical Organizations».
4. Appeal decision of the Moscow City Court of 08.11.2019 in case № 2-288/2019, 33-50751/2019.

Пачулия Нестор Анзорович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
lelele2011@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТГРАНИЧЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье исследуются исторические аспекты формирования уголовного законодательства и ответственности за хулиганство. Проводится анализ отличительных характеристик исследуемого преступления в законодательстве РСФСР и РФ. Представлена характеристика хулиганства как вида уголовного преступления согласно действующему российскому уголовному законодательству. Выделяются основные уголовно-правовые характеристики, позволяющие отграничить хулиганство от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: преступление; хулиганство; квалификация; массовые беспорядки; вандализм; общественный порядок.

Уголовная ответственность за хулиганство не новый вид уголовно наказуемого деяния. В 1956 году РСФСР решила расправиться со своей растущей хулиганской проблемой не путем предоставления небольшому числу людей больших тюремных сроков, а путем предоставления большому числу людей наказаний легкой степени тяжести. С принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство» государство создало менее тяжкую форму хулиганства и менее тяжкую форму хулиганского наказания для борьбы с самыми мелкими и обыденными проявлениями этой многовалентной преступной категории. Кроме того, было произведено разграничение между преступным поведением и проступком, что обеспечило снижение числа таких преступлений.

Указ о мелком хулиганстве, смягчив определение хулиганства, превратил обыденное пограничное поведение повседневности в преступление, за совершение которого могли привлечь к уголовной ответственности и дать реальный срок тюремного заключения.

Уголовное законодательство РСФСР определяло хулиганство как любое преднамеренное поведение, нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу. Данная формулировка существовала до принятия нового Уголовного кодекса РФ 1996 года.

Nestor A. Pachulia
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
lelele2011@bk.ru

FEATURES OF QUALIFICATION AND SEPARATION OF HOOLIGANISM FROM RELATED OFFENCES

Annotation. The article examines the historical aspects of the formation of criminal legislation and responsibility for hooliganism. The author analyzes the distinctive characteristics of the crime under study in the legislation of the RSFSR and the Russian Federation. The article presents the characteristics of hooliganism as a type of criminal offense in accordance with the current Russian criminal legislation. The main criminal-legal characteristics that allow us to distinguish hooliganism from related crimes are highlighted.

Keywords: crime; hooliganism; qualification; riots; vandalism; public order.

Позже, статья 213 Уголовного кодекса Российской Федерации установила ответственность за хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу [1], которое выражается в следующем:

Во-первых, в применении насилия к гражданам либо угрозой его применения. При таком составе важное значение для квалификации имеет способ совершения деяния. Так, например, Президиум Вологодского областного суда от 29.10.2018 по делу № 44У-43/2018 указал на наличии при таком составе издевательства или глумления над личностью потерпевшего [4].

Издевательства связаны со многими негативными последствиями, включая воздействие на психическое здоровье, употребление психоактивных веществ и самоубийства. Поэтому в данном случае смежным составом можно назвать ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства». Эти преступные деяния будут различаться характеристикой объективной стороны: в рамках смежного состава издевательства над личностью всегда будет иметь регулярный характер. Ю.А. Уколова [10] пишет, что особым объектом ст. 110 УК РФ является жизнь человека. Это еще одно различие между содержательными особенностями ст. 110 УК РФ и ст. 213 УК РФ.

Во-вторых, наличии мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или

религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В таком случае, схожим по характеристике деяния будет убийство по вышеуказанным мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Различия же состоят в последствиях преступного деяния.

Схожими также являются составы, предусматривающие публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и другие экстремистские преступления. Такие деяния нацелены на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, тогда как сами идеи межрелигиозного и иного противостояния лежат в описании деяния, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Экстремизм, по самой своей природе, является сложным явлением, хотя его сложность порой довольно проблематично выявить. В самом общем понимании, этот термин можно описать как уникальную деятельность, наряду с убеждениями, установками, чувствами, далекими от обыденности. В конфликтных ситуациях экстремизм проявляется как «жесткая форма конфронтации». Важно отметить, что однозначность в определении экстремизма в мировом научном сообществе отсутствует, что вызывает трудности с определением состава преступного деяния и его соотношения со схожими преступлениями.

В-третьих, в месте его совершения: на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также, на любом ином транспорте общего пользования.

Проблемные вопросы имеются также при квалификации хулиганства и действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 2671 УК РФ). Так, характеристикой объективной стороны хулиганства является его совершение на одном из видов транспорта, тогда как ст. 2671 УК РФ устанавливает ответственность за действия, угрожающие безопасности эксплуатации транспортных средств.

Проблемы квалификации вызваны отсутствием четкого разграничения указанных преступных деяний степенью общественной опасности, а также, с характеристикой действий участников преступного события и особенностями толкования некоторых понятий (вид транспорта и др.).

Отдельной проблемой разграничения ст. 2671 УК РФ и 213 УК РФ можно назвать сложности с характеристиками субъективных признаков преступлений. Они затрудняют принятие решений относительно схожих преступлений против безопасности при движении и эксплуатации транспорта, а также при нарушении правил охраны труда.

Квалификационные составы включают в себя применение оружия (предметов в качестве такового), группой лиц, в том числе, по предварительному сговору или организованной группой, а также, в форме сопротивления представителю власти (иному уполномоченному на сохранение общественного порядка лицу) [1].

В Толковом словаре Ожегова данный вид преступления толкуется как поведение человека, который в грубой форме нарушает сложившийся общественный порядок и является явным неуважением к гражданам, обществу и человеческому достоинству [9]. В этом понятии имеются определенные признаки квалификации, которые, по сути, отграничивают деяние, например, от мелкого хулиганства, ответственность за которое регулируется административным законодательством. Так, в рамках административного производства мелкое хулиганство сопровождается нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества [2].

Указанные квалифицирующие признаки значительно упрощают отграничение уголовно наказуемого хулиганства от схожего административного правонарушения.

Проблемы квалификации имеются при определении категории «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу». Указанные категории имеют субъективные характеристики и могут расцениваться разными субъектами (судами, прокуратурой, следственными органами) при квалификации различным образом.

Единого мнения относительно разграничения между указанными терминами в научной литературе и на законодательном уровне не определено, соответственно, такие признаки имеют оценочный субъективный характер.

К смежным составам хулиганства можно отнести массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) и вандализм (ст. 214 УК РФ).

Хулиганство отграничивают от массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ) характеристикой объективной стороны преступления, в том числе, оно не имеет признака вооруженного сопротивления представителю власти, а также, дифференциации ответственности за массовые беспорядки в зависимости от той роли, которую выполняет лицо в процессе совершения преступления. Кроме того, мотив хулиганства, в отличие от мотива преступлений в форме массовых беспорядков, влияет на квалификацию деяния.

Также, массовые беспорядки отличаются от хулиганства степенью общественной опасности.

Интересны особенности квалификации уголовной ответственности за аналогичные преступления в зарубежных странах. Так, в англо-американских правовых системах уголовное преступление в форме массовых беспорядков заключается главным образом в нарушении мира. Согласно кодексам континентальной Европы, преступление требует вмешательства или сопротивления государственной власти.

А.А. Алимпиев [6, с. 18] указывает на то, что в основу разделения смежных составов в зарубежных странах часто ставят степень общественной опасности. Так, например, в Соединенных Штатах, Соединенном Королевстве и Индии

преступление в форме организации массовых беспорядков схоже с российским прототипом хулиганства именно по степени общественной опасности. Обычно, оно является проступком, наказуемым легкими приговорами. Однако законы Соединенного Королевства предусматривают более суровые меры наказания, если организаторы массовых беспорядков отказываются разойтись после того, как им это приказал магистрат (правоохранительные органы). В Соединенных Штатах, Канаде и Индии за массовые беспорядки против государственной власти наказание ужесточается.

С.В. Векленко [7, с. 24] отмечает, что в Германии массовые беспорядки являются преступлением против государственной власти, а меньшие акты группового насилия называются нарушениями общественного спокойствия, то есть также как в и в России не являются предметом регулирования уголовного законодательства. Чтобы беспорядки переросли в массовые как форму уголовного преступления, должностному лицу, занимающемуся исполнением своих обязанностей, необходимо оказать сопротивление, подвергнуться нападению или угрозе.

Французское право не определяет массовые беспорядки отдельно, но рассматривает их как особый случай сопротивления государственной власти [11]. Нарушение мира, которое занимает центральное место в англо-американской концепции массовых беспорядков, не рассматривается во французском праве как преступление.

Следует отметить, что в российском уголовном законодательстве в случае совершения хулиганства в отношении отдельного гражданина, преступление по данной статье квалифицируется как преступление против личности. Данный вывод подтверждается и сложившейся судебной практикой [3].

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Российская газета. 12.01.2021. № 2.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021) // Российская газета. 08.02.2021. № 25.
3. Кассационное определение Тульского областного суда от 24.10.2012 по делу № 22-2181. URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?rnd=C1D2A3A61E4BA4DBEF1365E4896D752F&req=doc&base=SOKI&n=64943&REFFIELD=134&REFDST=100009&REFDOC=29840&REFBASE=PSR&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D5#z7om6bfxu8>
4. Постановление Президиума Вологодского областного суда от 29.10.2018 по делу № 44У-43/2018. URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?rnd=A822CD3D7A79AB97773A83F7B4B48D01&req=doc&base=SOSZ&n=219733&REFFIELD=134&REFDST=100007&REFDOC=59640&>

Как указывает М.А. Агаджанян [5, с. 5], хулиганство отграничивается от вандализма (ст. 214 УК РФ) как смежного состава преступления степенью общественной опасности, выражающейся в продолжительности и интенсивности совершаемых действий, размером вредных последствий и мотивом.

При их разграничении необходимо акцентировать внимание на предмете, а также специфике объективных и субъективных признаков элементов состава этих деяний.

Как указывает О.В. Журкина [8, с. 42], хулиганство посягает на общественный порядок, а преступления против собственности – на отношения собственности.

В целях устранения проблем квалификации и правоприменения предлагается:

– на законодательном уровне определить содержание таких категорий, как «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу»;

– на законодательном уровне определить содержание таких категорий, как «вид транспорта» для квалификации исследуемых понятий;

– разъяснить характеристики субъектного состава преступлений, предусмотренных ст. 2671 УК РФ и 213 УК РФ;

Предлагаемые направления развития нормативно-правового регулирования позволят улучшить практику правоприменения и, соответственно, закрепят соблюдение прав и гарантий граждан на организацию обособленного правосудия.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 30.12.2020) // Rossiyskaya gazeta. 12.01.2021. № 2.
2. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (ed. of 04.02.2021) // Rossiyskaya Gazeta. 08.02.2021. № 25.
3. Cassation ruling of the Tula Regional Court of 24.10.2012 on case № 22-2181. URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?rnd=C1D2A3A61E4BA4DBEF1365E4896D752F&req=doc&base=SOKI&n=64943&REFFIELD=134&REFDST=100009&REFDOC=29840&REFBASE=PSR&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D5#z7om6bfxu8>
4. Resolution of the Presidium of the Vologda Regional Court of 29.10.2018 on case № 44U-43/2018 URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?rnd=A822CD3D7A79AB97773A83F7B4B48D01&req=doc&base=SOSZ&n=219733&REFFIELD=134&REFDST=100007&REFDOC=59640&>

REFBASE=PSR&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D5#2p05etl3f66

5. Агаджанян М.А. Проблемы квалификации хулиганства / М.А. Агаджанян // Современная наука. 2014. №4. С. 5–7.

6. Алимпиев А.А. Значение законодательного закрепления объекта Преступления для повышения эффективности противодействия массовым беспорядкам / А.А. Алимпиев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. 3(37). С. 16–21.

7. Векленко С.В. Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах / С.В. Векленко // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. №1(3). С. 23–29.

8. Журкина О.В. Проблемы отграничения хулиганства от смежных составов преступлений / О.В. Журкина // Российский судья. 2018. № 10. С. 38–42.

9. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова. URL : <http://slovarozhegova.ru>

10. Уколова Ю.А. Своеобразие объекта посягательства в преступлении, связанном с самоубийством потерпевшего. URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=322978CC33CE75D39F0D51623DE79107&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32798-44&ts=2103816141674281935&base=CJI&n=25300&rnd=A822CD3D7A79AB97773A83F7B4B48D01#1xd1obdjwv>

11. Участники незаконных скоплений или сборищ наказываются тюрьмой или большими штрафами. URL : <https://rg.ru/2012/06/05/francia.html>

134&REFDST=100007&REFDOC=59640&REFBASE=PSR&stat=refcode%3D10881%3Bindex%3D5#2p05etl3f66

5. Aghajanyan M.A. Problems of hooliganism qualification / M.A. Aghajanyan // Modern science. 2014. № 4. P. 5–7.

6. Alimpiev A.A. The importance of legislative consolidation of the object of crime for improving the effectiveness of countering mass riots / A.A. Alimpiev // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(37). P. 16–21.

7. Veklenko S.V. Legislative regulation of criminal liability for mass riots in foreign countries / S.V. Veklenko // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 1(3). P. 23–29.

8. Zhurkina O.V. Problems of delineation of hooliganism from related elements of crime / O.V. Zhurkina // Russian judge. 2018. № 10. P. 38–42.

9. Explanatory dictionary of the Russian language S.I. Ozhegova. URL : <http://slovarozhegova.ru>

10. Ukolova Yu.A. The peculiarity of the object of encroachment in the crime associated with the suicide of the victim. URL : <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=322978CC33CE75D39F0D51623DE79107&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32798-44&ts=2103816141674281935&base=CJI&n=25300&rnd=A822CD3D7A79AB97773A83F7B4B48D01#1xd1obdjwv>

11. Participants in illegal gatherings or gatherings are punished with prison or large fines. URL : <https://rg.ru/2012/06/05/francia.html>

Потокин Юрий Николаевич
аспирант 2-го курса кафедры теории
и истории государства и права,
Институт права и управления
Московского городского
педагогического университета
potokinjn@mgpu.ru

Влияние римского права на становление института договорного права в романо-германской правовой семье

Аннотация. Процесс образования романо-германского права представляет собой многовековой процесс переработки материала римского права и дальнейшее встраивание этого материала в правовую структуру, ставшей базисом современного романо-германского права. Рассматривая развитие романо-германского права как следствие развития римского права можно выделить такие его особенности как доктринальность и концептуальность, абстрактный характер, опору на правовые доктрины и принципы. Некоторые институты договорного права возникли во времена античности, еще римскими юристами были выделены идеи договорного права, а именно: выделение сферы частного права, порядок заключения некоторых видов договоров, определение договоров и сделок. В 1804 году был принят Гражданский кодекс Франции, повторяющий наилучшие наработки римских юристов, именно с ним связана история становления института договорного права в континентальной Европе. В статье автором рассмотрено влияние римского права на становление института договорного права в романо-германской правовой семье.

Ключевые слова: римское право, институт договорного права, романо-германская правовая семья, товарищество, правовая семья, договор.

О снову правовых систем в романо-германской правовой системе составляло римское право, получив свое название в честь римского права и германской правовой науки [2]. К рассматриваемой правовой семье относятся системы права таких стран как: Франция, Германия, Италия, Австрия, Бельгия, Швейцария, Россия и других стран континентальной Европы, сюда можно отнести также большую часть государств Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока.

Романо-германское право было образовано в процессе изучения во французских, немецких и итальянских университетах римского права. В XII–XIV вв. в этих университетах была создана

Yuri N. Potokin
Postgraduate Student of the 2nd year
of the Department of Theory
and the History of the State and Law,
Institute of Law and Management
Moscow City of the Pedagogical University
potokinjn@mgpu.ru

THE INFLUENCE OF ROMAN LAW ON THE FORMATION OF THE INSTITUTION OF CONTRACT LAW IN THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY

Annotation. The process of formation of Romano-Germanic law is a centuries – old process of processing the material of Roman law and further embedding this material in the legal structure that has become the basis of modern Romano-Germanic law. Considering the development of Romano-Germanic law as a consequence of the development of Roman law, we can distinguish such features as its doctrinality and conceptuality, abstract nature, reliance on legal doctrines and principles. Some institutions of contract law originated in ancient times, even Roman lawyers were allocated the ideas of contract law, namely: the allocation of the sphere of private law, the procedure for concluding certain types of contracts, the definition of contracts and transactions. In 1804, the French Civil Code was adopted, repeating the best practices of the Roman lawyers, it is connected with the history of the formation of the institution of contract law in continental Europe. In the article the author considers the influence of Roman law on the formation of the institutio.

Keywords: roman law, institute of contract law, Romano-Germanic legal family, partnership, legal family, contract.

юридическая наука, основой которой послужил Свод законов Юстиниана [4]. Образованная таким образом она влияла на характер развивающегося романо-германского права. Процесс его образования можно представить как многовековой процесс полноценной переработки материала римского права и дальнейшее встраивание этого материала в правовую структуру средневековой культуры, базиса современного романо-германского права [5]. Основой метода юридической техники, а именно работы с текстом, которая и по сей день не потеряла своей актуальности, является деятельность юристов средневековых университетов, направленная на обобщение частных правоположений в общие максимы и

выработке юридических понятий [6]. Влияние римского права отражено в структуре материального права, подразделяя его на публичное и частное, признавая принцип дуализма частного права.

Правовые системы романо-германского права являются следствием развития римского права, особенностью его служит ярко выраженная доктринальность и концептуальность. Нормы данного права в отличие от англосакского носят абстрактный характер, устанавливая общие правила поведения, опираясь на правовые доктрины и принципы, и в целом, в системе источников права закон занимает здесь главенствующую роль. Под влиянием римского права в романо-германском праве наблюдается деление на публичное и частное право, в частности классификация норм на нормы частного и публичного права.

Обращение к опыту римского права в процессе становления романо-германского права можно объяснить следующей причиной – на момент становления наблюдался подъем экономики и в целом активизация торговли. В Римском праве на тот момент, в отличие от других, уже были готовые правила, отвечающие потребностям социума в правовой стабильности и порядке, подходящие для урегулирования товарных отношений и распространения основных правовых знаний.

Римское право в большинстве своем было правом не организаций, а частных лиц, этим можно объяснить, что оно не знало понятия «юридическое лицо». В данном случае его прообразом в римском праве было товарищество или договор на основании которого двое или больше лиц объединяются с целью осуществления общей хозяйственной цели. Участие в общем деле было возможно посредством вклада имущества или личного участия, возможно сочетание, а также услугами. Прибыль и убыток от общего дела распределялся согласно договору, при его отсутствии – поровну. Внутри рассматриваемого товарищества отношения носили преимущественно личный характер, что не исключало наличие юридических отношений между товарищами и третьими лицами. Понятие «юридическое лицо» в таком виде, каком оно известно нам сейчас, появилось в каноническом праве в XII-XIII вв.

Некоторые институты договорного права возникли во времена античности. Еще римским юристам были знакомы идеи рассматриваемого права, а именно: выделение сферы частного права, порядок заключения некоторых видов договоров (дарение, купли-продажи), определение договоров и сделок. Теоретическая база римского права легла в основу института договорного права в романо-германской правовой семье. В истории становления договорного права важным событием стало принятие Французского Гражданского кодекса в 1804 году, регулирующим договорно-правовые отношения и в целом гражданский оборот. Именно в этом кодексе было приведено определение договора: соглашение двух

или нескольких лиц, вступая в которое одна сторона принимала на себя обязанность дать что-либо, сделать что-либо, либо воздержаться от совершения чего-либо [7]. Дальнейшая история становления института договорного права в континентальной Европе непосредственно связана с содержанием Гражданского кодекса Франции 1804 г., повторяющий наилучшие наработки римских юристов. Также в подтверждение влияния римского права на становление договорного права стоит отметить, что в рассматриваемом кодексе отражена идея римских юристов о добровольности заключения договора и равенстве сторон правовых соглашений как обязательном условии признания сделок действительными и их непреложности, что означает невозможность без дополнительного соглашения сторон изменять что-либо в договоре или отказывать в одностороннем порядке в исполнении своих обязательств. До наших дней дошли такие виды договоров как: договор купли-продажи, договор хранения, договор мены и пр.

Выделим основные принципы договорного права в романо-германском праве, основой которого послужило римское право:

- ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение – создание неблагоприятных последствий для должника при нарушении договора относительно его имущества;
- обязательность исполнения, здесь можно привести афоризм римских юристов: « *Pacta sunt servanda*» или договоры должны исполняться. На данном афоризме построено все договорное право современности, иными словами, договор – это закон его участников.
- основная масса норм, особенно применительно к торговому праву, носит диспозитивный характер;
- плохие последствия наступают чаще всего при виновном поведении должника, вина – условие ответственности;
- стороны договора самостоятельно вправе решать: заключать договор или нет, какие пункты включить в договор и что будет в нем содержаться, в этом заключается свобода договора;
- презумпция вины, в случае нарушения договора автоматически должник будет признан виновным, однако за ним остается право на доказывание своей невиновности;
- нарушение равенства сторон признанием юридической силы за договорами присоединения.

Как видим, римское право имело непосредственное влияние на становление института договорного права в романо-германской правовой семье. Идеи римских юристов переплетены во многих нормах и правовых актах договорного права современной континентальной Европы.

Литература:

1. *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. Том первый. М. : Статут, 2010.
2. *Рассказов Л.П.* Теория государства и права. М., 2010. С. 454.
3. *Рене Давид.* Основные правовые системы современности. М. : Прогресс, 1988.
4. *Саидов А.Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А.Х. Саидов; Под ред. В. А. Туманова. М. : Юристъ, 2003. 448 с.
5. *Постников М.М.* Критическое исследование хронологии древнего мира. Восток и средневековье. М., 2000. Т. 3. С. 311.
6. *Честнов И.Л.* История политических и правовых учений. С. 164.
7. *Шершеневич Г.Ф.* О Кодексе Наполеона. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kodeks-napoleona>

Literature:

1. *Lafitskiy V.I.* Comparative jurisprudence in the images of law. Volume one. М. : Statute, 2010.
2. *Rasskazov L.P.* Theory of state and Law. М., 2010.
3. *Rene David.* The main legal systems of our time. М. : Progress, 1988.
4. *Saidov A.Kh.* Comparative jurisprudence (the main legal systems of modernity) : textbook / A.Kh. Saidov Ed. by V. A. Tumanov. М. : Yurist, 2003. 448 p.
5. *Postnikov M.M.* Critical study of the chronology of the ancient world. The East and the Middle Ages. М., 2000. Vol. 3. P. 311.
6. *Chestnov I.L.* History of Political and Legal doctrines. P. 164.
7. *Shershenevich G.F.* On the Code of Napoleon. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kodeks-napoleona>

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Мешков Денис Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры ФПиТД,
Владимирский государственный
университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
Meshkov33@mail.ru

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

■ ■ ■

Аннотация. Авторы статьи предпринимают попытку по разграничению концепции вины и содержания деяния, которое может нередко рассматриваться как преступное. Ими сопоставляются различные формы вины, отношение «условно» виновных лиц к последствиям неосторожных проступков. Рассматривается неотъемлемость причинно-следственной связи между поведением субъекта и преступным ущербом. Авторы на основе собранной информации пытаются создать единое отношение лица к совершенному деянию, исходя из различно происходящих ситуаций, учитывая наличие и отсутствие умысла.

Ключевые слова: противоправное деяние, концепция вины, отношение к содеянному, отношение к содеянному.

■ ■ ■

Отсутствие концепции вины в уголовном законодательстве порождает и углубляет его несистемный характер, в частности, в институте вменения уголовной ответственности. Вина представляет собой характер и степень причастности лица к причиненному уголовному деянию, признаки которого должны быть мотивом и целью данного деяния, характеризующим мотивы и направленность на причинение уголовного вреда.

Принцип виновности является основополагающим принципом уголовного права, который посредством разграничения виновного и невиновного поведения определяет структуру уголовного права и его содержание, цели и задачи, другие принципы, основания и виды наказания.

Вопросы концепции и содержания вины неизбежно затрагивались и затрагиваются философами, учеными и практиками с момента

Andrei A. Savin
Senior Lecturer of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Aasavin33@mail.ru

Denis N. Meshkov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of FPiTD,
Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletovs
Meshkov33@mail.ru

MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GUILT IN CRIMINAL LAW

■ ■ ■

Annotation. The authors attempt to distinguish between the concept of guilt and the content of the act, which can often be considered as criminal. Various forms of guilt, the attitude of «conditionally» guilty persons to the consequences of careless misconduct are compared. The article considers the inherent causal relationship between the subject's behavior and criminal damage. The authors, based on the collected information, try to create a unified attitude of a person to the committed act, based on different situations, taking into account the presence and absence of intent.

Keywords: illegal act, the concept of guilt, attitude to the deed, attitude to the deed.

■ ■ ■

появления наказания в целом. С давних времен актуален вопрос: если нет понятия вины, то, возможно, это связано с желанием предотвратить избыточность юридических понятий? Однако разные подходы и научные споры вокруг категории вины свидетельствуют о том, что за этой концепцией скрыты гораздо более серьезные интересы, чем законодательная экономика и лаконизм текста. В толковом словаре В.И. Даля вина определяется как «начало, причина, источник, оправдание», вина означает состояние виновного, а обвинение означает виновность в чем-либо [1]. Это предполагает, что без вины как начала, причины и источника явления, возникновение и существование уголовных правоотношений невозможно. О том же говорится в пункте 1 ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающем уголовную ответственность только за те общественно опасные действия (бездействие) и

общественно опасные последствия, которые возникли.

Институт уголовного права постоянно совершенствуется. Формально понятие вины рассматривается в гл. 5 УК РФ, хотя ее содержание и признаки не упоминаются. Как законодатель определяет наличие вины человека в совершении деяния, если уголовное право не раскрывает ни его содержание, ни особенности? Для этого, полагаем, используется определенный переход.

На основании п. 1 ст. 24 УК РФ провозглашается виновность лица, которая усматривается в совокупности признаков. Затем в ст. 25 и ст. 26 УК РФ раскрываются признаки умысленной и неосторожной форм вины. Кроме того, в ст. 27 УК РФ рассматривается ответственность за преступление, совершенное с двумя формами, а в ст. 28 – признаки невиновного причинения вреда.

Эффективное использование функционального назначения слов как способа идентификации объектов, явлений и связей между ними, используемых в процессе общения людей, возможно только в ситуации однозначного и понятного для сторон обмена информацией. Однако такое требование не соблюдается в рассматриваемой ситуации. Слово «вина» как существительное должно характеризовать объект, явление со стороны их сущности как внутреннюю основу, содержание, значение [2]. В свою очередь, виновный как имя прилагательное является производным от вины, которое указывает качество, свойство объекта или явления [3], но не раскрывает его. Таким образом, в действующем уголовном законодательстве вместо вины в качестве основополагающего принципа, предлагается форма виновного отношения к совершенному преступлению. Такая замена не может считаться эквивалентной, потому что характер преступления и отношение к нему – не одно и то же.

Кроме того, предлагаемые формы внутреннего отношения к преступности (умысел и неосторожность) имеют существенные недостатки: их признаки не способны преодолеть проблему субъективного восприятия окружающей действительности, поскольку они основаны только на субъективном факторе, т.е. имеют оценочную природу. Интеллектуальные и волевые признаки обеих форм вины в основном не привязаны к конструктивным признакам преступного поведения, которые способны лишь проявлять и неизбежно демонстрировать наличие или отсутствие существенного признака преступления, а именно общественной опасности в форме преступного вреда. Речь идет о мотивах и целях субъекта преступления, значение которого было упомянуто ранее [4].

При таких обстоятельствах субъективное восприятие судом лиц, обвиняемых в совершении преступного деяния, способно в любой ситуации трансформировать субъективное наложение уголовной ответственности в объективную, что запрещено ст. 5 УК РФ. Поэтому все гарантии, направленные на обеспечение полноты и объективности судебного разбирательства, ограничиваются свободой оценивать доказательства со

стороны сотрудников правоохранительных органов, что непосредственно влияет на законность, обоснованность и справедливость приговора.

Согласимся с Г.В. Назаренко и А.И. Ситниковой о том, что опасность оценочного подхода к понятию вины заключается в тактическом отказе от принципа субъективного вменения и перехода к объективному (оценочному) вменению. Сущность оценочной теории вины, в отличие от психологической теории, заключается в попытке обосновать приоритет социально-оценочных (идеологических) признаков вины над психологическими [5].

Поскольку под понятием «вина» понимается психическое отношение субъекта к совершенному преступлению, мы полагаем справедливым идентифицировать субъективную сторону преступления с чувством вины, включая мотивы и цели преступления. Предложение связать признаки вины с такими конструктивными признаками преступного поведения, как мотив и цель, в теории далеко не всегда воспринимается как допустимое. Часто возникает вопрос о неосторожной форме вины, конструкция которой не связана с преступными мотивами и целями. Таким образом, можем заключить, что отсутствие понятия вины, с одной стороны, не позволяет однозначно определить криминологическую обоснованность форм неосторожной виновности. Но, с другой стороны, конструкция неосторожных форм вины не содержит признака осознанности, а небрежность даже не имеет предвидения возможности наступления общественно опасных последствий. Соответственно, возникают вопросы о содержании внутреннего отношения человека к последствиям небрежности и целям наказания.

Существование причинно-следственной связи между поведением субъекта и преступным ущербом должно быть безусловным. Тот факт, что этот признак относится к объективной стороне преступления, не означает, что человек не должен знать об этом, тем не менее, конструкция легкомыслия указывает просто на бессознательность такого знака.

Что же касается самонадеянного расчета, то суть такого понятия сводится к тому, что субъект надеется на себя в своих расчетах. Человек всегда в поведении руководствуется субъективными представлениями и концепциями. Другое дело, что они могут быть искажены или фальшивы, но не может быть иначе, потому что каждый человек воспринимает окружающую реальность субъективно. Если рассуждать иначе, то оказывается, что субъект должен полагаться на «чужие мозги» в своих «расчетах», что невозможно при рассуждении о здравомыслящем человеке.

Наиболее дискуссионной в теории уголовного права является законность и обоснованность небрежности как формы неосторожного отношения к наступлению общественно опасных последствий. Как уже отмечалось, эта форма неосторожности не является признаком не только осознания, но и предвосхищения возможности наступления социально опасных последствий своего деяния. Как указано в п. 3 ст. 26 УК РФ, виновный, с

необходимой осторожностью и дальновидностью, должен и мог предвидеть последствия. Требование необходимой заботы и предусмотрительности одновременно указывает на отсутствие таких компонентов поведения в то время, когда субъект совершил инкриминируемое деяние. В качестве обоснования такого требования законодатель выдвигает объективный критерий, который отражается в соответствующем нормативном акте (должен был предвидеть), и субъективный, отражающий внутреннее состояние лица (могло предвидеть).

Однако легко понять, что требования небрежной формы вины, предложенные законодателем, предполагают иное жизненное положение и другие внутренние состояния субъекта, чем те, которые имели место на самом деле во время совершения предполагаемого деяния. В результате, признаки такой вины вступают в противоречие со ст. 8 УК РФ, где говорится, что основанием для привлечения к уголовной ответственности является фактически совершенное деяние, содержащее все элементы состава преступления.

Таким образом, небрежность отрывает правоприменительные органы от конкретной жизненной

ситуации и реального внутреннего состояния человека, что указывает на объективное привлечение к уголовной ответственности.

В пользу вышесказанного можно привести положения ст. 28 УК РФ, раскрывающей невиновное причинение вреда, где предусматривается невиновность при совершении деяния, если лицо не осознавало и не могло осознавать общественной опасности деяния либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

Таким образом, необходимо прийти к выводу, что двусмысленный подход законодателя к содержанию различных форм вины определяется отсутствием концепции вины и приводит к несистемности в вопросах вменения уголовной ответственности, отдавая при этом возникающие вопросы «на откуп» правоприменителю. Разрешение проблемы видится в определении вины характера и степени причастности субъекта к причиненному им преступному вреду, признаками которой видятся мотив и цель деяния, характеризующие побуждения и направленность на причинение преступного вреда.

Литература:

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4; Т. 1: А–З. М. : Русский язык, 2012. С. 204.
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57000 слов. Екатеринбург : Урал-Советы (Весть), 2004. С. 679.
3. *Ожегов С.И.* Там же. С. 513.
4. *Петин И.А.* Мотив и цель как сущностные критерии поведения индивида и вменения преступного вреда / И.А. Петин // Российский следователь. 2014. № 8. С. 28–31.
5. *Назаренко Г.В.* Состав преступления : учеб. пособие / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова. Орел : ОрелГТУ, 2014. С. 101.

Literature:

1. *Dal V.I.* An interpretive dictionary of the living Great Russian language. Vol. 1–4; Vol. 1: A-Z. M. : Russian, 2012. P. 204.
2. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language: about 57000 words. Yekaterinburg : Ural-Soviets (News), 2004. P. 679.
3. *Ozhegov S.I.* In the same place. P. 513.
4. *Petin I.A.* Motif and purpose as essential criteria of individual behavior and imputation of criminal harm. 2014. № 8. P. 28–31.
5. *Nazarenko G.V.* The composition of the crime : textbook. Orel : OrelGTU, 2014. P. 101.

Смирнов Александр Михайлович

доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Международный
юридический институт
milena.555@mail.ru

Smirnov Alexander Mikhailovich

Doctor of Law,
Associate Professor,
Chief Research officer
NITs-2 FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
milena.555@mail.ru

**Вопросы
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КРИМИНАЛЬНОМУ ОБРАЩЕНИЮ
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ,
НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ
И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ,
МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И ОБОРОТУ
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК**

**ISSUES OF CRIMINAL LEGAL
COUNTERING TO THE CRIMINAL
TREATMENT OF FALSE, SUB-QUALITY
AND UNRECORATED DRUGS, MEDICAL
DEVICES AND THE TURNOVER
OF FALSIFIED ADDITIONAL ACTIVITIES**

Аннотация. В статье на основе анализа положений ст. 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации излагаются некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, свидетельствующие о непрофессионализме законодателя и снижающие эффективность правоприменительной практики в направлении противодействия развитию «теневого» фармацевтического рынка на территории нашей страны. Предлагаются меры по повышению результативности этой деятельности.

Annotation. In the article, based on the analysis of the provisions of Art. 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation sets out some issues of criminal prosecution for the circulation of counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices and the circulation of counterfeit dietary supplements, testifying to the incompetence of the legislator and reducing the effectiveness of law enforcement practice in the direction of countering the development of the «shadow» pharmaceutical market on territory of our country. Measures are proposed to improve the effectiveness of this activity.

Ключевые слова: здоровье населения, лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, фармацевтическая продукция, фармацевтический рынок.

Keywords: public health, medicines, medical devices, biologically active additives, pharmaceutical products, pharmaceutical market.

○ обеспечение здоровья нации выявляется одной из главных конституционных обязанностей Российской Федерации, поскольку, согласно ее Конституции, каждый человек, находящийся на территории России, имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Основного закона) [1].

различные уровни ответственности, в том числе уголовная. Так, например, в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) предусмотрен раздел IX. «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», содержащий в себе главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», в которую входят ряд статей, предусматривающих привлечение к уголовной ответственности за ряд деяний, причиняющий существенный вред здоровью нации (ст. 228–238.1).

Вместе с тем, в сфере отечественного здравоохранения имеет место быть достаточно много недостатков, злоупотреблений и нарушений закона, для борьбы с которыми установлены

В настоящей статье мы уделим внимание юридическому анализу статьи 238.1 УК РФ, предусматривающей привлечение к уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (БАДов). Данная статья является новеллой для российского уголовного закона, поскольку она была введена в него относительно недавно – в 2014 г. [2]

Как это, к сожалению, достаточно часто бывает, многие юридические новеллы УК РФ вызывают вполне обоснованные нарекания со стороны научного сообщества, что свидетельствует о хроническом непрофессионализме российского законодателя. Не обошлось без этого и относительно данной нормы. В настоящей статье мы выразим некоторые, достаточно очевидные, по нашему мнению, замечания по поводу юридической конструкции данной статьи, вопросов по ее эффективному применению, которые существенным образом снижают практику противодействия развитию «теневого» фармацевтического рынка на территории нашей страны, для борьбы с которым и была, собственного говоря, разработана и включена в УК РФ эта статья.

В первую очередь, на что хотелось бы сразу обратить внимание – это на несоответствие названия рассматриваемой статьи с содержательной составляющей ее диспозиции (следует отметить, что этот недостаток имеет системный характер для уголовно-правового нормотворчества). Так, в ее наименовании указывается *на обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных БАДов*, когда как в диспозиции речь идет о производстве, сбыте и ввозе на территорию Российской Федерации данных средств, изделий и добавок, что является явным нарушением юридической техники, указывающей на строгое соответствие названия статьи с ее диспозицией.

Производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации указанных в ст. 238.1 УК РФ средств, изделий и добавок представляют собой исключительно умышленные действия. При этом сложно представить, что снабжение населения вредными и даже опасными по своей сути фальсифицированными, недоброкачественными или незарегистрированными лекарственными средствами или медицинскими изделиями, а также БАДами, содержащими не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, ни при каких обстоятельствах ни причинит вред здоровью граждан и даже не приведет к летальным исходам. Вместе с тем в ч. 2 и ч. 3 данной статьи говорится о привлечении к уголовной ответственности за эти действия, если они повлекли по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека или же смерть двух или более лиц. Явная абсурдность данного подхода не выдерживает никакой критики, поскольку изложенные в рассматриваемой статье деяния, по сути, совершаются с

косвенным умыслом на причинение вреда здоровью и даже жизни граждан.

Далее, не лишено критики указание в рассматриваемой статье на вредные последствия. В ч. 1, с учетом примечания, говорится о том, что преступными указанные в ней действия могут считаться, если они совершены в крупном размере, т.е., на сумму свыше сто тысяч рублей. Представляется очень странным непризнание законодателем данных действий преступными в случае их совершения на гораздо меньшую сумму, если при этом был причинен вред здоровью даже одному человеку или употребление им недоброкачественного лекарственного препарата привело к смертельному исходу.

Помимо этого, квалифицированный состав и, как следствие, повышенный уровень ответственности, создают только причинение тяжкого вреда здоровью, наступление смерти человека, или двух и более лиц. Почему законодатель забыл об установлении повышенной ответственности в случае причинения вреда здоровью человека небольшой или средней тяжести, в данном случае непонятно.

Абсурдность законодательского подхода к построению юридической конструкции ст. 238.1 УК РФ проявляется и в том, что он указывает на признак «незаконности» только при криминализации производства, сбыта или ввоза на территорию Российской Федерации незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий. Отсюда можно сделать вывод о том, что данные действия, совершаемые с фальсифицированными, недоброкачественными лекарственными средствами или медицинскими изделиями, а также с фальсифицированными БАДами, содержащими не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, (например, их производство) является вполне законным делом. Помимо этого, странным является то обстоятельство, что такой признак субъективной стороны, как цель сбыта в качестве юридически значимого, указан также только в отношении незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий.

Из анализа содержания диспозиции ст. 238.1 УК РФ следует, что она носит бланкетный характер, т.е., для того чтобы правильно установить предмет преступного посягательства необходимо обратиться к нормам иных отраслей права, что в определенной степени создает сложности в применении данной статьи. В частности, такие понятия, как «фальсифицированное лекарственное средство», «недоброкачественное лекарственное средство» и «контрафактное лекарственное средство» содержатся в ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [3], что относится к фальсифицированным, недоброкачественным или контрафактным медицинским изделиям и регламентировано в ст. 38 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]. Что относится к БАДам, регламентировано в ст. 4 решения Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011

№ 880 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции») (ред. от 24.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2020).

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования и повышения эффективности борьбы с развитием «теневое» фармацевтического рынка на территории нашей страны считаем целесообразным:

Литература:

1. *Спасенников Б.А.* Преступное поведение и психические расстройства : монография / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов, А.Н. Тихомиров. М. : Юрлитинформ, 2016.
2. Федеральный закон от 31.12.2014 № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок» // Российская газета. 2015. № 1. 12 января.
3. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. 2010. № 78. 14 апреля.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263. 23 ноября.

– исключить из ч. 1 ст. 238.1 УК РФ указание на крупный размер полученных от указанных в ней деяний денежных средств, т.е., распространить действие данной нормы на все подобные деяния независимо от выгоды;

– исключить указание на неосторожную форму вины при причинении вреда здоровью и жизни потерпевшим от указанных в рассматриваемой статье деяний и привлекать субъектов их совершения по совокупности статей как за умышленное причинение вреда здоровью или жизни.

Literature:

1. *Spasennikov B.A.* Criminal behavior and mental disorders : monograph / B.A. Spasennikov, A.M. Smirnov, A.N. Tikhomirov. M. : Yurlitinform, 2016.
2. Federal Law of December 31, 2014 № 532-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation with regard to countering the circulation of falsified, counterfeit, substandard and unregistered medicines, medical devices and falsified dietary supplements» // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 1. January 12.
3. Federal Law of 12.04.2010 № 61-FZ «On the Circulation of Medicines» // Rossiyskaya Gazeta. 2010. № 78. April 14.
4. Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. № 263. November 23.

Смирнов Александр Михайлович

доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Международный
юридический институт
milena.555@mail.ru

**ХАРАКТЕРИСТИКА
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБРАЩЕНИЮ
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ,
НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ
И НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ,
МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ И ОБОРОТУ
ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК**

Аннотация. В статье приводится уголовно-правовая характеристика ст. 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяющая правильно применять ее положения в правоприменительной практике. Делается вывод о том, что включение в российский уголовный закон данной статьи стало долгожданной правовой новеллой, повысившей эффективность противодействия распространению на территории нашей страны недоброкачественных и контрафактных медицинских препаратов и изделий.

Ключевые слова: здоровье населения, лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, фармацевтическая продукция, фармацевтический рынок.

Изготовление и последующее обращение недоброкачественных или поддельных медицинских средств и препаратов, а также, биологически активных веществ (БАДов), которые представляют собой основу «теневого» рынка фармацевтической продукции, имеет большую общественную опасность, поскольку употребление людьми данных средств, препаратов и веществ зачастую приводит к причинению значительного вреда их здоровью даже летальным исходам. В целом, это наносит значительный ущерб здоровью населения и, как следствие, внутренней безопасности государства [1]. Именно поэтому Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) содержит ст. 238.1 специально предусматривающую привлечение к уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброка-

Smirnov Alexander Mikhailovich

Doctor of Law,
Associate Professor,
Chief Research officer
NITs-2 FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
milena.555@mail.ru

**CHARACTERISTIC
OF THE CRIMINAL LEGAL
COUNTERING TO THE ADMISSION
OF FALSE, SUB-QUALITY
AND UNREGISTRED DRUGS, MEDICAL
DEVICES AND THE TURNOVER
OF FALSIFIED ACTIVE BIOLOGICAL**

Annotation. The article provides a criminal law characteristic of art. 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which makes it possible to correctly apply its provisions in law enforcement practice. It is concluded that the inclusion of this article in the Russian criminal law has become a long-awaited legal novelty that has increased the effectiveness of countering the spread of substandard and counterfeit medical products and products on the territory of our country.

Keywords: public health, medicines, medical devices, biologically active additives, pharmaceutical products, pharmaceutical market.

чественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок [2].

Родовым объектом уголовно-правовой защиты данной нормы выступают общественная безопасность и общественный порядок, видовым – здоровье населения, а непосредственным – общественные отношения в сфере обращения лекарственных средств, медицинских изделий и БАДов.

Объективная сторона заключается в совершении одного из трех указанных в ст. 238.1 УК РФ действий, а именно:

- 1) производство;

2) сбыт;

3) ввоз.

Производство, в контексте данной нормы, заключается в создании с применением специальных реагентов или активных веществ на специальном оборудовании или кустарным способом, перечисленных в данной статье изделий. Сбыт – в продаже, поставке или реализации различными способами, то есть доведение до субъектов потребления (населения) в целях непосредственного использования ими изготовленной продукции в целях получения от этого материальной выгоды (денежных средств). Ввоз – в активных действиях по доставке на территорию России из другого государства рассматриваемой продукции, т.е., ее импортное ввоз. Таким образом, объективная сторона рассматриваемого преступного деяния заключается в совершении только активных действий.

Особенностью данных действий, входящих в объективную сторону рассматриваемого преступления, является то, что производство, сбыт или ввоз на территорию нашей страны лекарственных средств медицинских изделий в том случае, если они фальсифицированы или недоброкачественны, либо совершение данных действия с фальсифицированными БАДами, уже само по себе, является преступным, когда как совершение данных действия с незарегистрированными лекарственными средствами или медицинскими изделиями признается преступлением только в том случае, если они были совершены незаконно.

Рассматриваемое преступление содержит предметы противоправного посяательства, к которым относятся лекарственные средства, медицинские изделия и БАДы. При этом каждое из этих изделий для признания совершенного с ними деяния преступлением, должно быть наделено специфическим признаком: лекарственные средства и медицинские изделия должны быть фальсифицированными, недоброкачественными либо незарегистрированными, а БАДы – только незарегистрированными. Относительно последних изделий законодатель дает уточнение, что они должны содержать не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, иначе указанные в ст. 238.1 УК РФ действия с ними не будут являться преступными. Отсюда следует, что рассматриваемая норма УК РФ имеет бланкетный характер.

Для установления предмета преступного посяательства необходимо обратиться к положениям Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 № 61-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). Согласно этому нормативному акту:

– фальсифицированным лекарственным средством признается лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе (п. 37 ст. 4);

– недоброкачественным лекарственным средством – лекарственное средство, не соответст-

вующее требованиям фармакопейной статьи либо в случае ее отсутствия требованиям нормативной документации или нормативного документа (п. 38 ст. 4);

– контрафактным лекарственным средством – лекарственное средство, находящееся в обороте с нарушением гражданского законодательства (п. 39 ст. 4).

При этом в Российской Федерации допускаются производство, изготовление, хранение, перевозка, ввоз в Российскую Федерацию лекарственных препаратов, если они зарегистрированы соответствующим уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 1 ст. 13) [3]. Что относится к фальсифицированным, недоброкачественным или контрафактным медицинским изделиям, регламентировано в ст. 38 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). Что относится к БАДам, регламентировано в ст. 4 решения Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» (вместе с «ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции») (ред. от 24.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2020).

Совершение рассматриваемых преступных деяний с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», группой лиц по предварительному сговору или организованной группой образуют квалифицированные составы рассматриваемого преступного деяния (ч. 1.1 и ч. 2) с установлением повышенной ответственности за их совершение.

Обязательным юридически значимым признаком объективной стороны рассматриваемого преступного деяния является последствия их наступления. Основным состав рассматриваемого преступления предполагает привлечение к уголовной ответственности только в том случае, если производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации лекарственных средств, медицинских изделий и БАДов было осуществлено в крупном размере, которым является сумма, превышающая сто тысяч рублей [4]. В случае совершения указанных в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ действий был причинен тяжкий вред здоровью человека или наступила его смерть, а также, наступила смерть двух и более лиц речь идет о повышенной ответственности с назначением более строго наказания (ч. 2 и ч. 3 ст. 238.1 УК РФ).

Субъект рассматриваемого преступного деяния общий, т.е., им может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста.

Субъективная сторона рассматриваемого преступного деяния выражается в совершении только умышленных действий. При этом

наступление более тяжких последствий в случае его совершения (причинение тяжкого вреда здоровью человека, наступление его смерти, а также наступление смерти двух и более лиц) предполагает неосторожную форму вины.

Юридическое значение для привлечения к уголовной ответственности за незаконное производство, сбыт или ввоз на территорию России незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий является цель их сбыта. В

противном случае речь о составе преступления идти не может.

В заключение уголовно-правовой характеристики ст. 238.1 УК РФ хотелось бы обратить внимание на то, что ее включение в российский уголовный закон стало долгожданной правовой новеллой, повысившей эффективность противодействия распространению на территории нашей страны недоброкачественных и контрафактных медицинских препаратов и изделий.

Литература:

1. *Спасенников Б.А.* Преступное поведение и психические расстройства : монография / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов, А.Н. Тихомиров. М. : Юрлитинформ, 2016.
2. *Кобец П.Н.* Предупреждение оборота фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств / П.Н. Кобец // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире.* 2017. № 18-3. С. 20–21.
3. *Годунов О.И.* Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств / О.И. Годунов // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки.* 2015. № 2. С. 13–18.
4. *Третьякова Е.И.* Проблемы применения законодательства об ответственности за фальсификацию лекарственных средств / Е.И. Третьякова // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2018. № 3-2. С. 112–118.

Literature:

1. *Spasennikov B.A.* Criminal behavior and mental disorders : monograph / B.A. Spasennikov, A.M. Smirnov, A.N. Tikhomirov. M. : Yurlitinform, 2016.
2. *Kobets P.N.* Prevention of the circulation of counterfeit and substandard medicines / P.N. Kobets // *Fundamental and applied research in the modern world.* 2017. № 18-3. P. 20–21.
3. *Godunov O.I.* Problematic issues of criminal prosecution for the circulation of counterfeit drugs / O.I. Godunov // *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Natural, social sciences.* 2015. № 2. P. 13–18.
4. *Tretyakova E.I.* Problems of the application of legislation on liability for counterfeiting of medicines / E.I. Tretyakova // *Izvestia of the Tula State University. Economic and legal sciences.* 2018. № 3-2. P. 112–118.

Смирнов Александр Михайлович

доктор юридических наук,
доцент,
главный научный сотрудник
НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Международный
юридический институт
milena.555@mail.ru

Smirnov Alexander Mikhailovich

Doctor of Law,
Associate Professor,
Chief Research officer
NITs-2 FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Professor of the Department
Criminal Law Disciplines,
International Law Institute
milena.555@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБРАЩЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ
СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ
И ОБОРОТА ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИ АКТИВНЫХ ДОБАВОК**

**TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE
OF THE CRIMINALIZATION
OF TREATMENT IN THE TERRITORY
OF THE RUSSIAN FEDERATION
OF DRUGS, MEDICAL DEVICES
AND CIRCULATION OF FALSIFIED
BIOLOGICALLY ACTIVE SUPPLEMENTS**

■ ■ ■
Аннотация. В статье приводится комплекс обстоятельств, аргументирующих актуальность и целесообразность криминализации обращения на территории Российской Федерации лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок. Делается вывод о том, что данная законодательная новелла, хотя и не лишена недостатков, но, тем не менее, является позитивным «шагом» законодателя в направлении противодействия развитию на территории нашей страны «теневого» фармацевтического рынка.

■ ■ ■
Annotation. The article provides a set of circumstances that substantiate the relevance and expediency of criminalizing the circulation of medicines, medical devices and circulation of falsified dietary supplements in the territory of the Russian Federation. It is concluded that this legislative novelty, although not without flaws, is nevertheless a positive «step» of the legislator in the direction of countering the development of a «shadow» pharmaceutical market on the territory of our country.

■ ■ ■
Ключевые слова: здоровье населения, лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, фармацевтическая продукция, фармацевтический рынок.

■ ■ ■
Keywords: public health, medicines, medical devices, biologically active additives, pharmaceutical products, pharmaceutical market.

■ ■ ■
О беспечение здоровья нации выявляется одной из главных конституционных обязанностей Российской Федерации, поскольку, согласно ее Конституции, каждый человек, находящийся на территории России, имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Основного закона) [1].

■ ■ ■
кальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств [2].

Сохранение и поддержание здоровья населения является одним из главных задач обеспечения внутренней национальной безопасности. Именно поэтому, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, укрепление здоровья населения входит в сферу национальных интересов, а сфера охраны здоровья граждан является частью долгосрочной государственной политики. Одной из стратегических целей эффективной реализации данной политики является работа по совершенствованию верти-

К сожалению, производство недоброкачественных, поддельных лекарственных средств и медицинских препаратов, а также биологически активных добавок к пище является частью мирового «теневого» фармацевтического бизнеса, который имеет свое распространение и на территории России. Недобросовестные производители такой вредной продукции ради своей личной выгоды не задумываются о вреде, который может причинить их «продукция» жизни и здоровью граждан.

Вопросы противодействия мировому рынку недоброкачественной фармацевтической продукции и медицинских изделий стали предметом обеспокоенности мирового сообщества. Так, необходимость принятия действенных мер по

обеспечению надлежащего качества лекарственных средств и выявления фальсификации обсуждалась в рамках 42-го конгресса Международного союза чистой и прикладной химии (IUPAC, август 2009 г., Глазго, Великобритания).

Согласно данным российской статистики, количество контрафактных лекарств на российском рынке снижается. Этому способствует эффективная работа Росздравнадзора [3]. Вместе с тем, еще в достаточно недалеком прошлом Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приводила данные о том, что в России около 25 % (по состоянию на 2012 г.) лекарств являются поддельными [4]. Резкое возрастание объемов производства поддельных лекарств стало возможным в период непрофессионального перехода России на рыночные отношения в конце XX века, когда личная выгода и коррупция во власти были выше общечеловеческих ценностей. Смена политического строя способствовало тому, что в России были уничтожены советские нормы обеспечения качества продукции и советская система контроля качества производства и потребления.

Как справедливо отмечают исследователи, примечательным является то обстоятельство, что до 2004 г. в Федеральном законе РФ «О лекарственных средствах», даже отсутствовали понятия фальсифицированное, контрафактное и недоброкачественное лекарственное средство [5].

Россия, безусловно, не могла не предпринимать меры по противодействию «теневому» фармацевтическому рынку, наносящему существенный вред здоровью нации и ее генофонду. В этом вопросе она была солидарна с мировым сообществом и позитивно рассматривала варианты взаимодействия. Так, министр здравоохранения Российской Федерации Т.А. Голикова в 2011 г. подписала Конвенцию Совета Европы MEDICRIME о борьбе с подделкой медикаментов.

На фоне изложенного, все чаще стали вестись дискуссии о социальной необходимости криминализации оборота контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий, чтобы

Литература:

1. Спасенников Б.А. Преступное поведение и психические расстройства : монография / Б.А. Спасенников, А.М. Смирнов, А.Н. Тихомиров. М. : Юрлитинформ, 2016.
2. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II), Ст. 212.
3. За пять лет объем контрафактных лекарств в РФ снизился в три раза. URL : <https://rg.ru/2018/11/15/za-piat-let-obem-kontrafaktnyh-lekarstv-v-rf-snizilsia-v-tri-raza.html>

обезопасить граждан от их пагубного воздействия и ограничить свободу развития «теневому» фармацевтического рынка на территории нашей страны. В этой связи, специалисты-криминологи неоднократно обращали внимание на то обстоятельство, что отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) специальной нормы, предусматривающей привлечение к уголовной ответственности за столь специфическое преступление не позволяет в полной мере юридически правильно квалифицировать действия лиц, безразлично относящихся к судьбам больных людей, безрезультативно либо губительно для здоровья людей, принимающих поддельные лекарственные средства или пользующиеся медицинскими изделиями, наивно надеясь на выздоровление, а в итоге – получая совершенно противоположный результат [6].

В результате развернувшейся в рамках данной проблематики научной и профессиональной дискуссии, в 2014 г. в УК РФ была введена статья 238.1, предусматривающая привлечение к уголовной ответственности за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок. Данная норма вошла в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», содержащий в себе главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Ст. 238.1, несмотря на ожидаемость своей разработки и включения в УК РФ, не лишена недостатков, впрочем, как и большинство уголовно-правовых новелл. В частности, вызывает сожаление, что преступными, указанные в ее диспозиции деяния, признаются только в том случае, если доход от реализации контрафактных биологически активных добавок, лекарств или медицинских изделий будет превышать сто тысяч рублей, несмотря на вред, который может быть причинен жизни и здоровью граждан даже при гораздо меньшей выгоде правонарушителей.

Literature:

1. Spasennikov B.A. Criminal behavior and mental disorders : monograph / B.A. Spasennikov, A.M. Smirnov, A.N. Tikhomirov. M. : YurLitinform, 2016.
2. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. № 1 (part II). Art. 212.
3. Over five years, the volume of counterfeit medicines in the Russian Federation has decreased three times. URL : <https://rg.ru/2018/11/15/za-piat-let-obem-kontrafaktnyh-lekarstv-v-rf-snizilsia-v-tri-raza.html>

4. Около 25 % лекарств, потребляемых в России, являются поддельными. URL : https://health.mail.ru/news/okolo_lekarstv_potreblyaemyh_v_rossii

5. Годунов О.И. Проблемные вопросы привлечения к уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств / О.И. Годунов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2015. № 2. С. 13-18.

6. Годунов О.И. К вопросу о реализации уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарств / О.И. Годунов // Научный поиск. 2015. № 1.5. С. 5–7.

4. About 25 % of drugs consumed in Russia are counterfeit. URL : https://health.mail.ru/news/okolo_lekarstv_potreblyaemyh_v_rossii

5. *Godunov O.I.* Problematic issues of criminal prosecution for the circulation of counterfeit drugs / O.I. Godunov // Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Natural, social sciences. 2015. № 2. P. 13–18.

6. *Godunov O.I.* On the issue of the implementation of criminal liability for the circulation of counterfeit drugs / O.I. Godunov // Scientific search. 2015. № 1.5. P. 5–7.

Соловяненко Нина Ивановна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Сектора предпринимательского
и корпоративного права,
Институт государства и права РАН
spp@igpran.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АГРАРНОГО БИЗНЕСА

Аннотация. Развитие мирового агропромышленного производства и торговли продовольствием в последние десятилетия подразумевает цифровую трансформацию и переход на новый технологический уклад, что является существенным фактором устойчивого развития. Цифровизация сельского хозяйства и продовольственного сектора осуществляется на основе IT-платформ, Интернета вещей, облачных вычислений, больших данных, искусственного интеллекта, блокчейн технологии. Фрагментарные и неясные правовые конструкции, медленное обновление правового регулирования сдерживают внедрение цифровых решений. Основанная на цифровых стратегиях современная нормативная база должна укрепить доверие аграриев к «умному сельскому хозяйству». В России правовой механизм стратегического планирования охватывает развитие национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство». Цифровые стратегии также включают обновление базового законодательства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, продовольственная безопасность, цифровые стратегии, «умное сельское хозяйство», национальная платформа «цифровое сельское хозяйство», правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства, информационное обеспечение в сфере сельского хозяйства.

Мировое агропромышленное производство и торговля продовольствием значительно изменились за последние два десятилетия. Цифровая трансформация и переход на новый технологический уклад открывают небывалые возможности для реализации целей и задач Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, которые включают «поддержание продовольственной безопасности; развитие сельских районов и внедрение устойчивых методов ведения сельского и рыбного хозяйства; сохранение и рациональное использование природных ресурсов планеты» [6, с. 94–102; 7, с. 81–90].

Цифровизация процессов в сельском хозяйстве и продовольственном секторе осуществляется на

Nina I. Solovyanenko
Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher
Business Sector
and Corporate Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of sciences
spp@igpran.ru

LEGAL STRATEGIES FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF AGRICULTURAL BUSINESS

Annotation. The development of global agricultural production and food trade in recent decades implies a digital transformation and the transition to a new technological order, which is an essential factor for sustainable development. Digitalization of agriculture and the food sector is carried out on the basis of IT platforms, the Internet of Things, cloud computing, big data, artificial intelligence, and blockchain technology. Fragmented and unclear legal mechanisms, slow updating of legal regulation hinder the introduction of digital solutions. A modern regulatory framework based on digital strategies should strengthen the confidence of farmers in «smart agriculture». In Russia, the legal mechanism of strategic planning covers the development of the national platform «Digital Agriculture». Digital strategies also include updating basic legislation.

Keywords: sustainable development, food security, digital strategies, «smart agriculture», national platform «digital agriculture», legal regulation of digitalization of agriculture, information support in the field of agriculture.

основе многочисленных технологических решений: электронный обмен данными (EDI); IT-платформы, датчики и Интернет вещей (IoT); облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект и технологии распределенных реестров, такие как блокчейн. Эти технологии находятся на разных стадиях развития; EDI используется с 1990-х годов, а блокчейн-технологии и искусственный интеллект в сельском хозяйстве и пищевой промышленности все еще разрабатываются.

Суть цифровой трансформации заключается в производстве, передаче и анализе данных способами, которые ранее были технологически или финансово невозможны. Цифровые технологии

позволяют собирать, фиксировать и обрабатывать большой объем данных в области агропромышленного производства, например, необработанные данные, полученные от удаленных систем, таких как спутники, а также агрегированные и обработанные данные, полученные в результате обследований и переписей. Сельскохозяйственные данные анализируются производителями в целях более точного использования сельскохозяйственных ресурсов; адаптации к погодным и климатическим условиям; автоматизации повторяющихся задач; а также более эффективного ведения учета и администрирования. Доступ к сельскохозяйственным данным, обмен ими и их использование для более эффективного принятия решений и внедрения инноваций лежат в основе цифрового сельского хозяйства. «Цифровая революция» в сельском хозяйстве дает возможность подключить все производственные процессы к одной большой платформе, позволяющей собирать, систематизировать и обмениваться информацией с ферм и полей в онлайн-режиме и корректировать работы на производственных участках в зависимости от полученной информации» [4]. Нарастание возможности обмена сельскохозяйственными данными также может повысить прослеживаемость сельскохозяйственной продукции. Цифровизация изменяет все звенья агропродовольственной цепочки. Управление ресурсами во всей системе становится высоко оптимизированным, индивидуализированным, интеллектуальным и упреждающим.

Однако политический, экономический, а также юридический ландшафт, в котором осуществляется цифровизация агропромышленного предпринимательства и торговли продовольствием, характеризуется не только достижениями, но также специфическими проблемами и рисками. Европейские исследования показывают нарастающую зависимость экономики от инфраструктуры и услуг информационно-коммуникационных технологий, усугубленную пандемией COVID-19. Сельское хозяйство во время пандемии стало более цифровым и вместе с тем был выявлен ряд экономических, юридических и социальных проблем, связанных с наличием, качеством и доступностью сельскохозяйственных данных, характеризующих конкретные местности и условия, а также поиском баланса между защитой частной жизни и конфиденциальности сельскохозяйственных данных и экономическими интересами фермеров. Большая часть сельскохозяйственных данных собирается на фермах, но обрабатывается с помощью программного обеспечения, права на которое принадлежат сторонним частным лицам, что вызывает принципиальный юридический вопрос: каким образом осуществляется управление этими данными – то есть, кто контролирует их и вправе извлекать из них ценность. Производители выражают обеспокоенность тем, что ненадлежащее использование полученных от фермерских хозяйств данных и обмен ими способны привести к недобросовестной конкуренции или раскрытию конфиденциальной информации о фермерских хозяйствах, что может повлиять, например, на стоимость участков земли.

Для решения вопросов управления данными используются подробные и сложные контракты, регулирующие отношения между фермерами и поставщиками техники и услуг, которые потенциально заинтересованы в сельскохозяйственных данных, генерируемых на фермах. При заключении контрактов с такими поставщиками фермеры могут находиться в неравновесном положении, обусловленном отсутствием у них необходимой информации или технической грамотности (например, терминология, используемая в контрактах, может быть предельно технологической и малопонятной для мелких производителей) [11; 12].

Хотя контракты варьируются от компании к компании, они обычно включают условия, которые устанавливают, что можно и что нельзя делать с технологией и с данными, собранными посредством этой технологии. Условия использования технологии в договорах, как правило, охватывают широкий круг вопросов, таких как: кто является владельцем данных; какие данные могут передаваться; где осуществляется хранение данных (в том числе в какой стране); как обеспечивается безопасность и конфиденциальность данных; что происходит с данными, когда контракт заканчивается (устаревшими данными); что происходит с данными, когда бизнес продается или закрывается; могут ли данные быть перенесены от одного поставщика к другому; в какой стране может быть рассмотрен спор по контракту. Контракты также часто связаны с другими документами, такими как политика конфиденциальности. В некоторых случаях именно политика конфиденциальности, а не условия контракта, определяет, кто может иметь доступ к данным, генерируемым в соответствии с контрактом. Если условия, регулирующие безопасность и защиту данных, не ясны фермерам, это становится особой проблемой [13].

«Локдаун», вызванный пандемией, также продемонстрировал, что сельские жители, которые не пользуются компьютерными сетями, «не обладающие достаточными компетенциями перекалибрироваться, недостаточно мобильные по сравнению с горожанами», стали еще более изолированными и получают меньше поддержки и возможностей [9].

Фрагментарные и неясные правовые механизмы сдерживают готовность фермеров применять цифровые решения. Например, им могут быть недоступны средства защиты прав физических лиц в отношении персональных данных, такие как контроль и ряд других, поскольку сельскохозяйственные данные не всегда подпадают под определение персональных данных. Совершенствование правового регулирования происходит медленнее, чем разработка и внедрение высоких технологий. Как справедливо указывают ученые-юристы «...действительность вводит в оборот новые феномены, новые способы экономического взаимодействия. ... к ним часто сложно подойти со старыми регуляторными подходами» [1, с. 39–47]. «Проблемы и риски должны быть оценены специалистами, найдены пути их минимизации, что, в свою очередь, должно быть закреплено в

законодательстве» [5, с. 534–538]. В этой связи необходимо оперативное создание новейшей нормативной базы, которая укрепит доверие заинтересованных участников, инвестирующих в «умное сельское хозяйство» и использующих его потенциал для роста и инноваций данного сектора. «Новизна состоит не в изменении сути права, его природы, а в обогащении его содержания, связанного с принципиальной новизной самого средства передачи информации» [2, с. 9]. Обеспечение доверия как одну из фундаментальных задач правового регулирования цифровой экономики отмечают как российские, так и зарубежные исследователи: Основная проблема, конечно, это доверие. Формально в нем заинтересованы вообще все участники новых отношений» [1, с. 39–47;8]. Следует разработать юридический механизм, способствующий преодолению «цифрового неравенства» в сельских районах. В Дорожной карте по цифровому сотрудничеству, представленной Генеральным секретарем ООН, указывается, что следует объединять, уважать и защищать людей в цифровую эпоху. Люди, работающие в сельском, лесном и рыбном хозяйстве, живущие в отдаленных и сельских районах, не должны оставаться позади [9, с. VII].

Цифровые стратегии, планы и дорожные карты формируют цели и задачи правового регулирования. Так, разрабатываемые в рамках организаций экономической интеграции и отдельных государств стратегии цифрового, сельского хозяйства подразумевают создание сбалансированной системы управления цифровизацией и принятие соответствующих нормативных правовых актов в данной сфере. Создание национальной стратегии электронного сельского хозяйства является важной инициативой для любой страны, планирующей использовать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в сельском хозяйстве. Любая эффективная дорожная карта для электронного сельского хозяйства потребует целостного, многостороннего подхода, поскольку ИКТ также стимулируют развитие других секторов, имеющих решающее значение для сельского хозяйства, а именно банковское дело, мониторинг погоды, землепользование, страхование, логистику и электронное государственное управление.

В Европейском Союзе Цифровая повестка дня для Европы (DAE) определяет ключевую стимулирующую роль, которую использование цифровых технологий должно сыграть в достижении Европейским Союзом амбициозных целей экономического лидерства. Чтобы обеспечить справедливую, открытую и безопасную цифровую среду, Европейская Комиссия приняла Стратегию цифрового единого рынка, в основе которой лежат следующие основные принципы: обеспечение лучшего доступа потребителей и предприятий к цифровым товарам и услугам по всей Европе, создание надлежащих условий для развития цифровых сетей и услуг и максимизация потенциала роста цифровой экономики. Стратегия цифрового единого рынка определяет основные экономические, политические и юридические условия электронного сельского хозяйства в ЕС.

В Европейском Союзе значительные инвестиции были направлены на продвижение крупномасштабных пилотных проектов, включая создание сельскохозяйственных цифровых платформ, поддерживающих инновации в сельскохозяйственном секторе. В частности, три пилотных проекта и одна сеть центров цифровых инноваций получили в общей сложности 80 миллионов евро на исследования и инновации в области внедрения цифровых технологий для сельскохозяйственного сектора: IoF2020, DEMETER, ATLAS и SmartAgriHubs. IoF2020, объединяющий две экосистемы – агробизнес и передовых поставщиков ИКТ, сосредоточен на содействии внедрению Интернета вещей (IoT) в пищевой промышленности и сельском хозяйстве. IoF2020 (Internet of Food & Farm 2020) – фермерский проект, ориентированный на использование в двадцати двух государствах-членах ЕС, охватывает пять различных сельскохозяйственных секторов: пахотный, молочный, фруктовый, овощной и мясной. Сосредоточен на расширении использования по всей Европе, а также совершенствовании приложений и внедрении новых технологий. ATLAS (Agricultural inTeroperability & Analysis System) разрабатывает открытую цифровую сервисную платформу для сельскохозяйственных приложений, а также создает устойчивую экосистему для инновационного сельского хозяйства, основанного на данных. Проект DEMETER ориентирован на внедрение новых возможностей для бизнеса в агропродовольственную экономику и сохранение при этом природных ресурсов Европы. Проект демонстрирует, как комплексный подход к бизнес-моделированию может поддержать устойчивое сельское хозяйство и системы производства продовольствия, обеспечить людей безопасными продуктами питания и поддержать фермеров в процессе принятия ими решений [10].

В Российской Федерации концептуальные подходы к созданию национальной стратегии электронного (цифрового) сельского хозяйства, включая систему его нормативного регулирования, базируются на положениях национальной программы «Цифровая экономика РФ», а также «Доктрины продовольственной безопасности РФ», утвержденной Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20. Задача продвижения высоких технологий и развертывания цифровых платформенных решений в целях инновационного преобразования агропромышленного комплекса как одной из приоритетных отраслей российской экономики поставлена в соответствии с Указом Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Развитие электронного (цифрового) сельского хозяйства интегрировано в правовой механизм стратегического планирования. «Цифровое сельское хозяйство» обозначено в таком документе стратегического планирования как «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 375 в данную государственную программу внесены изменения: ведомственный проект

«Цифровое сельское хозяйство» включен в направление (подпрограмму) «Обеспечение условий развития агропромышленного комплекса». Проектом «Цифровое сельское хозяйство» предусмотрено применения в производстве сельскохозяйственной продукции и продовольствия высоких технологий (интернета вещей, робототехники, искусственного интеллекта, анализа больших данных, электронной коммерции, создания информационной системы сбора отраслевых данных «Единое окно» и другие). К базовым элементам проекта «Цифровое сельское хозяйство» относятся:

– «Центральная информационно-аналитическая система сельского хозяйства – банк информации, интегрированный с информационными системами Минсельхоза России, Росстата, Федеральной таможенной службы, Росгидромета, для оперативного мониторинга состояния и развития объектов аграрно-промышленного комплекса;

– Единая федеральная информационная система земель сельскохозяйственного назначения, содержащая актуальную информацию о землях сельскохозяйственного назначения, интегрированную с базами Росреестра и Роскосмоса;

– интеллектуальная система мер государственной поддержки и личный кабинет получателя субсидии (включая электронную идентификацию фермеров в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) и в Единой биометрической системе;

– применение правовой конструкции смарт-контракта;

– «Эффективный гектар», который позволит моделировать экспортные потоки сельскохозяйственного сырья в реальном времени, предполагает точный прогноз урожаев и сроков уборки;

– электронный документооборот;

– масштабирование отечественных цифровых решений для предприятий АПК, таких как: «Умная ферма» «Умное поле» и ряд других;

– электронная образовательная система «Земля знаний» [3].

Для проведения в жизнь цифровизации сельского хозяйства в соответствии с приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 25 февраля 2020 г. № 84 предусмотрено создание национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство».

Создание и ввод в эксплуатацию государственных информационных систем, входящих в состав

Литература:

1. *Габов А.В* Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 39–47.

Платформы, осуществляется в соответствии с постановлением Правительства РФ от 24.05.2010 № 365 «О координации мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных органов», а также постановлением Правительства РФ от 07.03.2008 № 157 «О создании системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства». Государственная информационная система сбора и анализа отраслевых данных «Единое окно» проектируется в качестве источника входных данных для национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство».

«На Форуме ProAgroTalk 1.0: «Новый технологический уклад в сельском хозяйстве. Опыт Италии и России» отмечалось, что «эффективное цифровое сельскохозяйственное производство уже внедряется в пилотных регионах. Программа объединяет высокотехнологичные международные компетенции в области образования, применения беспилотников и наноспутников, цифровых платформ для сбора, хранения, обработки данных и управления задачами» [4].

Правовое регулирование мероприятий, обеспечивающих цифровую трансформацию в том числе сельского хозяйства, должны поддерживаться актуализированными законодательными положениями общего характера. Так, например, ГК РФ дополнен статьей 783.1, в которой зафиксированы характерные черты договора об оказании услуг по предоставлению информации. В статье 160 ГК РФ указано, что письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Статья 309 ГК РФ дополнена частью второй, в которой установлено, что: «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств ... путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». В обновленном федеральном законе «Об электронной подписи» модифицирована система удостоверяющих центров; определено понятие и разработан механизм использования метки доверенного времени; предусмотрена возможность использования «облачной» электронной подписи; введена правовая конструкция доверенной третьей стороны для внутреннего и трансграничного взаимодействия.

Literature:

1. *Gabov A. V.* Changes in law as a consequence of the development of the digital economy / A. V. Gabov // Perm legal almanac. 2020. № 3. P. 39-47.

2. *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху ифровизации / В.Д. Зорькин // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.
3. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». URL : <https://www.mcxac.ru/upload/medialibrary/04c/04cf3968669675d0b9ecc106ad04a1a7.pdf>
4. Переход сельхозпроизводства на цифровые технологии обсудили на бизнес-форуме специалисты России и Италии // Российская газета (rg.ru) 19.02.2021.
5. *Попова О.В.* Цифровая деревня. В книге: Материалы международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития экологического, земельного и аграрного права» / О.В. Попова; Отв. ред.: В.В. Устюкова, Т.В. Редникова, О.А. Самончик, Ю.А. Каспрова. 2018. С. 534–538.
6. *Устюкова В.В.* Риски и угрозы продовольственной безопасности и правовые средства их преодоления / В.В. Устюкова, Л.А. Биткова // Аграрное и земельное право. 2018. № 5(161). С. 94–102.
7. *Anisimov A.* Current Challenges of Sustainable Rural Development in Russia: Trends and Perspectives / A. Anisimov, O. Popova, V. Ustyukova // *Problemy Ekorozwoju*. 2019. Vol. 14. № 2. P. 81–90.
8. Digital Regulation Handbook: Geneva: International Telecommunication Union and the World Bank, 2020. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
9. ITU and FAO. 2020. Status of Digital Agriculture in 18 countries of Europe and Central Asia. Geneva, Switzerland.
10. Large-scale pilots in the digitisation of agriculture // Shaping Europe's digital future (europa.eu).
11. *Maru A.* Digital and data-driven agriculture: Harnessing the power of data for smallholders / A. Maru [et al.]. 2018. URL : <https://cgspace.cgiar.org/handle/10568/92477>
12. OECD FOOD, AGRICULTURE AND FISHERIES PAPERS № 146 © OECD 2020. OECD iLibrary | Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers' perspective (oecd-ilibrary.org).
13. *Wiseman L.* Farmers and their data: An examination of farmers' reluctance to share their data through the lens of the laws impacting smart farming, NJAS – Wageningen Journal of Life Sciences. L. Wiseman [et al.]. 2019 Vol. 90–91. URL : <https://doi.org/10.1016/j.njas.2019.04.007>
2. *Zorkin V.D.* Providentia or on the law of the future in the era of digitalization / V.D. Zorkin // State and law. 2020. № 6. P. 7–19.
3. Ministry of Agriculture of the Russian Federation Departmental project «Digital Agriculture». URL : <https://www.mcxac.ru/upload/medialibrary/04c/04cf3968669675d0b9ecc106ad04a1a7.pdf>
4. The transition of agricultural production to digital technologies was discussed at the business forum by experts from Russia and Italy // Rossiyskaya Gazeta (rg.ru) 19.02.2021.
5. *Popova O.V.* Digital village. In the book: Materials of the international scientific and practical conference «Modern trends in the development of environmental, land and agricultural law» / O.V. Popova; Responsible editors: V.V. Ustyukova, T.V. Rednikova, O.A. Samonchik, Yu.A. Kasprova. 2018. P. 534–538.
6. *Ustyukova V.V.* Risks and threats to food security and legal means to overcome them / V.V. Ustyukova, L.A. Bitkova // Agrarian and land law. 2018. № 5(161). P. 94–102.
7. *Anisimov A.* Current Challenges of Sustainable Rural Development in Russia: Trends and Perspectives / A. Anisimov, O. Popova, V. Ustyukova // *Problemy Ekorozwoju*. 2019. Vol. 14. № 2. P. 81–90.
8. Digital Regulation Handbook: Geneva: International Telecommunication Union and the World Bank, 2020. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
9. ITU and FAO. 2020. Status of Digital Agriculture in 18 countries of Europe and Central Asia. Geneva, Switzerland.
10. Large-scale pilots in the digitisation of agriculture // Shaping Europe's digital future (europa.eu).
11. *Maru A.* Digital and data-driven agriculture: Harnessing the power of data for smallholders / A. Maru [et al.]. 2018. URL : <https://cgspace.cgiar.org/handle/10568/92477>
12. OECD FOOD, AGRICULTURE AND FISHERIES PAPERS № 146 © OECD 2020. OECD iLibrary | Issues around data governance in the digital transformation of agriculture: The farmers' perspective (oecd-ilibrary.org).
13. *Wiseman L.* Farmers and their data: An examination of farmers' reluctance to share their data through the lens of the laws impacting smart farming, NJAS – Wageningen Journal of Life Sciences. L. Wiseman [et al.]. 2019 Vol. 90–91. URL : <https://doi.org/10.1016/j.njas.2019.04.007>

Сумачев Алексей Витальевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор по кафедре уголовного права,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний
alekssumachev@mail.ru

Пузыревский Роман Валентинович

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент по кафедре
физической подготовки и спорта,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний
roman.val68@mail.ru

**ДЕТЕРМИНАНТЫ
СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ
ОГРАНИЧЕНИЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются детерминанты суицидального поведения как указанные в уголовном законе, так и не указанные (законное увольнение сотрудника, развод супругов, выставление неудовлетворительной оценки на экзамене, прекращение личных отношений между парнем и девушкой, «нравоучения» родителей и др.) Также, анализируются организационно-правовые ограничения, установленные в связи с распространением коронавируса (COVID-19). Автором указывается на необходимость законодательного закрепления в виде соответствующего примечания к ст. 110 УК РФ, правила, согласно которому законные (даже аморальные) действия (бездействие), ставшие поводом для самоубийства (покушения на него) не влекут уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ.

Ключевые слова: суицид, детерминанты, уголовная ответственность, глобальные ограничения.

Детерминанты суицидального поведения могут быть достаточно разнообразными. В частности, в ряду причин самоубийства (покушения на самоубийство) в ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) законодатель называет: угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Далее, в ст. 110-1 УК РФ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» указаны такие способы как: уговоры, предложения, подкуп, обман, а равно иные способы (за исключением указанных в ст. 110 УК РФ).

Alexey V. Sumachev

Doctor of Law,
Professor,
Professor in the Department of Criminal Law,
Academy of Law and Management
Federal Service
Enforcement of Sentences
alekssumachev@mail.ru

Roman V. Puzyrevsky

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Physical Fitness and Sports,
Academy of Law and Management
Federal Service
Enforcement of Sentences
roman.val68@mail.ru

**DETERMINANTS OF SUICIDAL
BEHAVIOR IN THE CONTEXT
OF GLOBAL CONSTRAINTS**

Annotation. The article examines the determinants of suicidal behavior both specified in the criminal law and not specified (legal dismissal of an employee, divorce of spouses, unsatisfactory marks on the exam, termination of personal relations between a guy and a girl, «moralizing» of parents, etc.) and analyzes the organizational and legal restrictions established in connection with the spread of coronavirus (COVID-19). The need for legislative consolidation is indicated in the form of a corresponding note to Art. 110 of the criminal code, the rules under which legitimate (even immoral) actions (inaction), which has become a cause for the suicide (attempt at it) does not entail criminal liability according to Art. 110 of the criminal code.

Keywords: suicide, determinants, criminal liability, global restrictions.

Кроме того, в качестве детерминант суицидального поведения могут выступать самостоятельные составы преступлений, где суицид выступает в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака состава преступления - когда законодатель использует категорию «иные тяжкие последствия». Например:

– Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми

веществами» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 г., от 30.06.2015 г., от 16 мая 2017 г.) в абз. 2 п. 28 определяет: «Под иными тяжкими последствиями следует понимать самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего ... и т.п.» [1];

– Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в п. 13 определяет, что «К иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера, предусмотренным пунктом «б» части 3 статьи 131 и пунктом «б» части 3 статьи 132 УК РФ, следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица ... и т.п.» [2];

– Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в п. 21 определяет: «Под тяжкими последствиями как квалифицирующим признаком преступления, предусмотренным частями 3 статьи 285 УК РФ и пунктом «б» части 3 статьи 286 УК РФ, следует понимать последствия совершения преступления в виде ... самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.» [3].

Анализ детерминант суицидального поведения (законодательно определенных способов доведения до самоубийства) возникает вопрос: Всегда ли действия виновного при доведении потерпевшего до самоубийства (попытки самоубийства) должны быть преступными? И здесь целесообразно сослаться на данные анализа уголовных дел о доведении до самоубийства, проведенного Ю.А. Уколовой. Ей не встретилось ни одного материала, где действия виновного, характеризующие доведение до самоубийства, носили бы непреступный характер. Угрозы (слова) обычно подкрепляются действиями, которые носят характер жестокого обращения или истязания. Действия виновного, связанные с угрозами убийством потерпевшего или причинения ему вреда здоровью, дают основания потерпевшему опасаться реализации данной угрозы, поскольку виновный ранее избивал его или причиняет физические страдания в настоящий момент. К примеру, угрозы выгнать из дома убеждают потерпевшего в их реализации тем, что однажды виновный не пускал потерпевшего домой, заставлял ночевать на улице, отказывал в питании. Таким образом, угрозы являются продолжением системы действий, носящих характер жестокого обращения, направленного в целом на причинение психических или физических страданий. Только в таком случае действия виновного становятся достаточными для самоубийства потерпевшего [4, с. 18–19]. Из сказанного, Ю.А. Уколова делает категоричный вывод: «Деяния, ставшие причиной самоубийства потерпевшего, могут быть квалифицированы как доведение до самоубийства только в том случае, если сами по себе являются общественно опасными, т.е. преступными» [4, с. 19].

Заметим, что такой позиции придерживается большинство исследователей. Законные или даже аморальные действия (бездействие), ставшие поводом для самоубийства (покушения на него) не могут характеризовать объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Соответственно, с позиций действующего законодательства не влекут уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ такие действия как:

– действия начальника, законно уволившего сотрудника или действия мужа, разошедшегося с женой, если они даже были предупреждены, что сотрудник или жена намерены покончить с собой, и, все же, не отказались от своих действий [5, с. 41];

– постоянное надоедливое следование как тень за возлюбленной, систематические задержки с выдачей зарплаты [6, с. 365];

– обоснованное выставление неудовлетворительной оценки на экзамен [7];

– прекращение личных отношений между парнем и девушкой [8];

– «нравоучения» родителей, если они не связаны с унижением человеческого достоинства самоубийцы (например, физическое воздействие в рамках реализации «родительской власти»), и т.п. [9]

Причинами самоубийства (покушения на него) могут выступать и некоторые организационно-правовые ограничения, установленные, например, в связи с распространением коронавирусной инфекции. Так, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) в связи с распространением коронавируса (COVID-19) ввела ограничения передвижения и пропускной режим в субъектах Российской Федерации [10]. В частности, Постановлением Правительства Тюменской области от 17.03.2020 № 120-п были установлены определенные ограничения и обязанности:

– гражданам старше 65 лет, а также, гражданам, имеющим определенные заболевания, рекомендовано соблюдать режим самоизоляции;

– обязанность соблюдать режим самоизоляции сроком на 14 календарных дней для прибывших в аэропорт «Рощино» г. Тюмени специальными рейсами из неблагоприятных регионов РФ, в том числе, с месторождений;

– обязанность граждан не покидать места проживания (пребывания);

– обязанность граждан использовать санитарно-гигиенические маски, в т.ч., многоцветного применения, при нахождении в общественном транспорте, легковом такси, транспортном средстве, осуществляющем перевозки пассажиров и багажа по заказу, служебном транспорте, при посещении мест приобретения товаров, получения услуг, органов власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех организационно-правовых форм и

форм собственности, учреждений, мест работы индивидуальных предпринимателей.

При этом за невыполнение гражданами нормативных правовых актов Тюменской области по защите населения от чрезвычайных ситуаций в период действия в Тюменской области режима повышенной готовности или режима чрезвычайной ситуации установлен административный штраф в размере от 2000 до 3000 руб. За повторное нарушение – штраф от 3000 до 5000 руб. (ст. 3.6 Кодекса Тюменской области об административной ответственности) [11].

Также, были закрыты образовательные, спортивные, развлекательные организации и места общественного питания. Указанные ограничения существенным образом ограничили свободу передвижения, как в пределах населенного пункта, так и в пределах страны и мира, уменьшили объем межличностного общения и, соответственно, существенно повысили «интерес» к информационной сфере в области телекоммуникаций и социальных сетей. Термин «интерес» неслучайно указан в кавычках, поскольку в данном случае мы его используем как отрицательную категорию, с одной стороны, характеризующую «нездоровый интерес», а с другой – как «интерес», итогом которого является получение нежелательной, морально-негативной информации о ситуации в стране и мире в период пандемии.

И стоит констатировать, что существенное ограничение свободы межличностного общения повысили уровень суицидального поведения (заметим, что статистика относительного этого на данный момент отсутствует). Соответственно, условия глобальных ограничений также входят в систему суицидальной детерминации.

Литература:

1. Российская газета. 2006. 28 июня.
2. Российская газета. 2014. 12 декабря.
3. Российская газета. 2009. 30 октября.
4. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московская государственная юридическая академия, 2008. 28 с.
5. Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву / М.Д. Шаргородский; Сост. и предисл. Б.В. Волженкин. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 434 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 5-е доп., перераб. и доп. М. : Изд-во Юрайт, 2009. 1301 с.
7. Еще один подросток покончил с собой из-за ЕГЭ // ВЕСТИ.RU. URL : <http://www.vesti.ru/doc.html?id=365108> (дата обращения 9.09.2020).

Как видно, суицидальная детерминация достаточно разнообразна и, соответственно, требует адекватного законодательного отражения. При этом также необходимо законодательно указать (в виде соответствующего примечания к ст. 110 УК РФ), что законные (даже аморальные) действия (бездействие), ставшие поводом для самоубийства (покушения на него) не влекут уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ. При этом примерный перечень данных действий целесообразно не указывать в уголовном законе (дабы не создавать «иллюзию безнаказанности» у потенциальных «доведенцев» до самоубийства), а отразить в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

- действия начальника, законно уволившего сотрудника или действия мужа, разошедшегося с женой, если они даже были предупреждены, что сотрудник или жена намерены покончить с собой, и все же не отказались от своих действий;
- постоянное надоедливое следование как тень за возлюбленной;
- систематические задержки с выдачей зарплаты;
- обоснованное выставление неудовлетворительной оценки на экзамене;
- прекращение личных отношений между парнем и девушкой;
- «нравоучения» родителей, если они не связаны с унижением человеческого достоинства самоубийцы;
- организационно-правовые ограничения, установленные, в связи с распространением инфекции (в нашем случае, коронавируса).

Literature:

1. Rossiyskaya gazeta. 2006. June 28.
2. Rossiyskaya gazeta. 2014. December 12.
3. Rossiyskaya gazeta. 2009. October 30.
4. Ukolova Yu.A. Problems of qualification of bringing to suicide as a criminal act : autoref. dis. ... cand. jurid. M. : Moscow State Law Academy, 2008. 28 p.
5. Shargorodsky M.D. Selected works on criminal law / M.D. Shargorodsky; Comp. and preface by B.V. Volzhenkin. SPb. : Publishing House «Law Center Press», 2003. 434 p.
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / Ed. by V.T. Tomin, V.V. Sverchkov. 5th supplement, pererab. M. : Yurayt Publishing House, 2009. 1301 p.
7. Another teenager committed suicide because of the Unified State Exam // VESTI.RU. URL : <http://www.vesti.ru/doc.html?id=365108> (date of application 9.09.2020).

8. Несчастливая любовь и суицид // Психологи на b17.ru. URL : <https://www.b17.ru/article/102731/> (дата обращения 9.09.2020).

9. Что стоит за подростковыми суицидами? // Психологи на b17.ru. URL : <https://www.b17.ru/article/solonar/> (дата обращения 9.09.2020).

10. Коронавирус (COVID-19). Ограничения передвижения и пропускной режим в субъектах Российской Федерации (по состоянию на 15.09.2020) // КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351205/ (дата обращения 16.09.2020).

11. Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Ограничения передвижения и пропускной режим в субъектах Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). Тюменская область // КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351205/6f4587973e77c89f857f50e202c6254f49c9d2b8/ (дата обращения 16.09.2020).

8. Unhappy love and suicide // Psychologists on b17.ru. URL : <https://www.b17.ru/article/102731/> (date of application 9.09.2020).

9. What is behind teenage suicides? // Psychologists on b17.ru. URL : <https://www.b17.ru/article/solonar/> (date of application 9.09.2020).

10. Coronavirus (COVID-19). Restrictions on movement and access control in the subjects of the Russian Federation (as of 15.09.2020) // ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351205/ (date of application 16.09.2020).

11. Background information: «Coronavirus (COVID-19). Restrictions on movement and access control in the subjects of the Russian Federation» (Material prepared by ConsultantPlus specialists). Tyumen region // ConsultantPlus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351205/6f4587973e77c89f857f50e202c6254f49c9d2b8/ (date of application 16.09.2020).

Улитин Илья Николаевич
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
iliaylitin1994@gmail.com

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В СОСТАВЕ УБИЙСТВА ЛИЦА ИЛИ ЕГО БЛИЗКИХ В СВЯЗИ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ДАнным ЛИЦОМ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ ВЫПОЛНЕНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОЛГА

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы определения места и роли факультативных признаков субъективной стороны в составе убийства, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В работе приводится и оценивается ряд позиций относительно формы вины указанного преступного деяния. Кроме того, автор акцентирует внимание на том, что основная отличительная черта рассматриваемого вида убийства заключается в том, что оно совершается со специальной целью или из побуждений, вызванных деятельностью или поступком потерпевшего, то есть обусловлено определенным мотивом. В работе автор обосновывает вывод о необходимости изменения диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При анализе темы исследования подчеркивается важность факультативных признаков субъективной стороны преступления, позволяющих осуществить точную квалификацию общественноопасного деяния, а также отграничить его от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: убийство, мотив, цель, эмоции, субъективная сторона преступления, факультативные признаки.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 Конституции РФ: «Каждый человек имеет право на жизнь». Последнее принадлежит любому индивиду. Исходя из конституционных положений и международно-правовых норм, право на жизнь присуще человеку с момента рождения и является естественным [9, с. 63]. Поэтому в каждом государстве названное благо охраняется практически всеми отраслями права, в том числе и уголовным. Немаловажное место занимает охрана жизни лиц, осуществляющих ту или иную служебную деятельность или выполняющих общественный долг, или их близких от посягательств на жизнь, совершаемых в связи с правомерной реализацией указанных функций. Повышенная общественная опасность подобных деяний в науке

Ilya N. Ulitin
Postgraduate Student of the Department
Criminal Law and Criminology
Faculty of Law
named after A.A. Khmyrov,
Kuban State University
iliaylitin1994@gmail.com

OPTIONAL FEATURES OF THE SUBJECTIVE PARTY IN THE COMPOSITION OF THE MURDER OF A PERSON OR HIS FAMILIARS IN CONNECTION WITH THE PERFORMANCE OF THE PERSON'S OFFICE ACTIVITIES OR PUBLIC DUTIES

Annotation. The article discusses the problems of determining the place and role of optional signs of the subjective side in the murder, provided for in paragraph «b» of Part 2 of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. The work provides and evaluates a number of positions regarding the form of guilt of the indicated criminal act. In addition, the author focuses on the fact that the main distinguishing feature of the type of murder in question is that it is committed with a special purpose or from motives caused by the activity or act of the victim, that is, due to a certain motive. In the work, the author substantiates the conclusion about the need to change the disposition of clause «b», Part 2, Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. When analyzing the research topic, the importance of optional signs of the subjective side of a crime is emphasized, which allows for the precise qualification of a socially dangerous act, as well as to distinguish it from related crimes.

Keywords: murder, motive, purpose, emotions, subjective side of the crime, optional signs.

уголовного права признана давно. Особенно, это касается лиц, выполняющих обязанности, возложенные на них государством. Значительная вредоносность убийств потерпевших названной категории обусловлена тем, что такие посягательства, разрушая основы государственной власти, препятствуют нормальному функционированию государственных органов, тем самым дезориентируют государственный аппарат, что, в конечном счете, может привести к неблагоприятным последствиям, как для общества, так и для государства. Кроме того, следует отметить, что не менее опасным посягательством является убийство общественных деятелей, осуществляющих социально-полезную деятельность [3, с. 12]. Ввиду этого, преступления против жизни указанных лиц

обладают повышенной степенью общественной опасности.

В уголовном праве проведено немало исследований, посвященных проблемам квалификации убийства, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также, вопросам отграничения данного преступления от смежных деяний. Это естественно, так как данный вид преступлений не является новым для отечественного уголовного права, он имеет давнюю историю. Однако следует заметить, что в уголовно-правовой науке делается акцент на изучение объективных признаков названного посягательства, но при этом остается без достаточного внимания субъективная сторона преступления.

Как известно, субъективная сторона преступления включает в себя такие признаки, как вина, мотив, цель и эмоции.

В науке существует плюрализм мнений относительно формы вины, свойственной рассматриваемому преступлению. Одни авторы указывают, что преступление, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, может характеризоваться только прямым умыслом [6, с. 54; 7, с. 49]. Приверженцы данной позиции аргументируют ее тем, что стремление субъекта преступления направлено на прекращение в результате убийства правомерной служебной или общественной деятельности потерпевшего. В связи с этим, сознательное допущение как содержание волевого момента косвенного умысла не может присутствовать в характеристике вины при подобном деянии.

Другая группа ученых считает, что рассматриваемый вид убийства может быть совершен с любым видом умысла [1, с. 111; 3, с. 17]. Аргументируя свою точку зрения, представители данной позиции указывают, что цель, предполагаемая в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, не равнозначна цели непосредственного лишения жизни. Воспрепятствовать определенной деятельности можно, например, путем избиения или другим воздействием. В этом случае может отсутствовать прямой умысел на причинение смерти, но виновный вполне может допускать, что в результате его действий возможны любые последствия, вплоть до лишения жизни. Мы солидарны с указанной позицией, так как лицо при совершении преступления, ответственность за которое установлена п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, осознает общественную опасность своего поведения, предвидит, что его действия приведут к смерти потерпевшего, либо реальную возможность наступления последствий в виде лишения жизни потерпевшего и желает их или сознательно допускает.

Основная отличительная черта рассматриваемого вида убийства в том, что оно совершается со специальной целью или из побуждений, вызванных деятельностью потерпевшего, то есть обусловлено определенным мотивом.

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»

[4] по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицируется убийство лица или его близких, совершенное с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность.

Таким образом, можно заметить, что высшая судебная инстанция подходит к разъяснению вопросов квалификации названного преступного деяния с позиции расширительного толкования, а также, указывает на то, что мотив мести при совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, отличается от мести при совершении «простого» убийства [2, с. 103]. Эта позиция заслуживает поддержки, так как, помимо факультативного признака объекта преступления в виде потерпевшего, в данном составе также присутствуют факультативные признаки субъективной стороны. Вместе с тем, для рассматриваемого посягательства они обретают статус обязательных, определяя его специфику, будучи для убийства в целом квалифицирующими обстоятельствами.

Целью названного преступления является воспрепятствование правомерному осуществлению лицом своей служебной деятельности или выполнению общественного долга. Она коррелируется обязательным для данного состава признаком, прямо указанным в законе, коим выступают свойства потерпевшего. Таким образом, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, цель преступления прямо вытекает из содержания иных его признаков.

Используемый в диспозиции п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ термин «в связи» означает, что при совершении данного вида убийства субъект должен руководствоваться определенными мотивами и преследовать конкретную цель [5, с. 117]. Цель в данном случае заключается в пресечении соответствующего правомерного поведения или поступка потерпевшего, а мотивом выступает стремление воспрепятствовать служебной деятельности или выполнению общественного долга. Рассматривая субъективную сторону преступления, правоприменителю необходимо установить стремление виновного, содержанием которого может быть предотвращение или пресечение служебной деятельности или выполнения общественного долга, а также мести за уже совершенные правомерные действия или поступок. Иными словами, в каждой конкретной ситуации необходимо выяснять мотив, вызвавший у виновного желание совершить посягательство на жизнь потерпевшего.

Необходимо отметить, что сам факт нахождения потерпевшего при исполнении служебного или общественного долга не является достаточным основанием для квалификации содеянного по п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Важная особенность данного преступления заключается в том, что оно совершается в связи с исполнением служебных обязанностей, а не при исполнении служебных обязанностей. Следовательно, субъективная сторона рассматриваемого посягательства может

содержать в себе мотив мести, а может и не содержать (при наличии соответствующей, указанной ранее, цели). Данный мотив формируется как реакция на служебную деятельность потерпевшего или выполнение им общественного долга. Чаще всего, он возникает уже после совершенного правомерного служебного действия или реализации потерпевшим своего общественного долга. Таким образом, причинение смерти после выполнения подобных действий свидетельствует о том, что виновный совершил посягательство по мотивам мести, побуждаемый стремлением к расплате с потерпевшим за действия, которые касались интересов преступника.

Учитывая правила юридической техники, для устранения возможных разночтений в восприятии содержания указанного обстоятельства считаем обоснованным, в целях буквального понимания и толкования п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, изложить его в следующей редакции: «В отношении лица или его близких с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. С. 111.
2. Курсеев В.В. Особенности квалификации убийства лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга / В.В. Курсеев // Юрист-Правоведь. 2007. № 2 (21). С. 103–105.
3. Маркова Т.Ю. Убийство в связи с осуществлением лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12.
4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (дата обращения 07.10.2020 г.).
5. Практикум по квалификации отдельных видов преступлений : учебник / М.Н. Косарев, С.Н. Сабанин [и др.]. Екатеринбург, 2017. С. 117.
6. Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С. 54.
7. Уголовное право. Особенная часть : учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1998. С. 49.
8. Улитин И.Н. Особенности субъективной стороны убийства, совершенного с особой жестокостью / И.Н. Улитин // Sciences of Europe. 2020. № 47-4 (47). С. 63–65.

служебной деятельности или выполнению общественного долга либо по мотиву мести за такую деятельность».

Полагаем, что данные изменения создадут предпосылки для точного и однозначного понимания содержания соответствующей уголовно-правовой нормы, сократят ошибки в квалификации преступных деяний, а также, будут способствовать формированию единообразной правоприменительной практики.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что рассмотренный вид убийства относится к преступлениям с повышенной степенью общественной опасности. Факультативные признаки субъективной стороны, заложенные в содержание деяния, названного в п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, являются важными признаками при квалификации преступного деяния. Именно они, будучи для этого деяния необходимыми, позволяют отграничить его от смежных составов преступлений, а также произвести верную квалификацию.

Literature:

1. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation ed. V.M. Lebedev. M., 2017. Vol. 2: Special part. Sections VII–VIII. P. 111.
2. Kurseev V.V. Features of the qualification of the murder of a person or his loved ones in connection with the performance of official activity by this person or the fulfillment of public duty / V.V. Kurseev // Jurist-Pravedov. 2007. № 2 (21). P. 103–105.
3. Markova T.Yu. Murder in connection with the performance by a person of official activity or the performance of public duty : dis. ... cand. lawyer. sciences. M., 2003. P. 12.
4. On Judicial Practice in Murder Cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation): Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.01.1999 № 1 (ed. 03.03.2015) // «SPS ConsultantPlus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/ (date of application 07.10.2020).
5. Workshop on the qualification of certain types of crimes : textbook / M.N. Kosarev, S.N. Sabanin [et al.]. Yekaterinburg, 2017. P. 117.
6. Criminal law. Special part / editor-in-chief I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova, G.P. Novoselov. M., 1997. P. 54.
7. Criminal law. Special part : textbook / under ed. N.I. Vetrova, Yu.I. Lyapunova. M., 1998. P. 49.
8. Ulitin I.N. Features of the subjective side of murder committed with particular cruelty / I.N. Ulitin // Sciences of Europe. 2020. № 47-4 (47). P. 63–65.

Чимаров Сергей Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ КАБО-ВЕРДЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье представлен анализ нормативных положений правовых актов Республики Кабо-Верде, в которых закреплена система дисциплинарных правоотношений, имеющих существенное значение для решения ключевых вопросов поддержания служебной дисциплины среди служащих Национальной полиции отмеченного государства. Акцентируя внимание на выявлении квалификационных параметров служебной дисциплины, положенных в основу типологии дисциплинарных взысканий, автор приходит к выводу о соответствии исследуемых нормативных положений национального права общепринятым стандартам, распространяющим свое действие на сферу полицейской деятельности и составляющим базу деонтологического поведения служащих Национальной полиции Республики Кабо-Верде.

Ключевые слова: дисциплинарные правоотношения, дисциплинарное воздействие, служебная дисциплина, полиция, органы внутренних дел, правоохранительная деятельность, деонтология, служебное поведение.

Исследуя особенности нормативно-правового регулирования области дисциплинарных правоотношений в полиции отдельных государств африканского региона, представляется необходимым акцентировать внимание на анализе соответствующих правовых актов, распространяющих свое действие на служащих полиции Республики Кабо-Верде (порт. «PNCV»), деятельность которой во многом организована по образцу португальской национальной правовой системы.

Согласно ч. 1 ст. 73 «Положения о персонале Национальной полиции» Республики Кабо-Верде, служащие полиции выполняет свои обязанности и пользуются правами, законодательно закрепленными в отношении других сотрудников и агентов государственной администрации, без

Sergey Yu. Chimarov
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
St. Petersburg University
Ministry of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

FEATURES OF THE REGULATION OF THE SERVICE DISCIPLINE OF THE POLICE OF THE REPUBLIC OF CAPE VERDE: IN THE CONTEXT OF NATIONAL LAW

Annotation. The article presents an analysis of the regulatory provisions of legal acts of the Republic of Cape Verde, which enshrined a system of disciplinary legal relations that are essential for solving key issues of maintaining official discipline among employees of the National Police of the noted state. Focusing on the identification of the qualification parameters of service discipline, which form the basis of the typology of disciplinary sanctions, the author comes to the conclusion that the normative provisions of national law under study comply with generally accepted standards that extend to the sphere of police activity and constitute the basis of deontological behavior of employees of the National Police of the Republic of Cape Verde.

Keywords: disciplinary legal relations, disciplinary action, service discipline, police, internal affairs bodies, law enforcement, deontology, official conduct.

ущерба для законодательных положений о внутренней безопасности, уголовного расследования, чрезвычайных обстоятельств, уважения полиции, а также нормативных требований «Дисциплинарного регламента персонала Национальной полиции» и самого Положения. В ст. 74 Положения указано, что при выполнении своей миссии и без ущерба для положений Кодекса этики (порт. «Código Ético») и Кодекса чести (порт. «Código de Honra»), служащие полиции (PNCV) руководствуются следующими принципами действий:

- a) уважительным соблюдением правовых норм, содержащихся в Конституции и других законах Республики;
- b) строгой беспристрастностью и ответственностью;

с) строгим соблюдением указаний, приказов и распоряжений начальствующих лиц;

d) адекватностью отношений с гражданами с использованием корректности и хорошего поведения на службе или за ее пределами, особенно когда к ним обращаются за помощью или когда они вмешиваются в ход полицейской операции;

e) эффективным и твердым предотвращением и пресечением противоправных действий, воспитанием у граждан чувства защищенности, спокойствия и уверенности в действиях полиции;

f) использованием адекватных и строго необходимых принудительных средств для восстановления законности, предотвращения неминуемой или продолжающейся агрессии, в целях самообороны или в других целях, для преодоления сопротивления исполнению законного приказа и сохранения принципа власти;

g) преимущественным использованием средств убеждения перед мерами принуждения для случаев попытки изменения общественного порядка;

h) твердостью, оперативностью и возможностью вмешательства, когда это окажется необходимым;

i) использованием огнестрельного оружия только в случаях, предусмотренных законом;

j) постоянной доступностью, а также, готовностью к службе и выступлению в качестве агента власти;

к) запрета на использование для получения личной выгоды или выгоды третьих лиц, независимо от ее характера, выданного служебного оружия, а также, имеющегося качества в виде должности или выполняемой функции;

l) запрета на вмешательство в дела исключительно гражданского характера;

m) ограничения своих служебных действий исключительно поддержанием общественного порядка, за исключением попыток примирения граждан в отдельных вопросах второстепенной важности;

n) обеспечения, в рамках своих полномочий, должного сотрудничества с государственными или частными органами или организациями, в случаях, когда они этого запрашивают.

Необходимость концентрации усилий служащих ПН исключительно на исполнении своего служебного долга продемонстрирована закреплением определенных запретов в ст. 78 Положения о PNCV. Согласно ч. 1 отмеченной статьи данного Положения, на служащих полиции распространяется общий режим несовместимости суть запрета в отношении реализации совокупности государственных и частных функций, применимых к области деятельности государственной администрации, без ущерба для нормативных установлений Положения. На основании ч. 2 указанной статьи, служащим полиции запрещается

занимать публично или в частном порядке другие должности государственного или частного характера, за исключением преподавательского труда и проведения научных исследований, представляющих интерес для полицейской корпорации, с предварительного разрешения члена правительства, отвечающего за внутреннюю безопасность.

Кроме того, согласно ст. 79 Положения, введен запрет на ведение коммерческой, промышленной или другой несовместимой со службой деятельности. На основании ч. 1 указанной статьи, служащие полиции должны воздерживаться от любой деятельности коммерческого, промышленного или иного прибыльного характера, осуществляемой самостоятельно или через посредников как несовместимой с выполнением их служебных функций.

Наряду с отмеченным и в соответствии с ч. 2 ст. 79, служащим полиции в целях реализации своих полномочий особо запрещено использовать деятельность городского и междугороднего общественного транспорта, а также такси. Положением о PNCV предусмотрено введение тестирования как разновидности экзаменационного испытания (порт. «sujeição a exames»). В этой связи и на основании ст. 80, при исполнении служебных обязанностей сотрудники полиции могут быть подвергнуты медицинскому обследованию, тестам или применению других диагностических средств. Целеполагание данной экзаменации заключается в выявлении употребления полицейскими алкогольных напитков, наркотиков и психотропных веществ. При этом уровень алкоголя в крови и характер используемых процессов для его обнаружения устанавливаются совместным постановлением членов правительства, отвечающих за внутреннюю безопасность и здоровье.

Следует заметить, что решение вопросов должностования при соблюдении полицейскими канонов служебной дисциплины тесным образом связано с этикой их поведения, что находит свое закрепление в ст. 82 «Положения о персонале Национальной полиции», в соответствии с которой на персонал полиции распространяется режим приветствия и почестей, утверждаемый нормативным Декретом. При этом, добросовестное отношение служащих полиции к долгу службы, в соответствии со ст. 119 «Положения о персонале Национальной полиции», должно заслуживать внешнего выражения в виде комплимента и похвалы (порт. «elogio e louvor») [1].

Подробная регламентация дисциплинарных правоотношений между служащими ПН в Республике Кабо-Верде осуществлена посредством принятия Декретом № 9/2010 от 28 сентября «Дисциплинарного регламента персонала Национальной полиции», состоящего из 11 глав, включающих 124 параграфа [2]. Мы считаем, что установление общего дисциплинарного режима в отношении служащих PNCV обусловлено:

– во-первых, необходимостью закрепления единого формата деонтологических основ служебной дисциплины, вобравших в себя положения национальной правовой базы;

– во-вторых, важностью консолидации личного Национальной полиции Республики Кабо-Верде.

В контексте внутренней безопасности и достижения целей по предотвращению преступности и ведению борьбы с ней, Дисциплинарный регламент (RDPP-PN) способствует укреплению правового статуса персонала и дисциплинарного режима его функционирования, адаптированного к условиям новой реальности. Данное обстоятельство тесным образом связано с более рациональным управлением человеческими ресурсами и карьерой полицейских, что призвано существенным образом повышать эффективность и действенность правоохранительной деятельности. В структурном плане RDPP-PN включает в себя:

- общие положения (ст. 1–6);
- положения о наказании и дисциплинарной ответственности (ст. 7–20);
- общие и специальные обязанности (ст. 21–30);
- дисциплинарные санкции, дополнительные санкции и их последствия (ст. 31–45);
- дисциплинарную компетенцию (ст. 46–48);
- условия наступления дисциплинарной ответственности и ее последствия (ст. 49–61);
- дисциплинарное производство (ст. 62–96);
- ресурсы или порядок обжалования наложенных дисциплинарных взысканий (ст. 97–110);
- процессуальные аспекты дисциплинарного расследования (ст. 111–114); процедуру дознания (ст. 115–121);
- заключительные и переходные положения (ст. 122–124).

Среди обширного массива нормативных установлений RDPP-PN важное значение имеют следующие положения, распространяющиеся на область дисциплинарных правоотношений в Национальной полиции страны:

Во-первых, касающиеся уточнения действия и бездействия персонала PNCV. Согласно ч. 1 ст. 7, если дисциплинарное нарушение связано с проверкой определенного результата, то его реализация может быть осуществлена либо действием, либо бездействием, если законом не предусмотрено иное. При этом на основании ч. 2 данной статьи, выявленный факт бездействия подлежит наказанию только для тех случаев, в отношении которых существует юридическое обязательство, сопряженное с классификацией бездействия, способствующего отсутствию должного результата.

Во-вторых, уточняя пределы «субъективного вменения», ч. 1 ст. 8 RDPP-PN устанавливает, что любое действие, совершенное умышленно или по неосторожности, карается по классификации дисциплинарного нарушения. Следует заметить, что если иное прямо не предусмотрено законом,

то любая халатность всегда наказывается без ущерба для правил применения, меры и градации наказания (ч. 2 ст. 8).

В-третьих, в соответствии с положением ст. 10, в случае прямого и намеренного побуждения служащего к совершению кого-либо к нарушению, виновный в этом подлежит дисциплинарному наказанию за подстрекательство (порт. «infrascção»).

В-четвертых, на основании ст. 11, служащий подлежит наказанию за укрывательство (порт. «encobrimento»), если он оказывает кому-либо помощь с целью уклониться от следственной деятельности компетентного органа, или полностью, или частично скрывает или блокирует доказательства в целях сокрытия нарушения.

В-пятых, служащий признается виновным в качестве соучастника (порт. «simplicidade») правонарушения, если он умышленно и за пределами случаев, предусмотренных в иных статьях RDPP-PN, оказывает кому-либо материальную или моральную помощь в совершении данного правонарушения (ч. 1 ст. 12).

В-шестых, нормативное положение ст. 14 закрепляет действие принципа справедливости наказания, согласно которому, каждый полицейский, являющийся участником правонарушения, должен наказываться в строгом соответствии со своей виной, независимо от наказания или степени вины других участников.

В целях поддержания необходимого уровня служебной дисциплины, к служащим Национальной полиции Республики Кабо-Верде применяются следующие виды дисциплинарных взысканий:

- a) письменный упрек (порт. «repreensão escrita»);
- b) штраф (порт. «multa»);
- c) отстранение от исполнения обязанностей по должности (порт. «suspensão»);
- d) бездействие (порт. «inactividade»);
- e) отставка с выходом на пенсию (порт. «aposentação compulsiva»);
- f) увольнение (порт. «demissão»).

Наряду с отмеченным, управленческий и иные категории персонала Национальной полиции Республики Кабо-Верде также могут подлежать наложению штрафа в виде прекращения поощрительных выплат (порт. «a pena de cessação da comissão de serviço») (ст. 31).

Фактор целесообразности закрепления мер дисциплинарного воздействия в виде наказания в различных нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы служебной дисциплины служащих полиции, имеет важное деонтологическое значение, смысл которого, к примеру, можно проиллюстрировать суждением американского психолога Б.Ф. Скинера. Разрабатывая теорию оперантного обусловливания, указанный ученый установил, что доктрина личной ответственности

человека соответствует определенным методам управления его поведением. Применяемая совокупность данных методов способствует формированию у человека чувства ответственности, сопряженного с осознанием у него долга перед обществом [4, р. 115–116]. Апеллируя к теме наличия корреляционной связи между служебной дисциплиной и правоохранительной миссией служащих полиции Республики Кабо-Верде, представляется необходимым обратить внимание на диссертационное исследование Н.Д. Родригеса (подготовлено в Высшем институте полицейских наук и внутренней безопасности Кабо-Верде), в приложении к которому автор приводит подробное интервью с комиссаром Национальной полиции Кабо-Верде Э.В. Мендесом. Отвечая на вопрос № 6 о соотношении уважения к правам человека и соблюдения канонов служебной дисциплины в условиях упорной борьбы полиции (PNCV) с массовой преступностью в стране, руководитель полицейского ведомства констатирует, что соблюдению законности применяемых полицией сил и средств, а также правильному поведению полицейских в отношении гражданского населения способствует своевременность принятия новых законодательных актов о внутренней безопасности и об уголовных расследованиях [3, р. 108].

Литература:

1. Decreto-Legislativo № 8/2010 de 28 Setembro. Aprova o Estatuto do Pessoal Policial da Polícia Nacional // «B.O.» Da República de Cabo Verde. I Série. № 37. 2 Sup. 28 De Setembro De 2010. URL : https://www.rightofassembly.info/assets/downloads/Estatuto_do_Pessoal_Policial_da_Pol%C3%ADcia_Nacional_da_2010.pdf (date of application 03.03.2021)
2. Decreto-Legislativo № 9/2010 de 28 Setembro. Aprova o Regulamento Disciplinar do Pessoal Policial da Polícia Nacional // «B. O.» Da República de Cabo Verde. I Série. № 37. 2 Sup. 28 De Setembro De 2010. URL : https://www.rightofassembly.info/assets/downloads/Estatuto_do_Pessoal_Policial_da_Pol%C3%ADcia_Nacional_da_2010.pdf (date of application 06.03.2021)
3. *Rodrigues N.D.* Polícia Nacional de Cabo Verde: Análise Histórica e de Competências: Dissertação de Mestrado Integrado em Ciências Policiais. Lisboa: Instituto Superior de Ciências Policiais e Segurança Interna, 2016. P.121. URL : <https://comum.rcaap.pt/bitstream/10400.26/15579/1/1.Dissertação%20-%20Nilton%20Rodrigues.pdf#page59> (date of application 03.03.2021)
4. *Skinner B.F.* Science and Human Behavior. New-York : The Macmillan Company, 1965. 461 p.

Резюмируя относительно правовых оснований служебной дисциплины служащих Национальной полиции Республики Кабо-Верде, нам представляется необходимым сформулировать следующие выводы.

Во-первых, сложившаяся в полицейском ведомстве Республики Кабо-Верде система дисциплинарных правоотношений между служащими Национальной полиции, наиболее подробно закреплена в соответствующих «Положении о персонале Национальной полиции» и «Дисциплинарном регламенте персонала Национальной полиции», основное содержание которых корреспондирует общей практике нормативно-правового регламентирования исследуемой области, принятой во многих других странах.

Во-вторых, указанная система имеет целенаправленно ориентированный характер, доминирующим фактором проявления которого выступает формирование у полицейских развитых качеств должного отношения к выполнению своих функциональных обязанностей, сопряженных с поддержанием в обществе необходимого уровня правопорядка.

Literature:

1. Decreto-Legislativo № 8/2010 de 28 Setembro. Aprova o Estatuto do Pessoal Policial da Polícia Nacional // «B.O.» Da República de Cabo Verde. I Série. № 37. 2 Sup. 28 De Setembro De 2010. URL : https://www.rightofassembly.info/assets/downloads/Estatuto_do_Pessoal_Policial_da_Pol%C3%ADcia_Nacional_da_2010.pdf (date of application 03.03.2021)
2. Decreto-Legislativo № 9/2010 de 28 Setembro. Aprova o Regulamento Disciplinar do Pessoal Policial da Polícia Nacional // «B. O.» Da República de Cabo Verde. I Série. № 37. 2 Sup. 28 De Setembro De 2010. URL : https://www.rightofassembly.info/assets/downloads/Estatuto_do_Pessoal_Policial_da_Pol%C3%ADcia_Nacional_da_2010.pdf (date of application 06.03.2021)
3. *Rodrigues N.D.* Polícia Nacional de Cabo Verde: Análise Histórica e de Competências: Dissertação de Mestrado Integrado em Ciências Policiais. Lisboa: Instituto Superior de Ciências Policiais e Segurança Interna, 2016. P.121. URL : <https://comum.rcaap.pt/bitstream/10400.26/15579/1/1.Dissertação%20-%20Nilton%20Rodrigues.pdf#page59> (date of application 03.03.2021)
4. *Skinner B.F.* Science and Human Behavior. New-York : The Macmillan Company, 1965. 461 p.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Головина Елена Николаевна

начальник организационно-научного
отделения научного центра,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Лапшина Надежда Алексеевна

магистрант,
Владимирский юридический
институт Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
С ПРИЗНАКАМИ ОТСТАВАНИЯ
В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ,
НЕ СВЯЗАННЫМИ С ПСИХИЧЕСКИМ
РАССТРОЙСТВОМ**

Аннотация. Сейчас в уголовном законодательстве существуют различного рода статьи, которые с каждым годом как корректируются, так и дополняются законодателем. К сожалению, с каждым годом возрастает число преступлений, совершенных несовершеннолетними. Данные лица в силу своего возраста, социального положения идут на различные преступления, имея при этом свои цели. В момент совершения преступления они не задумываются об общественной опасности и дальнейших последствиях, считая, что законодательная база «не предусматривает» большую уголовную ответственность, надеясь на самое мягкое наказание.

Ключевые слова: уголовная ответственность, несовершеннолетний, психическое развитие, психическое расстройство, общественная опасность.

Несовершеннолетние лица, зачастую, совершают преступления, как в состоянии алкогольного, так и наркотического, токсического опьянения, и, впоследствии несут наказание в

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Legal
Federal Service Institute
enforcement of penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

Elena N. Golovina

Head of Organizational and Scientific
Department of the Scientific Center,
Vladimir Legal
Federal Service Institute
Enforcement of Penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

Nadezhda A. Lapshina

Undergraduate,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Milena.555@mail.ru

**PROBLEMS
OF CRIMINAL LIABILITY
OF MINORS WITH SIGNS OF MENTAL
RETARDATION NOT RELATED
TO A MENTAL DISORDER**

Annotation. Currently, there are various articles in the criminal legislation, which are corrected and supplemented by the legislator every year. Unfortunately, the number of crimes committed by minors increases every year. These persons, due to their age and social status, commit various crimes, while having their own goals. At the time of committing a crime, they do not think about the public danger and further consequences, considering that the legislative framework «does not provide» for greater criminal liability, hoping for the mildest punishment.

Keywords: criminal responsibility, minor, mental development, mental disorder, public danger.

полной мере, согласно уголовному законодательству. Так что же касается лиц, которые страдают отставанием в психическом развитии, но при этом ни как не связанных с психическими

расстройствами? Подлежат ли они уголовной ответственности? И как же это осуществляется?

Необходимо отметить, согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ, в случае когда несовершеннолетний достиг возраста, предусмотренного частями первой или второй настоящей статьи, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Исходя из этого, мы можем сказать о том, что лицо совсем не будет подлежать уголовной ответственности, в силу того, что он просто не понимает и не осознает общественную опасность. А что, если лицо намерено попытается ввести следствие в заблуждение, симулировав отставание в психическом развитии, и тогда, суд, в силу данных обстоятельств, а именно, основываясь на законах и положениях санкции статьи, сможет оправдать данное лицо, и тот – избежать уголовной ответственности. Чтобы исключить данную возможность, нам необходимо разобраться, какие все же факторы и причины воздействуют на то, что лицо имеет отставание в развитии?

Поднимая данный вопрос, необходимо углубиться в данную проблему. Основными причинами, по нашему мнению, будут являться – употребление наркотических средств и психотропных веществ, их аналогов, токсических веществ. Это – очень актуальная проблема, поскольку дети с самого раннего возраста начинают употреблять наркотики. В начале, они пробуют под влиянием компании, друзей, знакомых и т.д., а потом – просто «подсаживаются» на эти вещества, и их организм физически не в состоянии вывести это. Чем раньше несовершеннолетний начнет употреблять различные вещества, а тем более – их аналоги, созданные самостоятельно, тем сильнее будет происходить наркотическое воздействие на его еще не сформировавшийся организм, где, в первую очередь, будет страдать нервная система и мозг. Последствия начнутся уже с первого месяца употребления – нарушение сна, нервозность, раздражительность. После этого, повышается уровень токсина и мозг начинает реагировать на это с помощью сужения сосудов, что вызывает последствия дегенерации, а вскоре приводит к отставанию в психическом развитии.

Второй причиной в задержке психического развития является то, что лицо страдает соматическими заболеваниями. Это связано с утомляемостью, которая приводит к легкой истощаемостью нервных процессов, к снижению продуктивности интеллектуальной деятельности, что, в подобных случаях, может на какое-то время затормозить психическое развитие несовершеннолетнего [2].

Родитель должен обращать внимание на ребенка в таком возрасте, поскольку это потом может отразиться в довольно тяжелой форме и со значительными последствиями. На почве конфликтов дома, в школе, загруженностью, недосыпанием

данная форма заболевания может значительно повлиять на формирование личности ребенка, он становится более озлобленным, раздражимым, неуправляемым. В дальнейшем, он не сможет осознавать фактический характер своих совершенных действий и в случае совершения преступления, не поймет общественную опасность.

Также, причина может скрываться в недоразвитии организма, в целом, что в полной мере убивает как нервную систему, так и мозг ребенка. Зачастую, это выражается из-за нарушения психического развития, где различного рода аномалии не были выявлены специалистами на ранних стадиях беременности матери, и ребенок уже находится в стадии «запущенности», что в дальнейшем приводит к отклонению и отставанию в психическом развитии. Необходимо обращать внимание уже на самих родителей, в частности, на мать, на ее эмоциональную напряженность и депрессивное состояние, которое и приводит к различным последствиям, что отражается непосредственно на самом ребенке; различные наследственные заболевания и патологии играют важную роль в будущем ребенка.

Помимо Уголовного Кодекса, в части, касающейся отставаний в развитии несовершеннолетних, не связанных с психическим расстройством, статья предусмотрена в Уголовно-процессуальном Кодексе.

В том случае, если несовершеннолетний совершает преступление, то проводится комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Это необходимо для того, что бы определить существует ли у него отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством или нет. Если подтвердится данный факт, то необходимо определить, способен ли был несовершеннолетний осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими во время совершения преступного деяния.

Экспертиза проводится на основании п. 2 ч. 1 ст. 196 УПК РФ и ч. 2 ст. 421 УПК РФ [3]. Она позволит нам выяснить обстоятельства, которые повлияют на уголовную ответственность лица, где при этом выясняются особенности самой личности, так и его поведения после совершения им преступления.

Это очень важно, поскольку при выяснении всех обстоятельств дела у нас формируется четкая и развернутая позиция лица. Его отношение ко всему этому, и самое главное его осознание в совершении общественной опасности, или его отсутствие, в силу объективных обстоятельств.

При изучении судебной практики мы выявили одну общую проблему, при которой происходит затруднение уголовного процесса. Мы имеем ввиду установление истины по делу, потому что в результате может быть вынесено судом не обоснованное решение, где при проведении психолого-психиатрической экспертизы – эксперты, при рассмотрении данного вопроса по делу не имеют единую и разработанную формулировку

вопросов к обвиняемому, от которых зависит его дальнейшее будущее. Тем самым, можно заключить, что данная экспертиза приводит к несоответствию предмета.

Таким образом, мы предлагаем законодательно закрепить при проведении психолого-психиатрической экспертизы стандартный и единообразный перечень обязательных вопросов, ответы которых позволят выявить психическое состояние данного лица:

1. Имелось ли у обвиняемого (подсудимого) в период совершения данного деяния психическое расстройство?
2. Если имелось, то, как сказалося на поведение обвиняемого во время совершения преступления?
3. Необходимо установить было ли у него отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством?
4. Также, необходимо установить мог ли виновный осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить имиво время совершения противоправного деяния?

Также, стоит обратить внимание на п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» где

Литература:

1. *Назаренко Г.В.* Уголовно-релевантное психическое состояние субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 10.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 июля 2017 г. № 251-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
3. *Цымбал Е.И.* Методологические проблемы производства экспертизы для решения вопроса о возрастной невменяемости (юридический и психолого-психиатрический аспекты) / Е.И. Цымбал // Независимый психиатрический журнал. 2001. № III. С. 45.

говорится о том, что в случае освидетельствования несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии, перед экспертами «в обязательном порядке должен быть поставлен вопрос о степени умственной отсталости испытуемого». Такую формулировку вопроса, по нашему мнению, следует признать некорректной, т.к. умственная отсталость является психическим расстройством, поэтому ч. 3 ст. 20 УК РФ не может применяться к тем несовершеннолетним, у которых отставание в психическом развитии обусловлено умственной отсталостью.

Суд интересуется не глубиной умственной отсталости, а степень нарушения способности несовершеннолетнего осознанно руководить своим поведением, что очень важно, и данный вопрос, на наш взгляд, может быть переформулирован, мы напрямую его уже указали в перечне вопросов под № 4 и он звучит следующим образом: «Сохранялась ли у обвиняемого (подсудимого) во время совершения преступления способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими?» Ответ на этот вопрос призван облегчить правоприменителю принятие решения о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с отставанием в психическом развитии [4].

Так как, благодаря точным и сформулированным вопросам, при проведении экспертизы мы будем иметь точные ответы, которые имеют законодательное закрепление и могут быть приравнены в виде доказательств по уголовным делам.

Literature:

1. *Nazarenko G.V.* Criminally-relevant mental state of the subject of the crime and persons who committed socially dangerous acts : autorecording dissertation... doctor of Law. M., 2001. P. 10.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (ed. of July 29, 2017 № 251-FZ) // *Sobr. zakonodatelstva Ros. The Federation.* 2001. № 52 (part I). Art. 4921.
3. *Tsybal E.I.* Methodological problems of the production of expertise for solving the issue of age-related insanity (legal and psychological-psychiatric aspects) / E.I. Tsybal // *Independent Psychiatric Journal.* 2001. № III. P. 45.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
sergej.stelmax@mail.ru

Яланский Александр Павлович

кандидат экономических наук,
доцент,
научный сотрудник
лаборатории проблем повышения
эффективности государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
mitsrostov@mail.ru

**УРОВЕНЬ И СТРУКТУРА
ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
В ЮЖНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ**

Аннотация. В 2021 году произошли изменения в определении прожиточного минимума, соотношение величины которого на душу населения, в целом, по Российской Федерации и величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год с 2021 года устанавливается в размере 44,2 %. Медианный среднедушевой доход представляет собой

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law and National Security,
Russian Academy of National Ownership
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Stelmakh Sergey Anatolyevich

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National economy
and Public Service under
the President of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

Alexander P. Yalanskiy

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Researcher
Labs of Raising Problems
Efficiency of the State
and Municipal Administration,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service under
the President of the Russian Federation
mitsrostov@mail.ru

**THE LEVEL AND STRUCTURE
OF THE POPULATION'S CASH INCOME
IN THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT**

Annotation. The 2021, there have been changes in the definition of the subsistence minimum, the ratio of which per capita, in general, for the Russian Federation and the amount of median average per capita income for the previous year from 2021 is set at 44,2 %. The median per capita income is the amount of monetary income, relative to which half of the population, as

величину денежного дохода, относительно которой половина населения, в целом, по Российской Федерации имеет значение среднедушевого дохода ниже данной величины, другая половина – выше данной величины.

В статье авторами рассматриваются уровень и структура денежных доходов населения в регионах Южного федерального округа, их соотношение с прожиточным минимумом, дифференциация, заработная плата работников социальной сферы и науки, потребительские расходы.

Ключевые слова: денежные доходы, заработная плата, коэффициент, пенсия, потребительские расходы, прожиточный минимум, работники социальной сферы и науки.

В 2019 году в Южном федеральном округе (далее, ЮФУ) численность населения составила 14 млн 466 тыс. человек (11,22 % населения страны), которые проживали в республиках Адыгея, Калмыкия, Крым, в Краснодарском крае, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях, в городе Севастополе.

По среднедушевым денежным доходам населения округ занимал в стране 5 место, в том числе, Краснодарский край – 17 место, Ростовская область – 29, Севастополь – 34, Адыгея – 37, Астраханская область – 62, Волгоградская – 67, Крым – 75, Калмыкия – 83 места, соответственно [1].

Среднедушевые денежные доходы населения в округе были равны 29845 рублей, что ниже среднероссийского уровня (35247 руб.). Наибольший уровень был в Краснодарском крае (35673 руб.), наименьший – в Калмыкии (18508 руб.).

Структура денежных доходов включала в себя доходы от предпринимательской деятельности (8,9 %), оплату труда (46,1 %), социальные выплаты (19,4 %), доходы от собственности (2,9 %), другие денежные поступления (22,7 %). По сравнению с другими регионами округа в Калмыкии более высокий процент в общем объеме денежных доходов был от доходов в предпринимательской деятельности (11,5 %), оплаты труда (54,7 %), социальных выплат (28,1 %), в Волгоградской области – от доходов от собственности (3,5 %), Адыгее – от других денежных поступлений (41,5 %).

В структуре социальных выплат в ЮФУ 75,9 % приходилось на пенсии, 21 % – на пособия и социальную помощь, 0,7 % – на стипендии, 2,4 % – на страховые возмещения. Наибольшая доля пенсий была в Севастополе (82,3 %), наименьшая – в Калмыкии (72,9 %), пособий и социальной помощи, соответственно – Калмыкии (24,6 %) и Севастополе (16,3 %); стипендий – в Калмыкии (1,4 %) и в Краснодарском крае (0,3 %), страховых возмещений – в Ростовской области (3,3 %) и в Крыму (0,6 %), в Севастополе (0,6 %).

Денежные доходы ниже величины прожиточного минимума в ЮФУ имели 12,6 % населения Адыгеи, 23,5 % – в Калмыкии, 17,2 % – в Крыму, 10,7 % – в Краснодарском крае, 15,5 % – в Астраханской,

a whole, in the Russian Federation has an average per capita income below this value, the other half – above this value. The level and structure of the population's cash income in the regions of the Southern Federal District, their ratio to the living wage, differentiation, wages of social workers and science, consumer expenditures are considered.

Keywords: income, wages, coefficient, pension, consumer spending, living wage, social workers and science.

12,9 % – Волгоградской, 13,4 % – Ростовской областях, 11,6 % – в Севастополе. По величине прожиточного минимума всего населения в четвертом квартале 2019 года Адыгея занимала 80 место, Волгоградская область – 71, Калмыкия – 63, Ростовская область – 51, Астраханская – 49, Крым – 45, Краснодарский край – 36, Севастополь – 32 место, соответственно.

Доля численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения различается по регионам. Об этом свидетельствует распределение общего объема денежных доходов по группам населения. Распределение выражается через долю общего объема денежных доходов, которая приходится на каждую из 20-процентных групп населения, ранжированного по мере возрастания среднедушевых денежных доходов. Приведем данные по первой группе с наименьшими доходами и пятой группе с наибольшими доходами. В Адыгее доли равны 5,5 % и 46,4 %, в Калмыкии – 7,2 % и 41 %, в Крыму – 7,2 % и 40,9 %, в Краснодарском крае – 5,6 % и 46 %, в Астраханской области – 6,6 % и 42,8 %, Волгоградской – 6,9 % и 41,8 %, Ростовской областях – 5,6 % и 46 %, в Севастополе – 6,6 % и 42,8 %.

Необходимо отметить, что в 2021 году произошли изменения в определении прожиточного минимума, под которым понимается минимальная необходимая для обеспечения жизнедеятельности сумма доходов гражданина [2]. Соотношение величины прожиточного минимума на душу населения, в целом, по Российской Федерации и величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год с 2021 года устанавливается в размере 44,2 %. Медианный среднедушевой доход представляет собой величину денежного дохода, относительно которой половина населения, в целом, по Российской Федерации имеет значение среднедушевого дохода ниже данной величины, другая половина – выше данной величины. Эта величина ежегодно исчисляется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по формированию официальной статистической информации о социальных, экономических, демографических, экологических и других общественных процессах. Величина

прожиточного минимума устанавливается на душу населения и для основных социально-демографических групп населения – трудоспособное население, пенсионеры, дети. В регионе величина прожиточного минимума на душу населения устанавливается субъектом Российской Федерации с учетом коэффициента региональной дифференциации, который рассчитывается как соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации и величины прожиточного минимума на душу населения в регионе. На 2021 год величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в регионе определяется в размере не ниже величины за второй квартал 2020 года. На 2021–2025 годы устанавливается переходный период поэтапного доведения величин на душу населения в регионах на 2021 год до величин прожиточного минимума на душу населения в субъектах Российской Федерации, рассчитанных с учетом коэффициентов региональной дифференциации. На 2022 год и последующие годы величина прожиточного минимума по основным социально-демографическим группам населения в регионе устанавливается субъектом Российской Федерации в порядке, определяемом Правительством РФ одновременно с установлением величины прожиточного минимума на душу населения в субъекте Российской Федерации. Региональные органы государственной власти имеют право устанавливать величину прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения дифференцированно с учетом социально-экономических особенностей и природно-климатических условий местностей, расположенных в регионе. С 01 января по 31 декабря 2021 года величина прожиточного минимума, в целом, по Российской Федерации на душу населения составляет 11653 рубля, для трудоспособного населения – 12702 рубля, для пенсионеров – 10022 рубля и для детей – 11303 рубля [3].

Существует дифференциация денежных доходов населения в регионах ЮФУ. О дифференциации свидетельствуют коэффициент фондов и коэффициент Джини. Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) отражает в размах степень социального расслоения, соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) показывает степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения, его величина может варьироваться от 0 до 1. О значительном неравномерном распределении доходов можно судить на основании более высокого значения показателя. Значения коэффициентов фондов и коэффициента Джини были равны, соответственно, в Адыгее – 14,7 и 0,405, в Калмыкии – 9,1 и 0,337, в Крыму – 9 и 0,335, в Краснодарском крае – 14,2 и 0,400, в Астраханской области – 10,7 и 0,359, в Волгоградской области – 9,8 и 0,347 и в Ростовской области – 14,2 и 0,400, в Севастополе – 10,7 и 0,360 [1].

Значительное место в денежных доходах населения занимает заработная плата. Медианная заработная плата представляет собой величину, относительно которой половина работников организаций имеет заработную плату ниже данной величины, другая половина – выше. В округе медианная заработная плата была равна 27773 рубля, что меньше общероссийского показателя (34345 рублей). В Адыгее она составила 23943 рубля, в Калмыкии – 21984 рубля, в Крыму – 25901 рубль, в Краснодарском крае – 29887 рублей, в Астраханской области – 26001 рубль, в Волгоградской области – 26518 рублей, в Ростовской области – 27619 рублей, в г. Севастополе – 29563 рубля. Среднемесячная номинальная заработная плата в округе составляет 34288 рублей, что меньше среднероссийского уровня (47468 рублей). Ниже окружного показателя она была в Адыгее 29542 рубля, в Калмыкии – 28290 рублей, в Крыму – 32842 рубля, в Волгоградской области – 32737 рубля, в Ростовской – 33490; выше общероссийского показателя она была в Краснодарском крае – 36155 рублей, Астраханской области 35792 рубля, Севастополе – 34586 рублей [4].

Для пенсионеров основным источником денежных доходов является пенсия. На начало 2021 года в округе насчитывалось 4 млн. 868 тыс. пенсионеров, что составило 295,6 пенсионеров на 1 тыс. человек населения (на одного пенсионера приходилось 1,52 занятых). По среднему размеру назначенных пенсий округ занимал 7 место в Российской Федерации (13703 рубля), в том числе, Калмыкия – 82 место (12611 рублей), Адыгее – 78 место (13108 рублей), Астраханская область – 76 место (13251 рубль), Ростовская – 60 место (13619 рублей), Крым – 75 место (13309 рубля), Краснодарский край – 63 место (13835), Волгоградская область – 53 место (14111 рублей), Севастополь – 44 место (14484 рубля). Следует отметить, что в стране средний размер назначенных пенсий был небольшим и составлял 14904 рубля.

Для населения имеет большое значение использование денежных доходов. От их общего объема 88,2 % использовались на покупку товаров и оплату услуг, 12 % – на обязательные платежи и взносы, 1,2 % – на приобретение недвижимости. Уменьшение финансовых активов в структуре использования денежных доходов составило 1,4 %, из них уменьшение денег у населения – 0,6 %. Вместе с тем, имел место прирост денег у населения в Калмыкии (18,2 %), в Адыгее (8,4 %), в Крыму (5,9 %), в Севастополе (1,5 %), в Волгоградской области (1,2 %), в Астраханской области (0,8 %).

Потребительские расходы населения включают в себя расходы на покупку товаров и оплату услуг, платежи за товары, работы, услуги зарубежным поставщикам за безналичный и наличный расчет, включая сальдо трансграничной Интернет-торговли. По потребительским расходам, в среднем на душу населения, округ занимал 5 место в стране (26328 рублей), в том числе, Краснодарский край – 12 место (32957 рублей), Ростовская область – 23 место (26767 рублей), Севастополь – 26 место (26087 рублей), Адыгее – 38 место

(23879 рублей), Астраханская область – 52 место (21558 рублей), Волгоградская область – 56 место (21001 рубль), Крым – 74 место (18003 рубль), Калмыкия – 83 место (11296 рублей). В структуре потребительских расходов домашних хозяйств покупка продуктов питания составила 39,2 %, непродовольственных товаров – 32,9 %, алкогольных напитков – 1,6 %, оплата услуг – 26,3 %. Структура потребительских расходов домашних хозяйств по целям потребления следующая: продукты питания и безалкогольные напитки – 35,8 %, алкогольные напитки и табачные изделия – 3 %, одежда и обувь – 8 %, жилищно-коммунальные услуги и топливо – 11,3 %, предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом – 5,7 %, здравоохранение – 3,7 %, транспорт – 12,3 %, связь – 3,4%, организация отдыха и культурные мероприятия – 5,1 %, образование – 1,3 %,

Литература:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm
2. Федеральный закон от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 43. Ст. 4904; 2021. № 1 (часть I). Ст. 12.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 2406 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2021 год» // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 09 января 2021 г. № 0001202101090026; Российская газета. 2021. 14 января.
4. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2019 году // Российская газета. 2020. 13 марта.
5. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 19. Ст. 2334.

гостиницы, кафе и рестораны – 3,9 %, другие товары и услуги – 6,6 %.

Подводя итоги, следует отметить, что для страны, в целом, и для Южного федерального округа, в том числе, характерны низкие доходы значительной части населения. Учитывая процессы, проявившиеся к началу 2021 г., можно сказать о том, что, во многом, это связано с пандемией коронавируса и санкциями Запада против нашей страны, а также – негативными процессами общемировой динамики. Для повышения уровня денежных доходов населения предстоит восстанавливать и создавать новые рабочие места, обеспечивать более высокую занятость населения, сокращать безработицу, реализовывать меры государственной социальной поддержки, развивать экономику и социальную сферу.

Literature:

1. Regions of Russia. Social and economic indicators. 2020. Statistical compilation. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm
2. Federal Law of 24 October 1997 № 134-Fz «On the living wage in the Russian Federation» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 1997. № 43. Art. 4904; 2021. № 1 (Part I). Art. 12.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020 № 2406 «On setting the subsistence minimum per capita and for the main socio-demographic groups of the population as a whole in the Russian Federation for 2021» // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) January 9, 2021 № 00012021010020026; A Russian newspaper. 2021. 14 January.
4. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in 2019 // Russian newspaper. 2020. 13 March.
5. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 № 597 «On measures to implement the state social policy» // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2012. № 19. Art. 2334.

Кирпань Юрий Викторович
заместитель генерального директора,
ООО «СТРОЙКОМ»
Kirpan@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Актуальность. Управление хозяйствующими субъектами, это системообразующий фактор, который определяет результативность хозяйственной деятельности предприятия. Трансформация экономической действительности, вызванная изменением общественной формации, как следствие пандемии 2020 года, актуализирует научно-исследовательские вопросы в области управления хозяйствующими субъектами. Особую актуальность данные вопросы приобретают в экономических системах, развитие которых, обусловлено инновационным развитием экономических процессов.

Объект исследования. Методология оценки эффективности управления инновационными компаниями.

Предмет исследования. Методы управления инновационными предприятиями, как предметная область современного экономического знания.

Цель исследования. Заключается в дескрипции формы и содержания современных методов управления инновационными предприятиями.

Задачи исследования. Заключаются в детекции содержания современных методов управления инновационными предприятиями.

Методология исследования. Используются формально-качественные методы экономического знания, базирующиеся на общепризнанных методах качественного экономического анализа: описание, интерпретации, детекции свойств предмета исследования, абстрагирования и др., обусловленные феноменологическими и системными принципами исследования.

Результаты исследования. Выражаются в раскрытии формы и содержания управления хозяйствующими субъектами, основная деятельность которых, характеризуется инновационным характером развития.

Ключевые слова: система сбалансированных показателей, экономические методы, социально-психологические методы, административные методы, ключевые показатели эффективности.

Введение.
Инновационные предприятия, это ингерентные элементы экономической системы России последнее десятилетие, с момента

Yurii V. Kirpan
Deputy General Director,
«STROYKOM» LLC
Kirpan@mail.ru

MANAGEMENT OF INNOVATIVE ENTERPRISES FROM THE PERSPECTIVE OF MODERN ECONOMIC THOUGHT

Annotation. Relevance. Management of economic entities is a system-forming factor that determines the effectiveness of the economic activity of the enterprise. The transformation of economic reality caused by a change in the social structure, as a result of the 2020 pandemic, actualizes research issues in the field of management of economic entities. These issues are particularly relevant in economic systems, the development of which is due to the innovative development of economic processes.

The object of the study. Methodology for assessing the effectiveness of management of innovative companies.

The subject of the study. Methods of management of innovative enterprises as a subject area of modern economic knowledge.

The purpose of the study. It consists in describing the form and content of modern management methods of innovative enterprises.

Research objectives. They consist in detecting the content of modern management methods of innovative enterprises.

Research methodology. Formal - qualitative methods of economic knowledge based on the generally recognized methods of qualitative economic analysis are used: description, interpretation, detection of the properties of the subject of research, abstraction, etc., due to the phenomenological and systemic principles of research.

The results of the study. They are expressed in the disclosure of the form and content of management of economic entities, the main activity of which is characterized by the innovative nature of development.

Keywords: balanced scorecard, economic methods, socio-psychological methods, administrative methods, key performance indicators.

интенсификации инновационных процессов в хозяйственном комплексе страны. При этом следует отметить, что несовершенство административных, организационных, управленческих механизмов управления и регулирования

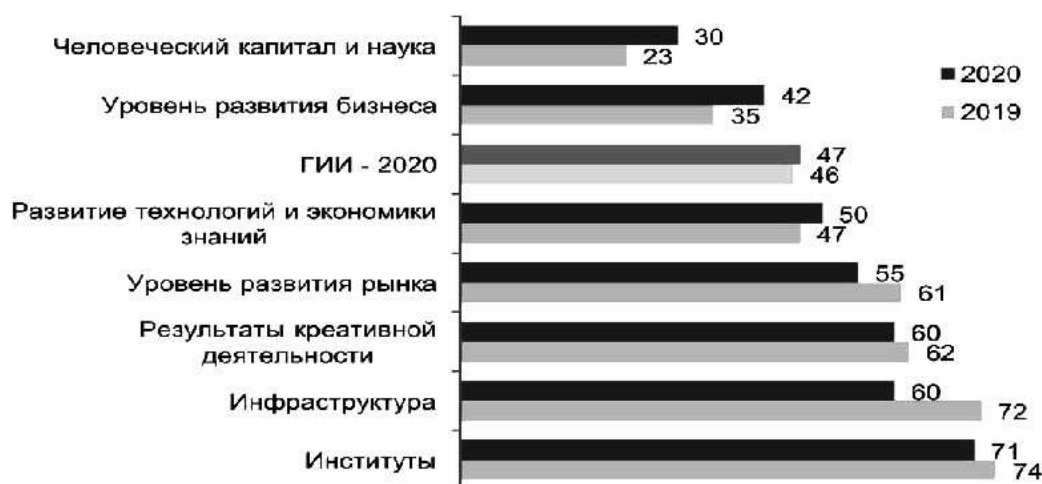
хозяйственным комплексом, является препятствием для закрепления России в числе лидеров инновационного развития. Так по данным [3, 6],

рисунок 1, 2. Россия в 2020 году опустилась в глобальном инновационном индексе на 47 место.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Глобальный инновационный индекс	48	43	45	46	46	47
Ресурсы инноваций	52	44	43	43	41	42
Результаты инноваций	49	47	51	56	59	58

* Количество стран: 2015 г. – 141; 2016 г. – 128; 2017 г. – 127; 2018 г. – 126; 2019 г. – 129; 2020 г. – 131.

Рисунок 1 – Изменение позиций Российской Федерации в глобальном инновационном индексе с 2015 по 2020 год, по данным [3, 6]

* Количество стран: 2019 г. – 129; 2020 г. – 131.

Рисунок 2 – Изменение позиций Российской Федерации по элементам глобального инновационного индекса с 2015 по 2020 год, по данным [3, 6]

Тенденция стагнации и «медленного сползания» объясняется в том числе, недостаточностью проработанности вопросов управления инновационными предприятиями согласно требованиям новой экономической реальности.

Основная часть

Если рассматривать систему управления хозяйствующими субъектами в целом, то необходимо выделить три основных элемента управления предприятием: организационно-распорядительный, социально-психологические и экономические методы. Рассмотрим содержательно эти методы.

Организационно-распорядительный метод (административный), (авторское определение) – совокупность форм и методов воздействий на хозяйственный процесс, включающий в себя стабилизационные, распорядительные, дисциплинарные меры, выражающийся в построение четкой системы иерархий подчиненности, обязанности и ответственности работников. Следует отметить, что данная форма управления характеризуется единими центрами ответственности и принятия решений. Данные методы, малопригодны, в

условиях неопределенности, повышенных рисков и требований к творческой активности, что является характерными процессами для создания, внедрения и коммерческой реализуемости инновационной продукции.

Социально-психологические (авторское определение) – личностно-ориентированные формы и методы воздействия, ориентированные, прежде всего, на создание комплексного социально-комфортного рабочего процесса, в котором повышение производительности труда обеспечивается мерами неэкономического характера и личность работника, ассоциирована с социальной группой, по признакам принадлежности и участия. Социально-психологические методы имеют эффективное практикоприменение в производственном процессе, где требуется вовлеченность, творческая составляющая, мотивация, способность взять на себя ответственность (высокие технологии, информационно-коммуникационное пространство и т.д.). Таким образом, если инновационные предприятия принадлежат к сфере обращения, а не сфере производства, подобные методы управления имеют значительное превосходство в прикладном применении. Из современных методов управления, относящихся к

социально-психологическим методам, можно выделить концепцию управления по целям Питера Друкера [7]. Современный метод концепции управления по целям, носит название управление по целям и ключевым показателям (англ. OKR) [2], который активно используют такие инновационные компании, как, Oracle, Google, Amazon, Facebook, и др.

Управление по целям и ключевым показателям (OKR) заключается в двух компонентах построения цели, которые по своей природе дихотомичны:

1. Objectives – объект к чему стремится, формулировка стремления (цели);
2. Key Results – наличие количественно измеримых показателей, которые характеризуют степень освоения цели.

Метод OKR базируется на активном вовлечении работников в процесс целеполагания и

разделения ответственности за результаты по достижению целей.

Экономические методы (авторское определение) – совокупность форм и методов воздействий на хозяйственный процесс, основанные на экономическом стимулировании, базирующиеся на финансовых, ценовых элементах политики и принципах коммерческого расчёта. Экономические методы управления регламентируют порядок производственного процесса, как систему стимул-результат-вознаграждение, что является эффективным в прикладном применении для инновационных предприятий сферы производства (реального сектора экономики). Также данные методы управления эффективны для управления инновационными проектами [4, 5], отдельными процессами [5]. Современная концепция в рамках экономических методов управления, носит название управление результативностью (PM) [1], одним из современных методов является система сбалансированных показателей (BSC) [1], таблица 1.

Таблица 1

Система сбалансированных показателей (BSC), при управлении инновационным предприятием

Показатели инновационного предприятия	Содержание показателя	Область применения показателя
Развитие предприятия	Выполнение стратегических задач и достижение стратегических целей по инновационному предприятию (проекту, процессу, продукту)	Топ – менеджмент предприятия
Оценка перспектив	Повышение производительности, повышение доли научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, проектное управление согласно [5]	Проектные подразделения компании
Производственная сфера	Управление, контроль и регулирование результативность работы производственных систем, на этапе внедрения инновационного продукта	Менеджмент среднего звена компании
Сфера потребления (ориентация на потребителя)	Обратная связь с потребителями инновационного продукта, целевые количественно измеримые показатели качества, спроса и потребления	Конечные пользователи инновационного продукта

Как мы можем увидеть из таблицы 1 система сбалансированных показателей, подразумевает управление по четырём основным сферам инновационного предприятия и оценку эффективности результатов управления. Данный метод управления эффективен для инновационных предприятий, конечным продуктом которых предполагается массовость производства и потребления.

Выводы

В данном исследовании мы рассмотрели три основных концепции управления предприятием в

Литература:

1. Армстронг М. Управление результативностью: Система оценки результатов в действии / Майкл Армстронг, Анжела Бэрон. М. : Альпина Паблшер, 2014. 248 с.
2. Ветлужских Е.Н. Система вознаграждения. Как разработать цели и KPI / Е.Н. Ветлужских; Тех. ред. Н. Лисицина. М. : Альпина Паблшер, 2013. 216 с.

рамках предмета исследования, применительно к инновационным предприятиям. Выделили два метода управления, социально-психологические и экономические, которые наиболее эффективно с точки зрения прикладного применения для инновационных компаний. Следует отметить, что мы не исключаем в полной мере административных методов управления инновационным предприятием. Данные методы можно использовать, как методы дополнительные и регламентирующие использование других альтернативных методов управления инновационным предприятием.

Literature:

1. Armstrong M. Performance management: A system for evaluating results in action // Michael Armstrong, Angela Baron. M. : Alpina Publisher, 2014. 248 p.
2. Vetluzhskikh E.N. Remuneration system. How to develop goals and KPI for software / E.N. Vetluzhskikh; Technical ed. N. Lisitsina. M. : Alpina Publisher, 2013. 216 p.

3. Глобальный инновационный индекс 2020. URL : <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (дата обращения 18.03.2021).

4. ГОСТ Р ИСО/ТО 10017-2005 Статистические методы. Руководство по применению в соответствии с ГОСТ Р ИСО 9001 (Переиздание). URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200039940> (дата обращения 18.03.2021).

5. ГОСТ Р ИСО 9000-2008 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200068733> (дата обращения 18.03.2021).

6. Статистика и показатели. URL : <https://rosinfostat.ru/innovatsii> (дата обращения 18.03.2021).

7. Drucker Peter F. The Practice of Management. New-York : Harper & Row, 1954. 416 p.

3. Global Innovation Index 2020 URL : <https://issek.hse.ru/news/396120793.html> (date of application 18.03.2021).

4. GOST R ISO / TO 10017-2005 Statistical methods. Guidelines for use in accordance with GOST R ISO 9001 (Reissue). [URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200039940> (date of application 18.03.2021).

5. GOST R ISO 9000-2008 Quality Management Systems. Basic provisions and dictionary. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200068733> (date of application 18.03.2021).

6. Statistics and indicators. URL : <https://rosinfostat.ru/innovatsii> (date of application 18.03.2021).

7. *Peter F. Drucker* Management practice. New-York : Harper & Row, 1954. 416 p.

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Левоновна

старший преподаватель
кафедры организации перевозок
и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Миронова Мария Петровна

ассистент кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

**МЕНЕДЖМЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ
ДВИЖЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ
КАЧЕСТВА ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ**

Аннотация. Автомобильный транспорт является одной из важнейших отраслей общественного производства, которая влияет не только на все отрасли производства и распределения, но и на развитие общества, в целом. В данной статье авторами рассмотрены вопросы с менеджмента безопасности движения как одного из критериев качества транспортных услуг. Автомобильный транспорт является одной из важнейших и крупнейших отраслей общественного производства. Одной из главных задач на автотранспортных предприятиях является обеспечение безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: логистика, менеджмент, автотранспортное предприятие, безопасность движения.

Автомобильный транспорт является одной из важнейших отраслей общественного производства, которая влияет не только на все отрасли производства и распределения, но и на развитие общества, в целом.

Использование автомобильного транспорта, в силу совокупности причин, сопровождается значительными социальными, экономическими и экологическими последствиями, одним из негативных последствий являются дорожно-транспортные происшествия (ДТП).

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Head of the Department of Organization
Transportation and Road Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Lecturer
of the Department of Organization
Transportation and Road Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Maria P. Mironova

Assistant
of the Department of Organization
Transportation and Road Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

**TRAFFIC SAFETY MANAGEMENT
AS ONE OF THE CRITERIA FOR
THE QUALITY OF TRANSPORT SERVICES**

Annotation. Road transport is one of the most important sectors of public production, which affects not only all industries of production and distribution, but also the development of society as a whole. In this article, the authors consider the issues of traffic safety management as one of the criteria for the quality of transport services. Road transport is one of the most important and largest branches of public production. One of the main tasks of road transport companies is to ensure road safety.

Keywords: logistics, management, motor transport enterprise, traffic safety.

Работа по организации, планированию и контролю за обеспечением безопасности дорожного движения возлагается не только на государственные органы, но и на хозяйствующие субъекты, осуществляющие автотранспортную деятельность [1]. Численность предприятий отрасли в РФ, 2020 г составила 58,2 тыс. ед. Численность предприятий отрасли по форме собственности в РФ за 2020 г представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Численность предприятий отрасли по форме собственности в РФ за 2020 г.

Индексы физического объема произведенного ВВП и валовой добавленной стоимости на транспорте в период 2019–2020 гг представлены на рисунке 1.2.

Одной из главных задач на автотранспортных предприятиях (АТП) является обеспечение безопасности дорожного движения (БДД), как внутри самого предприятия, так и за его пределами. Число собственных легковых автомобилей ежегодно увеличивается. Также, ощутим прирост автотранспортных средств, занятых в отрасли транспорта. Для количественного анализа автотранспортных средств, находящихся в собственности у граждан, а также, автотранспортных

средств, участвующих в производстве услуг транспорта, были использованы данные Росстата, данные представлены в таблицах 1 и 2.

АТП – один из важнейших критериев качества и эффективности транспортного обслуживания. При изменении уровня безопасности меняются и другие показатели качества. С этой позиции, безопасность движения необходимо рассматривать как один из показателей качества транспортного обслуживания автотранспортных предприятий. Такой подход к оценке и управлению качеством оказываемых услуг автомобильным транспортом предполагает учет взаимного влияния показателей, его измеряющих [2].

Рисунок 2 – Индексы физического объема произведенного ВВП и валовой добавленной стоимости на транспорте в период 2019–2020 гг.

Таблица 1

**Данные по числу собственных легковых автомобилей
по субъектам Российской Федерации (на 1000 человек населения)**

Субъект РФ	2015	2016	2017	2018	2019	Место занимаемое субъектом в Российской Федерации в 2019 г.
	Число собственных легковых автомобилей (на 1000 человек населения)					
Российская Федерация	288,8	294,0	305,0	309,1	315,5	
Центральный федеральный округ	301,9	308,7	315,9	315,5	320,8	5
Северо-Западный федеральный округ	307,4	315,0	319,2	320,0	324,5	2
Южный федеральный округ	269,3	278,1	311,1	316,9	321,1	4
Северо-Кавказский федеральный округ	211,3	219,4	224,8	230,7	230,2	8
Приволжский федеральный округ	287,2	292,5	305,3	316,1	323,1	3
Уральский федеральный округ	322,6	327,9	335,8	343,5	353,9	1
Сибирский федеральный округ	281,6	276,9	284,5	284,2	296,6	7
Дальневосточный федеральный округ	295,9	299,0	307,4	314,8	320,5	6

Таблица 2

Данные по числу грузовых и пассажирских транспортных средств, занятых в отрасли

	2015	2016	2017	2018	2019
	Наличие транспортных средств, (на конец года; тысяч штук)				
Грузовые транспортные средства:					
грузовые автомобили (включая пикапы и легковые фургоны) – всего	6230	6300	6434	6490	6540
в том числе:					
в организациях всех видов экономической деятельности	644	570	537	526	526
в собственности граждан	3789	3841	3926	4016	4039
Пассажирские транспортные средства:					
автобусы общего пользования	175	172	171	167	167
легковые автомобили – всего	44253	45163	46887	47425	48430
в том числе в собственности граждан	42317	43157	44792	45377	46292
троллейбусы	10,2	9,7	9,4	9	8,7

В этой связи, основные задачи по повышению безопасности движения на предприятиях автомобильного транспорта представлены на рисунке 1.3.

Рисунок 3 – Основные задачи по повышению безопасности движения подвижного состава

Оценка эффективности повышения безопасности движения в системе менеджмента безопасности должна учитываться как один из значимых показателей качества транспортного обслуживания, с учетом эффектов, возникающих при повышении

других показателей качества при осуществлении процесса транспортирования.

Проанализируем влияние уровня безопасности движения подвижного состава на другие показатели качества, представленное на рисунке 1.4.

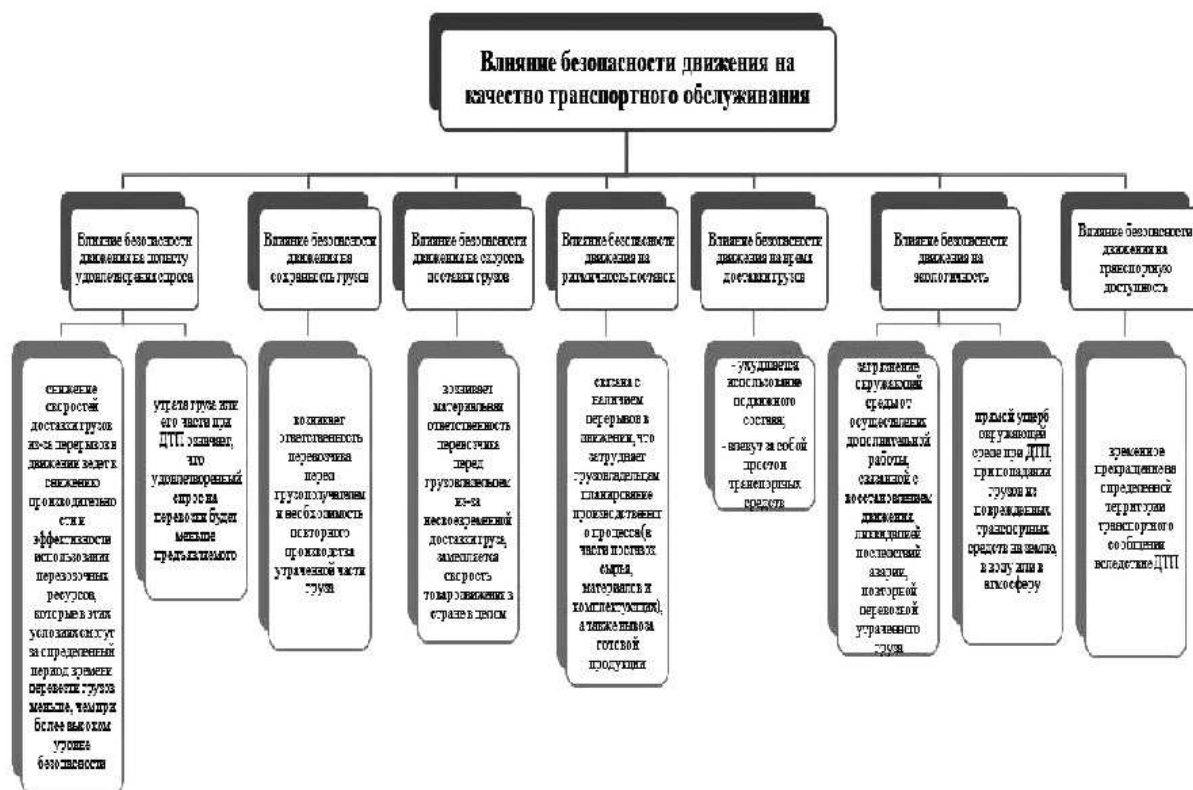

Рисунок 1.4 – Влияние уровня безопасности на показатели качества транспортного обслуживания.

С этой позиции, экономическое управление в системе менеджмента безопасности движения на транспорте подразумевает в своей структуре следующие показатели, которые позволяют охарактеризовать и оптимизировать работу по обеспечению безопасности движения в рассматриваемой системе:

- состояние безопасности движения;
- нарушения безопасности движения;
- организация обеспечения безопасности движения; обеспечение безопасности движения;
- управление безопасностью движения;

Литература:

1. Коновалова Т.В. Оценка проектных решений на транспорте : учеб. пособие / Т.В. Коновалова [и др.]. Краснодар, 2018. 357 с.
2. Коновалова Т.В. Способы оценки эффективности организации дорожного движения : учеб. пособие / Т.В. Коновалова, И.Н. Котенкова, С.Л. Надирян. Краснодар, 2018. 247 с.

– экономическая эффективность обеспечения безопасности движения; конкурентоспособность;

– кадровый аспект обеспечения безопасности движения.

Внедрение современных подходов в традиционные методы управления безопасностью движения на предприятиях позволит не только оптимизировать сам транспортный процесс, но и повысить уровень транспортного обслуживания, при условии применения новых подходов, в области управления рисками в системе менеджмента безопасности.

Literature:

1. Konovalova T.V. Evaluation of design solutions in transport : textbook / T.V. Konovalova [et. al]. Krasnodar, 2018. 357 p.
2. Konovalova T.V. Ways of evaluating the effectiveness of road traffic management : textbook / T.V. Konovalova, I.N. Kotenkova, S.L. Nadiryayn Krasnodar, 2018. 247 p.

Кочербаева Айнура Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
ainura_koch@mail.ru

Кошоев Чингиз Маратович

аспирант кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
chingiz.koshoev@gmail.com

**Влияние пандемии
КОРОНАВИРУСА НА МИГРАНТОВ
И ЭКОНОМИКУ КЫРГЫЗСТАНА**

Аннотация. В статье раскрываются вопросы влияние пандемии коронавируса на мигрантов и экономику стран ЕАЭС, в т.ч. и Кыргызстана. Раскрываются проблемы и последствия COVID-19 с которыми сталкиваются трудящиеся-мигранты предпринимаемые меры, применяемые в сложнейшей эпидемиологической обстановке всем странам ЕАЭС, также рассматриваются меры по минимизации социальных и экономических потерь в сложившиеся ситуации трудовыми мигрантами.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудовые мигранты, ЕАЭС, пандемии коронавируса.

В мае 2020 года исполнилось шесть лет с момента подписания договора о Евразийском экономическом союзе. За это время в рамках организации было реализовано множество интеграционных проектов, которые значительно упростили жизнь граждан стран-участниц ЕАЭС.

Трудовая миграция в условиях единого рынка ЕАЭС стала стимулирующим фактором для экономик всех членов Союза, но особенно на Кыргызстан. Она рассматривается как положительный фактор, уменьшающий уровень безработицы и снижающий социальную напряженность, и позволяющая гражданам, выезжающим из своей страны на заработки, поддерживать свои домашние хозяйства на родине денежными переводами, которые в соотношении к ВВП для Кыргызстана составляют 32 %. Главная принимающая страна для обеих стран – Россия.

В настоящее время, страны ЕАЭС, как и всё мировое сообщество, столкнулись с глобальной угрозой – пандемией коронавирусной инфекции, которая внесла свои коррективы в стратегию развития евразийской интеграции в целом, и трудовой миграции в частности.

Ainura A. Kocherbaeva

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
ainura_koch@mail.ru

Genghiz M. Koshoev

Graduate Student
of the Department of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
chingiz.koshoev@gmail.com

**IMPACT OF THE CORONAVIRUS
PANDEMIC ON MIGRANTS
AND THE ECONOMY OF KYRGYZSTAN**

Annotation. The article reveals the impact of the coronavirus pandemic on migrants and the economy of the EAEU countries, incl. and Kyrgyzstan. The problems and consequences of COVID-19 faced by migrant workers are revealed, the measures taken in the most difficult epidemiological situation in all EAEU countries are being considered, measures are also considered to minimize social and economic losses in the current situation by labor migrants.

Keywords: labor migration, labor migrants, EAEU, coronavirus pandemic.

Статистика развития пандемии коронавируса Covid-19 в Кыргызстане

На 30 июня 2020 в Кыргызстане зафиксировано 5017 случая заражения коронавирусом COVID-19 [1].

Как видно из таблицы 1, по распространению коронавируса из стран ЕАЭС лидирует Россия.

Сложная эпидемиологическая обстановка в мире заставила применить строжайшие меры всем странам ЕАЭС:

– закрытие границ (Россия), введение чрезвычайного положения (Казахстан, Армения), изоляция (Белоруссия);

– введение чрезвычайного положения сопровождаемый полной остановкой экономической деятельности, переводом на удаленный режим работы государственных органов и комендантского часа (Кыргызстан), отмена или перенос праздничных (памятных) мероприятий.

Объявление карантина, введение чрезвычайной ситуации, чрезвычайного положения во всем мире повлекло за собой закрытие предприятий, заводов, что сказалось на социально-экономической ситуации страны.

Таблица 1

Статистика развития пандемии коронавируса COVID-19 [1]

места	Страна, город	заболевших всего	на 1 тыс жителей	погибло всего	выздоровело
1	США	2548996	7,7	125803	685164
2	Бразилия	1344143	6,4	57622	746018
3	Россия	641156	4,4	9166	403430
25	Беларусь	61475	6,5	383	45027
48	Армения	24645	8,3	426	13116
51	Казахстан	21327	1,1	178	12933
79	Таджикистан	5849	0,3	52	4448
85	Кыргызстан	5017	0,8	50	2294

Таблица 2

Основные социально-экономические показатели
за январь-апрель 2020 года, в % к соответствующему периоду

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Промышленность	4,2	-3,8	5,9	-2,8	-0,6
Сельское хозяйство	4,1	5,2	2,2	0,2	3,0
Строительство	-9,4	4,5	5,5	-5,6	0,1
Розничная торговля	0,6	4,7	-11,8	-9,7	-2,8
Грузооборот	10,3	-11,1	-2,3	-7,6	-4,3
Пассажиروоборот	-14,1	-14,4	-25,9	-28,9	-3,7*

Источник: Механизмы реагирования на угрозы макроэкономической стабильности в условиях глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. М., 2020. С. 18.

Как видно из таблицы 2, в условиях ограничительных мер экономическая активность в ряде секторов экономики этих стран значительно сократилась.

Ограничительные меры могут серьезно повлиять на реальные доходы населения, и привести к разорению работников, живущих ниже черты бедности или возле нее, т.е., возможен рост масштабов нищеты среди работающего населения. Население подвергнется риску снижения доходов в связи с сокращением заработных плат или с их временной утратой.

Таким образом, одним из видов риска для населения является возможная потеря рабочих мест. «Количество безработных в Кыргызстане может вырасти на 500 тыс. человек (около 20 % занятых без учета неформального сектора экономики)» [2, с. 21]. В связи с этим, необходимо предпринять меры по сохранению рабочих мест, повышению уровня занятости, и увеличению доходов населения.

Возможен существенный рост масштабов нищеты среди работающего населения, поскольку «проблемы с доходами, проистекающие из снижения экономической активности, приведут к разорению работников, живущих ниже черты бедности или возле нее».

Пандемия коронавирусной инфекции указала на несоответствие стандартам достойной работы и продемонстрировала, насколько уязвимы миллионы трудящихся по всему миру.

Ограничительные меры могут привести к серьезным рискам на бюджет, на рост государственного долга и проблемам финансирования (табл. 3).

С момента начала пандемии из России в Кыргызстан вернулись около 10 тыс. человек, а по

прогнозам экспертов к концу года в республику вернуться порядка 100 тыс. кыргызстанцев, и с 15 июня 2020 года по 15 сентября 2020 года [3] для кыргызстанцев сроки миграционного учета приостановлены, т.е. Россия ввела миграционную амнистию.

Сложившаяся ситуация оставила без работы и дохода сотни тысяч трудовых мигрантов, которые вынуждены массово вернуться на родину, где шансов на нормальное трудоустройство еще меньше, тем самым, пополняя ряды безработных, в результате чего будет наблюдаться снижение национального благосостояния страны.

Национальный статистический комитет КР представляет данные, что в стране насчитывается около 157 тысячи безработных. По неофициальным данным, цифра в несколько раз больше, и насчитывает около полмиллиона человек. В любом случае, в виду последних обстоятельств, эта цифра будет только расти вверх, так как занятость граждан Кыргызстана на внешних рынках труда снижала общий уровень безработицы в стране и положительно влияла на финансовое положение семей мигрантов.

Но учитывая тот факт, что за границей, в общей сложности, было до 1 миллиона кыргызстанских мигрантов, всё это представляет большую угрозу для экономики Кыргызстана.

Таким образом, одной из самых актуальных на сегодня проблем для нашей страны стала трудовая миграция. Трудящиеся-мигранты также испытывают на себе тяжелые последствия COVID-19.

Зарабатывать в Россию едут, в основном, жители из сельской местности, где живет до 72 % всего населения 6,5-миллионного Кыргызстана.

Экономические риски пандемии COVID-19

	Краткосрочные		Долгосрочные
Со стороны предложения	Ограничительные меры (карантин), увеличение нетарифных барьеров и ограничений во внешней торговле	Сокращение внешнего спроса	Наращение протекционизма
	Увеличение случаев частичной занятости и безработицы и вынужденных простоев	Неопределенность (распространение вируса, продление мер, вторая волна)	Трансформация скрытой безработицы в структурную
	Замедление роста в странах с низким уровнем дохода	Потеря навыков и снижение квалификации, смена работы на более низкоквалифицированную. Уменьшение возможностей по привлечению мигрантов, их отток на более динамичные рынки	Снижение производительности, замедление долгосрочных темпов экономического роста, снижение человеческого капитала, усиление технологического отставания
Со стороны спроса	Переоценка финансовых активов, волатильность обменных курсов, затруднения в получении внешнего финансирования	Недостаток ликвидности, замедление кредитной активности, снижение притока прямых инвестиций в государства-члены, увеличение неработающих активов	Ухудшение долговой устойчивости (по долгу, обслуживанию долга), введение или усиление ограничений на движение капитала
	Отсутствие персонала из-за болезни (из-за режима повышенной готовности (самоизоляции)/ЧС)	Нарушение функционирования трансграничных цепочек добавленной стоимости из-за асинхронного возвращения к работе	Перезагрузка трансграничных и региональных цепочек добавленной стоимости, переориентация в торговле
	Значительные перебои экономической активности		

Источник: Механизмы реагирования на угрозы макроэкономической стабильности в условиях глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. М., 2020. С. 19.

Трудовыми мигрантами из Кыргызстана в Россию являются выходцы из Баткенской, Ошской и Джалал-Абадской областей, несмотря на то, что на долю этих областей приходится 41 % населения страны. Следовательно, в Баткенской области без денежных переводов обеднеет 20 % населения, в Ошской – около 18 %, в Джалал-Абадской – 10 %. И это, если не считать иных экономических последствий в случае остановки или резкого снижения денежных переводов. Отчасти, такая ситуация интересна тем, что в южных областях на человека приходится в три и более раз меньше пахотных земель, чем, условно говоря, в северных районах. В них наблюдается высокий уровень бедности, низкие заработки и отсутствие постоянной работы.

Неравномерность трудовой миграции и ее соответствующего вклада в местную экономику не ограничивается внешней миграцией; для ряда стран Центральной Азии внутренняя миграция также играет важную роль, особенно, в контексте сезонных сельскохозяйственных работ.

Подобным образом более половины этих внутренних мигрантов были выходцами из сельских поселений; это говорит о том, что любое нарушение передвижения людей не только оказывает влияние на национальном уровне, но и грозит серьезными последствиями на уровне местных общин, где и так наблюдается нехватка новых рабочих мест и государственных услуг.

На фоне принятых ограничений возрастет потребность в создании механизмов организованного набора работников. Эти механизмы должны перенаправить высвободившуюся рабочую силу из крупных городов в аграрный сектор, что особенно актуально с началом сельскохозяйственных работ.

В условиях пандемии коронавируса, на наш взгляд, основным фактором, влияющим на экономику государств – членов ЕАЭС, является сокращение денежных переводов мигрантов. В особенности, данная тенденция актуальна для Армении и Кыргызстана, где денежные переводы из других стран обеспечивают значительную часть доходов домохозяйств. Следовательно, доходы населения Кыргызстана подвержены влиянию не только со стороны внутренней экономической ситуации, но и от стран ЕАЭС.

Как выше было отмечено, Кыргызстан – одна из наиболее ведущих и зависимых от денежных переводов мигрантов стран в мире по отношению к ВВП, и массовая возвращение грозит экономике, а значит – и простым людям, большими потерями.

С возвращением всех кыргызских трудовых мигрантов на родину Кыргызстан лишается \$2,44 млрд, так как проблема с денежными переводами встала перед трудовыми мигрантами во всем мире.

Сокращение денежных переводов повлечет дальнейшее снижение потребления и бюджетных поступлений.

К примеру, в Таджикистане и Кыргызстане, где частный сектор не смог обеспечить населению достаточного количества достойных рабочих мест, трудовая миграция для многих домохозяйств оставалась важнейшим источником дохода: в обеих странах денежные переводы из-за рубежа составляли порядка 30 % ВВП.

Таким образом, экономическая стабильность региона сталкивается с влиянием внутренних и внешних факторов.

Также, ожидается, что в 2020 году рост ВВП будет отрицательным в большинстве стран Центральной Азии. Многочисленные последствия COVID-19 для рынка товаров, торговли и местной

экономики окажут серьезное влияние на рост ВВП в регионе; ожидается, что в 2020 году он окажется отрицательным (табл. 5).

Таблица 4

Влияния денежных переводов на мигрантов на страну-получателя [4]

Преимущества	Последствия
Рост ВВП	Резкий рост потребления
Сокращение бедности	Увеличение доли импорта
Развитие строительной отрасли	Увеличение влияния внешних шоков
Развитие малого бизнеса	Увеличение торгового дефицита
Рост поступления в бюджет	Поощрение культуры иждивенчества
Рост отечественного производства	Государство не создает рабочие места
Увеличение человеческого капитала	Экономический коллапс в случае резкого падения объемов переводов

Источник: URL : <https://caa-network.org/archives/19469>

Таблица 5

Прогноз роста ВВП с странах Центральной Азии в 2020 году [5]

	Рост ВВП, 2019 г.	Прогноз роста ВВП, 2020 г. (по оценкам на октябрь 2019 г.)	Прогноз роста ВВП, 2020 г. (по оценкам на май 2020 г.)	Прогноз роста ВВП, 2021 г. (по оценкам на апрель 2020 г.)
Афганистан	+3 %	+3,5 %	-3 %	+4,5 %
Казахстан	+4,5 %	+3,9 %	-2,5 %	+4,1 %
Кыргызстан	+4,5 %	+3,4 %	-4 %	+8,0 %
Монголия	+5,1 %	+5,4 %	-1 %	+8 %
Таджикистан	+7,5 %	+4,5 %	-2 %	+5,5 %
Туркменистан	+6,4 %	+6 %	+1,8 %	+6,5 %
Узбекистан	+5,4 %	+6 %	+1,8 %	+7,0 %

Источник: (IMF, 2020 [2]; IMF, 2019 [7]).

Прогнозы подчеркивают всю глубину экономического потрясения стран Центральной Азии (табл. 6).

Таблица 6

Годовые оценки и прогнозы для стран Европы и Центральной Азии [6]

	2017	2018	2019e	2020f	2021f
Европа и Центральная Азия (ЕСА)	4,1	3,3	2,2	-4,7	3,6
Азербайджан	0,2	1,5	2,2	-2,6	2,2
Албания	3,8	4,1	2,2	-5,0	8,8
Армения	7,5	5,2	7,6	-2,8	4,9
Беларусь	2,5	3,1	1,2	-4,0	1,0
Болгария	3,5	3,1	3,4	-6,2	4,3
Босния и Герцеговина	3,2	3,7	2,6	-3,2	3,4
Венгрия	4,3	5,1	4,9	-5,0	4,5
Грузия	4,8	4,8	5,1	-4,8	4,0
Казахстан	4,1	4,1	4,5	-3,0	2,5
Косово	4,2	3,8	4,2	-4,5	5,2
Кыргызстан	4,7	3,8	4,5	-4,0	5,6
Молдова	4,7	4,3	3,6	-3,1	4,0
Польша	4,9	5,3	4,1	-4,2	2,8
Российская Федерация	1,8	2,5	1,3	-6,0	2,7
Румыния	7,1	4,4	4,1	-5,7	5,4
Северная Македония	1,1	2,7	3,6	-2,1	3,9
Сербия	2,0	4,4	4,2	-2,5	4,0
Таджикистан	7,6	7,3	7,5	-2,0	3,7
Туркменистан	6,5	6,2	6,3	0,0	4,0
Турция	7,5	2,8	0,9	-3,8	5,0
Узбекистан	4,5	5,4	5,6	1,5	6,6
Украина	2,5	3,3	3,2	-3,5	3,0
Хорватия	3,1	2,7	2,9	-9,3	5,4
Черногория	4,7	5,1	3,6	-5,6	4,8

Источник: Всемирный банк. e = оценка; f = прогноз. Прогнозы Всемирного банка часто обновляются на основе новой информации с учетом меняющихся (глобальных) обстоятельств. Следовательно, прогнозы, представленные здесь, могут отличаться от тех, которые содержатся в других документах банка, даже в тех случаях, когда основные оценки перспектив стран существенно не отличаются в каждый данный момент времени.

«Общий объем оборота оптовой и розничной торговли в 2019 году в Кыргызстане, согласно данным Нацстаткома КР, составил 586,0 млрд сомов, то есть, \$7,9 млрд. Импорт в Кыргызстан составил \$5,29 млрд» [7]. Вся привозимая продукция покупается, в том числе и на деньги трудовых мигрантов. Рост безработицы, существенное сокращение денег у населения отрицательно отразятся на экономике.

Проблемы, которыми, возможно, столкнется Кыргызстан, это замораживание крупных проектов, в том числе, связанных с развитием трансграничных коридоров, а также - логистических центров. Возможен резкий спад в строительном и туристическом бизнесе.

Отчасти, благодаря трудовым мигрантам, в Кыргызстане развивается строительный бизнес. Общий объем валовой продукции строительства в Кыргызстане в 2019 году составил \$2,2 млрд.

Ввиду нынешней ситуации возникает необходимость принятия решительных мер в вопросах трудовых мигрантов для адаптации ЕАЭС к сложившейся ситуации и минимизировать социальные и экономические потери.

Говоря о экономической ситуации в Кыргызстане, сейчас необходимо помочь среднему и малому бизнесу, от которого зависит экономика и социальная стабильность страны.

Необходимо поддержать эти сегменты, возможно, нужны льготные кредиты и вливания. К сожалению, Кыргызстан не в состоянии справиться с ситуацией самостоятельно, поэтому необходима поддержка союзников по ЕАЭС и активное использование финансовых рычагов, в частности, Российско-Кыргызского Фонда Развития.

В условиях складывающейся ситуации в стране существует необходимость в формировании эффективной модели кыргызской экономической политики, которая должна обеспечить снижение иностранных инвестиций, повышение квалификации иностранных граждан и повышение квалификации кыргызстанцев. Миграционная политика должна стать управляемой сферой ответственности государства перед своими гражданами. Государство должно предвидеть все эти угрозы и быть готовым прийти на помощь своим гражданам – трудовым мигрантам, оказавшимся в жизненно сложных ситуациях.

Государственные службы должны быть задействованы в чрезвычайных ситуациях. Миграционная политика также должна иметь межотраслевое взаимодействие с образовательной политикой, где должны быть созданы новые квалифицированные кадры за границу, и это стимулирует формирование новых рабочих мест в Кыргызстане (особенно в наиболее нуждающихся областях), привлечение иностранных инвестиций и повышение квалификации кыргызстанцев.

Таким образом, возникнет потребность в постоянном повышении уровня профессионализма, т.к. возрастет конкуренция на рынке труда. В посткризисном мире будут развиваться новые виды бизнеса, ориентированные на дистанционную деятельность и цифровизацию, а также претерпит изменение деловой этикет. Изменятся и миграционные направления – город будет уходить в село, сменив тенденцию, когда село стремилось в город.

Таким образом, ситуация с COVID-19 показывает необходимость выработки новых подходов в сфере миграции на глобальном и региональном уровне.

Как мы выше отмечали, социально-экономическая ситуация в стране зависит от внешних экономических факторов. «На сегодняшний день правительство Кыргызстана не может предложить варианты смягчения последствий мирового финансового кризиса. Правительству следует обратить внимание на ситуацию в стране. Власти должны просчитать все риски (по нескольким сценариям) и на этом основании сформировать антикризисный пакет решений. Все это должно быть прозрачным и рационально распределенным по важнейшим сферам. Должна быть сформирована эффективная система накопления государственного материального резерва, которая позволила бы смягчить возникающие риски.

В складывающейся ситуации, в условиях надвигающегося мирового кризиса, государству вместе с заинтересованными сторонами необходимо сформировать действенную модель кыргызской экономической политики и на ее основании модель миграционной политики. Её целью экономической должно стать снижение зависимости от денежных переводов извне, создание долгосрочных рабочих мест в Кыргызстане» [8]. Это требует не только принятия оперативных решений для смягчения воздействия кризиса на домашние хозяйства, производственный сектор, на систему государственных финансов, торговые отношения государств-членов, но и на концептуальную смену подходов к формированию и реализации экономической политики, которая позволит воспользоваться появившимися возможностями наращивания конкурентоспособности ЕАЭС.

В текущих условиях падения экономической активности, вызванной пандемией, необходимо принятие оперативных решений для смягчения воздействия кризиса на домашние хозяйства, производственный сектор, систему государственных финансов, торговые отношения государств-членов, учитывая опыт других стран, и оценивая возможные последствия пандемии коронавируса COVID-19.

Государства – члены ЕАЭС должны разработать четкие механизмы их внедрения, практического исполнения и контроля по снижению налогового бремени, введению отсрочек по кредитным и налоговым платежам, предоставлению льготного финансирования, государственных гарантий.

Литература:

1. URL : <https://koronavirustoday.ru/info/koronavirus-tablicza-po-stranam-mira-na-segodnya>
2. Механизмы реагирования на угрозы макроэкономической стабильности в условиях глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. М., 2020.
3. Временные меры в сфере миграции предоставляют возможность законного нахождения гражданам государств-членов на территориях государства пребывания в рамках ЕАЭС. URL : <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/covid>
4. Влияние денежных переводов на мигрантов на страну-получателя. URL : <https://caa-network.org>
5. WTO. URL : <https://www.imf.org/en/Countries/KGZ>
6. URL : <http://pubdocs.worldbank.org/>. Global Economic Prospects, June 2020.
7. URL : <http://www.stat.kg/ru/publications/>; Кыргызстан. Краткий статистический справочник. Б. : НСК КР, 2020.
8. URL : <http://inozpress.kg/news/view/id/55255>

Literature:

1. URL : <https://koronavirustoday.ru/info/koronavirus-tablicza-po-stranam-mira-na-segodnya>
2. Mechanisms for responding to threats to macroeconomic stability in the context of the global economic crisis caused by the pandemic. Analytical report. M., 2020
3. Temporary measures in the field of migration provide an opportunity for citizens of the Member states to legally stay in the territories of the host state within the framework of the EAEU. URL : <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/covid>
4. The impact of remittances on migrants on the recipient country. URL : <https://caa-network.org>
5. WTO; URL : <https://www.imf.org/en/Countries/KGZ>
6. URL : <http://pubdocs.worldbank.org/>. Global Economic Prospects, June 2020.
7. URL : <http://www.stat.kg/ru/publications/>; Kyrgyzstan. Brief statistical handbook. B. : NSK KR, 2020.
8. URL : <http://inozpress.kg/news/view/id/55255>

Мухоморова Ирина Викторовна

кандидат экономических наук,
экономический факультет,
Государственный социальный университет
mukhomorova@mail.ru

СВЕРХТУРИЗМ И МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ ТУРИСТСКОЙ НАГРУЗКИ НА ДЕСТИНАЦИИ

Аннотация. Экономические результаты регионального туризма будут всегда зависеть от туристско-рекреационного потенциала территорий и дестинаций, уровня инфраструктурного развития, маркетинговых стратегий и отношения местного сообщества к туристам. В этой ситуации достаточно сложным бывает соблюсти баланс интересов туристов и местного населения. В настоящее время следует ожидать увеличения туристской нагрузки на наиболее посещаемые туристские территории в России, поскольку внимание туроператоров привлекают одни и те же туристские регионы и дестинации. Учитывая влияние этих факторов, можно предположить в ближайшей перспективе возникновение проблемы сверттуризма в определенных туристских дестинациях. Проблема возникает из-за того, что туристские дестинации имеют оптимальный объем туристов, которые они способны принять в каждый определенный момент, чтобы избежать негативного воздействия от туризма. Если объем туристов превышен, то появляются экологические, социальные и даже экономические проблемы.

Ключевые слова: туристская дестинация; туристско-рекреационный потенциал; сверттуризм.

Экономическая активность в сфере туризма восстанавливается, а векторы развития этой сферы развернуты внутрь страны. Регулятором туризма совместно с участниками рынка туристских услуг разрабатываются новые межрегиональные и региональные маршруты, что позволит распределить в пространстве и времени туристские потоки и задействовать как можно большее количество регионов в индустрию туризма.

Уже сегодня становится понятным, что индустрия туризма подвергнется радикальным изменениям в ближайшем будущем. Эти изменения вызваны не только вирусными угрозами человечеству, но и ускоренной цифровизацией деятельности, экологической повесткой, чувствительностью туристских дестинаций к социокультурным нагрузкам и другими рисками.

Оценивая действия регулятора и крупных туроператоров в развитии внутреннего туризма в России, можно уверенно сделать вывод о практически полном совпадении интересов крупных

Irina V. Mukhomorova

Candidate of Economic Sciences,
Faculty of Economics,
Russian State Social University
mukhomorova@mail.ru

OVERTOURISM AND METHODS OF REDUCING THE TOURIST LOAD ON DESTINATIONS

Annotation. The economic results of regional tourism will always depend on the tourist and recreational potential of the territories and destinations, the level of infrastructure development, marketing strategies and the attitude of the local community to tourists. In this situation, it is quite difficult to maintain a balance between the interests of tourists and the local population. Currently, we should expect an increase in the tourist load on the most visited tourist destinations in Russia, since the same tourist regions and destinations attract the attention of tour operators. Taking into account the influence of these factors, we can assume that in the near future the problem of over tourism in certain tourist destinations will arise. The problem arises due to the fact that tourist destinations have an optimal volume of tourists that they are able to receive at any given moment, in order to avoid the negative impact of tourism. If the volume of tourists is exceeded, then there are environmental, social and even economic problems.

Keywords: tourist destination; tourist and recreational potential; overtourism.

туроператоров в отношении новых туристских направлений и отдельных дестинаций. При этом рост туристских потоков в настоящем времени только приветствуется, ведь туристская индустрия будет стараться максимально быстро восстановиться. Туристская индустрия сосредоточена на получении доходов в период ограниченный, потребители туристских услуг уже получили опыт внутренних путешествий благодаря государственной программе стимулирования туризма.

Значительное количество туристских дестинаций России имеют слабую узнаваемость, а в результате - привлекательность. Следовательно, основные туристские потоки будут направлены в уже известные регионы и дестинации. Если прибавить к этому постепенное восстановление въездного туризма, следует ожидать увеличенную туристскую нагрузку на наиболее посещаемые туристские дестинации в России. И здесь остро встанет вопрос о пространственном распределении туристских потоков и принятии мер по

снижению туристской нагрузки на отдельные дестинации.

Сверхтуризм – это новая проблема, связанная с высокими темпами роста туризма, который, безусловно, восстановится по завершению пандемии. Следует учитывать также паттерны поведенческого предпочтения и поведения, когда туристов более всего привлекают те туристские места, которые являются наиболее известными и, следовательно, посещаемыми большим количеством туристов.

Значительное количество туристских дестинаций в мире столкнулись с проблемой сверхтуризма, поскольку были не способны вместить туристские потоки без нанесения ущерба местному сообществу, не могли сохранять культурное наследие от вредного воздействия от туристских посещений и получили в результате деформацию региональной экономики, зависящей от сферы туризма.

Парадигма ответственного туризма предполагает, что места, подвергшиеся негативному воздействию со стороны туристов, должны быть защищены. В разных странах используют разную политику для пространственного регулирования туристских потоков и предупреждению эффектов сверхтуризма. Изучение зарубежного опыта позволило оценить наиболее эффективные методы и возможность их применения в Российской Федерации. Зарубежный опыт в развитии наиболее посещаемых туристских дестинаций основан, прежде всего, на соблюдении интересов государства, участников рынка туристских услуг и местного сообщества в сфере туризма. Как правило, проблема сверхтуризма связана с нарушением экологического баланса, джентрификацией, утратой местным сообществом возможностей привычной жизни, а в некоторых случаях и деградацией местного населения.

Изучение проблемы сверхтуризма дает понимание о существенном влиянии общественности на ее решение. Изначально проблема бывает просто обозначена, далее следует принятие ожидаемых от государственных регуляторов мер, а в случае их отсутствия начинаются общецветские протесты.

Разные возможности, географическое положение, вклад туризма в экономику региона и отношение местного населения к туристам потребовали выработки индивидуальных мер, по регулированию туристских потоков. Вместе с тем, все меры могут быть сведены к следующим:

– количественное ограничение туристов на территории дестинации. Такой метод включает запрет на строительство новых гостиниц или иных мест коллективного размещения. Здесь возможно достижение результатов двумя путями – общее сокращение туристов в городе, регионе, отдельном туристском объекте или же кратковременное (несколько часов, не более одного дня без ночевки) пребывание. Такие ограничения приведут к более осознанному выбору туристского маршрута и к большой вероятности отказа от кратковременного посещения туристской дестинации;

– регулирование туристских потоков в или на отдельные туристские объекты путем динамического ценообразования и жесткого графика посещений по времени. В этом методе достигается четкое регулирование посещаемости туристских объектов за счет встраивания туристских групп в общий график и зависимость стоимости посещения от времени суток. Метод уже достаточно широко применяется за рубежом и должен быть использован в деятельности туристских объектов, особенно г. Москва и г. Санкт-Петербург;

– повышение налоговых ставок на деятельность отелей в местах, испытывающих значительные туристские нагрузки, привязанных к категории отелей. Достаточно спорный подход к регулированию туристских потоков через контроль их размещения в отелях. В некоторых странах это привело к неоднозначному результату, когда отельеры стали сознательно снижать категорию (уменьшать количество звезд), для снижения налоговой нагрузки;

– введение налогов для туристов на развитие и восстановление инфраструктуры туристской дестинации. Практически повсеместная практика, которая является своеобразным заградительным финансовым барьером и разделяет туристов по их финансовым возможностям. Часто такая практика принимает характер туристского, инфраструктурного, городского, курортного сбора, который взимается в отелях;

– демаркетинг территорий. Этот метод должен стать одним из основных при регулировании туристских потоков. Туристы, которые направляются в наиболее посещаемые туристские места в высокий сезон, должны быть хорошо информированы о существующих проблемах и возможных трудностях;

– переориентация на туристов с более высоким уровнем дохода, для уменьшения количества туристов и повышения среднего чека за период пребывания. Данный метод сейчас находится в процессе апробации разными странами, но не дает ожидаемых результатов. Переориентация на туристов с высоким уровнем дохода зачастую не соответствует потребительским предпочтениям таких туристов. Метод может быть использован в качестве дополнительного при регулировании посещаемости отдельных туристских дестинаций;

– полный запрет на посещение туристской дестинации на определенное время для восстановления дестинации. Впервые данный метод был опробован при восстановлении туристского острова, когда остров был полностью закрыт для посещения туристами. Метод может применяться как крайняя мера при прогнозировании возникновения катастрофических последствий для туристской дестинации. Особенностью данного метода является значительная сумма компенсации участникам рынка туристских услуг на данной территории, выплаченная государством.

В России в настоящее время еще нет масштабных проблем сверхтуризма, как во многих зарубежных популярных туристских направлениях, но

данная ситуация уже замечена на некоторых объектах культурного и природного наследия, что является тревожным признаком, оповещающим о грядущих воздействиях сверхтуризма. В случае со сверхтуризмом, легче, дешевле и безопаснее предотвратить последствия заранее, чем бороться в будущем с большой проблемой. Опыт других стран поможет подобрать необходимые меры рекомендации, чтобы ослабить туристическую нагрузку на дестинацию.

Сверхтуризм влияет на близлежащие территории, вызывая дискомфорт у местных жителей, туристов и работников, обслуживающих туристов. Так как Российская Федерация заинтересована в привлечении туристов, необходимо заранее рассчитать максимальную вместительность территорий, дестинаций, объектов культурно-исторического наследия, достопримечательностей, определить комфортные условия пребывания и оценить экологические последствия.

При исследовании туристских посещений иностранными гражданами и внутренними туристами сделан вывод, что основную главную привлекательность в России составляют обе столицы – Москва и Санкт-Петербург, а также Московская область, Краснодарский край и Иркутская область.

В последнее время стали популярными направлениями внутреннего туризма: Республика Татарстан, Республика Крым, Тюменская область, Кемеровская область, Нижегородская область. Наиболее востребованными въездными направлениями у иностранных граждан были и остаются Москва и Санкт-Петербург, Приморский край и Иркутская область. В России с проблемой сверх туризма уже столкнулся г. Санкт-Петербург.

Для больших городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, наиболее рациональным использовать распределение туристов по городу и увеличение стоимости пребывания туристов – так называемого среднего чека. Но увеличение стоимости должно ограничиваться туристической сферой или конкретным местом сверхтуризма, иначе туристизация ударит по местным жителям.

Литература:

1. *Егорова Е.Н.* Региональная сфера услуг: экономика, организация и управление. М., 2010.
2. *Мосалёв А.И.* Система институтов управления в сфере туризма / А.И. Мосалёв, Д.А. Дементьев // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 4. С. 121–131.
3. *Мосалёв А.И.* Базовые основы поведенческой экономики в сфере туризма / А.И. Мосалёв // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмента. 2020. Т. 14. № 1. С. 16–21.
4. *Мухоморова И.В.* Социально ответственный туризм: организационный аспект / И.В. Мухоморова [и др.]. Курск, 2021.

Для облегчения работы музейных комплексов лучше всего задействовать систему покупки билета ко времени, туристы должны будут купить билет заранее в киоске, туристическом центре или получить электронный билет.

В Российской Федерации есть цель увеличить поток иностранных туристов, но, как показывает практика, малые города, деревни, посёлки, села, объекты природного наследия, памятники природы и так далее, не готовы принимать туристов. Запустить туристов, а потом решать поступающие проблемы – верх безответственности.

Сверхтуризм это одна из главнейших проблем туризма, а значит, решение лежит в ответственном подходе к дестинации, каждый участник рынка должен взять на себя ответственность и пытаться решить проблему, что приведёт к ответственному туризму.

Населённым пунктам, особенно находящимся на территории особо охраняемых территорий, необходимо дать право голоса и возможность регулировать поток туристов на свою территорию, через органы местного самоуправления.

Местный туристский сбор предполагает сбор денежных средств с туристов, согласованный местными жителями, местным самоуправлением и региональными органом управления. Ближайший аналог в РФ – курортные сборы.

Ответственность в туризме – сложное явление, так как туризм, в большинстве случаев, предполагает развлечение, положительные эмоции, которые приходят в отрыве от места проживания, досуге и поведении, а турист в этот период не хочет думать о проблемах, обязанностях и ответственности.

Так как в РФ нет мер противодействия сверхтуризму, в первую очередь местным жителям и местным органам самоуправления необходимо взять ответственность на себя, делать все возможное и привлечь к решению широкую общественность.

Literature:

1. *Egorova E.N.* Regional services sector: economy, organization and management. M., 2010.
2. *Mosalev A.I.* System of management institutions in the field of tourism / A.I. Mosalev, D.A. Dementiev // Problems of the theory and practice of management. 2020. № 4. P. 121–131.
3. *Mosalev A.I.* Basic foundations of behavioral economics in the field of tourism / A.I. Mosalev // Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and Management. 2020. Vol. 14. № 1. P. 16–21.
4. *Mukhomorova I.V.* Socially responsible tourism: organizational aspect / I.V. Mukhomorova [et. al]. Kursk, 2021.

Осипова Елена Юрьевна
советник,
АО «Технополис»
economicadvisor@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ КОМПАНИЯМИ

Аннотация. Актуальность. Инновационный характер развития современных экономических систем актуализирует вопросы управления хозяйствующими субъектами, обусловленные процессами трансформации окружающей действительности. Вопросы оценки эффективности управленческих решений в компаниях, продуктом деятельности которых является инновационная продукция, представляют методический и прикладной интерес, для обеспечения максимизации результативности деятельности хозяйствующего субъекта.

Объект исследования. Методология оценки эффективности управления инновационными компаниями.

Предмет исследования. Методы оценки эффективности управления хозяйствующими субъектами, продуктом деятельности которых являются инновации.

Цель исследования. Заключается в раскрытии формы и содержания современных методов оценки эффективности управления компаний инновационной сферы.

Задачи исследования. Заключаются в детекции содержания методов оценки эффективности управления инновационными компаниями.

Методология исследования. Используются теоретико-эвристические методы дескриптивного характера, базирующиеся на общепризнанных методах научного познания: анализ, синтез, аналогии, абстрагирование, дедукцию и др., обусловленные феноменологическими и системными принципами исследования.

Результаты исследования. Выражаются в раскрытии формы и содержания методов оценки эффективности управления компаний инновационного сектора.

Ключевые слова: управление по целям, экономическая добавленная стоимость, бизнес – ценность, сбалансированные показатели, ключевые показатели эффективности.

Основная часть.

Современная российская экономика характеризуется инновационным характером развития, количество организаций, осу-

Elena Yu. Osipova
Counselor,
АО «Technopolis»
economicadvisor@mail.ru

MODERN METHODS OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE COMPANIES

Annotation. Relevance. The innovative nature of the development of modern economic systems actualizes the issues of management of economic entities caused by the processes of transformation of the surrounding reality. The issues of evaluating the effectiveness of management decisions in companies whose products are innovative products are of methodological and applied interest, in order to maximize the effectiveness of the economic entity.

The object of the study. Methodology for assessing the effectiveness of management of innovative companies. The subject of the study. Methods for assessing the effectiveness of management of economic entities, the product of which is innovation.

The purpose of the study. It consists in revealing the form and content of modern methods for evaluating the management effectiveness of companies in the innovation sector.

Research objectives. They consist in detecting the content of methods for evaluating the effectiveness of management of innovative companies.

Research methodology. Theoretical and heuristic methods of a descriptive nature, based on the generally recognized methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, analogies, abstraction, deduction, etc., due to the phenomenological and systemic principles of research, are used.

The results of the study. They are expressed in the disclosure of the form and content of methods for evaluating the management effectiveness of companies in the innovation sector.

Keywords: management by goals, economic value added, business value, balanced indicators, key performance indicators.

ществляющих инновационную деятельность, неуклонно растёт (табл. 1, рис. 1), что актуализирует задачу оценки эффективности управления подобными хозяйствующими субъектами.

**Количество организаций, осуществляющих разработки,
научную и инновационную деятельность в России, по данным [4]**

Организации/год и № по п/п	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Число организаций – всего	3492	3682	3566	3605	3604	4175	4032	3944	3950	4053
Нормированные значения по п/п	0,84	0,88	0,85	0,86	0,86	1,00	0,97	0,94	0,95	0,97
в том числе:										
научно-исследовательские организации	1840	1782	1744	1719	1689	1708	1673	1577	1574	1620
конструкторские организации	362	364	338	331	317	322	304	273	254	255
проектные и проектно-исследовательские организации	36	38	33	33	32	29	26	23	20	11
опытные заводы	47	49	60	53	53	61	62	63	49	44
образовательные организации высшего образования	517	581	560	671	702	1040	979	970	917	951
организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	238	280	274	266	275	371	363	380	419	450
прочие	452	588	557	532	536	644	625	658	717	722

Представим графически количество организаций занимающихся разработкой и внедрением инновационного продукта (рис. 1).

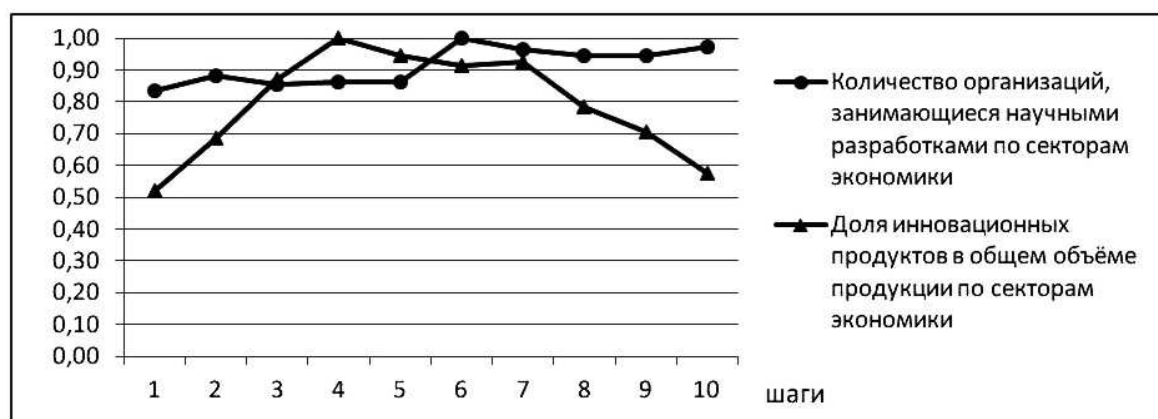

Рисунок 1 – Количество организаций, занимающихся разработкой и внедрением инновационного продукта

Инновационный характер деятельности компаний требует новых методов оценки эффективности управления деятельностью, с учётом особенности инновационной продукции. Классические методы оценки эффективности управления, основанные на отношении эффект/затраты не оправдывают себя, с точки зрения, прикладного применения. Обусловлено это тем, что инновационный продукт, сложно прогнозируемый рыночный фактор, где заранее спрогнозировать спрос, технические параметры производства достаточно сложно. В настоящее время, наиболее оправданными, с прикладной точки зрения, для оценки эффективности управления инновационными компаниями считаются: система управления эффективностью (PM) [1] и система управления по целям (MBO) [6].

Система управления по целям, разработана П. Дукером [6]., ещё в 1954 году. Основной идеей выступает совместная постановка целей руководством и сотрудниками и их совместная реализация. При том, что система управления по целям – достаточно старая (1954 г.), она эволюционирует, и современный метод оценки эффективности

управления высокотехнологичными компаниями носит название: цели и ключевые результаты (OKR), который используют для оценки эффективности управления такие высокотехнологичные гиганты, как Google, Twitter, Oracle, Adobe, Dropbox, GoPro, Facebook, Amazon, Yahoo и др.

Метод OKR состоит из двух этапов формулировки цели, которые взаимодополняют друг друга:

1. Представление цели (объект стремления) – Objectives.
2. Количественно выраженные ключевые показатели, по значению которых оценивается степень достижения цели (Key Results).

Приемлемым считается постановка трёх, четырёх целей и трёх, четырёх ключевых показателей.

Плюсы OKR:

– Цель выступает в виде стремления, которое количественно измеримо и имеет объективную природу.

– Внутренняя среда компании самоорганизуется для достижения цели.

– Эффективность управления компанией определяется достаточно просто: достигнута цель или нет.

– Формирование целей и результатов представляет собой замкнутый цикл, сверху - вниз, снизу – вверх, достигается полная вовлечённость в процесс всех сотрудников.

Минусы ОКР:

– Возможна разбалансировка цели из-за поточного движения по вертикали снизу – вверх и сверху – вниз.

– Требуется математически точная и обоснованная система планирования.

– Руководство может изначально выставлять заниженные цели и результаты, чтобы показать значительную эффективность своего труда.

Система управления эффективностью (PM) представляет собой систему, в которой упор делается на управление системными элементами (ключевыми сотрудниками, отделами, командами, подразделениями), в рамках нового элемента системы BSC [2], таблица 1. BSC система сбалансированных показателей, представляющая из себя методы стратегического управления результативностью, одним из которых выступает метод оценки ключевых показателей эффективности (KPI) [2].

Таблица 2

Содержание системы сбалансированных показателей (BSC), применительно к инновационным компаниям (авторское).

Показатели инновационной компании	Содержание	Область применения
Развитие компании	реализация стратегии, выполнение стратегических инновационных проектов	Руководство компании
Фронтир будущего	Реализация инновационных проектов по этапам, исследование и анализ применения новых технологий, управление знаниями, повышение качества управления персоналом, улучшение производительности сервисной составляющей	Подразделения IT компании
Производственное преимущество	Повышение качества и результативности работы производственных систем	Менеджмент среднего звена компании
Акцент на потребителя	партнерские отношения с бизнесом, поддержка заданного качества результатов труда, качественное выполнение научно-исследовательских разработок, повышение удовлетворенности пользователей	Пользователи конечного продукта

Как мы видим из таблицы 2, система сбалансированных показателей регламентирует четыре основных аспекта деятельности компании, по которым производится совокупная оценка эффек-

тивности управленческого труда. Содержание метода оценки ключевых показателей представлено в таблице 3.

Таблица 3

Метод оценки ключевых показателей

Показатели по сфере приложения	Содержание показателей
Виды KPI	целевые (ориентированы на постановку и достижение целей)
	процессные (ориентированы на процессы внутри организации)
	проектные (основаны на принципах проектного управления)
Рассчитываемые значения KPI	финансовые
	клиентские
	внутренних процессов
	развития
По виду отображения	запаздывающие
	опережающие

Как видим из таблицы 3, метод оценки ключевых показателей достаточно многообразен по содержанию и реализации и может более комплексно

представить результаты оценки эффективности управления инновационными компаниями.

Выводы.

По результатам нашего исследования мы можем уверенно выделить два основных метода оценки эффективности управления инновационными компаниями, это цели и ключевые показатели (OKR) и оценка ключевых показателей (KPI). Метод OKR относительно не нов, но при этом,

Литература:

1. *Армстронг М.* Управление результативностью: Система оценки результатов в действии / Майкл Армстронг, Анжела Барон. М. : Альпина Паблишер, 2014. 248 с.
2. *Ветлужских Е.Н.* Система вознаграждения. Как разработать цели и KPI / Е.Н. Ветлужских; Тех. ред. Н. Лисицина. М. : Альпина Паблишер, 2013. 216 с.
3. ГОСТ Р ИСО/ТО 10017-2005 Статистические методы. Руководство по применению в соответствии с ГОСТ Р ИСО 9001 (Переиздание). URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200039940> (дата обращения 08.03.2021).
4. ГОСТ Р ИСО 9000-2008 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200068733> (дата обращения 08.03.2021).
5. Статистика и показатели. URL : <https://rosinfostat.ru/innovatsii/> (дата обращения 08.03.2021).
6. *Drucker Peter F.* The Practice of Management. New-York : Harper & Row, 1954. 416 p.

учитывая эволюционный характер исследований, имеет значительную прикладную эффективность. Он более применим для инновационных компаний высокотехнологического сектора экономики. Метод KPI, больше ориентирован на производственный сектор экономики, то есть инновационные компании реального сектора экономики.

Literature:

1. *Armstrong M.* Performance management: A system for evaluating results in action / Michael Armstrong, Angela Baron. M. : Alpina Publisher, 2014. 248 p.
2. *Vetluzhskikh E.N.* Remuneration system. How to develop goals and KPI for software / E.N. Vetluzhskikh; Technical ed. N. Lisitsina. M. : Alpina Publisher, 2013. 216 p.
3. GOST R ISO/TO 10017-2005 Statistical methods. Guidelines for use in accordance with GOST R ISO 9001 (Reissue). URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200039940> (date of application 08.03.2021);
4. GOST R ISO 9000-2008 Quality Management Systems. Basic provisions and dictionary. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200068733> (date of application 08.03.2021).
5. Statistics and indicators. URL : <https://rosinfostat.ru/innovatsii/> (date of application 08.03.2021).
6. *Peter F. Drucker* Management practice. New-York : Harper & Row, 1954. 416 p.

Посаднева Елена Михайловна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
бухгалтерского учёта и налогообложения,
Российских экономических
университет имени Г.В. Плеханова
elena_elena_60@mail.ru

Elena M. Posadneva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
Accounting and Taxation,
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
elena_elena_60@mail.ru

ОЦЕНКА ИМУЩЕСТВА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

VALUATION OF PROPERTY OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Аннотация. Имея в составе собственности имущество, особо ценного характера, например, предметы искусства, некоммерческая организация зачастую сталкивается с проблемой его оценки. Вопросы экспертной оценки музейных ценностей во многих странах мира представляются весьма важными и специфическими. Однако, имеется определённая несогласованность мнений экспертов в этой сфере и проблема отражения так называемой «условной» оценки данного вида высоколиквидного имущества некоммерческих организаций на забалансовых счетах, противоречащей их рыночной цене. Определение экспертной оценки в настоящее время достаточно свободно трактуется, что само по себе не мешает ей оставаться довольно востребованным инструментом менеджмента компании.

Annotation. Owning property of a particularly valuable nature, for example, art objects, a non-profit organization often faces the problem of its valuation. The issues of expert assessment of museum values in many countries of the world seem to be very important and specific. However, there is a certain inconsistency in the opinions of experts in this area and, the problem of reflecting the so-called «conditional» assessment of this type of highly liquid property of non-profit organizations on off-balance sheet accounts, which contradicts their market price. The definition of peer review is currently quite loosely interpreted, which in itself does not prevent it from remaining a fairly popular tool for the company's management.

Ключевые слова: некоммерческая организация, оценка, имущество, рыночная экономика.

Keywords: non-profit organization, valuation, property, market economy.

Статья 25. Имущество некоммерческой организации Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» утверждает, что у некоммерческой организации могут быть в собственности либо в оперативном управлении такие виды имущества, как здания, сооружения, жилищный фонд, оборудование, инвентарь, денежные средства в национальной и иностранной валюте, ценные бумаги и прочие активы. Обладая определённой разновидностью собственности, например, имуществом особо ценного характера, такими как предметы искусства, некоммерческая организация зачастую сталкивается с проблемой его оценки.

Согласно последней редакции п. 333 Инструкции № 157н бюджетного учёта объекты, которые в соответствии с законодательством РФ не подлежат отражению на балансе учреждения (в частности, музейные предметы и коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда РФ), отражаются на забалансовом счёте 01 «Имущество, полученное в пользование».

Так, например, музейные предметы и музейные коллекции, включенные в состав государственной части Музейного фонда, являются принадлежащим Российской Федерации имуществом, её субъектов, муниципальных образований. Бухгалтерский (бюджетный) учёт некоммерческих организаций таких активов ведётся на забалансовых счетах на основании соответствующей первичной документации и по стоимости, отраженной в такой документации, а при её отсутствии – в условной оценке: один объект – один рубль.

В соответствии с ОКОФ подобные объекты учитываются по коду 19 0001031 – «Произведения изобразительного искусства. Живопись».

Забалансовый учёт предметов искусства и музейных коллекций синхронизируется по структуре с данными государственного учёта. Такая оценка высоколиквидного имущества некоммерческих организаций представляется противоречащей их рыночной цене.

Музейные коллекции и предметы, включенные в состав государственной части Музейного фонда РФ, относятся к особо ценному движимому имуществу бюджетных (автономных) учреждений (пп. «в» п. 4 Постановления Правительства РФ от 26.07.2010 № 538 «О порядке отнесения имущества автономного или бюджетного учреждения к

категории особо ценного движимого имущества»). Исходя из этого предметы, которые приобретаются для пополнения музейного фонда РФ, но еще не включены в него, логично учитывать в составе основных средств – особо ценного движимого имущества. При этом экспертная оценка может быть весьма различной и никак не согласовываться между собой.

Определение экспертной оценки, экспертизы в настоящее время достаточно свободно трактуется и является актуальным, востребованным и широко применимым инструментом менеджмента в развитии рыночных отношений хозяйствующих субъектов.

По своему содержанию экспертная оценка предусматривает наличие двух взаимосвязанных этапов. Первый этап включает исследование качественных характеристик анализируемого объекта, таких, как искусствоведческая и технологическая экспертизы, а затем следует второй, который и содержит вывод о стоимости предмета. Процесс исследования материальной и культурной составляющих практически имеет достаточно много общих аспектов, таких, например, как методики исследования, способы получения информации, этапы проведения работ и т.д.

В отношении экспертной оценки (экспертизы) музейных экспонатов или предметов искусства имеется специфика диагностики и идентификации культурных ценностей, поскольку данный вид активов имеет весьма привлекательные рыночные характеристики с точки зрения потенциальной доходности, что в соответствии с международным опытом оценки в данной области практически нигде до сих пор не является согласованным. Все виды экспертной оценки взаимосвязаны, однако, согласования между ними на сегодняшний день нет по причине конфликта между культурно-историческим аспектом и экономической составляющей предмета оценки.

Проблема оценки музейных предметов и заключается в том, что данное имущество некоммерческих организаций с одной стороны, является

весьма ликвидной и доходной частью имущественного комплекса хозяйствующего субъекта, способной наращивать его экономический потенциал, а с другой стороны, является культурным, художественным наследием общества, имеющим соответствующее историческое значение.

В мировой практике существует несколько подходов, используемых в оценке имущества некоммерческих организаций. Первый, так называемый доходный подход, фокусируемый на приведенной стоимости будущего денежного потока, который, как ожидается, будет генерироваться предприятием. И здесь «работают» два таких основных метода, как «капитализация дохода» и «анализ дисконтированного денежного потока (Discounted Cash Flow Analysis)». Оба эти метода предполагают прогнозирование будущих операций и дисконтирование прогнозируемого потока доходов до текущей стоимости.

Второй, рыночный подход, который осуществляется путем выявления публично торгуемых или недавно проданных компаний с характеристиками, аналогичными оцениваемому объекту. Выявляются взаимосвязи между фундаментальными показателями, такими как выручка, денежный поток или активы, а затем вычисленные мультипликаторы применяются к соответствующим фундаментальным показателям субъекта. Это аналогично тому, как в отрасли недвижимости измеряется стоимость недвижимости на основе цен, по которым были проданы аналогичные объекты.

Третий, затратный подход предполагает, что ответственный покупатель не будет платить за активы больше, чем стоимость замещения их производственных мощностей. Из-за препятствий для применения этого подхода к некоммерческим организациям, этот подход не является для них приемлемым.

Безусловно, вопросы страхования и экспертной оценки музейных ценностей во многих странах мира представляются весьма важными и специфическими.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации.
2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/e953f06ecdb3bec4e2d5ede5d2e7a6af4631f105
3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107750
4. URL : <https://www.appraisaleconomics.com/approaches-to-not-for-profit-valuation>

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation.
2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/e953f06ecdb3bec4e2d5ede5d2e7a6af4631f105
3. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107750
4. URL : <https://www.appraisaleconomics.com/approaches-to-not-for-profit-valuation>

Сахбиева Амина Ильдаровна
кандидат экономических наук,
доцент,
Университет управления «ТИСБИ»
aminasmile@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности поведения потребителей в условиях цифровой экономики. Автор приходит к выводу о том, что цифровая экономика на современном этапе позволила потребителям общаться друг с другом посредством сети Интернет, производя данные, которые стали очень мощными инструментами как в политике, так и в экономике. Кроме того, экономика данных изменила принципы работы рынков в нескольких областях, превратив совместное использование автомобилей, аренду жилья и другие формы совместного использования и распространения в новые формы экономической деятельности. Она в новом разрезе объединила частных лиц и компании, превратив потребителей в просьюмеров.

Ключевые слова: цифровая экономика, поведение потребителей, трансформация потребительских предпочтений.

Роль потребителей в меняющейся экономике нельзя недооценивать. Цифровая экономика способствовала формированию нового, более мобильного потребителя, который переходит на новый уровень взаимодействия с корпорациями [2]. Интернет, социальные сети и цифровые устройства превратили роль и имидж потребителей из зависимой аудитории в очень важный источник формирования экономической стоимости. На заре развития экономики данных еще больше внимания уделяется активной роли потребителя по сравнению с традиционным взглядом на потребителя как на пассивного получателя потока новинок. Под термином «экономика данных» необходимо понимать развитие цифровой экономики, в которой массивные данные собираются всеми, в том числе и обычными гражданами, и где данные распространяются быстрее, чем когда-либо [5].

Потребительство возникло как центральный механизм общества и демонстрация модели распределения благ между гражданами. На современном этапе, в эпоху доминирования Интернета, социальных сетей и цифровых устройств, потребитель есть не что иное, как «производитель данных» и важнейший источник создания ценности в экономике данных. В указанный период развитие потребителя базируется на четырех постулатах:

Amina I. Sakhbieva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
University of Management «TISBI»
aminasmile@mail.ru

FEATURES OF CONSUMER BEHAVIOR IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. The article discusses the features of consumer behavior in the digital economy. The author concludes that the digital economy at the present stage has allowed consumers to communicate with each other via the Internet, producing data that has become very powerful tools in both politics and economics. In addition, the data economy has changed the way markets work in several areas, turning car sharing, rental housing, and other forms of sharing and distribution into new forms of economic activity. It combined individuals and companies in a new context, turning consumers into prosumers.

Keywords: digital economy, consumer behavior, transformation of consumer preferences.

– сбор крупномасштабных данных с помощью различных устройств и инструментов отслеживания;

– быстрая скорость передачи данных из одного домена в другой;

– появление тенденции к сбору, анализу и обмену данными о своей повседневной жизни;

– растущее доминирование в развитии экономики данных за счет экономии от масштаба и размаха.

Данные, созданные в оцифрованной жизни потребителей, стали основным источником формирования экономической стоимости. Благодаря этим шагам масштаб экономики данных радикально расширился за последние несколько десятилетий. Как следствие, появилась глобальная цифровая платформа с различными обратными связями.

Данные, созданные в ходе оцифрованной жизни потребителей стали основным источником глобализированного формирования экономической стоимости в 2010-х годах, что привело к появлению таких гигантских организаций, как Google, Apple, Facebook, Amazon и Microsoft. Поток данных предоставил возможности для сбора информации о предпочтениях и мнениях потребителей, тем самым, облегчая новые способы влияния на общественное мнение.

Бизнес, связанный с персональными данными, расширяется, особенно в областях здравоохранения, финансов и пр., постоянно расширяется. Все традиционные методы маркетинга в доцифровую эпоху позиционировали потребителя как отдельного субъекта. Новые маркетинговые технологии формируют потребительские предпочтения на основе анализа массового поведения, спонтанного интереса, географического интереса и пр. В результате рынки не разбиваются на отдельных потребителей, а в большей степени строятся из компонентов, извлеченных из анонимных и агрегированных данные потребителей. Uber – хороший пример алгоритмической системы, объединяющей крупнейшие в мире пулы данных о предложении водителей и спросе пассажиров на личный транспорт. Секрет Uber заключается в его способности «наращивать аудиторию» и «подбирать партнеров» на основе анализа данных потенциальных потребителей услуг.

Сильная сторона купных интернет-компаний состоит в том, что они практически монополизируют одновременно несколько рынков за счет осуществления глобального поиска, распространения рекламы и проведения оперативной аналитики могут отслеживать множество аспектов жизни потребителей. Так, Amazon наращивает мощности на продуктовых рынках (AmazonFresh), Google – в сфере транспорта (автомобили без водителя), Apple и Microsoft – в секторе оздоровления (AppleWatch, MicrosoftHealth), а Facebook направляет значительные усилия в банковские и платежные системы. Когда гиганты данных объединяют данные из разных источников и аспектов жизни, они выходят за рамки границ между секторами бизнеса. В медицинском и страховом бизнесе будущего личные данные могут быть дополнены повседневными данными, которые гораздо более важны для здоровья человека – от потребительских предпочтений человека, которые оцениваются на основе финансовых и временных затрат, до истории его физической активности. Например, «сенсорная деятельность» Google влечет за собой мониторинг поисковых запросов людей, их генетики, здоровья, использования средств массовой информации и данных о расходах, хранящихся «в облаке».

Будущее – это поле битвы за идеи. На современном этапе развитие экономики данных осуществляется в большей степени под контролем американских «гигантов данных». Их основной экономический интерес заключается в возможности влиять на основе анализа данных и вычисления

вероятностей на повседневный выбор, которые делают миллионы людей. Таким образом, диагностический взгляд таких компаний сосредоточен не на конкретных индивидах, а на «обособленных» группах потребителей. В мире «социальной физики» индивидуальный потребитель – это только один электрон в группе электронов. На сегодняшний день необходимо признать, что полной, обособленно существующей защиты конфиденциальности сегодня не существует.

Потребительские рынки больше не будут контролироваться посредством однонаправленной рекламной пропаганды, когда отдельный потребитель мог бы просто быть получателем сообщений; Уже сейчас контроль осуществляется с помощью моделей и производных, которые описывают и аппроксимируют среднюю реальность и совокупности потребителей. Потребитель также становится «проводником» ко всем данным, которые можно отслеживать с помощью Интернета вещей, и поток данных будет стимулироваться новыми моделями бизнеса, в которых решения вместо товаров являются способами создания стоимости.

База данных – это фабрика будущего. Распространение данных создает новые рынки и разрушает старые информационные монополии. В будущем борьба будет усиливаться между американскими гигантами GAFAM (Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft) и их китайскими «родственниками» BAT (Baidu, Alibaba, Tencent).

На ранних этапах развития общества потребитель был главным образом получателем товаров и услуг. Свобода выбора и способность рационального принятия решений потребителя были признаны современным потребительским духом, сформировавшимся в 1960-х годах. Неолиберализм 1980-х годов еще больше укрепил такое экономическое мышление. Однако в 1990-е годы понятие «потребитель» получило новый акцент. Новые бизнес-модели в сферах бизнеса, ориентированного на услуги, и экономики совместного использования также усилили роль потребителей как производителей, а их участие в цикле создания стоимости было официально признано в концепции экономики замкнутого цикла.

В таблице 1 представлены технологические изменения, которые повлияли на эволюцию потребителя.

Таблица 1

Технологические изменения, которые повлияли на эволюцию гражданина-потребителя

Технологические изменения	Эволюция потребителя
Подъем автомобильной промышленности	Потребителя получают свободу передвижения
	Потребители голосуют своими деньгами
Расширение информационного пространства	Потребители как пассивные получатели
Появление сети Интернет	Расширение свободы общения
Первые смартфоны	
iPhone	Потребители как активные участники экономических отношений
Интеграция данных и агрегаторы (например, платформы социальных сетей)	Потребители как производители (просьюмеры) и соинноваторы

В эпоху цифровых технологий часть работы, связанной с потреблением (создание потребительских настроений, обмен мнениями и пр. стала доступной для медиаиндустрии. Цифровая экономика радикально изменила схему производства и потребления, сделав социальную работу более заметной. Интернет, социальные сети и цифровые устройства, которые следят за потребителями повсюду, изменили экономическую природу их активности. Например, потребитель стал производителем контента для «гибридных СМИ» и распространителем новостей.

Таким образом, в начале 20-го века расширение предложения товаров и услуг сделало потребителя пассивным получателем различных благ. В 1950-х и 1960-х годах потребитель начал восприниматься как своего рода информационный процессор, напоминающий компьютер. К концу века потребитель рассматривается как сопродюсер и соинноватор. Текущий статус потребителя представляет собой продукт синтеза данных сети

Литература:

1. *Земскова Е.С.* Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений / Е.С. Земскова // Вестник евразийской науки. 2019. № 5.
2. *Земскова Е.С.* Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике / Е.С. Земскова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 17–27.
3. *Погудаева М.Ю.* Особенности поведения потребителя в условиях информационной экономики / М.Ю. Погудаева, Я.А. Семенова-Слабкович // Экономический журнал. 2012. № 28.
4. *Тищенко Н.Ю.* Факторы потребительского поведения в сфере экономики совместного потребления в России на примере компании Airbnb / Н.Ю. Тищенко и [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 2.
5. *Boyce A.M.* When does it stop being peanut butter?: FDA food standards of identity, ruthdesmond, and the shifting politics of consumer activism, 1960s – 1970s Technol. Cult. 2016. № 57(1). P. 54–79.

Интернет, социальных сетей и цифровых устройств. Данные, созданные в оцифрованной жизни потребителей, стали основным источником формирования экономической стоимости.

Цифровая экономика на современном этапе позволила потребителям общаться друг с другом посредством сети Интернет, производя данные, которые стали очень мощными инструментами, как в политике, так и в экономике. Кроме того, экономика данных изменила принципы работы рынков в нескольких областях, превратив совместное использование автомобилей, аренду жилья и другие формы совместного использования и распространения в новые формы экономической деятельности. Она в новом разрезе объединила частных лиц и компании, превратив потребителей в просьюмеров. Можно утверждать, что это изменение открыто перед потребителями новые перспективы выбора, однако позитивные стороны последствия такого выбора на сегодняшний день предсказать довольно сложно.

Literature:

1. *Zemskova E.S.* Analysis of consumer behavior in the digital economy from the perspective of generational theory / E.S. Zemskov // Bulletin of Eurasian Science. 2019. № 5.
2. *Zemskova ES.* Schering as a reflection of consumer values in the digital economy / E.S. Zemskova // Scientific Journal of NIU ITMO. Series: Economics and environmental management. 2019. № 3. P. 17–27.
3. *Pogudaeva M.Yu.* Features of consumer behavior in the information economy / M.Yu. Pogudaeva, Ya.A. Semenova-Slabkovich // Economic Journal. 2012. № 28.
4. *Tishchenko N.Yu.* Factors of consumer behavior in the field of joint consumption economy in Russia on the example of Airbnb / N.Yu. Tishchenko and [et. al.] // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. 2019. № 2.
5. *Boyce A.M.* When does it stop being peanut butter?: FDA food standards of identity, ruthdesmond, and the shifting politics of consumer activism, 1960s – 1970s Technol. Cult. 2016. № 57(1). P. 54–79.

Червова Наталья Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»,
Тихоокеанский
государственный университет
natashachervova@rambler.ru

Ивашкин Михаил Вячеславович

доктор экономических наук,
профессор Высшей школы
«Медиа, коммуникаций и сервиса»,
Тихоокеанский
государственный университет
ivashkin62@mail.ru

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС И ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ТОВАРОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

■ ■ ■

Аннотация. В статье был рассмотрен понятийный аппарат по проблеме фальсификации товаров, проанализирована статистическая информация о реализации некачественной продукции, выявлены, вызванные этим, проблемы на потребительском рынке России, а также, предложен ряд мер, способствующих борьбе с фальсификацией, как со стороны государства, так и со стороны бизнеса, применение которых на практике будет способствовать насыщению потребительского рынка России качественными товарами.

Ключевые слова: фальсификация, контрафактные товары, подделка, качество, потребительский рынок, бизнес, государственное регулирование.

■ ■ ■

В современных рыночных отношениях важная роль отводится вопросам качества реализуемых товаров на потребительском рынке. Зачастую, интересы бизнеса и этики сложно совместимы, многие предприниматели в погоне за текущей прибылью легко жертвуют качеством реализуемых товаров. Поэтому государство как гарант защиты прав граждан на достойную жизнь действует, как уже имеющиеся в его арсенале, так и регулярно разрабатывает новые механизмы регулирования данного процесса. Рост достатка населения является еще одной существенной причиной повышенного внимания к вопросам качества товаров, реализуемых на потребительском рынке. Люди готовы платить больше за обладающие высокими потребительскими свойствами, экологически чистые товары. Однако, зачастую декларируемое качество товаров становятся лишь завуалированным маркетинговым ходом предпринимателей в привлечении внимания

Natalya V. Chervova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific State University
natashachervova@rambler.ru

Mikhail V. Ivashkin

Doctor of Economics,
Professor of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific State University
ivashkin62@mail.ru

RUSSIAN BUSINESS AND THE PROBLEM OF FALSIFICATION OF GOODS: THE CURRENT STATE AND WAYS TO SOLVE THE PROBLEM

■ ■ ■

Annotation. The article considered the concepts of the apparatus for the problem of counterfeiting goods, analyzed statistical information on the sale of low-quality products, identified the problems caused by this in the consumer market of Russia, and also proposed a number of measures to help combat counterfeiting, both by the state and by businesses, the use of which in practice will contribute to the saturation of the Russian consumer market with quality goods.

Keywords: falsification, counterfeit, counterfeiting, quality, goods, consumer market, business, government regulation.

■ ■ ■

потенциальных клиентов, обеспечивающих дополнительную прибыль продавцу.

Все сказанное выше позволяет нам вполне обоснованно утверждать, что проблема фальсификации товаров на потребительском рынке остается весьма актуальной на протяжении длительного промежутка времени. Для адекватного понимания ситуации, сначала разберемся в особенностях терминологии.

Подделка – создание и реализация товара, имитирующего оригинальный.

Реплика – производное от иностранного слова «replicate», означает копировать, воспроизводить. т.е., по своей сути, та же подделка.

Имитация – создание предмета, по внешнему виду схожего с оригиналом (но необязательно претендующего на идентичность).

Фальсификат – подделка, вводящая потребителя в заблуждение о подлинности товара (в отличие от имитации).

Контрафакт – выпуск продукции, нарушающей авторские и смежные права.

Наиболее часто на практике апеллируют понятиями фальсификация и контрафакция, рассмотрим их подробнее.

Фальсификация трактуется по-разному, в зависимости от сферы деятельности авторов, дающих определение этого термина. В наиболее часто используемой трактовке «фальсификация» (от латинского «falsifiko» – поддельваю) – это действия, направленные на преднамеренный обман покупателя путем подделки объекта купли-продажи с корыстной целью [1]. Здесь акцент делается на корысть и выгоду, получаемую в результате обмана.

Фальсифицированные пищевые продукты – это пищевые продукты, умышленно измененные (поддельные) и (или) имеющие скрытые свойства и качества, информация о которых предоставляется покупателю продавцом заведомо неполно или не вполне достоверно [2]. Здесь внимание акцентируется на умышленном обмане, сокрытии свойств товара и информации о нем, что впрочем само по себе трудно доказуемо.

Термин «контрафакция» в большей степени связан с незаконным использованием чужих авторских прав. Поэтому используется, главным образом, когда разбирают случаи, при которых поддельный товар выдают за оригинальный, тем самым получая дополнительную прибыль за счет известности марки оригинального товара.

Контрафакция – разновидность фальсификации, представляющая собой намеренное и незаконное введение в коммерческий оборот объектов, на которые распространяются действия законов РФ об авторском праве и смежных правах, интеллектуальной, промышленной собственности, а также международных договоров [3].

При реализации недобросовестными производителями и торговцами контрафактной продукции, правообладателю оригинальной марки товара может быть нанесен не только материальный, но и существенный моральный вред.

Возможны два случая последствий контрафакции для производителей оригинального товара:

1. Когда подделка качественная, тогда репутация производителя не страдает, но ему наносится материальный вред, т.к., пользуясь его широко известным именем, кто-то пожинает плоды, в результате чего производитель не получает прибыль. Такой вид контрафакта можно назвать неучтенным товаром.

2. Когда подделка некачественная, то, помимо материального вреда, наносится еще и моральный вред, т.к. при этом наносится еще урон и репутации производителя [6].

В Уголовном кодексе РФ нет отдельной статьи за фальсификацию товаров или продажу контрафактной продукции. В связи с этим, подобные действия попадают в разряд схожих по своему характеру правонарушений: мошенничество, незаконное предпринимательство, обман покупателя и незаконное использование товарного знака. Несмотря на то, что термины «фальсификация» и «контрафакция» достаточно широко применяются в научной и практической деятельности, на законодательном уровне они не закреплены. Как результат, существуют значительные пробелы в российском законодательстве, мешающие осуществлять эффективную защиту потребительского рынка от фальсифицированной, контрафактной и зачастую некачественной продукции. В таблице 1 представлена статистическая информация, отражающая динамику состояния потребительского рынка за 2005–2019 гг в части выявления присутствия на нем некачественных товаров отечественного и импортного производства.

Данные таблицы наглядно демонстрируют динамику развития ситуации с взятием проб и последующим изъятием из оборота некачественной, в т.ч., фальсифицированной и контрафактной продукции.

На начало анализируемого периода (2005 г.) более половины швейных изделий, реализуемых на потребительском рынке РФ, являлись некачественными, причем как отечественного, так и импортного производства примерно в равных долях (52 % и 56 % соответственно). Высока доля фальсификата и в группе обувных товаров (среди обуви отечественного производства – таковых было 37 %, среди импортных – 49 %). Группа синтетических моющих средств являлась одним из лидеров по количеству некачественного товара, большая доля приходилась на данные товары импортного производства – 57 %.

Среди продовольственных товаров наибольшее количество некачественных импортных товаров было выявлено по таким группам, как крупы – 54 % и рыбная продукция 44 %. Далее следовала группа мебельных товаров, некачественными среди которых был признан 41 % как отечественной, так и зарубежной продукции. Среди фальсификата парфюмерно-косметических товаров преобладали товары отечественного производства – 30 %.

По оценкам экспертов, более половины товаров, реализуемых на потребительском рынке в анализируемый период, были некачественными или поддельными. Основным поставщиком некачественных и поддельных товаров был признан Китай. Однако, на конец 2019 г. ситуация резко изменилась. Процент некачественных товаров, обнаруженных в результате проверок, значительно сократился, особенно, среди импортных товаров. Среди отечественных наибольшая доля некачественных товаров приходилась на швейные изделия, мясные и кондитерские товары (9 %, 8 % и 7 % соответственно).

Качество товаров, поступивших на потребительский рынок РФ (по данным Роспотребнадзора),
в % от количества отобранных образцов (проб) в каждой товарной группе [4]

Группа товаров	2005		2010		2015		2019	
	Отеч	Имп	Отеч	Имп	Отеч	Имп	Отеч	Имп
Продукты питания								
Мясо и мясо птицы	14	9	8	6	5	3	8	0
Колбасные изделия	6	4	7	2	3	2	2	0
Консервы мясные	9	3	3	5	0	0	2	0
Продукция рыбная пищевая	4	44	12	15	8	19	3	0
Цельномолочная продукция	4	5	7	4	6	3	1	0
Изделия макаронные	13	3	1	0	1	0	0	0
Крупа	17	54	6	2	1	1	2	–
Мука	7	6	5	0	1	0	0	0
Изделия кондитерские	7	14	9	7	4	6	7	0
Масло животное	2	5	6	0	4	0	2	0
Масла растительные	9	4	1	0	0	0	1	0
Сыры	2	6	3	2	2	5	3	0
Алкогольные напитки и пиво								
Водка и ликероводочные изделия	6	1	4	1	3	0	0	0
Вина виноградные и плодовые	2	5	9	4	2	2	1	1
Вина шампанские и игристые	1	1	0	0	0	1	–	–
Коньяки	5	6	7	4	1	0	0	0
Пиво	9	4	4	4	4	8	2	0
Непродовольственные товары								
Изделия швейные	52	56	38	58	11	6	9	4
Обувь кожаная	37	49	11	87	15	14	5	4
Средства моющие синтетические	8	57	2	0	6	1	1	0
Парфюмерия и косметика	30	19	12	24	1	4	3	1
Телевизоры	14	15	4	12	2	5	0	0
Стиральные машины	8	26	12	11	1	8	0	1
Холодильники	10	13	4	13	1	1	0	0
Мебель	41	41	20	40	17	30	5	2

Государством был принят комплекс мер по борьбе со сбытом некачественной продукции. Как показала практика, наиболее эффективными мерами государственного регулирования стали: введение акцизных марок на алкоголь; создание информационной базы по лекарственным средствам; чипирование меховых изделий; штриховое кодирование обувных товаров и некоторые другие.

На сегодняшний день, основными проблемами, препятствующими расширению борьбы с различного рода фальсификациями на потребительском рынке России являются:

– отсутствие четкой нормативно-правовой базы по вопросам фальсификации товаров;

– ненадлежащий контроль за качеством реализуемых потребительских товаров;

– существующие штрафы и наказания за производство и реализацию некачественных товаров минимальны и не адекватны наносимому моральному и материальному ущербу.

Всевозможные меры по защите продукции от фальсификации должны быть экономически целесообразными. Поэтому для более сложных и дорогостоящих товаров существует множество способов защиты, в отличие от недорогих товаров. Для таких товаров главный критерий выбора потребителями – это цена, а любая технология защиты будет способствовать увеличению их стоимости.

Поэтому о защите товаров, являющихся социально-значимыми и жизненно-необходимыми, должно прежде всего позаботиться государство.

Среди перспективных путей защиты товаров от фальсификации со стороны бизнеса, следует назвать:

информационные (размещение информации на сайтах компаний об основных признаках оригинальности выпускаемого товара и способах их защиты от подделки);

2) организационно-экономические (достаточно частая смена дизайна упаковки, затрудняющая подделку; отстаивание своих прав на использование товарного знака и пресечение несанкционированного его использования);

3) технологические (использование трудно воспроизводимых способов защиты в т.ч. нанесение голограмм на упаковку; создание информационной базы по товарам компании и содействие потребителям в организации проверки оригинальности данного товара).

В свою очередь, со стороны государства необходимо задействовать следующие основные группы методов противодействия фальсификациям:

правовые (разработка НПА, формирующих правовую базу по вопросам фальсификации; ужесточение наказаний за фальсификацию товаров;

лишение лицензии на осуществление деятельности при повторном выявлении фальсификации и др.);

2) информационные (широкомасштабная информационно-пропагандистская работа с населением по вопросам фальсификации; информирование и обучение способам выявления фальсификации);

3) технологические (создание единой информационной базы по различным товарам; нанесение на упаковку кодов, содержащих подробную информацию и описание товара и чипирование товаров; защита путем нанесения на упаковку специальных средств, например, типа голограмм);

4) организационно-экономические (создание эффективного механизма по отслеживанию обращений граждан по вопросам некачественных

товаров и оперативного реагирования; жесткий контроль за качеством товаров, реализуемых на отечественном потребительском рынке; повышение штрафов до значимых для бизнеса величин и др.).

Таким образом, в данной статье нами были рассмотрены основные понятия по проблеме фальсификации товаров, проанализирована статистическая информация о реализации некачественной продукции, выявлены вызванные этим проблемы на потребительском рынке России. А главное, был предложен ряд мер, способствующих борьбе с фальсификацией, как со стороны государства, так и со стороны бизнеса, применение которых на практике будет, по нашему мнению, способствовать дальнейшему насыщению потребительского рынка России качественными и недорогими товарами.

Литература:

1. *Дзахмишева И.Ш.* Идентификация и фальсификация непродовольственных товаров : учеб. пособие / Под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. И.Ш. Дзахмишевой. М. : Дашков и К°, 2013. 360 с. URL : <https://znanium.com/catalog/product/415020> (дата обращения 09.03.2021).

2. Законы, кодексы и НПА РФ. ФЗ № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 (в редакции от 13.07.2020) URL : https://legalacts.ru/doc/29_FZ-o-kachestve-i-bezopasnosti-piwevyh-produktov (дата обращения 10.03.2020).

3. *Нестеров А.В.* Фальсификация и контрафакция: экспертный аспект. Онлайн библиотека оценщиков. URL : http://www.labrate.ru/articles/nesterov_article_2001_contrafactio.htm (дата обращения 09.03.2020).

4. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. Качество товаров, поступивших на потребительский рынок. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/23457> (дата обращения 09.03.2020).

5. *Король А.Н.* Товарные экспертизы на российском рынке продуктов питания : учеб. пособие / А.Н. Король, Н.В. Червова. Хабаровск : Изд-во ТОГУ, 2015. 83 с.

6. *Ивашкин М.В.* Маркетинговое управление фирмой : учеб. пособие / М.В. Ивашкин. Изд-во ТОГУ, 2012. 101 с.

Literature:

1. *Dzakhmishева I.Sh.* Identification and falsification of non-food products : manual / Ed. by doctor of econ., Professor I.Sh. Dzakhmishева. M. : Dashkov and K°, 2013. 360 p. URL : <https://znanium.com/catalog/product/415020> (date of application 09.03.2021).

2. Laws, codes and regulations of the Russian Federation. Federal Law № 29-FZ «On the quality and safety of food products» dated 02.01.2000 (as amended on 13.07.2020) URL : https://legalacts.ru/doc/29_FZ-o-kachestve-i-bezopasnosti-piwevyh-produktov (date of application 10.03.2021).

3. *Nesterov A.V.* Falsification and counterfeiting: an expert aspect. Online library of appraisers. URL : http://www.labrate.ru/articles/nesterov_article_2001_contrafactio.htm (date of application 09.03.2021).

4. Federal State Statistics Service. Official site. The quality of goods entering the consumer market. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/23457> (date of application 09.03.2021).

5. *Korol A.N.* Commodity expertise in the Russian food market : manual / A.N. King, N.V. Chervova. Khabarovsk : PNU Publishing House, 2015. 83 p.

6. *Ivashkin M.V.* Marketing management of the company : manual / M.V. Ivashkin. Publishing house of PNU, 2012. 101 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.03.2021
Подписано в печать 26.03.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,0
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 61

e-mail: id.yug2016@gmail.com